

VII.

Взглядъ на Учредительное собраніе.—Его составъ.—Одѣнка деклараціи правъ чело-
вѣка.—Содѣйствіе Учредительнаго собранія общему дѣлу.—Разборъ этого дѣла.—
Положеніе, созданное имъ для королевскаго сана.—Безсиліе послѣдняго во время
крязиса.—Необходимость переходной республики.—Общія соображенія.

1.

Учредительное собраніе отреклось отъ своего дѣла среди бури. Въ лицѣ
его являлось, безъ сомнѣнія, наиболѣе величественное собраніе людей, какое
когда-нибудь представляла не только Франція, но и все челоуѣчество. Оно
было по-истинѣ вселенскимъ соборомъ новѣйшей философіи и разума. Казалось,
природа нарочно создала для этого дѣла, а различные классы общества исклю-
чительно для него сберегли геніальности, характеры и даже пороки, наиболѣе
способные дать этому очагу современнаго просвѣщенія величіе, блескъ и дви-
женіе, свойственные пожару, которому суждено поглотить развалины древняго
общества и освѣтить общество новое. Здѣсь были и мудрецы, въ родѣ Вальи
и Мунье, и мыслители, какъ Сійесъ, и агитаторы, какъ Барнавъ, и государ-
ственные люди, какъ Талейранъ, люди эпохи, какъ Мирабо, и люди принципа,
какъ Робеспьеръ. Каждая партія имѣла своего представителя изъ числа луч-
шихъ людей, какіе были въ ея рядахъ. Самыя жертвы здѣсь были также
знамениты. Казалось, Малуэ, Мори, въ порывахъ горестнаго краснорѣчія,
откликались на послѣдовательное паденіе трона, аристократіи и духовенства.
Учредительное собраніе, живое горнило мысли своего вѣка, во все время своего
существованія, поддерживалось вѣяніемъ непрерывныхъ политическихъ бурь.
Пока внутри собранія разсуждали, внѣ его дѣйствовалъ и какъ бы стучался
къ нему въ двери народъ. Эти 26 мѣсяцевъ совѣщаній были, въ сущности,
однимъ непрерывнымъ возстаніемъ. Едва учрежденіе рухнуло на трибунѣ, какъ
уже нація его выметала, чтобы дать мѣсто новому учрежденію. Гнѣвъ народа
былъ ничѣмъ инымъ, какъ нетерпѣніемъ его при видѣ препятствій,—а изступ-
леніе народное было лишь разумомъ, одушевленнымъ страстью. Даже разъярен-
ный, народъ всегда побуждался только истиною. Трибуны — если и могли его
совратить, то не иначе, какъ путемъ ослѣпленія. Стремленіе къ идеалу было
исключительнымъ характеромъ Учредительнаго собранія и оно чувствовало себя
побуждаемымъ неодолимою силою выполнить такое призваніе. Это было про-
явленіемъ вѣчной вѣры въ разумъ и справедливость, — святымъ рвеніемъ къ

добрѣ, заставлявшимъ собраніе жертвовать собою своему дѣлу подобно тому ваятелю, который, видя, что огонь печи, гдѣ онъ плавиль бронзу, готовъ погаснуть, побросалъ туда свою мебель, постель своихъ дѣтей и, наконецъ, сталь ломать свой домъ, соглашаясь лучше погибнуть самъ, лишь бы только не погибло его дѣло.

Вотъ почему революція, произведенная Учредительнымъ собраніемъ, сдѣлалась эрою человѣческаго разума, а не только событіемъ изъ исторіи народа. Люди этого собранія не были французами, это были люди всего міра. Видѣть между ними только священниковъ, аристократовъ, плебеевъ, вѣрныхъ подданныхъ, мятежниковъ и демагоговъ — значитъ непонимать ихъ и умалять ихъ значеніе. Эти люди были въ дѣйствительности и сами считали себя за нѣчто лучшее: за дѣлателей провидѣнія, призванныхъ имъ для возстановленія соціального разума въ человѣчествѣ, для установленія права и справедливости по всей вселенной. Никто изъ нихъ, за исключеніемъ противниковъ революціи, не ограничивалъ свою мысль предѣлами Франціи. Доказательствомъ тому служитъ декларация правъ человѣка. Это былъ декалогъ человѣческаго рода на всѣхъ языкахъ. Новѣйшая революція призывала и евреевъ и язычниковъ къ дѣлежу свѣта и къ царству братства.

2.

Потому и между апостолами революціи не было ни одного, который бы не провозглашалъ мира между народами. Мирабо, Лафайетъ, самъ Робеспьеръ — изгладили войну изъ того символа, который они предлагали націи. Тѣ, которые потомъ требовали войны, были люди партіи и честолюбцы; они не принадлежали къ числу великихъ революціонеровъ. Когда война вспыхнула, революція выродилась. Учредительное собраніе остереглось ставить границы Франціи предѣлами новыхъ истинъ и замыкать симпатическій духъ французской революціи въ узкомъ патріотизмѣ. Отечествомъ ея догматовъ былъ весь земной шаръ. Франція была только мастерской, гдѣ революція работала для всѣхъ народовъ. Къ вопросу о національныхъ территорияхъ революція относилась съ уваженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ индифферентно и съ перваго своего слова устранила мысль о завоеваніяхъ. Революція оставила себѣ только право собственности или скорѣе избрѣтенія на тѣ общія истины, которыя ею были освѣщены. Всемирная, какъ человѣчество, она не была настолько эгоистична, чтобы изолироваться. Она хотѣла давать, а не отнимать, хотѣла распространяться путемъ права, а не силы. Совершенно проникнутая спиритуализмомъ, она не хотѣла для Франціи другого господства, кромѣ добровольнаго господства надъ человѣческимъ разумомъ, въ силу подражанія.

Дѣло революціи было изумительно, средства ничтожны. Собраніе предпринимаетъ и совершаетъ все, что внушаетъ ему энтузіазмъ, безъ короля, безъ военнаго вождя, безъ диктатора, безъ арміи, безъ другой силы, кромѣ убѣжденія. Одинокое среди удивленнаго народа, деморализованной арміи, эмигрировавшей аристократіи, лишеннаго правъ духовенства, враждебнаго двора, — среди города, волнуемаго возстаніемъ, — среди вооруженной Европы, собраніе совершило то, на что рѣшилось: до такой степени воля составляетъ истинное

могущество народа, до такой степени истина является неодолимымъ союзникомъ людей, которые встають за нее. Если когда-нибудь проявлялось вдохновеніе въ пророкѣ или въ древнемъ законодателѣ, то можно сказать, что Учредительное собраніе обладало двумя годами непрерывнаго вдохновенія. Франція была вдохновлена цивилизаціей.

3.

Раземотримъ дѣло собранія. Принципъ власти находился вовсе не на своемъ мѣстѣ. Королевскій санъ прежняго времени дошелъ до увѣренности, что хранилище власти принадлежало ему въ собственность. Онъ требовалъ у религіи освященія своей узурпаціи въ глазахъ народовъ, сказавъ имъ, что власть исходила отъ Бога и только предъ Богомъ была отвѣтственна. Продолжительная преемственность коронованныхъ расъ породила мысль о томъ, что право на царствованіе находится въ королевской крови. Правленіе, вмѣсто должности, сдѣлалось владѣніемъ; король, вмѣсто главы, повелителемъ.

Смѣщеніе этого принципа съ прежняго мѣста перевернуло все. Народъ сдѣлался націей, король — коронованнымъ должностнымъ лицомъ. Феодализмъ (второразрядное королевское достоинство) упалъ до уровня простой собственности. Духовенство, обладавшее неприкосновенными институціями и имуществами, сдѣлалось не болѣе, какъ корпораціей, оплачиваемой государствомъ за священнослуженіе. Отсюда недалеко было и до того, чтобы духовенство стало получать только добровольную плату за личную службу. Магистратура перестала быть наследственной; чтобы оградить ея независимость, ей оставили несмѣняемость. Это полу-самодержавіе правосудія было исключеніемъ изъ принципа смѣняемыхъ должностей; но вмѣстѣ съ тѣмъ было и шагомъ къ истинѣ. Законодательная власть сдѣлалась раздѣльна отъ исполнительной. Нація въ свободно избранномъ собраніи постановляла свою волю. Исполнялъ ее король, наследственный и неотвѣтственный. Таковъ былъ весь механизмъ конституціи: народъ, король, министр. Но король, неотвѣтственный и слѣдовательно пассивный, очевидно, составлялъ лишь уступку привычкѣ, почетную фикцію уничтоженнаго королевскаго сана.

4.

Король не былъ болѣе властью, потому что имѣть власть значитъ хотѣть что-либо. Онъ не былъ и должностнымъ лицомъ, потому что такое лицо дѣйствуетъ и отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Король ни за что не отвѣчалъ. Онъ былъ только величественною бесполезностью въ конституціи. Уничтоживъ обязанности, оставили лицо, которое ихъ отправляло. Король имѣлъ только одинъ атрибутъ — отлагательное veto, которое состояло въ правѣ приостанавливать, въ теченіе трехъ лѣтъ, исполненіе декретовъ собранія. Онъ былъ легальною, но безильною помѣхою волѣ націи. Понятно, что Учредительное собраніе, вполнѣ убѣжденное въ излишество трона въ національномъ правительствѣ, поставило короля на вершинѣ своихъ учреждений только для того, чтобы удалить частныя честолюбія и чтобы королевство не называлось республикой. Единственною ролью такого короля было помѣшать истинѣ явиться

и просіять предъ глазами народа, привычнаго къ скипетру. Эта фикція или эта непослѣдовательность обходилась народу въ 30 милліоновъ ежегоднаго *liste civile*, не считая двора, постоянныхъ подозрѣній и неизбежной порчи, производимой этимъ дворомъ на органы націи. Вотъ истинный недостатокъ конституціи 1791 года. Она не была послѣдовательна. Королевскій санъ стѣснялъ конституцію. Все, что стѣсняетъ, вредитъ. Но мотивомъ этой непослѣдовательности было не столько заблужденіе относительно ея справедливости, сколько почтительное состраданіе къ старинному обаянію и великодушное умиленіе по отношенію къ расѣ, долгое время носившей корону. Еслибы родъ Бурбоновъ угасъ въ сентябрѣ 1791 г., то Учредительное собраніе навѣрное не избрало бы новаго короля.

5.

Между тѣмъ королевскій санъ 1791 года, очень мало различный отъ современнаго, могъ дѣйствовать цѣлый вѣкъ столь же успѣшно, какъ одинъ день. Ошибка всѣхъ историковъ состоитъ въ томъ, что они приписываютъ малую продолжительность дѣла Учредительнаго собранія именно недостаткамъ конституціи. Между тѣмъ, это дѣло и не имѣло главною цѣлью увѣковѣчить машину ненужнаго королевскаго сана, поставленнаго, изъ угожденія къ народу, среди механизма, котораго она вовсе не регулировала. Дѣломъ собранія было возрожденіе идей и правительства, смѣщеніе прежней власти, возстановленіе права, уничтоженіе всѣхъ видовъ рабства, даже умственнаго, эманципация совѣсти, созданіе администраціи; въ этомъ смыслѣ дѣло собранія продолжается до сихъ поръ и будетъ продолжаться, пока существуетъ имя Франціи. Недостатокъ конституціи 1791 г. не заключался въ томъ или другомъ ея постановленіи. Она погибла не потому, что королевское *veto* было отлагательнымъ, вмѣсто безусловнаго, не потому, что право мира и войны было отнято у короля и удержано за націей,—не потому, что конституція ставила законодательную власть въ одной палатѣ, а не раздѣляла ее между двумя; такіе мнимые недостатки находятся во многихъ другихъ конституціяхъ, и эти послѣднія существуютъ. Умаленіе королевской власти не было главною опасностью для монархіи 1791 года: это скорѣе составляло ея спасеніе, если она могла быть спасена.

6.

Чѣмъ больше предоставили бы власти королю и дѣйствія монархическому принципу, тѣмъ скорѣе пали бы король и принципъ, потому что тѣмъ болѣе возникло бы противъ нихъ недоуверіе и ненависти. Двѣ палаты, вмѣсто одной, не предохранили бы ничего. Такія раздѣленія власти имѣютъ цѣну лишь въ томъ случаѣ, если они получили окончательную санкцію, а эта послѣдняя возможна лишь когда они представляютъ собою дѣйствительныя силы, существующія въ націи. Революція, которую не остановили рѣшетки Версальскаго дворца, стала ли бы оказывать уваженіе этому метафизическому раздѣленію власти, по качеству ея, на два разряда?

Притомъ, гдѣ находились тогда и гдѣ бы можно было найти даже теперь

составные элементы для двухъ палатъ у націи, вся революція которой представляеть не что иное, какъ конвульсивное стремленіе къ единству? Если вторая палата демократична и пожизненна, то тогда демократія является въ двухъ лицахъ, но все-таки духъ у нея одинъ. Эта палата можетъ служить только къ тому, чтобы замедлять порывы или сломить единство народной воли. Если же вторая палата наследственна и аристократична, то предполагаетъ аристократію, заранѣе существующую и принятую націею. Гдѣ была такая аристократія въ 1791 г.? Гдѣ она теперь? Одинъ новѣйшій историкъ говоритъ: „въ дворянствѣ, въ признаніи общественныхъ неравенствъ“. Но революція именно поставила себя противъ дворянства и имѣла цѣлью сгладить наследственные социальныя неравенства. Это значило бы требовать у революціи, чтобы она сама сдѣлалась антиреволюціонною. Сверхъ того, такое мнимое раздѣленіе власти всегда бываетъ фикціей: въ дѣйствительности, власть никогда не дѣлится. Она всегда бываетъ или здѣсь или тамъ, дѣйствительно и всецѣло: она не дѣлима. Она подобна волѣ, — *едина* или не существуетъ вовсе. Если установлены двѣ палаты, то власть принадлежитъ одной изъ нихъ; другая слѣдуетъ за ней или распускается. Если установлены одна палата и король, то власть бываетъ или у короля или у палаты: у короля, если онъ подчиняетъ себѣ собраніе силою или подкупомъ, — у палаты, если она волнуетъ народный духъ и устрашаетъ дворъ и армію вліяніемъ слова и силою общественного мнѣнія. Кто этого не видитъ, тотъ довольствуется пустыми словами. Въ этомъ такъ называемомъ равновѣсіи власти всегда существуетъ центр тяжести; равновѣсіе — не что иное, какъ химера. Если бы оно когда-нибудь существовало, то произвело бы только неподвижность.

7.

Итакъ, сознаніе Учредительнаго собранія было дѣломъ хорошимъ, умнымъ и настолько прочнымъ, сколько бываютъ прочны учрежденія народа, который занятъ работою переходнаго времени. Конституція 1791 года записала въ себя все истины своего времени и выразила въ себѣ весь человѣческій разумъ своей эпохи. Въ ея созданіи все было вѣрно, кромѣ королевскаго достоинства; у конституціи была только одна вина, — та, что храненіе конституціоннаго кодекса было ввѣрено монархіи.

Мы видѣли, что самая эта ошибка состояла въ избыткѣ почтенія. Собраніе отступило предъ отнятіемъ трона у фамилии своихъ королевей, — удержало предразсудокъ прошлаго, не вѣря въ него, — хотѣло примирить республику и монархію. Въ намѣреніи — это было добродѣтельно, въ результатахъ — ошибкою; въ политикѣ бываетъ преступно добиваться невозможнаго. Людовикъ XVI былъ единственнымъ человѣкомъ въ цѣлой націи, которому нельзя было ввѣрить конституціонный королевскій санъ, потому у него же отняли монархію; конституція была раздѣленнымъ королевскимъ достоинствомъ, а онъ обладалъ цѣлымъ всего нѣсколько дней тому назадъ. Для всякаго другого человѣка такой санъ былъ бы подаркомъ, и только для него — оскорбленіемъ.

Если Людовикъ XVI и былъ способенъ къ такому отреченію отъ верховной власти, которое создаетъ героевъ безкорыстія (а онъ такимъ былъ), то

лишенныя прежняго вѣса партіи, которыхъ онъ считался естественнымъ главою, вовсе не были къ тому способны: акта высшаго безкорыстія еще можно ждать отъ добродѣтельнаго человѣка, но не отъ партіи, взятой въ массѣ. Партіи никогда не бывають великодушны; онѣ не отрекаются отъ своего, ихъ можно только искоренить. Героическія дѣйствія исходятъ изъ сердца, а партіи не имѣють сердца; у нихъ есть только интересы и честолюбіе. Корпорація представляетъ собою неумирающій эгоизмъ.

Духовенство, дворянство, дворъ, магистратура, всѣ злоупотребленія, вся гордость, всѣ неправды монархіи олицетворялись, несмотря на Людовика XVI, въ особѣ короля. Униженные въ немъ, они должны были желать подняться вмѣстѣ съ нимъ. Нація, сознававшая эту роковую солидарность между королемъ и контръ-революціей, не могла довѣряться королю, даже уважая человѣка; въ немъ она должна была видѣть соучастника всѣхъ заговоровъ противъ себя. Новички въ дѣлѣ свободы бывають столь же впечатлительны, какъ и недавніе обладатели богатства. Должна была возникнуть подозрительность; подозрѣніе неизбежно влекло за собою оскорбленія, оскорбленія—вражду, вражда—мятежи, мятежи—потрясенія и перевороты; минутный энтузіазмъ народа, искреннія уступки короля не могли ничего сдѣлать. Съ той и другой стороны положеніе становилось ложнымъ.

Если бы въ Учредительномъ собраніи было больше государственныхъ людей, чѣмъ философовъ, то оно поняло бы, что переходное состояніе невозможно подъ покровительствомъ полунизвергнутаго короля. Побѣжденнымъ не вѣряють охраненіе и управленіе тѣмъ, что у нихъ же завоевано. Дѣйствовать, какъ дѣйствовало Собраніе, значило толкать короля по роковому пути—къ измѣнѣ или къ эшафоту. Абсолютное рѣшеніе есть единственно-вѣрное въ минуту великихъ кризисовъ. Свойство генія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть принять вовремя такое крайнее рѣшеніе. Позволимъ себѣ сказать, что исторія, на нѣкоторомъ разстояніи, скажетъ когда-нибудь вмѣстѣ съ нами: былъ моментъ, когда Учредительное собраніе имѣло право выбирать между монархіей и республикой и въ этотъ моментъ должно было избрать республику. Въ томъ заключалось спасеніе революціи и ея законность. Недостатокъ рѣшимости у собранія означалъ недостатокъ благоразумія.

8.

Но, говорятъ намъ вмѣстѣ съ Барнавомъ: Франція страна монархическая какъ по своему географическому положенію, такъ и по характеру; затѣмъ немедленно начинается состязаніе между монархіей и республикой. Объяснимся:

Географія тутъ ни причемъ: Римъ и Карфагенъ не имѣли границъ, Генуя и Венеція не имѣли территорій. Не почва опредѣляетъ свойство народной конституціи, а время. Географическое возраженіе Барнава рушилось, годъ спустя, передъ чудесами, совершенными Франціей въ 1792 г. Она показала, достаточно ли было у республики единства и централизаціи, чтобы защитить континентальную національность. Воды и горы служатъ границами слабымъ; границей народовъ бывають люди. Оставимъ же въ покоѣ географію; соціальныя конституціи пишутся не геометрами, а государственнымъ людьми.

Нація обладаютъ двумя великими инстинктами, указывающими форму, которую имъ должно принять, сообразно тому моменту національной жизни, какого достигла нація: инстинктомъ самосохраненія и инстинктомъ возрастанія. Дѣйствовать или покоиться, идти или сидѣть, это два акта совершенно различные, которые вызываютъ собою у людей совершенно разнородныя положенія. То же самое бываетъ и съ націями. Монархія или республика въ точности соотвѣтствуютъ, по отношенію къ народу, потребностямъ этихъ двухъ противоположныхъ состояній: покоя или дѣятельности. Мы принимаемъ здѣсь слова — покой и дѣятельность въ самомъ безусловномъ смыслѣ, потому что бываетъ также покой въ республикахъ и движеніе въ монархіяхъ.

Если дѣло идетъ о томъ, чтобы сохраняться, размножаться, развиваться путемъ медленнаго и незамѣтнаго растительнаго процесса, которымъ народы обладаютъ, подобно крупнымъ растительнымъ организмамъ; если дѣло идетъ о сохраненіи гармоніи съ европейскою средою, объ охраненіи ея законовъ, обычаевъ, преданій, объ увѣковѣченіи мѣстныя и культовъ, о гарантіи собственности и благосостоянія, о предупрежденіи смутъ, волненій, мятежей, — то монархія очевидно здѣсь является болѣе способною, чѣмъ всякій другой государственный строй. Она охраняетъ въ нижнихъ слояхъ общества ту безопасность, которой желаетъ на верху его для себя самой. Она составляетъ порядокъ сколько по эгоизму, столько же и по своей сущности. Порядокъ есть жизнь монархіи, преданіе — ея догматъ, нація — ея наслѣдіе, религія — ея союзникъ, аристократія — ея ограда противъ нашествія народа. Она должна сохранить все это или погибнуть. Монархія составляетъ правительство благоразумія, потому что она въ то же время и правительство наиболѣе отвѣтственное. Имперія составляетъ ставку монарха. Тронъ вездѣ есть залогъ неподвижности. Возведенные на высоту боятся всякаго сотрясенія, ибо пасть значитъ утратить.

Итакъ когда нація имѣтъ достаточную территорию, когда законы ея тверды, интересы опредѣленны, вѣрованія освящены, культъ полонъ жизни, соціальныя положенія раздѣлены по степенямъ, администрація организована, тогда эта страна — монархическая вопреки морямъ, рѣкамъ и горамъ. Тогда нація отрывается отъ своихъ правъ и возлагаетъ на монархію обязанность предусматривать, желать и дѣйствовать вмѣсто нея. Для такихъ обязанностей это самое совершенное изъ правительствъ. Оно называется двумя именами, взятыми изъ самого общества: единство и наслѣдственность.

9.

Напротивъ, если народъ переживаетъ одну изъ такихъ эпохъ, когда ему нужно дѣйствовать напряженно всѣми силами, чтобы произвести въ себѣ или внѣ себя органическое преобразованіе, столь же необходимое народамъ, какъ теченіе необходимо рѣкамъ, — а также, если нужно дать исходъ сдавленнымъ силамъ, то республика въ подобный моментъ составляетъ обязательную и роковую форму для націи. Для внезапнаго, неодолимаго, конвульсивнаго дѣйствія соціального тѣла нужны руки и воля всѣхъ. Народъ дѣлается толпой и безъ порядка несетъ къ опасности. Только онъ одинъ можетъ удовлетворить кри-

зису. Какая другая рука, кромѣ руки цѣлаго народа, могла бы сдвинуть то, что онъ долженъ сдвинуть, смѣстить то, что онъ хочетъ разрушить, установить то, что онъ хочетъ основать? Монархія тутъ тысячу разъ разбила бы свой скипетръ. Нуженъ рычагъ, способный поднять тридцатимилліонную волю индивидуумовъ. Этимъ рычагомъ владѣть только одна нація. Она сама дѣлается и движущею силою, и точкою опоры, и рычагомъ.

10.

Нельзя требовать, чтобы законъ дѣйствовалъ противъ закона, преданіе — противъ преданія, установленный порядокъ — противъ установленного порядка. Это было бы равносильно требованію силы отъ слабости и самоубійства отъ жизни. Напрасно было бы также требовать отъ монархической власти выполненія такихъ перемѣнъ, въ которыхъ часто погибаетъ все и прежде всѣхъ самъ король. Такое дѣйствіе было бы противно смыслу монархіи: можетъ ли она его хотѣть?

Требовать отъ короля разрушенія господства религіи, которая его освящаетъ, — отнятія богатствъ у духовенства, которое ими владѣть въ силу того же божественнаго права, по которому и онъ самъ владѣть королевствомъ, — приниженія аристократіи, которая составляетъ возвышенную ступень трона, — ниспроверженія соціальной іерархіи, вѣнецъ которой составляетъ самъ король, — подрыванія законовъ, изъ которыхъ опять онъ самъ составляетъ самый высшій, — значило бы требовать отъ сводовъ зданія, чтобы они подрывали его основаніе. Король и не могъ бы и не захотѣлъ бы дѣлать это. Опрокинувъ, такимъ образомъ, все, что ему служить опорой, онъ знаетъ, что самому пришлось бы опереться на пустое пространство. Онъ рискуетъ своимъ трономъ и своей династіей. Онъ отвѣтственъ во имя своей расы. Онъ благороднѣе по натурѣ и медлителенъ по необходимости. Онъ долженъ быть снисходительнымъ, улаживать, терпѣть, договариваться со всѣми интересами. Онъ король культа, аристократіи, законовъ, обычаевъ, злоупотребленія и лжи имперіи. Самые недостатки конституціи составляютъ часть его силы. Угрожать имъ — значить губить себя. Онъ можетъ ихъ ненавидѣть, но не можетъ на нихъ нападать.

11.

При подобныхъ кризисахъ только республика оказывается удовлетворительною. Націи понимаютъ это и устремляются къ ней, какъ къ средству спасенія. Народная воля становится правительствомъ. Она устраняетъ боязливыхъ, ищетъ смѣльчаковъ; она призываетъ всѣхъ къ дѣлу, испытываетъ и пускаетъ въ ходъ или отвергаетъ всѣ силы, всю преданность, весь героизмъ. Это толпа, находящаяся у руля. Самая быстрая или самая твердая рука схватываетъ руль пока его не вырветъ кто-нибудь еще болѣе смѣлый. Тутъ *всѣ* управляютъ въ духѣ *всѣхъ*. Частныя соображенія, робость предъ даннымъ положеніемъ, различіе ранговъ — все исчезаетъ. Отвѣтственности нѣтъ ни для кого. Сегодня у власти, завтра въ изгнаніи или на эшафотѣ. Никто не имѣетъ завтрашняго дня; все живетъ однимъ днемъ. Спротивленіе подавляется неодолимою силою движенія. Все слабо, все преклоняется предъ народомъ. Вражда уничтоженныхъ кастъ,

лишенных значенія культовъ, обложенной налогами собственности, истребленныхъ злоупотребленій, униженной аристократіи—теряется въ общемъ шумѣ паденія стараго порядка. Кого винить за это? Нація отвѣчаетъ всеѣмъ за все. Никто не можетъ требовать у нея отчета. Она не переживаетъ себя, она пренебрегаетъ обвиненіями и мщеніемъ; она безусловна, какъ элементъ; она безыменна, какъ судьба; она совершаетъ свое дѣло и, когда оно кончено, говоритъ: „отдохнемъ и возьмемъ монархію“.

12.

Такая форма дѣйствія есть республика. Это единственная форма, приличная бурнымъ переходнымъ эпохамъ. Это—правительство страсти, кризисовъ, революцій. Пока революціи не закончились, инстинктъ народа стремится къ республикѣ; онъ понимаетъ, что всякая другая рука, кромѣ руки его самого, слишкомъ слаба, чтобы произвести тотъ импульсъ, который необходимъ въ данныхъ обстоятельствахъ. Народъ не полагается,—и онъ правъ,—на безответственную, вѣчную и наследственную власть, чтобы совершить то, что повелѣваетъ дѣлать эпоха. Народъ хочетъ самъ совершать свои дѣла. Диктатура народная кажется ему необходимою, чтобы спасти націю. А организованная диктатура народа не есть ли республика? Народъ не можетъ сдать своихъ полномочій, прежде чѣмъ минуютъ все кризисы и твореніе революціи сдѣлается неоспоримымъ, полнымъ и упроченнымъ. Тогда народъ можетъ опять принять монархію и сказать ей снова: „царствуй во имя идей, которыя я для тебя выработалъ?“

13.

Учредительное собраніе выказало, слѣдовательно, слабость и слѣпоту, не сдѣлавъ республику естественнымъ орудіемъ революціи. Мирабо, Бальи, Лафайетъ, Сійесъ, Барнавъ, Талейранъ, Ламетъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи какъ философы, а не какъ настоящіе государственные люди. Событія это доказали: эти люди думали, что революція кончена, какъ только она была написана,—думали, что монархія обращена къ новымъ идеямъ тотчасъ послѣ того, какъ она присягнула конституціи. Революція только начиналась, и присяга ей со стороны королевскаго сана была столь же ничтожною, какъ и обратная присяга революціи королевскому сану. Эти два элемента не могли считаться равнѣ, какъ чрезъ столѣтній промежутокъ: этимъ промежутокъ была республика. Народъ не переходитъ, въ теченіе одного дня или даже 50 лѣтъ, отъ революціоннаго движенія къ монархическому покою. Кризисъ потому и былъ такъ страшенъ, потому и волнуетъ Францію еще до сихъ поръ, что объ этомъ забыли въ ту минуту, когда слѣдовало помнить. Если бы революція, которая все еще продолжается, имѣла свойственное ей природѣ правительство—республику, то эта республика была бы менѣ бурною и тревожною, чѣмъ сдѣланныя съ тѣхъ оръ пять попытки монархіи. Свойство времени, пережитаго нами, протестуетъ противъ традиціонной формы власти. Въ эпоху движенія—правительство движенія,—таковъ законъ!

14.

Говорятъ: Національное собраніе не имѣло права провозгласить республику: оно присягало монархіи и признало Людовика XVI; оно не могло низвергнуть его съ трона, не сдѣлавъ преступленія! Такое возраженіе должно назвать дѣтскимъ, если оно исходитъ отъ людей, которые не вѣрятъ въ право династій на обладаніе народами. Учредительное собраніе съ самаго своего дебюта провозгласило неотчуждаемое право народовъ и законность необходимыхъ возстаній. Клятва въ Мячевомъ залѣ составляла, въ сущности, присягу на неповиновеніе королю и на вѣрность націи. Затѣмъ собраніе провозгласило Людовика XVI королемъ французовъ. Если оно признавало за собою право провозгласить его королемъ, то тѣмъ самымъ признавало за собою же и право провозгласить его простымъ гражданиномъ. Низложеніе во имя національной пользы и пользы человѣчества, очевидно, входило въ принципы собранія. Между тѣмъ, что оно дѣлаетъ? Оно оставляетъ Людовика XVI королемъ или возстановляетъ его въ этомъ достоинствѣ не изъ уваженія къ учрежденію королевскаго сана, но изъ состраданія къ особѣ короля и изъ умиленія предъ августѣйшимъ паденіемъ. Вотъ истина. Собраніе боялось святотатства и стремится къ анархіи. Это было милостиво, прекрасно, великодушно; Людовикъ XVI заслуживалъ того у народа. Кто можетъ злословить великодушную снисходительность? До отъѣзда короля въ Варенъ, абсолютное право націи было только отвлеченной фикціей, *summius jus* Собранія. Королевское достоинство Людовика XVI осталось фактомъ достойнымъ уваженія и уважаемымъ. Еще разъ, это было хорошо.

15.

Но наступила минута, когда Собраніе законнымъ образомъ приняло въ свои руки безусловное право располагать властью, которая была предана или покинута; это былъ моментъ бѣгства короля, выходящаго изъ королевства, протестующаго противъ народной воли и ищущаго опоры въ арміи и чужестранномъ вмѣшательствѣ. Предъ Собраніемъ открывались три пути: объявить низложеніе короля и провозгласить республиканское правленіе,—или провозгласить временное приостановленіе королевскаго сана и управлять отъ имени короля, пока продолжалось его нравственное омраченіе; наконецъ, немедленно возстановить королевское достоинство. Собраніе выбрало самый худшій путь. Боясь быть суровымъ, оно сдѣлалось жестокимъ, потому что, сохранивъ королю верховное положеніе, оно осудило его на казнь гнѣвомъ и презрѣніемъ его народа. Оно увѣнчало короля подозрѣніями и оскорбленіями. Оно пригвоздило его къ трону для того, чтобы тронъ сдѣлался орудіемъ его мученій и—наконецъ—смерти.

Изъ двухъ остальныхъ рѣшеній самымъ логическимъ и безусловнымъ было первое: провозгласить низложеніе и республику.

Если бы тогда республика была легально установлена Собраніемъ во всѣхъ своихъ правахъ и силѣ, то она сдѣлалась бы совершенно иною, чѣмъ та, которая была вырвана путемъ измѣны и ярости девять мѣсяцевъ спустя, во

время возстанія 10 августа. Конечно, не обошлось бы без волненій, неразлучныхъ съ зарождеиёмъ новаго порядка. Не избѣгли бы даже безпорядковъ, неминуемыхъ при первомъ движеніи въ странѣ, волнуемой самымъ величіемъ своихъ опасностей. Но тогда республика родилась бы изъ закона, а не изъ мятежа,—изъ права, а не изъ насилія, — изъ сужденія, а не изъ возстанія. Одно это уже переиѣнило бы зловѣщія условия ея существованія и будущности Республика должна была сдѣлаться волнующеюся, но могла остаться чистою.

Посмотрите, до какой степени все измѣнилось однимъ фактомъ легальнаго и обдуманнаго провозглашенія республики. 10 августа не существовало бы; вѣроломство и тираннїи парижской коммуны, убійства стражи, разграбленіе дворца, бѣгство короля въ Собраніе, оскорбленія, какія его постигли тамъ,—наконецъ его заточеніе на Тамплѣ,—все это можно было устранить. Республика не умертвила бы короля, королеву, невиннаго ребенка, добродѣтельную принцессу. Не было бы сентябрьскихъ убійствъ, этой Варооломеевской ночи народа, которая запятнала навсегда колыбель свободы. Республика не была бы окрещена кровью трехсотъ тысячъ жертвъ. Она не вложила бы въ руки революціоннаго трибунала народный топоръ, при помощи котораго принесено было въ жертву цѣлое поколѣніе, чтобы очистить мѣсто для идеи. Республика не имѣла бы своего 31 мая. Жирондисты, достигнувъ власти незапятнанными, обладали бы гораздо большею силою для борьбы съ демагогіей. Республика, установленная хладнокровно, вовсе не такъ утѣшила бы Европу, какъ смута, узаконенная насиліемъ и убійствами. Войны можно было бы избѣгнуть или, въ случаѣ неизбежности войны, она была бы ведена съ большимъ единодушіемъ и торжествомъ. Французскіе генералы не были бы убиваемы своими солдатами при вопляхъ измѣны. Духъ народовъ сражался бы на нашей сторонѣ, и ужасы августовскихъ, сентябрьскихъ и январскихъ дней не оттолкнули бы отъ французскихъ знаменъ народы, которыхъ привлекли наши теорїи. Вотъ какимъ образомъ единственная переиѣна, сдѣланная при происхожденіи республики, измѣнила бы судьбу революціи.

16.

Но если нравы Франціи чуждались еще рѣзкости такого рѣшенія, и если Собраніе боялось, что зарождеиіе республики преждевременно, то ему оставался третій путь: провозгласить временное упраздненіе королевскаго сана на десять лѣтъ, оставить короля въ запасѣ и управлять по-республикански, но отъ его имени, до несомнѣннаго и несокрушимаго утвержденія конституціи. Это рѣшеніе спасало все, даже въ глазахъ людей слабыхъ: уваженіе къ королевскому сану, жизнь короля, дни королевскаго семейства, право народа, невинность революціи. Оно въ одно и то же время отличалось бы твердостью и спокойствіемъ, цѣлесообразностью и легитимностью. Это была бы диктатура и притомъ такая, инстинктъ которой имѣли всѣ народы въ критическія эпохи своего существованія. Но вмѣсто кратковременной, боязливой, тревожной, честолюбивой диктатуры одного, — это была бы диктатура цѣлой націи, управляемой своимъ Національнымъ собраніемъ. Нація почти тельно удаляла бы королевскій санъ на десять лѣтъ, чтобы совершить самой

дѣло, превышающее силы короля. Когда это дѣло было бы окончено, когда вражда уже угасла бы, привычка установилась бы, законы получили бы силу, границы были бы прикрыты, когда духовенство было бы секуляризовано, аристократія подчинена,—тогда диктатура могла бы прекратиться. Король или его династія могли безопасно вступить на тронъ, отъ котораго самыя сильныя бури уже были бы устранены. Эта фактическая республика приняла бы имя конституціонной монархіи, ничего не измѣняя. Статую королевскаго сана можно было поставить на вершину, когда пьедесталь былъ бы упроченъ. Подобный актъ можно назвать консульствомъ народа, неизмѣримо болѣе высокимъ, чѣмъ консульство человѣка, который долженъ былъ кончить опустошеніемъ Европы и двойною узурпаціей—трона и революціи.

Или, если, по минованіи этой національной диктатуры, хорошо управляемая нація признала бы возстановленіе трона опаснымъ или бесполезнымъ, кто помѣшалъ бы ей сказать міру: „то, что я приняла, какъ диктатуру, освящаю, какъ окончательное правленіе. Я провозглашаю французскую республику, какъ единственное правительство, удовлетворяющее энергіи эпохи возрожденія, потому что республика—не что иное, какъ постоянная и организованная диктатура народа. Къ чему же тронъ? Я на ногахъ. Это поза народа, который находится на работѣ!“

Короче, Учредительное собраніе, мысль котораго освѣтила міръ, а смѣлость въ два года преобразовала государство, ошиблось только въ одномъ при концѣ своего дѣла,—въ томъ, что предалось отдыху. Онъ должно было продолжаться безрочно, а между тѣмъ отреклось отъ своихъ обязанностей. Нація которая отрекается послѣ двухлѣтней власти, находясь на развалинахъ прошлаго, завѣщаетъ свой скипетръ анархіи. Король не могъ, нація не хотѣла болѣе царствовать: наступило царство партій. Революція погибла не потому, что слишкомъ многого хотѣла, но за то, что не обладала достаточною смѣлостью. Вполнѣ справедливо, что боязливость націй не менѣе гибельна, какъ и слабость королей,—и что народъ, который не умѣетъ взять и сохранить все то, что ему принадлежитъ, соблазняетъ собою въ одно и то же время и тираннію и анархію! Собраніе рѣшилось на все, кромѣ господства. Господство революціи могло называться только республикой. Собраніе предоставило это имя партіямъ и эту форму террору. Въ томъ состояла его ошибка. Оно искупило ее, но для Франціи искупленіе этой ошибки еще не кончилось.

VIII.

Король старается утвердиться.—Средства, употребляемые имъ для этого.—Первыя сходки патриотовъ-республиканцевъ.—Г-жа Роланъ—центръ этихъ сходокъ.—Личность г-жи Роланъ.—Ея жизнь.—Ея бракъ.—Ла-Платьеръ.—Описание.—Г. и г-жа Роланъ въ Парижѣ.—Ихъ связи съ людьми народной партіи.

1.

Пока король, уединенный на вершинѣ конституціи, искалъ себѣ опоры то въ опасныхъ переговорахъ съ чужеземцами, то въ неблагоразумныхъ попыткахъ подкуповъ внутри,—въ то время нѣкоторые люди,—частью жирондисты, частью якобинцы, слитые еще въ общемъ наименованіи патриотовъ,—начали сходиться и составлять ядро великой республиканской партіи: это были Петіонъ, Робеспьеръ, Бриссо, Бюзо, Верньо, Гаде, Жансонне, Кара, Луве, Дюко, Фонфредъ, Дюперре, Силлери-Жанлис и нѣкоторые другіе, имена которыхъ не вышли изъ неизвѣстности.

Центромъ этого собранія была гостиная молодой женщины, дочери гравера съ набережной *des orgèvres*. Здѣсь-то двѣ величайшія партіи революціи,—Жиронда и Гора,—встрѣтились, соединились, раздѣлились и, завоевавъ власть, ниспровергнувъ общими силами монархію, своими взаимными раздорами разодрали нѣдра своего отечества и, наконецъ во взаимной рѣзні, погубили свободу. Не честолюбіе, не богатство, не знаменитость привлекали этихъ людей къ женщинѣ, не имѣвшей тогда ни вѣса, ни роскоши, ни имени: привлекало сходство въ мнѣніяхъ, сближалъ тотъ культъ, который избранные умы любить—не только тайно, но и публично—воздавать новой философіи, общающей людямъ счастье; это было невидимое притяженіе, какимъ обладаетъ одинаковость вѣры,—общеніе первыхъ неопитовъ, при которомъ всеми сознается потребность нравственнаго соединенія, прежде чѣмъ начать дѣйствовать сообща. Пока общія мысли между людьми политическаго міра не нашли своего центра, въ которомъ онѣ оплодотворяются и организуются вслѣдствіе соприкосновенія, до тѣхъ поръ ничто еще не совершилось. Революціи заключаются въ идеяхъ; это-то общеніе идей и составляетъ партіи.

Пылкая и вмѣстѣ съ тѣмъ чистая душа женщины была достойна сдѣлаться центромъ, въ которомъ сходились все лучи новой истины, оплодотворяясь жаромъ ея сердца и своимъ пламенемъ сжигая отжившія политическія учрежденія. Мужчина можетъ обладать гениемъ истины, но только женщина имѣетъ страсть

къ истинѣ. Въ основѣ каждаго созданія должна находиться любовь; истина, подобно природѣ, какъ бы имѣть два пола. Женщина стоитъ при началѣ всѣхъ великихъ событій; женщина нужна была и для осуществленія принципа революціи. Можно сказать, что философія нашла такую женщину въ лицѣ г-жи Роланъ.

Историкъ, увлекаемый движеніемъ рисуемыхъ имъ событій, долженъ остановиться предъ этой строгой и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательной фигурой, какъ останавливались прохожіе, чтобы разсмотрѣть ея возвышенныя черты и ея бѣлое платье на той погребальной телѣгѣ, которая везла тысячи жертвъ, осужденныхъ на смерть. Чтобы понять эту женщину, надобно за ней прослѣдить отъ мастерской ея отца до ступеней эшафота. По отношенію къ женщинѣ, въ особенности, зародышъ добродѣтели кроется въ сердцѣ; вообще же почти всегда разъясненіе жизни общественной должно искать въ жизни частной.

2.

Молодая, прекрасная, блистающая талантами, вышедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ замужъ за суроваго человѣка, который уже перешагнулъ зрѣлый возрастъ, мать перваго ребенка, г-жа Роланъ по происхожденію принадлежала къ тому промежуточному общественному классу, въ которомъ семья, едва только достигшая нѣкоторой самостоятельности путемъ труда, все еще находится какъ бы въ положеніи амфибіи между пролетаріатомъ и буржуазіей и сохраняетъ въ своихъ нравахъ добродѣтели и простоту народа, участвуя уже въ просвѣщеніи, доступномъ высшимъ слоямъ общества. Въ эпохи паденія аристократіи возрождается дѣлая нація. Въ томъ заключается ея крѣпость.

Такого же происхожденія былъ и Жанъ-Жакъ-Руссо, мужской типъ, соотвѣтствующій г-жѣ Роланъ. Портретъ ея изъ временъ дѣтства представляетъ молодую дѣвушку въ мастерской ея отца—съ книгой въ одной рукѣ, съ граверскими инструментами—въ другой. На этомъ портретѣ символически выражается социальное положеніе, въ которомъ родилась г-жа Роланъ, ровно на срединѣ между трудомъ рукъ и трудомъ мысли.

Отецъ ея, Грасьенъ-Филипонъ, былъ граверъ и живописецъ на эмали. Къ этимъ двумъ занятіямъ онъ присоединялъ торговлю алмазами и драгоценными камнями. Это былъ человѣкъ, постоянно стремившійся подняться выше, чѣмъ позволяли его силы, промышленный авантюристъ, который губилъ свое скромное состояніе, желая увеличить его соразмѣрно своимъ мечтамъ и своему честолюбію. Онъ обожалъ свою дочь и не довольствовался для нея перспективою мастерской. Онъ давалъ ей воспитаніе, свойственное очень богатымъ людямъ, а природа одарила ее сердцемъ, предназначеннымъ для великой судьбы. Понятно, сколько химеръ, тревогъ и несчастій подобные характеры вносятъ въ свою внутреннюю жизнь.

Молодая дѣвушка росла въ этой атмосферѣ умственной роскоши и фактическаго разоренія. Одаренная раннею пронциательностью, она уже понимала эти семейныя неурядицы; въ здоровомъ смыслѣ своей матери она искала убѣжища противъ иллюзій отца и противъ предчувствій будущаго.

Мать ея, Маргарита Бимонъ, принесла своему мужу красоту и характеръ,

также стоявшій выше ея судьбы; ангельская доброта и внушаемое ею самоотверженіе предохраняли эту женщину и отъ честолюбія и отъ отчаянія. Мать еемерныхъ дѣтей, которыя всё были вырваны изъ ея объятій смертью, она сосредоточила на единственной дочери всю силу своей любви. Но самая эта любовь гарантировала г-жу Бимонъ отъ всякой слабости въ томъ воспитаніи, которое она давала своему ребенку. Сердце и интеллектъ, воображеніе и разумъ были у нея въ строгомъ равновѣсіи. Форма, въ которую она опустила это молодое существо, была граціозна, но тверда, какъ мѣдь. Казалось, эта женщина заранѣе предвидѣла судьбу своего ребенка и ко всёмъ дарованіямъ молодой дѣвушки старалась привить ей нѣчто мужественное, — такое свойство характера, которое дѣлаетъ людей героями и мучениками.

Природа этому изумительно содѣйствовала. Она дала молодой дѣвушкѣ умъ, который былъ еще выше ея красоты. Красота первыхъ лѣтъ, главныя черты которой набросала сама г-жа Роланъ, съ дѣтскою снисходительностью, на свѣтлыхъ страницахъ своихъ мемуаровъ, еще была далека отъ характера энергіи, меланхоліи и величія, который позже сообщили ей сдержанная любовь, мышленіе, свойственное мужчинѣ, и несчастіе.

Высокая и гибкая талія, сглаженные плечи, широкая грудь, поднимаемая свободнымъ и сильнымъ дыханіемъ, — скромная и приличная поза, — контуръ шеи, показывающій неустрашимость, — черные, гладкіе волосы, — голубые глаза, омрачаемые тѣнью мысли, — взглядъ, который переходилъ отъ нѣжности къ энергіи, — довольно большой ротъ, открытый и для улыбки и для слова, — блестящіе зубы, возвышенный и закругленный подбородокъ, придающій контурамъ цѣлой фигуры ту страстную и женственную грацію, безъ которой самая красота не внушаетъ любви, — кожа, какъ бы мраморная отъ прилива жизненныхъ красокъ, испещренная жилками крови, которая при малѣйшемъ впечатлѣніи неслаась на румяныя щеки, — звукъ голоса, который заимствовалъ свои оттѣнки у твердыхъ фибръ груди и глубоко переливался при движеніяхъ сердца (звукъ голоса, который у женщины служитъ для выраженія душевныхъ движеній, у оратора является проводникомъ убѣжденія: какъ женчинѣ и какъ оратору, природа должна была дать г-жѣ Роланъ драгоценный даръ, выражающійся въ прелести голоса, и дѣйствительно дала), — таковъ былъ въ 18 лѣтъ портретъ этой молодой дѣвушки, которую неизвѣстность долго покрывала своею тѣнью, какъ бы для того, чтобы подготовить къ жизни и къ смерти душу болѣе сильную и жертву болѣе совершенную.

3.

Умъ г-жи Роланъ освѣщалъ собою эту оболочку раннимъ и быстрымъ блескомъ, подобнымъ вдохновенію. Она стремилась къ самымъ труднымъ познаніямъ, разбирая ихъ, такъ сказать, по складамъ. Ее не удовлетворяло то, чему учатъ женчинъ въ ея возрастѣ. Мужское воспитаніе сдѣлалось для дѣвушки необходимою прелестью и вмѣстѣ съ тѣмъ игрушкой. Могучій умъ ея нуждался, для своей дѣятельности, во всёхъ орудіяхъ мысли. Религія, исторія, философія, музыка, живопись, танцы, точныя науки, химія, иностранные языки и языки ученые, — все это она изучала и ко всему этому стремилась. Она сама форми-

ровала свою мысль всеми лучами, какие только пропускались в лабораторию ее отца его безвестным положением. Она даже украдкой прятала книги которые приносились в мастерскую молодыми учениками и забывались там для нея. Жанъ-Жакъ-Руссо, Вольтеръ, Монтескье, англійскіе философы попали къ ней в руки подобнымъ образомъ. Но истинной пищей молодой дѣвушки былъ Плутархъ.

„Я никогда не забуду“, говорила она, „ночь 1763 г., когда я каждый день носила эту книгу в церковь, закрывая ее молитвенникомъ; съ этой минуты начинаются впечатлѣнія и идеи, которые меня сдѣлали республиканкою, хотя я тогда о томъ и не думала“. Послѣ Плутарха больше всего трогалъ ее сердце Фенелонъ. Затѣмъ слѣдовали Тассъ и поэты. Героизмъ, добродѣтель и любовь должны были разомъ проливаться изъ этихъ трехъ вазъ въ душу женщины, предназначенной именно къ такому тройному воспріятію великихъ впечатлѣній.

Среди пламени, поглощавшаго душу г-жи Роланъ, ее разумъ оставался холоденъ, а чистота—безукоризненна. Едва упоминаетъ она о мимолетныхъ, пугливыхъ движеніяхъ своихъ чувствъ и сердца. „Читая эти книги за ширмами, которые отдѣляли мою комнату отъ помѣщенія отца“, пишетъ она, „я чувствовала, что мое дыханіе учащается, внезапное пламя охватываетъ лицо, а измѣнившійся голосъ можетъ выдать мое волненіе. Я была Эвхаристою для Телемака, Герминією для Танкреда. Однакоже, вполне превращаясь въ нихъ, я не думала сама сдѣлаться чѣмъ-нибудь для кого бы то ни было. Къ себѣ я не обращалась, вокругъ себя ничего не искала; это былъ сонъ безъ пробужденія. Впрочемъ, помню, что съ волненіемъ встрѣчала я тогда молодого живописца Таборала, который приходилъ иногда къ моему отцу; ему было около двадцати лѣтъ, и притомъ кроткій голосъ, прелестное лицо; онъ красивѣлъ, какъ дѣвушка. Когда я узнавала, что онъ въ мастерской, то всегда находила надобность войти туда за карандашемъ или за другимъ предметомъ; но такъ какъ присутствіе этого юноши столько же меня смущало, сколько было приятно, то я и выходила еще скорѣе, чѣмъ вошла; сердце мое сильно билось, я трепетала и скрывалась въ своемъ маленькомъ кабинетѣ“.

Хотя мать молодой дѣвушки была очень набожна, но не запрещала своей дочери такое чтеніе, какимъ та занималась. Г-жа Бимонъ хотѣла вдохнуть дѣвушкѣ религію, а не навязывать ее путемъ приказаній; полная здраваго смысла и терпимости, она довѣрчиво предоставляла свою дочь ее собственному разуму и не хотѣла ни давить, ни изушать тѣ соки, которые впоследствии должны были принести плодъ въ этомъ сердцѣ. Подневольное, не искреннее исповѣданіе религіи казалось ей позоромъ и рабствомъ, которое не могло быть принято Богомъ, какъ приношеніе, недостойное Его. Задумчивая душа дѣвушки естественно стремилась къ этимъ великимъ цѣлямъ вѣчнаго счастья и несчастья; она должна была глубже всякой другой погрузиться въ безконечное. Царство чувства открылось въ ней любовью къ Богу. Высокія мечты благочестивыхъ созерцаній украсили первые годы ее юности, посвятили слѣдующіе годы философіи и, повидимому, должны были навсегда предохранить дѣвушку отъ бури страстей.

Дѣвушка отличалась пламенною набожностью; слѣдя своему душевному настроенію, она стремилась къ монашеской жизни и мечтала о мученичествѣ. Войдя въ монастырь, она тамъ на мгновеніе почувствовала себя счастливою, отдавала свою мысль мистицизму, а сердце первой дружбѣ. Монотонная правильность этой жизни незамѣтно усыпляла ея мыслительную дѣятельность. Въ свободные часы молодая дѣвушка не играла со своими подругами, а удалялась куда-нибудь подъ дерево читать и мечтать. Чуткая, какъ Руссо, къ красотѣ листы, къ шелесту травъ, къ аромату растений, она удивлялась рукѣ Божіей и благоговѣла передъ ней въ ея созданіяхъ. Переполненная внутреннею радостью и признательностью, она шла изливать ее въ церковь. Тамъ, величественные звуки органа, соединяясь съ голосами молодыхъ монахинь, окончательно приводили ее въ экстазъ. Католическая религія обладаетъ всякаго рода мистическимъ очарованіемъ чувствъ и услажденіемъ воображенія. Въ теченіе этого пребыванія дѣвушки въ монастырѣ одна послушница постриглась въ монахини.

Когда она предстала предъ рѣшеткой, одѣтая въ бѣломъ покрывальѣ, въ вѣнкѣ изъ розъ,—сладостное и спокойное пѣніе, которое вело ее отъ міра къ небу, похоронный покровъ, накинутый на ея погребаемую для свѣта красоту и на трепещущее сердце, привели въ трепеть молодую артистку: она залилась слезами. Судьба представляла ей въ будущемъ картины великихъ жертвъ. Дѣвушка уже заранѣе ощущала неразлучныя съ такими жертвами мужество и мученье.

4.

Прелесть этихъ религіозныхъ ощущеній и привычка къ нимъ никогда не изглаживались въ г-жѣ Роланъ. Философія, которая впоследствии сдѣлалась ея единственнымъ культомъ, разсѣяла вѣру, но оставила нетронутыми эти впечатлѣнія. Она не могла присутствовать безъ сочувствія и безъ уваженія при церемоніяхъ того культа, таинства котораго отвергались ея разумомъ. Мысль ея была тронута при видѣ слабыхъ людей, собравшихся вмѣстѣ, чтобы поклоняться общему Отцу. Музыка уносила ее къ небу. Она выходила изъ христіанскихъ храмовъ счастливѣе и лучше: такъ воспоминанія дѣтства отражаются и продолжаются въ болѣе дѣятельной жизни.

Это страстное стремленіе къ безконечному и набожное чувство къ природѣ продолжали оцѣплять г-жу Роланъ и по возвращеніи къ отцу. „Мѣстоположеніе отеческаго дома“, говорила она, „вовсе не обладало уединеннымъ спокойствіемъ монастыря. Однакоже, моему мечтательному и романическому воображенію оставалось еще много воздуха и большой просторъ, разстилавшійся съ высоты нашего жилища, близъ новаго моста. Сколько разъ, изъ моего окна, я смотрѣла съ волненіемъ на обширныя пустыни небесъ, на ихъ блестящій сводъ, лазуревый, великолѣпно разукрашенный, начиная съ голубоватаго востока,—далеко за мостомъ биржи,—и до заката, позолоченнаго угасающимъ пурпуровымъ блескомъ, позади деревьевъ Елисейскихъ полей и домовъ Шалю. Я непремѣнно проводила такимъ образомъ нѣсколько минутъ въ концѣ преледнаго дня; часто сладкія слезы текли изъ моихъ глазъ, между тѣмъ какъ сердце, сжимаемое необъяснимымъ чувствомъ, счастливое и признательное за

свое существованіе, возносило къ Верховному существу чистое и достойное Его поклоненіе“. Увы! она писала эти строки, видя узкую полосу парижскаго неба только мысленно; воспоминаніе объ этихъ лучезарныхъ вечерахъ освѣщало мимолетной иллюзіей лишь стѣны ея тюрьмы.

5.

Но въ то время дѣвушка была счастлива, живя съ матерью и теткой Анжеликой въ такъ называемомъ кварталѣ острова св. Людовика. Въ тихой сторонѣ, среди строго размѣренныхъ набережныхъ, она наслаждалась воздухомъ въ лѣтніе вечера, любуясь граціознымъ теченіемъ рѣки и селеніемъ, которое рисовалось вдаль. По утрамъ, побуждаемая набожнымъ рвеніемъ, молодая дѣвушка проходила по этимъ набережнымъ въ церковь, не встрѣчая по пустынной дорогѣ ничего отвлекающаго отъ сосредоточеннаго настроенія. Отецъ ея, который позволялъ своей дочери заниматься дальнѣйшимъ ученіемъ и радовался ея успѣхамъ, хотѣлъ, между тѣмъ, посвятить ее и въ свое искусство и уже началъ учить ее гравированію. Дѣвушка выучилась держать рѣзецъ, выказавъ успѣхи и тутъ, какъ во всемъ остальномъ. Заработывать деньги этимъ она еще не могла, но въ дни семейныхъ праздниковъ подносила своимъ старымъ дѣду и бабкѣ то головку, старательно нарисованную для этой цѣли, то маленькую мѣдную дощечку съ вырѣзанными на ней, ея же работы, эмблемами или цвѣтами; взаменъ ей дарили различныя драгоценныя вещицы по части туалета, до которыхъ она, какъ сама признается, всегда была охотницей.

Но эта склонность, естественная въ молодыхъ лѣтахъ, не отвлекала дѣвушку отъ самыхъ скромныхъ занятій по хозяйству. Показавшись въ воскресенье въ церкви или на прогулкѣ въ щеголеватомъ туалетѣ, она не стѣнялась идти на недѣлѣ, въ простомъ бумажномъ платьѣ, въ рынокъ со своею матерью. Она выходила даже одна, когда надо было, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, купить петрушки или салату, забытыхъ хозяйкою. Хотя молодая дѣвушка и чувствовала себя не совсѣмъ ловко при этихъ домашнихъ хлопотахъ, которыя низводили ее съ высотъ Плутарха и съ заоблачныхъ мечтаній, но все-таки и сюда она вносила столько граціи, соединенной съ природнымъ достоинствомъ, что продавщица плодовъ считала за удовольствіе удовлетворить ее прежде другихъ покупательницъ, и послѣднія, даже придя раньше, не оскорблялись такой привилегіей. Эта молодая дѣвушка, эта будущая Элоиза XVIII столѣтія, которая читала серьезныя сочиненія, объясняла круги небеснаго свода, владела карандашемъ и рѣзцомъ и волновалась уже смѣлыми мыслями и страстными чувствами, часто была призываема въ кухню, чтобы вычистить коренья и травы. Такое смѣшеніе серьезныхъ занятій, изящныхъ упражненій и домашнихъ заботъ, указываемыхъ благоразуміемъ ея матери, казалось, заранѣе подготавливало молодую дѣвушку къ превратностямъ судьбы и впоследствии помогло ей выносить ихъ. Это было похоже на то, какъ Руссо улаживалъ дровяной костеръ у г-жи Варенсъ тою же рукою, которая должна была написать „Contrat social“, или какъ Филопемьенъ рубилъ деревья.

6.

Но изъ своего уединенія дѣвушка иногда видала и тотъ высокопоставленный міръ, который блисталъ надъ ней; блескъ, среди котораго открывалось ей высшее общество, больше оскорблялъ, чѣмъ ослѣплялъ ея взоръ. Гордость этого аристократическаго міра, который не обращалъ никакого вниманія на молодую дѣвушку, ложилась на нее бременемъ. Общество, въ которомъ она не имѣла мѣста, казалось ей дурно составленнымъ. Это происходило не отъ зависти, но отъ чувства справедливости, возмущеннаго въ молодой мечтательницѣ: высшаго разряда существа имѣютъ свое мѣсто, указанное имъ Провидѣніемъ, и все, что ихъ отъ него удаляетъ, кажется имъ узурпаціей. Нерѣдко они находятъ, что общество построено несогласно съ природою; они мстятъ ему презрѣніемъ. Отсюда ненависть гения къ силѣ. Гений мечтаетъ о такомъ общественномъ порядкѣ, въ которомъ мѣста распредѣлялись бы по указанію природы и добродѣтели, тогда какъ въ дѣйствительности такое распредѣленіе совершается по рожденію, на основаніи слѣпой милости судьбы. Мало бываетъ такихъ великихъ людей, которые при рожденіи не ощущали бы на себѣ гоненія судьбы и не дошли бы до внутренняго возстанія противъ общества. Они замолкаютъ только съ потерей мужества. Другіе, путемъ высшаго пониманія, подчиняются назначенію, какое имъ указываетъ Провидѣніемъ. Скромное служеніе міру еще прекраснѣе, чѣмъ господство надъ нимъ, но здѣсь-то и заключается сущность добродѣтели. Религія приводитъ къ ней въ одинъ день,— философія же приводитъ только путемъ долгой жизни, путемъ несчастья и смерти. Бываютъ дни, когда самымъ высокимъ мѣстомъ на свѣтѣ является эшафотъ.

7.

Молодой дѣвушкѣ случилось пойти съ старой бабкой въ аристократическій домъ, относительно котораго ея родные стояли, такъ сказать, въ положеніи „отпущенниковъ“; ее сильно оскорбилъ тонъ снисходительнаго превосходства, съ какимъ относились къ ея старушкѣ-родственницѣ и къ ней самой. „Моя гордость была возмущена этимъ“, говоритъ она, „кровь закипѣла сильнѣе обыкновеннаго, я почувствовала, что краснѣю. Я еще не спрашивала тогда, почему такая женщина сидитъ на канапе, а моя бабушка—на табуретѣ, но у меня уже явилось сознаніе, которое повело къ этому размышленію, и окончаніе визита я встрѣтила, какъ встрѣчаютъ избавленіе отъ гнета“.

Въ другой разъ, ей пришлось провести восемь дней въ Версалѣ, во дворцѣ тѣхъ самыхъ короля и королевы, тронъ которыхъ ей предстояло впоследствии подорвать. Помѣстившись подъ кровлей у одной женщины изъ числа дворцовой прислуги, дѣвушка увидѣла вблизи королевскую пышность, которая, какъ она знала, оплачивается бѣдствіями народа, и королевское величіе, которое воздвигается на низкопоклонствѣ придворныхъ. Парадные обѣды, прогулки, увеселенія короля, пріемы,—все это проходило предъ ея глазами во всемъ блескѣ и во всей своей пустотѣ. Предразсудки, которыми окружена была власть, показались отвратительными молодой дѣвушкѣ, воспитанной на философахъ правды, свободы и античной добродѣтели. Неизвѣстныя имена, буржуазный ко-

стюмъ родственниковъ, которые возили дѣвушку на это зрѣлище, служили причиною того, что на ея долю при случаѣ выпадали лишь невнимательные взгляды и нѣсколько словъ, означавшихъ не столько расположеніе, сколько покровительство. На сердцѣ дѣвушки тяготѣло сознание своей молодости, красоты и достоинства, не замѣченныхъ этой толпой, которая поклонялась только милости или этикету. Философія, природная гордость, воображеніе и душевная строгость молодой дѣвушки понесли равныя оскорбленія въ дворцовой атмосферѣ: „мнѣ лучше нравились“, говорила она, „садовые статуи, чѣмъ придворныя особы“. Мать спрашивала ее, довольна ли она путешествіемъ: „Да,“ отвѣчала дѣвушка, „потому что оно скоро кончилось; еще нѣсколько дней, и мнѣ такъ сдѣлались бы отвратительны люди, которыхъ я видѣла, что я не знала бы, что сдѣлать съ своею ненавистью.“

— Но какое зло они тебѣ дѣлаютъ?—возразила мать.

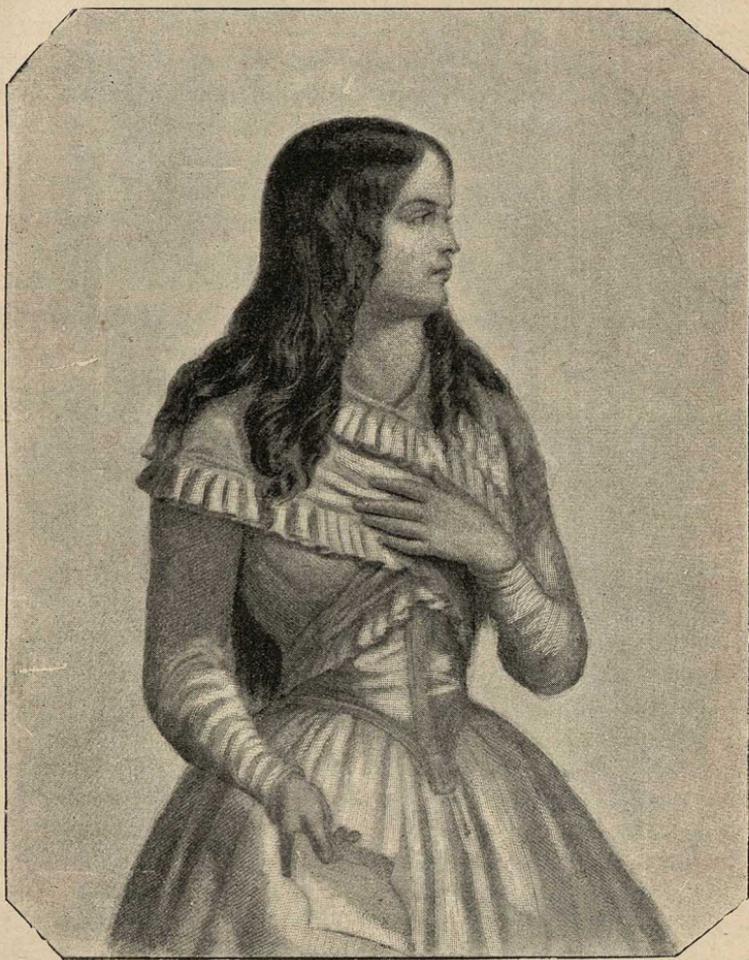
— Они заставляютъ меня чувствовать несправедливость и смотрѣть на глупость. „Видя блескъ деспотизма временъ Людовика XVI, угасавшій въ развратѣ, она думала объ Афинахъ; она забывала о смерти Сократа, объ изгнаніи Аристиды, объ осужденіи Фокіона. „Я не предвидѣла“, печально сознавалась она, когда писала эти строки, „что судьба предназначала меня быть свидѣтельницею преступленій, подобныхъ тѣмъ, которыхъ эти люди были жертвами, и принимать участіе въ славѣ ихъ мученицъ послѣ провозглашенія ихъ принциповъ.“

Такимъ образомъ, воображеніе, характеръ и научныя занятія готовили эту женщину, безъ ея собственнаго вѣдома, для республики. Одна только религія, въ то время столь могущественная для нея, могла бы удержать дѣвушку на пути самоотверженія, которое подчиняетъ мысли человѣка указаніямъ Провидѣнія. Но у г-жи Роланъ вѣрою сдѣлалась философія; эта вѣра составила часть ея политики. Эманципация народовъ слилась въ ея мысляхъ съ эманципацией идей. Ниспровергая троны, она думала работать для людей, а низвергая алтари—работать для Бога. Таково признаніе, которое сама г-жа Роланъ сдѣлала о происшедшей въ ней перемѣнѣ.

8.

Между тѣмъ молодая дѣвушка привлекала уже многочисленныхъ претендентовъ на свою руку. Отецъ хотѣлъ, чтобы она нашла себѣ мужа въ томъ же сословіи, къ которому самъ принадлежалъ. Онъ любилъ и уважалъ торговлю, потому что считалъ ее источникомъ богатства. Дочь презирала ее, потому что въ ея глазахъ торговля была источникомъ скупости и пищею жадности. Люди этого класса ей были отвратительны. Она хотѣла видѣть въ своемъ мужѣ идеи и чувства, аналогичныя съ ея собственными. Идеаломъ ея была душа, а не состояніе. „Воспитанная съ самаго дѣтства въ общеніи съ великими людьми всѣхъ временъ, ознакомленная съ высокими идеями и великими примѣрами,—неужели я для того только жила въ обществѣ Платона, всѣхъ философовъ, всѣхъ поэтовъ, чтобы соединиться съ купцомъ, который ни въ какомъ отношеніи не будетъ думать и чувствовать одинаково со мною?“

Въ то самое время родителямъ г-жи Роланъ сдѣлано было относительно

Г-жа Роланъ.

ея предложеніе отъ богатаго сосѣда мясника. Она отказала на отръвъ. „Я не оставлю міра моихъ благородныхъ химеръ“, отвѣчала она на безпрерывныя настоянія своего отца: „я хочу не богатства, а человѣка: скорѣе я умру въ уединеніи, чѣмъ предамъ на поруганіе свою душу, соединившись съ существомъ, которое ее не пойметъ“.

Преждевременная смерть лишила ее матери; дѣвушка осталась одна въ домѣ своего отца, гдѣ вмѣстѣ съ второй женой явился безпорядокъ: душою дѣвушки овладѣла меланхолія, но не одолѣла ее. Она еще болѣе сосредоточилась въ себѣ, стараясь собрать силы противъ уединенія и несчастія. Чтеніе „Элоизы“ Руссо, которую ей тогда ссудили, произвело на сердце дѣвушки такого же рода впечатлѣніе, какъ Плутархъ на ея умъ. Плутархъ показалъ ей свободу, Руссо заставилъ мечтать о счастіи. Одинъ ее укрѣпилъ, другой привелъ въ умиленіе. Она почувствовала потребность раскрыть свое сердце. Печаль сдѣлалась ея суровой музой. Она начала писать, чтобы утѣшиться въ разговорѣ съ собственными мыслями. Вовсе не имѣя намѣренія сдѣлаться писательницей, она — посредствомъ этихъ уединенныхъ упражненій — усвоила себѣ то краснорѣчіе, которымъ впоследствии одушевляла своихъ друзей.

9.

Такъ созрѣвала эта женщина, терпѣливо, но съ рѣшимостью ожидавшая своей судьбы, когда ей показалось, что тотъ античный человѣкъ, о которомъ столь долго мечтало ея воображеніе, наконецъ найденъ. Этотъ человѣкъ былъ Роланъ де-ла-Платьеръ.

Онъ былъ ей представленъ чрезъ одну изъ ея молодыхъ подругъ дѣтства, жившую замужемъ въ Амьенѣ, гдѣ Роланъ занималъ тогда должность инспектора мануфактуръ. „Ты получишь это письмо“, писала ей подруга, „отъ философа, о которомъ я иногда тебѣ говорила: г. Роланъ — человѣкъ просвѣщенный, античнаго характера, его можно упрекнуть только въ излишнемъ преклоненіи предъ древними, въ презрѣніи къ современности и въ слишкомъ большомъ почитаніи собственной добродѣтели“. „Этотъ портретъ“, говоритъ г-жа Роланъ, „былъ справедливъ и вѣрно схваченъ. Я увидѣла человѣка за сорокъ лѣтъ, высокаго роста, съ небрежной осанкой, съ тою рѣзкостью, какую даетъ привычка къ уединенію; но его приемы отличались простотой и непринужденностью: не обладая свѣтскимъ изяществомъ, онъ соединялъ утонченность человѣка хорошей крови съ важностью философа. Сильная худощавость, желтый цвѣтъ лица, лобъ очень открытый и уже мало снабженный волосами, нисколько не измѣняли его лица, черты котораго, хотя правильныя, были мало привлекательны. Наконецъ, тонкая улыбка и живое выраженіе оживляли его фізіономію и дѣлали изъ нея совершенно новую фигуру, когда онъ одушевлялся, говоря или слушая. Голосъ его былъ мужественный, рѣчь отличалась краткостью, какъ у человѣка, который имѣетъ стѣненное дыханіе; разговоръ его, полный фактовъ, потому что голова его была полна идей, больше занималъ умъ, чѣмъ ласкалъ слухъ. Его произношеніе было иногда красиво, но жестко и негармонично. Красота голоса, прибавляетъ г-жа Роланъ, составляетъ даръ рѣдкій и могуче дѣйствующій на чувства; тутъ дѣло не

только въ качествѣ звука, но также въ тонкой воспримчивости, которая, видоизмѣняя произношеніе, мѣняетъ и самое выраженіе“. Это значило, что Роланъ былъ лишень такого свойства.

10.

Роланъ, — младшій изъ пяти братьевъ, родился въ честной буржуазной фамиліи, которая занимала судебныя должности и претендовала на дворянство. Его предназначали къ духовному званію. Это назначеніе не нравилось молодому человѣку, и чтобы избавиться отъ него, онъ оставилъ—19 лѣтъ отъ роду—отеческій домъ и бѣжалъ въ Нантъ. Тамъ онъ поступилъ къ одному арматору и приготавлился поѣхать въ Индію, чтобы заняться торговлей, какъ въ самую минуту отплытія былъ задержанъ болѣзнью. Одинъ изъ родственниковъ молодого человѣка, инспекторъ мануфактуръ, встрѣтилъ его въ Руанѣ и принялъ къ себѣ въ бюро.

Эта отрасль администраціи, одушевленная духомъ Тюрго, путемъ своихъ производствъ восходила до науки, а посредствомъ политической экономіи—касалась самыхъ высшихъ правительственныхъ задачъ. Она была наполнена людьми философскаго образа мыслей. Роланъ тамъ выдвинулся. Правительство послало его въ Италію для изученія хода торговли.

Онъ съ прискорбіемъ разстался съ дѣвушкой, которая сдѣлалась уже его другомъ, и постоянно писалъ ей научныя письма, предназначенныя служить замѣтками къ сочиненію, которое онъ предполагалъ писать объ Италіи; письма эти, гдѣ чувство проглядывало изъ-подъ науки, были, однакожь, болѣе похожи на этюды философа, чѣмъ на разговоры влюбленнаго.

По возвращеніи Ролана, она опять нашла въ немъ друга: его возрастъ, серьезность, характеръ, трудолюбивыя привычки подали дѣвушкѣ поводъ смотрѣть на него какъ на мудреца, который жилъ только головою. Въ союзѣ, который они задумали и который не столько походилъ на любовь, сколько на античныя ассоціаціи времени Сократа и Платона, одинъ искалъ больше ученика, чѣмъ жену, а другая находила себѣ учителя, а не мужа. Роланъ возвратился въ Амьенъ. Оттуда онъ писалъ къ ея отцу, прося руки его дочери. Тотъ сухо отказалъ. Суровость Ролана его отталкивала; онъ боялся найти въ немъ цензора для себя и тирана для своей дочери. Последняя узнавъ объ этомъ отказѣ, удалилась съ негодованіемъ въ монастырь. Тамъ она питалась самою грубою пищею, которую приготавлиала своими руками, — предалась ученю и укрѣпляла свое сердце противъ несчастія. Она мстила за себя тѣмъ, что старалась заслужить счастье, въ которомъ отказывала ей судьба. Вечеромъ, визитъ къ одному изъ друзей; днемъ, часъ прогулки въ саду, окруженномъ высокими стѣнами, — сознаніе силы, которое закаляетъ человѣка противъ судьбы, — меланхолія, которая умиляетъ душу, питаетъ ее собственной нѣжностью, все это помогло дѣвушкѣ провести долгіе зимніе мѣсяцы ея добровольнаго заключенія. Между тѣмъ чувство внутренней горечи отравляло для нея и самую жертву. Она говорила сама себѣ, что это чувство оставалось безъ вознагражденія: сначала она льстила себя надеждою, что Роланъ, узнавъ о ея рѣшимости и уединеніи, поспѣшитъ вырвать ее изъ монастыря и соединить ея судьбу съ

своею. Время уходило, Роланъ не показывался, онъ даже едва писалъ. Наконецъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ Роланъ явился. Онъ снова воспламенился, увидя своего друга за монастырской рѣшеткой, и рѣшился предложить дѣвушкѣ свою руку; она приняла предложеніе. Но такіе расчеты, колебанія, холодность — уничтожили и ту небольшую долю иллюзіи, какая могла оставаться у молодой затворницы, и свели чувство къ строгому уваженію. Она скорѣе пожертвовала собою, чѣмъ отдалась. Ей казалось прекраснымъ принести себя въ жертву счастью человѣка, посвятившаго себя добру, но она выполнила эту жертву со всею серьезностью разума и безъ всякаго сердечнаго энтузіазма. Бракъ былъ для нея актомъ добродѣтели, которымъ она наслаждалась не потому, чтобы онъ былъ ей пріятенъ, но потому, что онъ показался ей высокимъ.

Страстная послѣдовательница Руссо сказывается и въ эту рѣшительную эпоху ея жизни. Бракъ 1-жи Роланъ составляетъ очевидное подражаніе браку Элоизы съ Вольмаромъ. Но горечь дѣйствительности не замедлила пробиться изъ-подъ героизма преданности: „Занимаясь“, говорила она сама себѣ, „счастьемъ человѣка, съ которымъ я соединилась, я замѣтила, что чего-то не доставало для моего собственнаго счастья. Я ни на минуту не переставала видѣть въ моемъ мужѣ одного изъ самыхъ уважаемыхъ людей, какіе только существуютъ; принадлежать ему я могла считать для себя за честь; но часто я сознавала, что между нами не доставало равенства, — что преобладающее вліяніе его характера, соединенное съ двадцатилѣтнею разностью въ годахъ, дѣлало такое превосходство чрезмѣрнымъ. Когда мы жили въ уединеніи, то мнѣ случалось проводить иногда тяжелые часы. Когда мы отправлялись въ свѣтъ, я тамъ видѣла любовь людей, которые — по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣсколькихъ — могли сдѣлаться мнѣ слишкомъ близкими. Я погрузилась въ работу моего мужа, сдѣлалась у него переписчицей, читала корректуры первыхъ оттисковъ; я исполняла эту обязанность безропотно, съ кротостью, которая составляла контрастъ съ такимъ свободнымъ и самостоятельнымъ характеромъ, каковъ былъ мой. Но это смиреніе исходило у меня изъ сердца. Я такъ уважала моего мужа, что всегда любила предполагать его превосходство надо мной; я такъ боялась, чтобы не омрачить его лицо, — онъ такъ стойко держался за свои мнѣнія, что только впоследствии я приобрѣла силу ему противорѣчить. Къ его работамъ я присоединила хлопоты по хозяйству; замѣтивъ, что слабое здоровье мужа не мирилось со всякой дѣтвой, я старалась сама готовить ему пищу. Я оставалась съ нимъ въ Амьенѣ четыре года. Я сдѣлалась тамъ матерью и сама стала кормить ребенка. Мы вмѣстѣ работали надъ „Новой Энциклопедіей“, статьи которой, относящіяся къ торговлѣ, было поручено составлять ему. Эти занятія мы прерывали только для сельскихъ прогулокъ за городомъ“.

Роланъ, деспотъ и эгоистъ, съ самаго начала ихъ брака потребовалъ, чтобы его жена перестала видѣть прежнихъ подругъ, которыхъ любила и которыя жили въ Амьенѣ. Онъ страшился малѣйшаго раздѣла привязанности. Благоразуміе переходило у него границы разума. При такомъ серьезномъ союзѣ, какъ бракъ, нужны развлеченія, доставляемые дружбою. Эта тираннія исключительности чувства не выкупалась любовью. Роланъ требовалъ всего отъ

снисхожденія своей жены. Хотя чувство и не шевелилось въ этой душѣ, но она сознавала свои жертвы и наслаждалась выполнениемъ своихъ обязанностей, какъ стоикъ наслаждается своею болью.

11.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Амьенѣ, Ролану удалось получить назначеніе къ такимъ же обязанностямъ въ свой родной городъ Лионъ. Зимой онъ жилъ въ городѣ, а остальное время года проводилъ въ деревнѣ, въ отеческомъ домѣ, гдѣ жила еще его мать, женщина уважаемая по своему возрасту, но безпокойнаго и сварливаго характера въ домашней жизни. Г-жа Роланъ, находясь во всемъ блескѣ своей красоты и въ полной силѣ ума, была, такимъ образомъ, поставлена въ непріятное положеніе между неумолимою свекровью, своевольнымъ шуриномъ и деспотомъ-мужемъ. Самой страстной любви едва ли было бы достаточно, чтобы вознаградить за подобное невыносимое положеніе. Она же могла его улаждать только сознаниемъ своего долга, работой, философией и заботами о своемъ ребенкѣ.

Старанія г-жи Роланъ были безуспѣшны: ей удалось превратить это мрачное жилище въ пріютъ согласія и мира.

Небезполезно взглянуть на жизнь г-жи Роланъ въ этомъ уединеніи, гдѣ она закалялась для будущей борьбы,—подобно тому, какъ въ „Charmettes“ ищутъ источникъ дѣятельности и генія Жанъ-Жакъ Руссо.

12.

У подошвы горъ Божолэ, въ обширномъ бассейнѣ Соны, въ видѣ Альповъ, находится рядъ маленькихъ холмовъ, нагроможденныхъ подобно песчанымъ валамъ; эти холмы, усаженные виноградниками, образуютъ, между собою и при основаніяхъ, косыя долины, узкіе и извилистые овраги, гдѣ простираются небольшіе зеленые луга. На каждую изъ этихъ лужаекъ сочится съ горъ чуть замѣтный ручей: ивы, березы и тополи указываютъ путь этихъ ручьевъ и прикрываютъ ихъ ложе. Бока и вершины холмовъ, надъ низменными виноградниками, покрыты только нѣсколькими дикими персиковыми деревьями, которые не заслоняютъ собою винограда, и большими орѣшниками во фруктовыхъ садахъ подлѣ домовъ.

На склонѣ одного изъ такихъ песчаныхъ холмовъ возвышался Ла-Платьеръ, отцовское наслѣдіе Ролана: низкій, довольно узкій домъ съ правильными окнами, съ крышею, почти плоскою, крытою красными черепицами. Края этой кровли выдавались нѣсколько на стѣну, чтобы предохранить окна зимой отъ дождя, а лѣтомъ отъ солнца. Гладкія стѣны, лишенныя всякихъ архитектурныхъ украшеній, были покрыты цементомъ изъ бѣлой извести, которая отъ времени осыпалась и запачкалась. Въ переднюю вели пять каменныхъ ступенекъ, надъ которыми возвышалась деревенская балюстрада изъ ржаваго желѣза. Предъ домомъ находился дворъ, окруженный овинами, въ которыхъ складывалась жатва, — давяльнями для винограда и погребами для вина. Позади разстилался маленькій огородъ, квадратныя стороны котораго окаймлены были кустарникомъ, гвоздиками и плодовыми деревьями, подрѣзанными близко къ

землѣ. Въ концѣ каждой аллеи возвышался павильонъ изъ зелени; потомъ большая ограда изъ низкихъ виноградниковъ, обрѣзанныхъ прямыми линиями вдоль маленькихъ зеленыхъ тропинокъ. Такова эта мѣстность. Взоръ поочередно переносится то на суровый, сосредоточенный, сдвинутый горизонтъ, — то на горы Божѣ, усеянные по бокамъ черными елями и перерѣзанныя большими наклонными дугами, гдѣ откармливаются быки изъ Шаролэ,—то на долину Соны, громадный океанъ зелени, среди котораго мѣстами высятся многочисленныя колокольни. Поясъ верхнихъ Альповъ, покрытыхъ снѣгомъ, и вершина Монблана, господствующая надъ всѣмъ остальнымъ, служатъ рамкою для этого обширнаго пейзажа. Въ немъ какъ бы выражается безконечное: если своею сосредоточенною стороною онъ ведетъ мысль къ самоуглубленію и самоотверженію, то своею безпредѣльностью та же картина представляетъ просторъ для мысли, перенося челоуѣка въ отдаленныя страны надежды и во всевозможныя области воображенія.

Таковъ былъ, въ теченіе пяти лѣтъ, горизонтъ этой молодой женщины; здѣсь она вполнѣ погрузилась въ природу, о которой часто мечтала въ дѣтствѣ и изъ всѣхъ красотъ которой видала только нѣсколько клочковъ неба и смутную перспективу королевскихъ лѣсовъ, съ высоты своего окна, надъ кровлями Парижа. Здѣсь же простые вкусы и чистая душа г-жи Роланъ нашли себѣ пищу и поле для дѣятельности.

Г-жа Роланъ дѣлила здѣсь время между хозяйственными заботами, умственнымъ развитіемъ и благотворительностью; обожаемая крестьянами, для которыхъ сдѣлалась вторымъ провидѣніемъ, она старалась облегчить ихъ бѣдствія при помощи тѣхъ небольшихъ излишковъ, какія оставались у нея послѣ строгой экономіи,—старалась лѣчить болѣзни среди крестьянъ при помощи знаній, которыя были прибрѣтены ею въ медицинѣ. Ей приходило отыскивать за три и за четыре мили, когда нужно было посѣтить больного. Въ воскресенье, ступеньки ея крыльца были покрыты больными, пришедшими за помощью, и выздоровѣвшими, которые являлись, чтобы принести г-жѣ Роланъ свидѣтельство своей признательности: корзины съ каштанами, сыръ отъ своихъ козъ или яблоки изъ своихъ садовъ. Она радовалась видя въ поселянахъ справедливость и признательность. Въ ея глазахъ эти поселяне были представителями народа, вытѣсненнаго изъ столицъ. Впослѣдствіи пожары замковъ, разбои, убійства показали ей, что этотъ океанъ людей, тогда столь спокойный, имѣетъ свои бури, болѣе ужасныя, чѣмъ бури настоящаго океана,—что обществамъ столь же нужны учрежденія, какъ волнамъ русло,—и что для народнаго правительства столько же необходима сила, какъ и правосудіе.

13.

Между тѣмъ революція 1789 г. разразилась и застала г-жу Роланъ въ этомъ убѣжищѣ. Упоенная философій, страстно искавшая идеала челоуѣчества, поклонница античной свободы, она воспламенилась отъ первой искры, какая упала съ этого очага новыхъ идей; она искренно повѣрила, что эта революція возродитъ челоуѣчество, уничтожитъ несчастія бѣднаго класса людей, которые внушали г-жѣ Роланъ состраданіе, и обновитъ весь міръ. У людей съ воз-

вышненнымъ сердцемъ даже въ состраданіи имѣть свою долю воображеніе. Высокая иллюзія г-жи Роланъ въ эту эпоху равнялась дѣлу, которое Франціи предстояло совершить. Надежда дала г-жѣ Роланъ рѣшимость. Въра въ социальное возрожденіе сдѣлалась ея силою.

Съ этого времени г-жа Роланъ почувствовала, что въ ней зажегся огонь, которому уже не суждено было погаснуть иначе, какъ въ ея крови. Вся праздная любовь, какая дремала въ ея душѣ, превратилась въ энтузіазмъ и въ страсть къ человѣчеству. Ея нѣжность, безъ сомнѣнія, слишкомъ пламенная для одного человѣка, распространилась на весь народъ. Она полюбила революцію чисто любовною страстью. Это пламя она сообщила мужу и друзьямъ. Вся сдержанная страсть г-жи Роланъ изливалась въ ея мнѣніяхъ. Живя только для счастья другихъ, она мстила за свою судьбу, которая отказывала ей въ личномъ счастьи. Счастливая и любимая, г-жа Роланъ была бы только женщиной; несчастная и одинокая, она сдѣлалась главою партіи.

14.

Образъ мыслей г. и г-жи Роланъ возстановилъ противъ нихъ въ первое время всю коммерческую аристократію Ліона, города хотя и честнаго, но преданнаго деньгамъ, т. е. такого, гдѣ все разсчитывается и гдѣ идеи становятся столь же тяжелыми и неподвижными, какъ интересы. Но потокъ идей бываетъ столь неодолимъ, что увлекаетъ даже самыхъ отсталыхъ людей. Ліонъ былъ увлеченъ и какъ бы затопленъ мнѣніями своей эпохи. На первыхъ же выборахъ Роланъ былъ избранъ въ муниципалитетъ. Онъ высказался тамъ со всею суровостью своихъ принциповъ и съ энергіею, которую почерпалъ въ душѣ своей жены. Люди робкіе боялись его, нетерпѣливые обожали; имя Ролана сдѣлалось сначала оскорбленіемъ, потомъ знаменемъ; общественное расположеніе послужило для него вознагражденіемъ за обиды со стороны богатыхъ. Муниципальный совѣтъ избралъ Ролана депутатомъ въ Парижъ, чтобы защищать коммерческіе интересы Ліона предъ комитетомъ Учредительнаго собранія.

Связи Ролана съ философами и экономистами, которые формировали практическую сторону философіи,—его обязательныя отношенія къ вліятельнымъ членамъ собранія,—его литературные вкусы, а въ особенности привлекательность его жены, которая удерживала людей выдающихся вокругъ этой прекрасной, краснорѣчивой и страстной женщины, сдѣлали вскорѣ салонъ г-жи Роланъ пламеннымъ, хотя еще и не очень блестящимъ очагомъ революціи. Имена людей, которыя тамъ встрѣчаются, съ первыхъ же дней становятся выраженіемъ крайнихъ мнѣній. Для этихъ послѣднихъ конституція 1791 г. была не болѣе какъ роздыхомъ. 20 февраля 1791 г. г-жа Роланъ опять вступила въ Парижъ, изъ котораго вышла пять лѣтъ назадъ безвѣстной молодой дѣвушкой и куда теперь возвращалась, подобная пламени, которое должно было воодушевить всю партію, основать республику, получить минутное господство и затѣмъ угаснуть. Она имѣла смутное предчувствіе такой судьбы. Геній и воля сознаютъ свои силы, чувствуютъ свою миссію прежде, чѣмъ она будетъ извѣстна другимъ, и сами предсказываютъ ее. Г-жа Роланъ, казалось, заранѣе была увлечена своей судьбой въ самый центръ дѣйствія. На другой же день послѣ своего пріѣзда

она послѣшила на засѣданія собранія. Тамъ она увидѣла могучаго Мирабо, изумительнаго Казалеса, смѣлаго Мори, хитраго Ламета, холоднаго Барнава. Съ досадою, къ которой примѣшивалась ненависть, г-жа Роланъ замѣтила въ положеніи и языкѣ правой стороны то превосходство, которое дается привычкою къ преобладанію и увѣренностью въ уваженіи массъ, лѣвую же нашла въ сравнительно-низкомъ положеніи, увидала въ ней наглость, смѣшанную съ сознаниемъ своей подчиненности. Такимъ образомъ, античная аристократія все еще была жива и даже послѣ своего пораженія мстила за себя демократію, которая, подчиняя ее, тѣмъ не менѣе ей же завидовала.

Равенство пишется въ законахъ задолго до того времени, когда устанвится среди людей на дѣлѣ. Природа аристократична; нужна долгая практика независимости, чтобы дать республиканскимъ народамъ благородную выдержку и вѣжливое достоинство гражданина. Въ самой революціи, даже въ побѣдоносной, долгое время слышится новичекъ въ дѣлѣ свободы. Женщины обладаютъ болѣе тонкимъ тактомъ относительно этихъ отгѣнковъ. Г-жа Роланъ поняла ихъ; но, вовсе не смущаясь этимъ превосходствомъ аристократіи, она пришла тѣмъ въ большее негодованіе и почувствовала, что въ ней удваивается ненависть противъ партіи, которую можно было сломить, но, казалось, нельзя унизить.

15.

Въ эту-то эпоху г-жа Роланъ и ея мужъ завязали сношенія съ нѣкоторыми изъ самыхъ рѣзкихъ личностей среди проповѣдниковъ народныхъ идей. Это были не тѣ, которые въ то время наиболѣе блистали милостью народа и блестящимъ талантомъ. Это были люди, которые, какъ казалось г-жѣ Роланъ, любятъ революцію для самой революціи и одушевляемые высокимъ безкорыстіемъ, стремятся—не къ преуславанію своего личнаго счастья, а къ прогрессу человѣчества. Однимъ изъ первыхъ былъ Бриссо. Роланы были долгое время въ перепискѣ съ нимъ по предметамъ, касающимся общественной экономіи и великихъ задачъ свободы. Ихъ идеи развились вмѣстѣ и какъ бы побратались. Они уже были соединены всѣми узами революціонныхъ сердець, но все-таки лично не знали другъ друга. Бриссо, котораго жизнь, полная приключеній, и неутомимая полемика были аналогичны съ юностью Мирабо, уже составилъ себѣ имя въ журналистикѣ и въ клубахъ. Г-жа Роланъ посѣтила его съ уваженіемъ; она интересовалась узнать, соотвѣтствовали ли черты лица Бриссо его душевной физиономіи? Она вѣрила, что натура проявляется во всѣхъ формахъ, и что разумъ и добродѣтель могутъ очертить внѣшнюю сторону человѣка, какъ ваятель даетъ глинѣ осязательныя формы своего замысла.

Первый же взглядъ вывелъ ее изъ заблужденія, не разочаровывая, однакожь, г-жу Роланъ въ ея поклоненіи Бриссо. Въ немъ недоставало того достоинства въ осанкѣ и важности въ характерѣ, которыя кажутся отраженіемъ достоинства въ жизни и серьезности во взглядахъ. Въ этомъ политическомъ дѣятелѣ что-то напоминало памфлетиста. Вѣтренность Бриссо неприятно поражала г-жу Роланъ, самая его веселость казалась ей профанаціей тѣхъ суровыхъ идей, которыхъ онъ былъ провозвѣстникомъ. Революція, которая вдохновляла

страстью слогъ Бриссо, не доводила до одушевленія его лицо. Г-жа Роланъ не нашла въ немъ достаточной ненависти къ врагамъ народа. Подвижная натура Бриссо, казалось, не обладала достаточною устойчивостью для чувства преданности. Его дѣятельность, распространявшаяся на разнородные предметы, сообщала ему наружность болѣе артиста въ мѣрѣ идей, чѣмъ апостола ихъ. Его называли интриганомъ.

Бриссо привелъ Пегіона, своего товарища по ученю и друга; Пегіонъ былъ уже членомъ Учредительнаго собранія и слово его въ двухъ или трехъ случаяхъ было замѣчено. Бриссо слылъ вдохновителемъ его рѣчей. Бюзо и Робеспьеръ, члены того же собранія, также были туда введены; Бюзо, котораго задумчивая красота, неукротимость и краснорѣчіе должны были впоследствии взволновать сердце г-жи Роланъ и сообщить нѣжный оттѣнокъ ея восхищенію; Робеспьеръ, тревожный умъ и фанатическая ненависть котораго дѣлали его душою движенія во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ совѣщались во имя народа. Было еще нѣсколько человекъ, имена которыхъ въ свое время явятся въ лѣтописяхъ зарождавшейся партіи. Бриссо, Пегіонъ, Бюзо, Робеспьеръ условились сходиться четыре раза въ недѣлю, по вечерамъ, въ салонѣ г-жи Роланъ.

16.

Цѣлью этихъ сходокъ были секретныя совѣщанія о слабости Учредительнаго собранія, о засадахъ, которыя дѣлались аристократіей задержанной революціи и о томъ направленіи, какое должно сообщить охладѣвшему общественному настроенію, чтобы довершить побѣду и упрочить ее. Они выбрали домъ г-жи Роланъ потому, что онъ былъ расположенъ въ кварталѣ, одинаково близкомъ къ помѣщеніямъ всѣхъ членовъ, которые должны были встрѣчаться на этихъ собраніяхъ. Какъ въ заговорѣ Гармодія, такъ и здѣсь женщина держала факель, которымъ освѣщала заговорщиковъ.

Такимъ образомъ, г-жа Роланъ съ первыхъ же дней очутилась въ центрѣ движенія. Ея невидимая рука касалась первыхъ нитей еще не вполне очерченнаго узла, изъ котораго должны были произойти самыя важныя событія. Эта роль, единственная, какую допускалъ полъ г-жи Роланъ, льстила и ея женской гордости, и ея политическимъ страстямъ. Она выполняла эту обязанность съ тою скромностью, которую можно бы было назвать образцомъ искусства, елибы въ г-жѣ Роланъ это качество не проистекало прямо изъ ея натуры. Помѣщаясь внѣ круга собесѣдниковъ, близъ рабочаго столика, она занималась ручной работою или писала письма, постоянно слушающая, съ кажущимся равнодушіемъ, споры своихъ друзей. Часто она порывалась принять въ нихъ участіе, но кусала себѣ губы и удерживала свою мысль. Продолжительность и многословіе такихъ совѣщаній, остававшихся безъ всякаго результата, внушали тайное презрѣніе этой энергической и дѣятельной женщинѣ. Дѣйствія испарялись въ словахъ и время уходило, унося съ собою случай, который болѣе не возвращается.

Вскорѣ побѣды Учредительнаго собранія ослабили самихъ побѣдителей. Вожди этого собранія отступили предъ своимъ собственнымъ дѣломъ, и завязали переговоры съ аристократіей и съ трономъ, съ цѣлью предоставить ко-

ролю пересмотръ конституціи въ болѣе монархическомъ духѣ. Депутаты собиравшіеся у г-жи Роланъ, разсѣялись и потеряли мужество. Наконецъ осталась лишь небольшая группа людей непоколебимыхъ, которые предаются принципамъ независимо отъ ихъ успѣха и привязываются къ безнадежному дѣлу съ тѣмъ болшею силою, чѣмъ болѣе счастье имъ, повидимому, измѣняется. Бюзю, Петіонъ, Робеспьеръ были изъ числа такихъ людей.

17.

Своеобразный интересъ для исторіи представляетъ то впечатлѣніе, какое впервые произвелъ на г-жу Роланъ человекъ, который, отогрѣвшись на ея груди и занимаясь вмѣстѣ съ ней политической интригой, долженъ былъ впоследствии ниспровергнуть власть ея друзей, убивать ихъ массами и даже ее послать на эшафотъ. Никакое отталкивающее чувство въ это время, повидимому, не предсказывало г-жѣ Роланъ, что, способствуя улучшенію положенія Робеспьера, она подготавливаетъ смерть самой себѣ. Если у нея и возникало какое-нибудь неопредѣленное опасеніе, то оно тотчасъ же прикрывалось состраданіемъ, которое почти походило на презрѣніе. Робеспьеръ казался г-жѣ Роланъ честнымъ человекъ. Изъ-за его принциповъ она простила ему дурной языкъ и утомительное произношеніе. Робеспьеръ, какъ и всякій человекъ, поглощенный одною мыслью, внушалъ другимъ скуку. Однакожъ, г-жа Роланъ замѣтила, что на совѣщаніяхъ онъ былъ всегда сосредоточенъ, не обнаруживалъ себя, выслушивалъ всѣ мнѣнія прежде, чѣмъ высказать свое, и что не давалъ себѣ труда мотивировать это послѣднее. Подобно всѣмъ людямъ повелительнаго характера, Робеспьеру собственное убѣжденіе казалось достаточной причиной того или другого выраженного имъ мнѣнія. На другой день послѣ разговора онъ всходилъ на трибуну и, обращая на пользу своей репутаціи тѣ интимныя совѣщанія, которыя слышалъ наканунѣ, опережалъ часъ дѣйствія, условленный съ друзьями, и открывалъ, такимъ образомъ, цѣлый задуманный планъ. Робеспьера за это порицали у г-жи Роланъ: онъ очень спокойно извинялся. Эти поступки приписывались его молодости и нетерпѣливому самолюбію. Г-жа Роланъ, убѣжденная, что этотъ молодой человекъ страстно любилъ свободу, принимала его сдержанность за робость, а подобнаго рода измѣны—за проявленіе независимости. Общее дѣло прикрывало все. Пристрастіе обращаетъ самые зловѣщіе признаки въ пользу человека или истолковываетъ ихъ въ снисходительномъ смыслѣ. „Онъ защищаетъ принципы съ жаромъ и упорствомъ“, говорила она, „нужно мужество, чтобъ ихъ защищать одному въ то время, когда число защитниковъ народа изумительно сократилось. Дворъ ненавидитъ Робеспьера, мы должны его любить. Въ этомъ отношеніи я уважаю Робеспьера и сама говорю ему о томъ; когда Робеспьеръ мало сидитъ въ нашемъ вечернемъ маленькомъ собраніи, онъ все-таки приходитъ ко мнѣ отъ времени до времени обѣдать. Я была поражена тѣмъ ужасомъ, какимъ Робеспьеръ казался проникнуть въ день бѣгства короля въ Вареннъ. Вечеромъ, у Петіона, онъ говорилъ, что королевская фамилія не иначе приняла такое рѣшеніе, какъ подготовивъ патріотамъ въ Парижѣ Варооломеевскую ночь, и что онъ самъ ждетъ смерти ранѣе 24 часовъ. Петіонъ, Бюзю, Роланъ говорили, напротивъ,

что бѣгство короля было его отреченіемъ и что нужно этимъ воспользоваться для подготовленія умовъ къ республикѣ. Робеспьеръ, насмѣшливо и по обыкновенію грызя ногти, спрашивалъ—что такое республика?“

Въ этотъ день Бриссо, Кондорсе, Дюмонъ де-Женевъ и Дюшателе составили проектъ журнала подъ названіемъ „Республиканецъ.“ Мы видимъ, что идея республики родилась въ колыбели жирондистовъ прежде, чѣмъ появиться въ умѣ Робеспьера, и что 10-е августа было не случайностью, но заговоромъ.

Въ эту же эпоху г-жа Роланъ, чтобы спасти жизнь Робеспьера, поддалась одному изъ тѣхъ первыхъ движеній, которые свойственны неустрашимой дружбѣ и оставляютъ слѣды въ памяти даже людей неблагодарныхъ. Послѣ извѣстнаго дня событій на Марсовомъ полѣ, Робеспьеръ, обвиняемый въ заговорѣ вмѣстѣ съ редакторами петиціи о низложеніи, и угрожаемый, въ качествѣ мятежника, мѣстью національной гвардіи, вынужденъ былъ скрываться. Г-жа Роланъ, въ сопровожденіи своего мужа, отправилась, въ 11 часовъ вечера, въ убѣжище Робеспьера, чтобы предложить ему болѣе вѣрный пріютъ въ своемъ собственномъ домѣ. Но Робеспьеръ уже бѣжалъ изъ своего жилища. Оттуда г-жа Роланъ отправилась къ Бюзо, ихъ общему другу, и заклинала его идти къ фельянамъ, гдѣ онъ тогда пользовался вліяніемъ, и поспѣшить оправдать Робеспьера прежде, чѣмъ его поразитъ обвинительный декретъ.

Бюзо съ минуту подумалъ, а потомъ сказалъ: „я сдѣлаю все, чтобы спасти этого несчастнаго молодого человѣка, хотя далеко не раздѣляю мнѣнія нѣкоторыхъ людей на его счетъ. Онъ слишкомъ много думаетъ о себѣ, чтобы любить свободу; но онъ ей служить и мнѣ этого довольно. Я буду тамъ, чтобы его защищать.“ Такимъ образомъ, три будущія жертвы Робеспьера, безъ его вѣдома, ночью, совѣщались о спасеніи человѣка, отъ котораго должны были умереть. Судьба представляетъ собою тайну, изъ которой выходятъ самыя странныя совпаденія и которая дѣлаетъ людямъ засады не только изъ ихъ преступленій, но и изъ добродѣтелей. Смерть готова встрѣтить человѣка вездѣ; но, какова бы ни была его судьба, добродѣтель не раскаивается въ своихъ дѣлахъ. Въ темницахъ Консьержери г-жа Роланъ не безъ отрады вспомнила объ этой ночи. Если и Робеспьеръ, среди своего могущества, также вспомнилъ о ней, то это воспоминаніе должно было лечь на его сердце холоднѣе, чѣмъ топоръ палача.

IX.

Перемѣна людей и обстоятельствъ.—Робеспьеръ создаетъ себѣ трибуну у якобинцевъ.—Роланъ возведенъ къ власти своими друзьями.—Нарбоннъ военный министръ.—Король колеблется между партіями.—Общее стремленіе къ войнѣ.—Робеспьеръ одинъ противится этому стремленію.

1.

Послѣ распушенія Учредительнаго собранія, г. и г-жа Роланъ, съ окончаніемъ полномочій, оставили Парижъ. Эта женщина, вышедшая изъ самаго очага партій и политической борьбы, возвратилась въ Ла-Платьеръ къ заботамъ о своемъ деревенскомъ хозяйствѣ; но она уже отвѣдала революціоннаго опьяненія. Движеніе, въ которомъ г-жа Роланъ на минуту принимала участіе, продолжало увлекать ее и издали: она осталась въ письменныхъ сношеніяхъ съ Робеспьеромъ и Бюзю; съ Робеспьеромъ это была политическая, сухая переписка, съ Бюзю—патетическая и нѣжная. Между г-жею Роланъ и ея мужемъ скоро произошло совѣщаніе, повидимому, безстрастное, о томъ, слѣдуетъ ли запереться въ деревнѣ или возвратиться въ Парижъ. Но честолюбіе одного и сердце другой уже раньше и безъ ихъ вѣдома высказались по этому предмету. Самого пустого предлога было достаточно для ихъ нетерпѣнія. Въ декабрѣ они снова водворились въ Парижъ.

Друзья Ролановъ въ это время выдвигались впередъ. Петіонъ былъ наименѣе мѣромъ и образовалъ подобіе республики въ городской коммунѣ; Робеспьеръ, исключенный изъ Законодательнаго собранія закономъ, который запрещалъ выборъ въ это послѣднее членовъ Учредительнаго собранія, создалъ себѣ трибуну у якобинцевъ. На мѣсто Бюзю въ новое собраніе вступилъ Бриссо; репутація публициста и политическаго дѣятеля соединяла вокругъ этого человѣка молодыхъ жирондистовъ. Послѣдніе явились изъ своего департамента, одушевленные пыломъ молодости и порывомъ новаго революціоннаго потока. Явившись въ Парижъ, они устремились на арену дѣйствія, рамки которой были уже подготовлены Робеспьеромъ, Бюзю, Лакло, Дантономъ и Бриссо.

Роланъ былъ другомъ всѣхъ этихъ людей, но оставался на второмъ планѣ, какъ бы скрываясь въ ихъ тѣни; его репутація, хотя и негромкая, тѣмъ болѣе имѣла значенія въ общественномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе была замѣтна съ перваго взгляда; Ролана считали античною добродѣтелью, которая прикрита простотою жителя полей. Въ молчаніи этого человѣка предполагали скрытую

мысль; кажущаяся таинственность заставляла предчувствовать оракула. Блестящие таланты жены привлекали внимание на самого Ролана, но даже и его посредственность, — вообще единственная сила, которую добродетель может парализовать зависть, — служила Ролану на пользу. Его никто не боялся, и потому все выдвигали его впередъ: Петіонъ — чтобы найти себѣ прикрытіе; Робеспьеръ — чтобы удобнѣе подготовитъ подкопъ; Бриссо — чтобы поставить свою дурную репутацію подъ защиту честности, вошедшей даже въ пословицу; Бюзо, Верньо, Луве, Жансонне и жирондисты — изъ уваженія къ учености Ролана и изъ влеченія къ его женѣ; даже дворъ выдвигалъ Ролана сколько по причинѣ довѣрія къ его честности, столько же по причинѣ презрѣнія къ его значенію. Короче, этотъ человѣкъ достигалъ власти, безъ всякихъ собственныхъ усилій, а единственно благодаря расположенію одной партіи, обаянію неизвѣстности на общественное мнѣніе, презрѣнію своихъ враговъ и талантамъ своей жены.

2.

Король нѣкоторое время надѣялся, что гнѣвъ революціи смягчится вслѣдствіе ея торжества. Грустнымъ разочарованіемъ для него послужили тѣ проявленія насилія и бурныя колебанія между наглостью и раскаяніемъ, которыми ознаменовалось открытіе Законодательнаго собранія. Изумленное королевское министерство трепетало предъ смѣлостью собранія и на совѣщаніяхъ сознавалось въ своей несостоятельности. Король старался удержать тѣхъ людей, которые дали доказательства личной преданности его особѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже повѣренными и соучастниками короля и королевы и служили имъ то чрезъ свои сношенія съ эмиграціей, то посредствомъ интригъ внутри страны.

Монморенъ, человѣкъ способный, но не стоявшій на уровнѣ затрудненій минуты, удалился. Главными членами министерства были — де-Лессаръ по иностраннымъ дѣламъ, и Бертранъ де-Мольвиль — по флоту. Лессаръ, поставленный самымъ своимъ положеніемъ между нетерпѣливымъ собраніемъ, вооруженной эмиграціей, угрожающей Европой и нервнѣйшимъ королемъ, не могъ не пасть подъ бременемъ своихъ добрыхъ намѣреній. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы избѣгать войны путемъ выжиданія и переговоровъ, прекратить враждебныя демонстраціи державъ, указать уstraшенному собранію на короля, какъ на единственнаго посредника, для переговоровъ о мирѣ между своимъ народомъ и иностранцами; такимъ путемъ онъ надѣялся уstrанить послѣднія столкновенія между собраніемъ и трономъ и возобновитъ правильный авторитетъ короля, поддерживавъ миръ. Личное настроеніе императора Леопольда утверждало министра въ этой мысли; противъ него была только судьба, которая неодолимо влечетъ людей и событія къ роковой развязкѣ.

Жирондисты, особенно Бриссо, осыпали Лессара своими обвиненіями: этотъ человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ могъ замедлитъ ихъ торжество. Съ принесеніемъ его въ жертву приносилась въ жертву и цѣлая система; жирондистскія рѣчи и пресса уже указывали на Лессара народной ярости; приверженцы войны уже заклеили его, какъ жертву. Онъ вовсе не былъ измѣнникомъ, но въ ихъ глазахъ вступать въ переговоры значило измѣнять.

Король, который знал своего министра за человека безупречного и разделял его планы, не хотѣлъ жертвовать имъ врагамъ и этимъ самымъ еще усиливалъ вражду къ Лессару.

Что же касается де-Мольвиля, то это былъ тайный врагъ конституціи. Онъ совѣтовалъ королю лицефрить, придерживаясь буквы закона, чтобы убить его духъ,—стремиться подземными путями къ насильственной катастрофѣ, изъ которой дѣло монархіи должно было, по его мнѣнію, выйти побѣдоноснымъ,—убѣждалъ короля вѣрить могуществу интриги болѣе, чѣмъ силѣ общественнаго мнѣнія,—искать повсюду измѣнниковъ народному дѣлу, содержать шпионовъ, торговаться съ совѣстью всѣхъ и каждаго, не вѣрить ни чьей неподкупности, поддерживать тайныя сношенія съ самыми неистовыми демагогами, готовить посредствомъ денегъ самыя зажигательныя предложенія, чтобы лишить революцію популярности вслѣдствіе ея крайностей, и наполнять трибуны собранія агентами монархіи, которые бы своими воплями и рукоплесканіями заглушали рѣчи ораторовъ и представляли собою на трибунахъ фальшивый народъ и фальшивое общественное мнѣніе. Короче, это былъ человекъ мелкихъ средствъ въ великихъ дѣлахъ, разсчитывавшій, что націю можно обмануть такъ же, какъ обманываютъ отдѣльную личность. Король, которому Мольвиль былъ преданъ, любилъ его, какъ повѣреннаго своихъ печалей и искуснаго посредника какъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, такъ и въ переговорахъ съ партіями внутри страны. Такимъ образомъ Мольвиль балансировалъ между интимною благосклонностью короля и интригами съ революціонерами. Онъ хорошо усвоилъ себѣ языкъ конституціи и обладалъ секретомъ продажности многихъ людей.

Поставленный между этими двумя личностями, король, чтобы угодить общественному мнѣнію, призвалъ Нарбонна на должность военнаго министра. Г-жа Сталь и конституціонная партія сблизилась съ жирондистами, чтобы поддерживать Нарбонна. Кондорсе былъ посредникомъ между этими двумя партіями. Г-жа Кондорсе, женщина ослѣпительной красоты, разделяла энтузіазмъ и расположеніе г-жи Сталь къ молодому министру. Она окружила Нарбонна блескомъ своего таланта, другая—помогала ему вліяніемъ своей красоты. Эти двѣ женщины какъ бы соединяли свои чувства въ общей преданности избранному человеку. Соперничество ихъ было принесено въ жертву его честолюбію.

3.

Залогомъ сближенія жирондистской партіи съ конституціонною служило возвышеніе Нарбонна, а точкою соприкосновенія было стремленіе той и другой партіи къ войнѣ. Конституціонная партія хотѣла войны для того, чтобы сдѣлать диверсію внутренней анархіи и выбросить за предѣлы государства элементы волненія, угрожавшія трону. Жирондистская партія хотѣла войны, чтобы устремить умы ко всякимъ крайностямъ. Она надѣялась, что опасности отечества дадутъ ей силу низвергнуть тронъ и произвести на свѣтъ республиканскій порядокъ.

Вотъ при какихъ предзнаменованіяхъ Нарбоннъ вступилъ въ управленіе дѣлами. Самъ онъ хотѣлъ войны не для ниспроверженія трона, подъ сѣнью котораго родился, но чтобы взволновать и поразить націю блескомъ побѣдъ,

испытать счастье отчаяннымъ ударомъ и во главѣ народа поставить съ оружіемъ военную аристократію страны: Лафайета, Вирона, Рошамбо, Ламетовъ, Дильона, Кюстина и себя самого. Если бы побѣда перешла подъ знамена Франціи, то побѣдоносная армія, съ конституціонными вождами, господствовала бы надъ якобинцами, утвердила бы реформированную монархію и поддержала бы учрежденіе двухъ палатъ. Если Франціи были суждены неудачи, то тронъ и аристократія, безъ сомнѣнія, пали бы, но лучше же погибнуть благородною смертію въ національной борьбѣ Франціи противъ ея враговъ, чѣмъ постоянно трепетать и наконецъ погибнуть среди мятежа подъ пиками якобинцевъ. Это была политика рыцарская и предпримчивая; она нравилась молодымъ людямъ своимъ героизмомъ, а женщинъ увлекала обаяніемъ. Въ такой программѣ слышался пылъ французскаго мужества. Нарбоннъ служилъ представителемъ этой политики въ совѣтѣ министровъ. Его товарищи, Лессаръ и Бертранъ де-Мольвиль, видѣли въ немъ помѣху всѣмъ своимъ планамъ. Король, какъ всегда, колебался въ нерѣшимости, дѣлалъ шагъ впередъ, шагъ назадъ; событія застигали его среди колебанія: это положеніе — самое неудовлетворительное какъ для сопротивленія удару, такъ и для возбужденія себя къ рѣшительному порыву.

Кромѣ этихъ официальныхъ совѣтниковъ, король совѣщался еще съ бывшими представителями, Ламетами, Дюпоромъ и особенно Барнавомъ. Барнавъ оставался въ Парижѣ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ распущенія Учредительнаго собранія. Искреннею преданностію монархіи онъ искупалъ удары, которые ей наносилъ прежде. Барнавъ понялъ, на какую скользкую дорогу увлекла его погоня за общественной благосклонностію. Какъ и Мирабо, онъ слишкомъ поздно вздумалъ остановиться. Оставшись съ этихъ поръ внѣ теченія событій, онъ былъ пораженъ ужасомъ и упреками совѣсти. Если неустранимость не позволяла Барнаву бояться за себя самого, то умиленіе, которое онъ чувствовалъ къ королевѣ и къ королевской семьѣ, побуждало его подавать королю совѣты, которые, впрочемъ, имѣли одинъ недостатокъ—имъ уже нельзя было слѣдовать.

Эти совѣщанія, происходившія у друга Барнава и оракула своей партіи, Адриана Дюпора, только затрудняли умъ короля лишнимъ элементомъ колебанія. Лафайетъ и его друзья также присоединяли сюда свои совѣты. Еще недавно повелитель общественной мнѣнія, Лафайетъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что уже остался позади. Національная гвардія, сохранившая къ нему привязанность, еще вѣрила въ его всемогущество. Всѣ эти партіи и люди оказывали Нарбонну тайную поддержку. Куртизанъ въ глазахъ арміи, человекъ популярный у народа, увлекательный среди женщинъ, Нарбоннъ былъ настоящимъ министромъ общественныхъ надеждъ. Только жирондисты въ своей наружной благосклонности къ Нарбонну скрывали заднюю мысль. Они ему покровительствовали съ тѣмъ, чтобы потомъ его же низвергнуть. Нарбоннъ былъ для нихъ только рукою, которая готовила ихъ собственное выступленіе на первый планъ.

4.

Только-что вступивъ въ должность, этотъ молодой министръ внесъ въ об-сужденіе дѣль и въ отношенія министерства къ собранію дѣятельность, откровенность и грацію своего характера. Нарбоннъ отважно рѣшился испытать по отношенію къ собранію систему довѣрія. Онъ его захватилъ врасплохъ благодаря увлеченію. Эти подозрительные и мрачные люди, — члены собранія, — которые до тѣхъ поръ видѣли въ словахъ министра только ловушку, были увлечены его словами. Онъ говорилъ имъ уже не холоднымъ оффиціальнымъ языкомъ дипломата, но открытымъ и искреннимъ голосомъ патріота. Нарбоннъ внесъ свой портфель на трибуну, всталъ лицомъ къ лицу съ отвѣтственностью, высказывалъ самые дорогіе для народа догматы съ искренностью, которая смѣтила подозрительность. Онъ весь предался своему дѣлу. Порывъ его души сообщился людямъ наименѣ увлекающимся. Націи было пріятно видѣть, что аристократъ такъ хорошо усвоилъ себѣ ея внѣшность, ея принципы и страсти. Пылкій патріотизмъ Нарбонна не позволилъ утихнуть этому движенію, которое соединяло въ себѣ короля съ народомъ. Въ теченіе своего короткаго управленія Нарбоннъ выказалъ чудеса дѣятельности. Онъ осмотрѣлъ и вооружилъ крѣпости, создалъ армію, привѣтствовалъ рѣчами войска, прекратилъ эмиграцію дворянства во имя общей опасности, назначилъ генераловъ, призвалъ Лафайета, Рошамбо, Люкнера. Францію охватилъ порывъ патріотизма, душою котораго былъ Нарбоннъ. Онъ даже успѣлъ внушить на мгновеніе любовь къ самому королю, сдѣлавъ изъ трона національный центръ защиты французской территоріи. Партіи примирились въ общемъ энтузіазмѣ къ отечеству. Краснорѣчіе Нарбонна вѣяло лагеремъ. Оно отличалось быстротой, блескомъ, звучностью, какъ стукъ оружія. Характеромъ этого краснорѣчія была искренность. Нарбоннъ открывалъ свою душу взорамъ соперниковъ. Такое довѣріе трогало.

Въ первый же день своего вступленія въ министерство, вмѣсто того, чтобы, подобно другимъ министрамъ, возвѣститъ о своемъ назначеніи письмомъ къ президенту, онъ самъ отправился въ собраніе и попросилъ слова. „Я приношу вамъ“, сказалъ онъ, „глубокое уваженіе къ народной власти, которую вы облечены, — твердую привязанность къ конституціи, которой я присягаю, мужественную любовь къ свободѣ и равенству, которое не встрѣчаетъ болѣе противниковъ, но не должно отъ этого имѣть менѣ преданныхъ защитниковъ“. Два дня спустя, говоря объ отвѣтственности министровъ, онъ рѣшительно привлекъ съ себѣ собраніе. „Я соглашаюсь“, вскричалъ онъ, „съ только что сдѣланнымъ опредѣленіемъ положенія министровъ, въ которомъ говорится, что отвѣтственность значить смерть. Не освобождайте насъ ни отъ какой угрозы, ни отъ какой опасности. Обременяйте насъ какими бы то ни было личными препятствіями, но дайте намъ средства пустить въ ходъ конституцію. Что касается до меня, то я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы убѣдительно просить членовъ собранія увѣдомить меня о всемъ томъ, что они сочтутъ полезнымъ общественному благу въ моей администраціи“.

„Наши интересы и наши враги одни и тѣ же. Должно не только исполнять букву конституціи, но и осуществлять ея духъ. Не столько нужна про-

стая исполнительность, сколько успѣхъ!.. Вы увидите, что, по убѣжденію министра, для свободы нѣтъ спасенія, если добро не переходитъ въ жизнь вами и чрезъ васъ. Прервите же хотя на минуту недовѣріе къ намъ. Вы насъ осудите потомъ, если мы это заслужимъ, но до того времени вы съ довѣріемъ дадите намъ средства служить вамъ.

Такія слова доходили до сердца людей самыхъ предубѣжденныхъ. Подвергнутъ былъ голосованію вопросъ о напечатаніи ихъ и о разсылкѣ въ департаменты. Чтобы скрѣпить это примиреніе между королемъ и націей, Нарбоннъ отправился въ комитетъ собранія, сообщилъ тамъ свои планы, обсуждалъ свои мѣры, заранѣе привлекъ умы къ своимъ рѣшеніямъ. Такое управление сообщая было вполне сообразно съ духомъ конституціи. Другіе министры видѣли въ этомъ униженіе для исполнительной власти и отреченіе отъ королевскаго сана. Нарбоннъ видѣлъ въ этомъ единственное средство возратить королю расположеніе націи. Королевскую власть низвергло общественное мнѣніе; къ нему только надобно было обратиться съ требованіемъ о ея укрѣпленіи. Нарбоннъ сдѣлался министромъ общественнаго мнѣнія.

Когда императоръ прислалъ королю ноту, угрожавшую безопасности границъ, и когда король лично сообщилъ собранію о своихъ энергическихъ намѣреніяхъ, Нарбоннъ, послѣ выхода короля, явился въ собраніе, взшелъ на трибуну и сказалъ: „Я ѣду посѣтить наши границы, но не потому, чтобы считалъ основательнымъ недовѣріе солдатъ къ офицерамъ; я надѣюсь разсѣять его, говоря тѣмъ и другимъ объ отечествѣ и о королѣ. Я скажу офицерамъ, что старинные предразсудки и не вполне обдуманная любовь къ королю могли нѣкоторое время извинять ихъ поведеніе, но что слова „измѣна“ нѣтъ на языкѣ тѣхъ націй, которые знаютъ, что значить честь! Я скажу солдатамъ: ваши офицеры, которые остаются во главѣ арміи, связаны съ революціей присягою и честью. Спасеніе государства зависитъ отъ дисциплины арміи. Я передамъ свой портфель въ руки министра иностранныхъ дѣлъ; и таково мое довѣріе, таково должно быть довѣріе націи къ его патриотизму, что я принимаю на себя отвѣтственность за всѣ приказанія, какія онъ отдастъ отъ моего имени“.

Нарбоннъ въ этихъ словахъ выказалъ и ловкость и великодушіе. Онъ сознавалъ у себя достаточно кредита передъ націей, чтобы прикрыть имъ непопулярность своего товарища, Лессара, уже обвиненнаго жирондистами, и становился, такимъ образомъ, между ними и ихъ жертвой. Собраніе было увлечено. Нарбоннъ получилъ 20 милліоновъ на приготовленія и титулъ маршала Франціи для стараго Люкнера. Пресса и даже клубы рукоплескали министру. Общій порывъ къ войнѣ уносилъ все, даже вражду.

Одинъ только человѣкъ въ клубѣ якобинцевъ противился такому увлеченію: этотъ человѣкъ былъ Робеспьеръ. До тѣхъ поръ Робеспьеръ занимался только обсужденіемъ идей, былъ неутомимымъ и неукротимымъ, но второстепеннымъ ораторомъ; его оставляли въ тѣни другія, громкія имена. Съ этого дня онъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ. Онъ созналъ свою внутреннюю силу и укрѣпилъ ее, опираясь на принципъ, осмѣлился одинъ ратовать за миръ. Онъ предался этому дѣлу, не обращая вниманія на число своихъ противниковъ и, упражняя свою силу, удвоилъ ее.

Вопросъ о мирѣ или войнѣ волновался въ кабинетахъ государей, угрожаемыхъ революціей, въ совѣтахъ Людовика XVI, въ совѣщаніяхъ партій, въ Національномъ собраніи, въ клубѣ якобинцевъ и въ журналахъ. Минута была рѣшительная. Сдѣлалось очевидно, что переговоры между императоромъ Леопольдомъ и Франціей относительно скопленія эмигрантовъ въ государствахъ, зависящихъ отъ имперіи, дошли до кризиса, и что чрезъ нѣсколько дней или императоръ дастъ удовлетвореніе Франціи, разсѣявъ эти сборища, или Франція объявитъ ему войну и этимъ объявленіемъ навлечетъ на себя вражду всѣхъ своихъ непріятелей разомъ. Это былъ вызовъ, брошенный Франціей.

Мы видѣли, что относительно войны существовало согласіе между государственными людьми и революціонерами, конституціонистами и жирондистами, аристократами и якобинцами. Война для всѣхъ была воззваніемъ къ судьбѣ: Франція, въ нетерпѣннн, хотѣла, чтобы судьба высказалась или чрезъ побѣду или чрезъ пораженіе. Побѣда казалась ей единственнымъ выходомъ изъ внутреннихъ затрудненій: но даже и пораженіе не страшило ее. Франція вѣрила въ себя и презирала смерть. Робеспьеръ думалъ иначе.

Онъ понималъ два обстоятельства: первое, что война была добровольнымъ преступленіемъ противъ народа; второе, что война, даже счастливая, была бы гибелью для демократіи. Робеспьеръ считалъ революцію строгимъ приложеніемъ къ обществу принциповъ политической философіи. Для него, какъ для убѣжденнаго и страстнаго ученика Жанъ-Жака Руссо, *contrat social* былъ Евангеліемъ; въ глазахъ этой философіи война, тратящая народную кровь, была тѣмъ, чѣмъ она всегда будетъ въ глазахъ мудрецовъ,—убійствомъ массами, изъ-за честолюбія нѣсколькихъ лицъ, война признавалась славною только тогда, когда она оборонительная. Робеспьеръ не вѣрилъ, чтобы Франція была поставлена въ положеніе крайней необходимости, которое, въ силу верховнаго принципа общаго спасенія, уполномочивало бы открыть эту жилу челоуѣчества, изъ которой потекутъ рѣки крови. Убѣжденный во всемогуществѣ новыхъ идей, къ которымъ онъ питалъ фанатизмъ и въ которыя хранилъ вѣру въ своей душѣ, закрытой для интриги, Робеспьеръ не боялся, что нѣсколько бѣглыхъ принцевъ и нѣсколько тысячъ эмигрировавшихъ аристократовъ явятся и наложатъ свои законы націи, первый свободный вздохъ которой былъ въ состояніи поколебать тяжесть трона, дворянства и духовенства. Онъ не думалъ также, чтобы разъединенныя и колеблющіяся европейскія державы, пока Франція на нихъ не напала, осмѣлились объявить войну націи, которая провозглашала миръ. Въ случаѣ, еслибы европейскіе кабинеты были столь злобны и неблагоразумны, чтобы рѣшиться на такой крестовый походъ противъ челоуѣческаго разума, Робеспьеръ твердо вѣрилъ въ ихъ пораженіе; онъ вѣрилъ, что въ правотѣ дѣла заключается неодолимая сила, что право удвоиваетъ энергію народа, что самое отчаяніе стоитъ армій и что Богъ и люди будутъ за народъ.

Онъ думалъ, сверхъ того, что если обязанностью Франціи было распространять среди другихъ народовъ свѣтъ и благодѣянія разума и свободы, то естественный и мирный блескъ французской революціи будетъ для міра болѣе непогрѣшимымъ средствомъ пропаганды, чѣмъ французскія арміи; что революція должна быть доктриной, а не всемірною монархіей, которая осуществляется

острієм шпаги; что не нужно было вызывать коалицію патриотизма европейских націй противъ революціонныхъ догматовъ. Господство послѣднихъ находилось въ душахъ людей. Въ глазахъ Робеспьера силою революціонныхъ идей были ихъ свѣтъ.

Но Робеспьеръ понималъ еще болѣе; понималъ, что наступательная война неизбежно погубитъ революцію и уничтожитъ ту скороспѣлую республику, о которой говорили жирондисты, но которой самъ онъ еще не опредѣлилъ. Если война будетъ несчастна, думалъ Робеспьеръ, то Европа безъ труда задушитъ своими арміями первые зародыши новаго правительства, которое хотя и будетъ имѣть нѣсколькихъ мучениковъ, но окажется лишеннымъ почвы, на которой могло бы возродиться. Если война будетъ счастлива, то тогда военный духъ, всегдашній пособникъ духа аристократіи,—честь, въ своемъ родѣ тоже религія, привязывающая солдата къ трону, и дисциплина, которую можно назвать деспотизмомъ славы,—замѣнятъ собою тѣ мужественныя добродѣтели, къ которымъ пріучило народъ пользование конституціей; народъ проститъ все, даже рабство, тѣмъ, кто его спасетъ. Признательность націи къ вождямъ, которые водили ея дѣтей къ побѣдѣ, составляетъ западню, въ которую народы всегда будутъ попадать. Они сами пойдутъ навстрѣчу своему яму. Гражданскія добродѣтели поблѣднѣютъ предъ блескомъ военныхъ подвиговъ. Будетъ одно изъ двухъ: или армія, возвратясь, поддержитъ своею силою старинную королевскую власть, и тогда Франція будетъ имѣть своего Монка, или армія коронуетъ счастливѣйшаго изъ своихъ генераловъ, и тогда свобода будетъ имѣть новаго Кромвеля. Въ томъ и другомъ случаѣ революція ускользнетъ отъ народа и попадетъ на жертву солдатамъ. Поэтому, спасти ее отъ войны значитъ спасти отъ засады. Эти размышленія привели Робеспьера къ рѣшенію. Въ его мысляхъ еще не было насилія. Онъ смотрѣлъ вдаль и воплилъ справедливо.

Отсюда происходитъ начало его разрыва съ жирондистами. У нихъ справедливость замѣнялась политикой. Война казалась имъ также политикой; справедливо или нѣтъ, но они ее добивались, какъ орудія ниспроверженія трона и величія для самихъ себя. Ясно, на сторонѣ ли демократа или на сторонѣ честолюбцевъ лежитъ первоначальная вина въ этой великой борьбѣ. Это ожесточенное побоище, которое должно было кончиться гибелью обѣихъ партій, открылось 12 декабря, на вечернемъ засѣданіи клуба якобинцевъ.

5.

„Я обдумывалъ цѣлые шесть мѣсяцевъ и даже съ перваго дня революціи“, сказалъ Бриссо (душа Жиронды), „то рѣшеніе, которое буду поддерживать. Путемъ разсужденія и на основаніи фактовъ я дошелъ до убѣжденія, что народъ, завоевавшій себѣ свободу послѣ десятилѣтняго рабства, нуждается въ войнѣ. Война необходима, чтобы упрочить свободу и чтобы очистить конституцію отъ остатковъ деспотизма; война нужна, чтобы устранить изъ нашей среды людей, которые могли бы ее испортить. Вы имѣете силу карать бунтовщиковъ, устрашать міръ; усвойте же себѣ нужную для этого смѣлость. Эмигранты упорствуютъ въ своемъ мятежѣ, иностранные государи упорно поддерживаютъ эмигрантовъ. Можно ли колебаться въ нападеніи на нихъ? Наша

честь, наше общественное значеніе, необходимость морализовать и утвердить нашу революцію,—все дѣлаетъ для насъ закономъ такое нападеніе. Франція была бы обезчещена, если бы потеряла наглое возстаніе нѣсколькихъ мятежниковъ и такіа оскорбленія, какихъ деспотъ не вынесъ бы безнаказанно и въ теченіе 15 дней. Какъ, по вашему мнѣнію, будутъ думать о насъ? Намъ надобно отомстить за себя или рѣшиться быть позоромъ всѣхъ націй, намъ надобно отомстить, уничтоживъ эти орды разбойниковъ, или согласиться быть свидѣтелями непрерывныхъ мятежей, заговоровъ, пожаровъ и болѣе дерзкой, чѣмъ когда нибудь, наглости нашихъ аристократовъ! Они вѣрятъ въ Кобленцскую армію. Вотъ откуда исходитъ ихъ надежда! Если вы хотите уничтожить аристократію однимъ ударомъ, то уничтожьте Кобленць. Глава націи будетъ вынужденъ конституціею царствовать съ нами и чрезъ насъ!“

Эти слова, произнесенныя государственнымъ человѣкомъ Жиронды, соответствовали всѣмъ пожеланіямъ ея членовъ, и изъ клуба якобинцевъ прозвучали во всѣ концы страны. Неистовыя рукоплесканія трибунъ были лишь отраженіемъ всеобщаго нетерпѣливаго ожиданія развязки, какое замѣчалось во всѣхъ партіяхъ. Нуженъ былъ могучій духъ Робеспьера, чтобы сопротивляться и друзьямъ, и врагамъ, и національному чувству. Эта борьба одной идеи противъ всѣхъ страстей продолжалась цѣлыя недѣли, не утомляя бойца. Великія убѣжденія бывають несокрушима. Робеспьеръ одинъ, въ теченіе мѣсяца, уравновѣшивалъ всю Францію. Даже враги отзывались съ уваженіемъ о его сопротивленіи. Если и не доставало мужества слѣдовать за нимъ, то все-таки казалось постыднымъ не уважать его. Краснорѣчіе Робеспьера, сначала сухое, многословное и отличавшееся развѣ только діалектикой, теперь возвысилось и какъ бы озарилось свѣтомъ. Журналы перепечатавали его рѣчи. „Ты, народъ, не имѣешь средствъ достать себѣ рѣчи Робеспьера, я тебѣ обѣщаю ихъ въ полномъ составѣ“, говорилъ журналъ якобинцевъ, „Народный ораторъ“. „Тщательно береги всѣ послѣдующіе листы. Въ нихъ и будутъ заключаться эти рѣчи. Это образцы краснорѣчія, которые должны оставаться во всѣхъ семьяхъ, сообщая послѣдующимъ поколѣніямъ, что Робеспьеръ существовалъ для народнаго счастья и для спасенія свободы“.

Истошивъ всѣ доводы, какіе философія, политика и патріотизмъ могли доставить противъ наступательной войны, начатой по наученію жирондистовъ, глухо возбуждаемой министрами и веденной генералами подозрительной народу аристократіи, Робеспьеръ, въ ночь 13 января, въ послѣдній разъ вззошелъ на трибуну для возраженія Бриссо и въ искусной, патетической рѣчи резюмировалъ свое безнадежное убѣжденіе.

6.

„Ну, вотъ, я побѣжденъ, я перехожу къ вамъ“, вскричалъ онъ разбитымъ голосомъ, „я также требую войны: что я говорю! я требую еще болѣе ужасной и непримиримой войны, чѣмъ вы: я требую ее, не какъ поступка мудраго, не какъ дѣйствія разумнаго, не какъ акта политическаго, но какъ отчаяннаго средства. Я требую ее подъ условіемъ, которое, безъ сомнѣнія, принято между нами (я не думаю, чтобы защитники войны хотѣли насъ обманывать), я тре-

бую, чтобы она была смертельною, героическою, — требую, наконецъ, такой войны, какую гений свободы объявилъ бы самъ всѣмъ деспотизмамъ, — войны, которую бы народъ революціи велъ самъ, со своими собственными вождями, а не той войны, которой желаютъ, быть можетъ, низкіе интриганы, какую вели бы честолюбивые, но подозрительные министры и генералы, хотя бы они были и патриотами.

„Итакъ, французы! люди 14 іюля, сьумѣвшіе завоевать свободу безъ руководителя и безъ господина, идите же! сформируемъ армію, которая должна, по вашему мнѣнію, покорить вселенную. Но гдѣ такой генераль, непоколебимый защитникъ правъ народа, врожденный врагъ тирановъ, который бы не дышалъ никогда отравленною придворною атмосферою и добродѣтель котораго была бы засвидѣтельствована ненавистью и немилостью двора, — генераль, руки котораго, незапятнанная нашею кровью, были бы достойны нести передъ нами знамя свободы? гдѣ онъ, этотъ новый Катонъ, этотъ третій Брутъ, этотъ неизвѣстный до сихъ поръ герой? Пусть онъ рѣшится признать себя въ этихъ чертахъ и пусть явится! мы поставимъ его во главѣ насъ... Но гдѣ онъ? Гдѣ они, солдаты 14 іюля, которые сложили предъ народомъ оружіе, ввѣренное имъ деспотизмомъ? Солдаты Шатовье, гдѣ вы? Придите руководить нашими усилиями. Но скорѣе можно вырвать у смерти ея добычу, чѣмъ у деспотизма его жертвы. Граждане, которые взяли Бастилію, выходите! свобода призываетъ васъ и обязана вамъ почестью перваго разряда... Но они уже не отвѣчаютъ. Бѣдствія, неблагодарность и ненависть аристократовъ разсылали ихъ. А вы, граждане, умерщвленные на Марсовомъ Полѣ среди акта патриотическаго союза, вы также не будете съ нами! О! что сдѣлали эти женщины, эти убитыя дѣти? Боже! сколько жертвъ! и все въ народѣ, все между патриотами, между тѣмъ какъ могущественные заговорщики отдыхаютъ и торжествуютъ! Придите, по крайней мѣрѣ, вы, національные гвардейцы, исключительно предназначенные на защиту нашихъ границъ въ этой войнѣ, которою грозитъ намъ вѣроломный дворъ! Придите! Но что же? Вы еще не вооружены? Какъ! въ теченіе двухъ лѣтъ вы требуете оружія и все еще не имѣете его? вамъ отказали даже въ платьѣ и осудили на блужданіе изъ департамента въ департаментъ, чтобы составлять предметъ презрѣнія для министровъ и посмѣшище для патриціевъ, которые васъ осматриваютъ, любуясь вашимъ несчастіемъ! Что нужды! Идите, мы будемъ сражаться голыми, какъ американцы.

„Но неужели мы, для низверженія троновъ, будемъ ждать приказаній изъ военнаго министерства? Неужели будемъ ждать сигнала отъ двора? Неужели тѣ самые патрици, вѣчные любимцы деспотизма, будутъ нами предводительствовать въ войнѣ противъ аристократовъ и королей? Нѣтъ. Пойдемъ одни. Поведемъ сами себя. Но что же! меня останавливаютъ ораторы войны; г. Бриссо говоритъ мнѣ, что нужно поручить вести все это дѣло господину графу Нарбонну, что нужно идти подъ начальствомъ господина маркиза Лафайета, — что одной только исполнительной власти принадлежитъ право вести націю къ побѣдѣ и свободѣ! Ахъ, граждане, это слово уничтожило все очарованіе! Прощайте, побѣда и независимость народовъ! Если европейскіе скипетры будутъ когда-нибудь разбиты, то уже не такими руками! Испанія останется еще нѣ-

сколько времени оглупѣвшей рабой суевѣрія и роялизма, Леопольдъ будетъ, по прежнему, тираномъ Германіи и Италіи, и мы не скоро увидимъ, чтобы Катоны и Цицероны замѣнили въ конклавѣ папу и кардиналовъ. Я говорю откровенно: война такая, какъ я ее понимаю,—такая, какую я вамъ предложилъ, непрактична. А если нужно принять войну двора, министровъ, патриціевъ, такъ называемыхъ патріотовъ и интригановъ, то далеко отъ надежды на освобожденіе міра, тогда я не вѣрю даже и въ вашу собственную свободу! Тогда самое умное, что мы можемъ сдѣлать, это защищать ее противъ вѣроломства внутреннихъ враговъ, которые васъ убаюкиваютъ этими героическими иллюзіями.

„Резюмирую хладнокровно и съ прискорбіемъ сказанное: я доказалъ, что у свободы нѣтъ другого болѣе смертельнаго врага, чѣмъ война; я доказалъ, что война, присовѣтованная людьми подозрительными, была бы, въ рукахъ исполнительной власти, лишь средствомъ уничтожить конституцію, лишь развязкой заговора, умышеннаго противъ революціи. Благопріятствовать такимъ военнымъ планамъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, значить дѣлаться участникомъ въ измѣнѣ противъ революціи. Весь патріотизмъ въ свѣтѣ, всѣ общія мѣста мнимыхъ политиковъ не измѣняютъ ничего въ натурѣ вещей. Проповѣдывать, подобно господину Бриссо и его друзьямъ, довѣріе къ исполнительной власти, призывать общественную благосклонность на генераловъ—это значить обезоруживать революцію, лишать ее послѣдней гарантіи, бдительности и энергіи націи. Въ ужасномъ положеніи, до котораго мы доведены деспотизмомъ, легкомысліемъ, интригою, измѣною, общимъ ослѣпленіемъ, я совѣтуюсь только со своимъ сердцемъ и со своею совѣстью; я оказываю уваженіе только истинѣ, снисхожденіе только моему отечеству. Я знаю, что патріоты порицаютъ откровенность, съ которою я представляю безутѣшную картину нашего положенія. Я не скрываю отъ себя своей ошибки. Истина не достаточно ли уже преступна тѣмъ, что она истина? О, лишь бы только сонъ былъ сладокъ, что нужды, если придется пробудиться даже и при звукѣ цѣпей своего отечества, и среди спокойствія неволи! Не будемъ же болѣе смущать покой этихъ счастливыхъ патріотовъ. Нѣтъ, но пусть они знаютъ, что мы, безъ головокруженія и безъ страха, можемъ измѣрить всю глубину пропасти. Провозгласимъ девизъ познанскаго намѣстника: „я предпочитаю бурю свободы безопасности рабства“. Еслибы минута освобожденія еще не наступила, то мы имѣли бы терпѣніе подождать ее. Если этому поколѣнію было суждено только волноваться въ грязи пороковъ, въ которую погрузилъ его деспотизмъ; если арена нашей революціи должна представлять взорамъ вселенной только борьбу вѣроломства со слабостью, эгоизма съ честолюбіемъ, то нарождающееся поколѣніе начнетъ очищать эту землю, оскверненную пороками. Оно принесетъ не миръ деспотизма, не безплодныя волненія интриги, но огонь и мечъ, чтобы зажечь троны и искоренить угнетателей. Потомство, болѣе насъ счастливое, ты намъ не чуждо! Для тебя мы выдерживаемъ бури и засады тиранніи! Часто, вынося разочарованіе отъ пріятствій, которыя насъ окружаютъ, мы чувствуемъ потребность устремиться къ тебѣ! Ты окончишь наше дѣло; только храни въ памяти имена мучениковъ свободы!“

Въ этихъ словахъ слышался отголосекъ духа Руссо.

Одинъ изъ друзей Бриссо, Луве, понялъ могущество такихъ словъ и взошелъ на трибуну, чтобы обратиться съ мольбой къ человѣку, который одинъ только останавливалъ Жиронду: „Робеспьеръ“, сказалъ Луве, обращаясь прямо къ нему, „Робеспьеръ, вы одни держите въ нерѣшимости общественное мнѣніе. Этотъ верхъ славы, безъ сомнѣнія, справедливо принадлежитъ вамъ. Ваши рѣчи перейдутъ въ потомство. Потомство разсудитъ между вами и мной. Но наконецъ вы навлекаете на себя величайшую отвѣтственность, упорствуя въ своемъ мнѣніи. Вы обязаны отчетомъ предъ вашими современниками и даже передъ будущими поколѣніями. Да, потомство станетъ между вами и мною, хотя бы я былъ и недостоинъ этого. Оно скажетъ: явился человѣкъ въ Учредительномъ собраніи, недоступный никакимъ страстямъ, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ защитниковъ народа. Надо было уважать и любить его добродѣтели, удивляться его мужеству; онъ былъ обожаемъ народомъ, которому постоянно служилъ, и—что еще лучше—онъ былъ его достоинъ. Но открылась пропасть. Развлеченный слишкомъ большими заботами, этотъ человѣкъ думалъ видѣть опасность тамъ, гдѣ ея не было, и не замѣчалъ ее тамъ, гдѣ она была. Тамъ же былъ и человѣкъ неизвѣстный, занятый единственно настоящей минутой; просвѣщенный другими гражданами, онъ открылъ опасность, не могъ рѣшиться сохранить молчаніе, пошелъ къ Робеспьеру и указалъ ему на нее. Робеспьеръ отвелъ глаза и отнялъ свою руку; неизвѣстный настаиваетъ и спасаетъ свое отечество...“

Робеспьеръ при этихъ словахъ улыбнулся съ презрительною недовѣрчивостью. Умоляющіе жесты Луве и заклинанія трибунъ оставили его безстрастнымъ и къ засѣданію слѣдующаго дня. Бриссо опять подыялъ вопросъ о войнѣ. „Умоляю господина Робеспьера“, сказалъ онъ въ заключеніе, „положить конецъ столь скандальной борьбѣ, которая выгодна только врагамъ общественнаго блага“. „Я съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ сегодня утромъ“, вскричалъ Робеспьеръ, „въ журналѣ, редактируемомъ господиномъ Бриссо, письмо съ самой напыщенной похвалой господину Лафайету“. „Объявляю“, отвѣчалъ Бриссо, „что мнѣ ничего не было извѣстно о письмѣ, помѣщенномъ во „Французскомъ патріотѣ“ „Тѣмъ лучше“, возразилъ Робеспьеръ, „мнѣ пріятно знать, что господинъ Бриссо не соучастникъ подобныхъ апологій“. Слова противниковъ, какъ и сердца ихъ, были пропитаны ядомъ. Подъ словами рокотала ненависть. Старый Дюсо бросился между противниками. Онъ сдѣлалъ трогательное воззваніе къ согласію патріотовъ и заклиналъ ихъ обняться. Они обнялись. „Я выполнилъ долгъ братства и успокоилъ свое сердце“, вскричалъ тогда Робеспьеръ. „Мнѣ остается еще уплатить болѣе священный долгъ отечеству. Всякое личное влеченіе должно уступить здѣсь священнымъ интересамъ свободы и человѣчества. Я легко могу примирить ихъ съ уваженіемъ, обѣщаннымъ мною всѣмъ тѣмъ, которые служатъ этимъ интересамъ. Я обнялъ господина Бриссо, но настаиваю на борьбѣ съ нимъ; пусть же нашъ миръ покоится только на основѣ патріотизма и добродѣтели“.

Робеспьеръ самымъ своимъ уединеніемъ доказывалъ свою силу и тѣмъ сильнѣе привлекалъ къ себѣ нерѣшительные умы. Журналы начинали склоняться на его сторону. Мара осыпалъ Бриссо ругательствами. Камилль Демуленъ въ импровизованныхъ афишахъ разоблачилъ постыдное компаньонство Бриссо въ Лондонѣ съ позорнымъ пасквильтомъ Морандомъ. Самъ Дантонъ, — всегдашній поклонникъ успѣха, боясь ошибиться въ фортунѣ, колебался между жирондистами и Робеспьеромъ. Онъ долго молчалъ; наконецъ, произнесъ рѣчь, полную звонкихъ фразъ, — но въ этой рѣчи, подъ кажущоюся силою слова, слышались неурядица убѣжденій и затрудненіе разума.

Х.

Смерть Леопольда и нетерпѣніе жирондистовъ ускоряютъ ходъ событій. — Проектъ адреса, представленный Верньо. — Король отказывается дать санкцію декретамъ противъ священниковъ и эмигрантовъ. — Въ Вандеѣ замышляется междоусобная война. — Она вспыхиваетъ на югѣ. — Убіиство Лекюэ въ Авиньонѣ. — Прибытіе Журдана. — Убіиства въ Авиньонѣ. — Собраніе приказываетъ наказать убійць. — Якобинцы добиваются прощенія ихъ. — Сень-Доминго. — Реакція черныхъ противъ бѣлыхъ. — Мулаты соединяются съ черными. — Возстаніе. — Предводитель возстанія мулатъ Оже, осужденъ и преданъ смерти. — Общее возстаніе. — Бѣлые перерѣзаны. — Во Франціи внутренніе безпорядки увеличиваются. — Симптомы религіозной войны. — Смуты въ Канѣ. — Аббатъ Фоше. — Его личность. — Его жизнь. — Роялистская реакція въ Мендѣ. — Убіиство Лажайля въ Брестѣ. — Безпорядки въ гарнизонахъ. — Безнаказанность военной инсубординаціи. — Швейцарцы Шатовье.

1.

Пока все это происходило въ клубѣ якобинцевъ, а журналы эхо клубовъ, сѣяли повсюду въ народѣ постоянныя тревоги и колебаніе, тайная дипломатія Тюльерійскаго кабинета и императора Леопольда, напрасно старавшаяся отсрочить развязку, увидѣла свои надежды обманутыми вслѣдствіе нетерпѣнія жирондистовъ и смерти Леопольда. Этотъ государь-философъ унесъ съ собою всѣ желанія примиренія и всѣ надежды на миръ. Онъ одинъ сдерживалъ Германію. Нарбоннъ публично раскрылъ тайные переговоры своего товарища Лессара, направленные къ тому, чтобы выждать время и окончить распрю между Франціею и Европою путемъ конгреса.

Дипломатическій комитетъ собранія, побуждаемый Нарбонномъ и состояній изъ жирондистовъ, предлагалъ рѣшительныя мѣры. Этотъ комитетъ, основанный Учредительнымъ собраніемъ и находившійся сначала подъ вліяніемъ высокой мысли Мирабо, дѣлалъ запросы министрамъ по всѣмъ внѣшнимъ сношеніямъ государства. Такимъ образомъ, съ дипломатіи было снято покрывало, переговоры прерваны, договоры и комбинаціи сдѣлались невозможными; европейскіе кабинеты безпрестанно упоминались на парижской трибунѣ. Дѣйствительные вожди этого комитета, жирондисты, не обладали ни необходимыми познаніями, ни сдержанностью, чтобы быть въ состояніи овладѣть нитями сложной дипломатіи, не разрывая ихъ. Рѣчь для нихъ значила болѣе, чѣмъ переговоры. Имъ было мало нужды до того, какъ отзовется ихъ слово въ иностранныхъ кабинетахъ, лишь бы оно хорошо звучало въ залѣ и на три-

бунахъ. Притомъ, они хотѣли войны; ломая однимъ ударомъ миръ Европы, они сознавали себя государственными людьми. Чуждые политики, они признавали себя людьми искусными, потому что не знали за собою стѣсненій. Принимая на себя индифферентность Макиавеля, они думали, что обладаютъ и его глубиною.

Императоръ Леопольдъ официальнымъ сообщеніемъ 21 декабря подалъ поводъ къ новому взрыву въ собраніи: „Государи соединились по взаимному соглашенію“, говорилъ императоръ, „для поддержки общественнаго спокойствія и во имя чести и безопасности коронъ“... Умы взволнованы такими словами; стараются раскрыть ихъ смыслъ; спрашиваютъ, возможно ли, чтобы императоръ, шурина и союзникъ Людовика XVI, говорилъ ему въ первый разъ о такомъ соглашеніи между государами. И противъ кого это соглашеніе, если не противъ революціи? А если оно дѣйствительно существовало, то какимъ образомъ министры и посланники революціи о немъ не знали? А если знали, то почему скрыли о томъ вѣтъ націи? Слѣдовательно, была двойная дипломатія, и одна ея половина вела тайныя интриги противъ другой? Значить, австрійскій комитетъ вовсе не былъ воображеніемъ партій? Слѣдовательно, въ официальной дипломатіи была неопытность или измѣна, или, быть можетъ, та и другая вмѣстѣ? При разговорахъ о предположенномъ конгрессѣ спрашивали, могъ ли онъ имѣть другую цѣль, кромѣ навязыванія измѣненія французской конституціи. Приходили въ негодованіе при одной мысли объ уступкѣ требованіямъ монархической Европы хотя бы одной буквы этой конституціи.

2.

При такомъ волненіи умовъ дипломатической комитетъ, чрезъ посредство жирондиста Жансонне, представилъ свой отчетъ объ отношеніяхъ Франціи къ императору. Жансонне, адвокатъ изъ Бордо, избранный въ Законодательное собраніе вмѣстѣ со своими единосемцами и друзьями, Гаде и Верньо, составлялъ съ этими депутатами политической тріумвиратъ извѣстный по таланту и краснорѣчію и названный потомъ Жирондой. Настойчивая діалектика, желчная и язвительная иронія были двумя главными чертами таланта Жансонне. Своею рѣчью онъ не увлекалъ слушателей, а повелѣвалъ имъ: его революціонная страстность отличалась силою, но была подкрѣплена разсудкомъ.

Прежде вступленія въ Законодательное собраніе онъ былъ посланъ, въ качествѣ комиссара, вмѣстѣ съ Дюмурье (впослѣдствіи столь извѣстнымъ), изучить настроеніе жителей западныхъ департаментовъ и изыскать полезныя мѣры для замиренія этого края, волнуемаго религиозными раздорами. Просвѣщенный и спокойный отчетъ Жансонне приходилъ къ выводу о необходимости терпимости и свободы, какъ двухъ необходимыхъ спутниковъ человѣческой совѣсти. Жансонне, какъ и всѣ тогдашніе жирондисты, рѣшился довести революцію до ея крайней и рѣшительной формы,—республики, не выказывая, однакожъ, нетерпѣнія опрокинуть конституціонный тронъ, лишь бы конституція была въ рукахъ ея партіи.

По связямъ Жансонне съ министромъ Нарбонномъ, клеветники стали обвинять его въ томъ, что онъ продался послѣднему. Ничто не оправдываетъ этого подозрѣнія. Если жирондисты и не были безупречны по отношенію къ

честолюбію и интригамъ, то ихъ руки остались чистыми отъ всякаго подкупа. Жансонне въ своемъ докладѣ отъ имени дипломатическаго комитета ставилъ два вопроса: во-первыхъ, каково было политическое положеніе Франціи относительно императора? во-вторыхъ, должно ли было разсматривать послѣднее сообщеніе императора какъ враждебное дѣйствіе, а въ этомъ случаѣ не нужно ли было ускорить, посредствомъ нападенія, минуту неизбѣжнаго разрыва?

„Наше отношеніе къ императору“, отвѣчалъ онъ на поставленные вопросы, „такowo: французскіе интересы принесены въ жертву австрійскому дому, для него же расточаются наши финансы и арміи, утрачиваются союзы; а что мы получаемъ въ вознагражденіе за это? Оскорбленія революціи, профанированіе нашей кокарды, покровительство скопищамъ эмигрантовъ въ странахъ, зависимыхъ отъ австрійскаго дома, и наконецъ — сознаніе въ соглашеніи державъ, къ которому Австрія, какъ сама нынѣ объявляетъ, присоединилась противъ насъ. Когда изъ Люксембурга наши принцы грозятъ намъ нашествіемъ и хвастаются поддержкою иностранныхъ державъ, Австрія молчитъ и своимъ молчаніемъ одобряетъ угрозы нашихъ враговъ. Правда, она отъ времени до времени притворно осуждаетъ враждебныя Франціи заявленія, но это условное порицаніе—не что иное, какъ лицемеріе, приличное мирному времени. Бѣлая кокарда и антиреволюціонный мундиръ безнаказанно показываются въ австрійскихъ владѣніяхъ; наши національные цвѣта тамъ изгнаны. Когда король грозилъ курфирсту Тревскому разсѣять собранныя у него толпы, которыя угрожали намъ, то императоръ приказалъ генералу Бендеру идти на помощь курфирсту. Этого мало: на Пильницкихъ совѣщаніяхъ императоръ, совместно съ королемъ прусскимъ, объявилъ, что обѣ державы условятся о дѣлахъ Франціи съ другими европейскими дворами и что, въ случаѣ войны, онѣ окажутъ другъ другу взаимную помощь. Такимъ образомъ, доказано, что императоръ нарушилъ трактатъ 1756 г., вступая въ договоры о союзахъ безъ вѣдома Франціи; доказано, что онъ самъ сдѣлался центромъ и двигателемъ анти-французской системы. Какая можетъ быть у него цѣль, если не запугать насъ и не подчинить своей власти, чтобы незамѣтнымъ образомъ довести до принятія конгресса и до постыдныхъ измѣненій въ нашихъ новыхъ учрежденіяхъ.

„Можетъ быть, — прибавлялъ Жансонне, — эта идея зародилась въ вѣдрахъ Франціи; можетъ быть, тайныя сношенія подали императору надежду на поддержку мира на такихъ условіяхъ. Онъ ошибается: не въ такую минуту, когда огонь свободы воспламеняетъ умы 24 миллионъ людей, могутъ французы согласиться на капитуляцію, которой они предпочли бы смерть. Наше положеніе таково, что война, которая въ обыкновенныя времена была бы бичемъ для человѣчества, нынѣ должна казаться полезною общественному благу. Этотъ спасительный кризисъ поставитъ народъ на высоту его назначенія, возвратитъ ему прежнюю энергію, возстановитъ наши финансы и заглушитъ всѣ зародыши внутреннихъ раздоровъ. Находясь въ подобномъ положеніи, великій Фридрихъ могъ уничтожить лигу, которую образовалъ противъ него вѣнскій дворъ, только путемъ предупрежденія ея. Комитетъ предлагаетъ вамъ ускорить приготовленія къ войнѣ: конгрессъ былъ бы позоромъ; война необходима, ее вызываетъ общественное мнѣніе, ее требуетъ общее благо“.

Докладчик заключалъ предложеніемъ потребовать отъ императора категорическихъ объясненій и, въ случаѣ если эти объясненія не будутъ даны ранѣе 10 февраля, считать отказъ въ требуемомъ отвѣтѣ актомъ вражды.

3.

Едва кончилось чтеніе этого доклада, какъ Гаде, который въ тотъ день предсѣдательствовалъ въ собраніи, всходитъ на трибуну и начинаетъ комментировать докладъ своего товарища и друга.

Гаде родился въ Сентъ-Эмилионѣ, въ окрестностяхъ Бордо; онъ сдѣлался знаменитымъ адвокатомъ прежде того возраста, когда люди успѣваютъ составить себѣ извѣстность,—его ожидала политическая трибуна. Наконецъ, онъ вступилъ въ Законодательное собраніе; ученикъ Бриссо, менѣе глубокой, но столь же смѣлый и болѣе краснорѣчивый, Гаде былъ связанъ тѣсными узами съ Жансонне и Верньо, которыхъ сближали съ нимъ одинаковый возрастъ, одинаковыя страсти, одно происхожденіе;—онъ былъ одаренъ сильнымъ характеромъ и увлекательнымъ словомъ, равно способнымъ и сопротивляться народному движенію, и направлять его къ рѣшительной развязкѣ.

Всѣ эти дары разума Гаде еще возвышались, обладая выразительною южною фізіономією, которая одушевляетъ рѣчь всѣмъ пламенемъ страсти.

„Говорять о конгрессѣ“, началъ онъ: „какого же рода этотъ заговоръ, составленный противъ насъ, и докуда мы будемъ терпѣть, чтобы насъ утомляли этими маневрами и оскорбляли подобными надеждами? Хорошо ли подумали объ этомъ тѣ, которые замышляютъ подобные вещи? Одна мысль о возможности сдать на капитуляцію нашу свободу могла бы довести до преступленія недовольныхъ, которые связывали съ нею свои надежды, а это такія преступленія, которыя нужно предупредить. Сообщимъ же всѣмъ этимъ принципамъ, что нація рѣшилась сохранить свою конституцію всецѣло или всецѣло же погибнуть вмѣстѣ съ ней! Короче, назначимъ заранѣе мѣсто для измѣнниковъ, и пусть этимъ мѣстомъ будетъ эшафотъ! Я предлагаю теперь же постановить, что нація считаетъ подлецами, измѣнниками отечеству, преступными въ оскорбленіи національнаго достоинства каждаго агента исполнительной власти, каждаго француза (нѣсколько голосовъ: каждаго законодателя), которые прямо или косвенно примутъ участіе въ конгрессѣ, имѣющемъ цѣлью добиться измѣненій въ конституціи или посредничества между Францією и бунтовщиками“.

При этихъ словахъ собраніе встаетъ, повинувшись единодушному порыву. Всѣ руки протягиваются и раскрываются, какъ бы для присяги. Трибуны соединяютъ свои рукоплесканія съ тѣми, которыя раздаются въ залѣ. Декретъ вотированъ.

Де-Лессаръ, котораго жестъ Гаде и употребленныя послѣднимъ фигуры умолчанія, казалось, уже предназначали сдѣлаться жертвою подозрѣній народа, не хотеть остаться подъ бременемъ этихъ ужасныхъ намековъ. „Здѣсь упоминали“, говоритъ онъ, „о политическихъ агентахъ исполнительной власти; я долженъ заявить, что мнѣ неизвѣстно ничего, что бы позволяло заподозрить ихъ вѣрность. Что касается до меня, то я повторяю слова моихъ товарищей по министерству, которыя признаю своими: конституція или смерть!“

Пока Жансонне и Гаде въ этой, заранѣ условленной сценѣ, возбуждали собраніе, Верньо поднималъ толпу проектомъ адреса къ французскому народу, распространеннаго въ массахъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Жирондисты копировали Мирабо. Они помнили эффектъ, произведенный два года назадъ проектомъ адреса къ королю о распущеніи войскъ.

„Французы!“ говорилъ Верньо, „призракъ войны появляется на вашихъ границахъ; говорятъ о заговорахъ противъ свободы. Ваши арміи собираются, великія движенія волнуютъ государство. Мятельные священники тайно подготавливаютъ совѣсть своихъ прихожанъ и даже на кафедрахъ проповѣдуютъ возстаніе противъ конституціи. Военные законы были необходимы. Съ тѣхъ поръ они казались намъ справедливыми. Но мы успѣли только на минуту дать сверкнуть молніи въ глазахъ мятежа. Нашимъ декретамъ было отказано въ королевской санкціи. Германскіе принцы дѣлаютъ изъ своей территоріи притонъ заговорщиковъ противъ васъ. Они покровительствуютъ заговорамъ эмигрантовъ. Они доставляютъ имъ убѣжище и даже оружіе, лошадей, военные припасы. Неужели должно все это выносить съ самоубійственнымъ терпѣніемъ? О, конечно, вы отказались отъ завоеваній, но вы вовсе не обѣщали терпѣть наглые вызовы. Вы сломали иго вашихъ тирановъ, но не для того, чтобы преклонять колѣна предъ иностранными деспотами. Берегитесь, вы окружены ловушками: васъ стараются довести, путемъ скуки или усталости, до изнеможенія, при которомъ истощится ваше мужество. Скоро, быть можетъ, постараются ввести васъ въ заблужденіе. Стараются васъ разлучить съ нами; составляютъ планъ клеветы противъ Национальнаго собранія; дѣлаютъ виновною въ вашихъ глазахъ самую революцію. О, берегитесь этого паническаго ужаса! Оттолкните съ негодованіемъ обманщиковъ, которые, выказывая лицемерное рвеніе къ конституціи, не перестаютъ говорить вамъ о *монархіи*. Монархія для нихъ значить контръ-революціа! Монархія это—дворянство. Контръ-революціа значить —десятина, феодализмъ, Бастилія, оковы, палачи, чтобы покарать высокіе порывы къ свободѣ! Это значить—чужеземные тѣлохранители внутри государства, — банкротство, поглощающее, вмѣстѣ съ ассигнаціями, ваши частныя имущества и національное богатство, — ярость фанатизма, мщенія, убійства, грабежъ, пожары, — наконецъ, деспотизмъ и смерть, оспаривающіе другъ у друга господство надъ вашимъ несчастнымъ отечествомъ среди потоковъ крови и на горахъ труповъ! Дворянство—это значить раздѣленіе людей на два класса: одинъ предназначенъ для величія, другой — для униженія, одинъ для тиранніи, другой — для рабства! Дворянство—одно это слово уже составляетъ оскорбленіе для человѣчества!

„Чтобы обезпечить успѣхъ заговоровъ, возбуждаютъ противъ васъ Европу. Нужно же разрушить эти преступныя надежды посредствомъ торжественнаго заявленія. Да, представители Франціи, свободные, непоколебимо привязанные къ конституціи, будутъ погребены подъ ея развалинами прежде, чѣмъ можно будетъ добиться капитуляціи, недостойной и ихъ и васъ. Соединитесь, успокойтесь. Стараются возбудить противъ васъ народы, но успѣютъ поднять только государей. Сердца народовъ съ вами. Вы усвоиваете себѣ ихъ дѣло, защищая собственное. Проклинайте войну; она—величайшее преступленіе людей и самый

ужасный бичъ челоѣчества; но въ крайности, если васъ вынуждаютъ, слѣдуйте указанію судьбы. Кто можетъ предвидѣть, до чего дойдетъ кара тирановъ, которые вложатъ въ ваши руки оружіе?“

Такимъ образомъ, голоса трехъ жирондистскихъ вождей соединились, чтобы повергнуть націю въ войну.

4.

Послѣднія слова Верньо довольно ясно обнаруживали народу перспективу всемірной республики. Конституціонисты не менѣ ревностно старались направить мысли націи къ войнѣ. Нарбоннь, возвратившись изъ своего короткаго путешествія, представилъ собранію успокоительный отчетъ о состояніи арміи и положеніи крѣпостей. Нарбоннь хвалилъ все. Онъ представилъ отечеству молодого Матье Монморанси,—одно изъ лучшихъ именъ Франціи, челоѣка съ характеромъ еще болѣе благороднымъ, чѣмъ самое имя, и указывалъ на него какъ на символъ аристократіи, предающейя свободѣ.

Нарбоннь свидѣтельствовалъ, что армія, въ своей привязанности къ отечеству, не отдѣляла собранія отъ короля. Онъ заранѣе прославлялъ предводителей войскъ. Въ сѣверную армію Нарбоннь назначилъ Рошамбо, въ Мець—Бертъе, въ Лиль—Вирона, на Рейнъ—Люкнера и Лафайета. Онъ говорилъ о планахъ кампаніи, условленныхъ между этими генералами по королевскому приказанію,—перечислялъ національныхъ гвардейцевъ, готовыхъ служить второю линіею дѣйствующей арміи,—требовалъ скорѣйшаго вооруженія ихъ,—описывалъ, какъ эти волонтеры придаютъ арміи самый внушительный характеръ, характеръ силы и воли цѣлой націи.

За офицеровъ, которые присягнули конституціи, Нарбоннь ручался и оправдывалъ даже тѣхъ, которые отказались отъ присяги, чтобы не быть измѣнниками. Нарбоннь успокоивалъ собраніе по вопросу о недоѣрріи къ людямъ сомнительнымъ. „Недоѣрріе“, сказалъ онъ, „въ эти бурныя времена самое естественное, но также и самое опасное чувство. Доѣрріе обяываетъ. Народу важно показать, что онъ можетъ имѣть только друзей“. Наконецъ Нарбоннь объявилъ, что въ наличности имѣется 110,000 челоѣкъ пѣхоты и 20,000 челоѣкъ кавалеріи, готовыхъ выступить въ поле.

Этотъ отчетъ, расхваленный Бриссо въ его листкахъ, одобренный жирондистами въ собраніи, не оставлялъ болѣе предлога людямъ, которые хотѣли отсрочить борьбу. Франція чувствовала, что ея силы возвысились до уровня ея гнѣва. Ничто не могло болѣе сдержать ее. Возрастающая непопулярность короля увеличивала раздраженіе умовъ. Уже два раза онъ остановилъ,—посредствомъ своего veto, энергическія мѣры, постановленныя собраніемъ: декретъ противъ эмигрантовъ и декретъ противъ неприсяжныхъ священниковъ. Эти два veto, предписанные королю одинъ его честью, а другой совѣстью, были страшнымъ оружіемъ, которое конституція вложила въ его руку и изъ котораго онъ не могъ сдѣлать употребленія, не ранивъ самого себя. Жирондисты отомстили королю за сопротивленіе, навязавъ ему войну противъ принцевъ, которые были его братьями, и противъ императора, въ которомъ они предполагали его сообщника.

Якобинскіе памфлетисты и журналисты непрерывно волновали народъ этими двумя королевскими veto, какъ актами измѣны. Смуты въ Вандеѣ были приписаны тайному сообщничеству короля съ мятежнымъ духовенствомъ. Напрасно департаментъ Парижа, составленный изъ людей, относившихся съ уваженіемъ къ совѣсти,—каковы Талейранъ, Ларошфуко и Бомецъ,—представлялъ королю петицію, въ которой во имя истинныхъ принциповъ свободы заявлялся протестъ противъ произвола революціонной инквизиціи; контръ-петиціи поступали изъ департаментовъ во множествѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ состояніе королевства соотвѣтствовало состоянію Парижа. Въ департаментахъ все обратилось въ шумъ, смуту, доносъ, мятежъ. Каждый курьеръ приносилъ вѣсти о новыхъ скандалахъ, мятежныхъ петиціяхъ, волненіяхъ, убійствахъ. Клубы образовали столько очаговъ сопротивленія конституціи, сколько было общинъ въ имперіи. Междоусобная война, подготовлявшаяся въ Вандеѣ, разразилась убійствами въ Авиньонѣ.

5.

Городъ Авиньонъ и его округъ, присоединенные къ Франціи послѣднимъ декретомъ Учредительнаго собранія, остались въ эту эпоху въ переходномъ состояніи между двумя видами чуждой зависимости,—состояніи весьма благопріятномъ анархіи. Приверженцы папскаго правленія боролись тамъ съ партизанами присоединенія къ Франціи, попеременно переходя отъ надежды къ страху, что только длило и ожесточало ихъ взаимную ненависть. Король, по религіозной совѣстливости, слишкомъ долго останавливалъ исполненіе декрета о присоединеніи. Боясь присвоить собственность церкви, онъ рѣшился на это слишкомъ поздно, и такая неблагоразумная медлительность его дала время совершиться преступленіямъ.

Представителями Франціи въ Авиньонѣ служили медиаторы. Временная власть этихъ послѣднихъ подрывлялась отрядомъ линейныхъ войскъ. Муниципальная власть была ввѣрена диктатурѣ муниципалитета. Населеніе, взволнованное и страстное, раздѣлялось на партію французскую или революціонную,—и партію противную присоединенію къ Франціи и враждебную революціи. Фанатизмъ религіозный у однихъ, фанатизмъ къ свободѣ у другихъ побуждалъ обѣ партіи къ одинаковымъ преступленіямъ. Жаръ крови, жажда личной мести, жгучій климатъ присоединялись къ междоусобнымъ страстямъ. Насилія итальянскихъ республикъ должны были возродиться въ правахъ этой итальянской колоніи, составлявшей вспомогательный отрядъ Рима на берегахъ Роны. Чѣмъ меньше государство, тѣмъ яростнѣе въ немъ бываетъ междоусобная война. Противныя мнѣнія въ немъ переходятъ въ личную вражду; сраженія становятся убійствами. Авиньонъ переживалъ прелюдію такой рѣзни массами подъ видомъ частныхъ убійствъ.

16 Октября проявилось глухое волненіе въ народныхъ толпахъ, состоявшихъ, главныхъ образомъ, изъ людей, враждебныхъ революціи; стѣны церквей были покрыты афишами, которыя призывали населеніе къ возстанію противъ временной муниципальной власти. Распространялись слухи о неимовѣрныхъ чудесахъ, которыми, во имя неба, требовалась месть за покушенія, совершенныя противъ религіи. Говорили, что статуи Богоматери, которой поклонялся народъ

въ церкви Кордельеровъ, покраснѣла отъ оскверненія ея храма. Видѣли, какъ она пролиwała слезы негодованія и горести. Народъ, воспитанный, при папскомъ правленіи, на вѣрованіяхъ въ эти предразсудки, отправился въ церковь толпами, чтобы отомстить за дѣло своей покровительницы. Одушевленная фанатическими увѣщаніями, увѣжденная въ божественномъ вмѣшательствѣ, толпа, выйдя изъ церкви и значительно увеличившись въ объемъ, бросилась на городской валъ, залепла ворота, повернула пушки на городъ и разсѣялась по улицамъ, съ крикомъ требуя ниспроверженія правительства. Несчастный Лекюэ, Авиньонскій нотаріусъ и секретарь муниципалитета, — специально указанный народной ярости, былъ вытасненъ съ насиліемъ изъ своего жилища; потомъ его тащили по мостовой до алтаря церкви Кордельеровъ, били саблями и палками, топтали ногами, подвергали поруганіямъ даже его трупъ, и эту искушительную жертву распростерли у ногъ оскверненной статуи. Національная гвардія и отрядъ войска, выйдя изъ крѣпости съ двумя пушками, разсѣяли взволнованный народъ и подняли на мостовой у церкви обнаженное и бездыханное тѣло Лекюэ. Но городскія тюрьмы были взломаны, и злодѣи, которые въ нихъ заключались, предложили свою помощь при другихъ убійствахъ. Надо было бояться ужасныхъ репрессалій, а между тѣмъ медиаторы, которыхъ не было въ городѣ, оставались безпечными въ виду такой опасности или добровольно закрывали на нее глаза. Завязались тайныя сношенія между вождями парижскихъ клубовъ и революціонерами Авиньона.

6.

Изъ Версали въ Авиньонъ прибылъ одинъ изъ тѣхъ зловѣщихъ людей, которые какъ бы чутьемъ угадываютъ кровь и предвѣщаютъ убійство. Этотъ человекъ назывался Журданомъ.

Его не должно смѣшивать съ другимъ революціонеромъ того же имени, который родился въ Авиньонѣ. Рожденный среди бесплодныхъ, известковыхъ горъ юга, — гдѣ даже животныя отличаются большею свирѣпостью, — сначала мясникъ, потомъ кузнецъ, контрабандистъ въ ущельяхъ, раздѣлявшихъ Савойю отъ Франціи, солдатъ, дезертиръ, конюхъ, — наконецъ, торговецъ винами въ предмѣстьѣ Парижа, Журданъ во всѣхъ этихъ профессіяхъ, такъ сказать, снялъ шкуру съ самыхъ низкихъ пороковъ. Первая убійства, совершенныя народомъ на парижскихъ улицахъ, открыли Журдану его истинную страсть. Это была страсть не къ сраженію, но къ убійству. Онъ являлся послѣ рѣзни, чтобы рѣзать жертвы въ куски и тѣмъ дѣлать убійство болѣе позорнымъ. Журданъ сдѣлался человѣческимъ мясникомъ и самъ хвастался этимъ. Онъ погрузилъ руки въ раскрытую грудь Фулона и Бертъе и вытащилъ оттуда сердце. Онъ же отрѣзалъ головы двумъ королевскимъ тѣлохранителямъ, Вариктуру и де-Гюттъ, 6-го октября, въ Версали; онъ также, возвращаясь въ Парижъ съ этими двумя отрубленными головами, посаженными на концы пики, упрекалъ народъ, что тотъ удовольствовался такой бездѣлицею и что вернулъ его, Журдана, послѣ того, какъ были отрублены только двѣ головы! Въ Авиньонѣ Журданъ надѣялся найти нѣчто лучшее и отправился туда.

Въ Авиньонѣ былъ корпусъ волонтеровъ, называвшійся воклюзскою арміею

и составленный из осадка населенія пѣлаго края, подъ начальствомъ нѣкоего Патри. Когда этотъ Патри былъ убитъ своей бандой, неистовства которой хотѣлъ умѣрить, начальство перешло къ Журдану, по праву мятежа и злодѣйства.

Солдаты, которыхъ упрекали за разбои и убійства, подобныя совершаемымъ бельгійскими *gueux* и парижскими санкюлотами, провозгласили позоръ славою и сами назвали себя „храбрыми авиньонскими бандитами“. Журданъ, во главѣ этой банды, опустошилъ, предалъ огню весь авиньонскій округъ, осадилъ городъ Карпантра, но былъ отраженъ съ потерей 500 человекъ и удалился къ Авиньону, еще трепетавшему отъ убійства Лекюэ. Журданъ предложилъ свои руки и войско на дѣло мести французской партіи. 30-го августа Журданъ и его убійцы заперли городскія ворота, разсѣялись по улицамъ, окружили дома, указанныя заранее, какъ убѣжище враговъ революціи,—вытаскивали оттуда обитателей,—мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей, безъ различія возраста, пола и невинности. Они заперли ихъ во дворцѣ. Съ наступленіемъ ночи, убійцы выламываютъ двери и ударами желѣзныхъ ломовъ убиваютъ эти безоружныя и умоляющія жертвы. Вопли послѣднихъ напрасно призываютъ на помощь національную гвардію. Городъ слышитъ рѣзню, но не смѣетъ подать знакъ чело-вѣколюбія.

Молва о преступленіяхъ леденитъ и парализуетъ всѣхъ гражданъ. Смерть женщинъ убійцы предваряютъ поруганіями и позоромъ, который прибавляетъ къ ужасу стыдъ, а мученія убійства увеличиваетъ муками стыдливости. Смѣхъ и слезы, вино и кровь, сладострастіе и смерть тутъ перемежаются. Когда уже некого убивать, разбойники все еще увѣчатъ трупы. Кровь сметають въ сточныя трубы дворца. Обезображенные останки убитыхъ тащатъ въ ледникъ; тамъ ихъ забиваютъ въ стѣну, оставляя прочныя слѣды народной мести. Честь этой ночи Журданъ и его приверженцы подносятъ французскимъ медиаторамъ и Национальному собранію. Парижскіе злодѣи восхищаются; собраніе трепещетъ отъ негодованія и принимаетъ это преступленіе какъ личное для себя оскорбленіе; президентъ собранія лишается чувствъ, читая разсказъ объ авиньонской ночи. Приказываютъ арестовать Журдана и его сообщниковъ. Журданъ бѣжитъ изъ Авиньона. Преслѣдуемый французами, онъ бросается съ лошадыю въ рѣку Соргъ. Застигнутый среди рѣки солдатомъ, онъ стрѣляетъ въ него, но даетъ промахъ. Наконецъ, Журданъ арестованъ и связанъ. Его ждетъ казнь. Но якобинцы вынуждаютъ у жирондистовъ амністію за авиньонскія преступленія. Журданъ, увѣренный въ безнаказанности и гордый своимъ злодѣйствомъ, опять появляется тамъ же, чтобы заколотъ своихъ обвинителей.

Собраніемъ овладѣлъ на время трепетъ при видѣ этой крови, но потомъ оно поспѣшило отвернуться отъ нея. Одержимое нетерпѣніемъ господствовать одному, оно не имѣло времени на состраданіе. Сверхъ того, между жирондистами и якобинцами существовало соревнованіе въ увлеченіяхъ и соперничество изъ-за первенства въ революціи, заставлявшее каждую изъ этихъ партій бороться, чтобы другая не опередила ее. Даже трупы не останавливали этихъ людей: слишкомъ продолжительное состраданіе могло быть принято за слабость.

7.

Между тѣмъ число жертвъ увеличивалось со дня на день, и одно несчастье слѣдовало за другимъ. Все государство, повидимому, разрушалось на глазахъ своихъ преобразователей. Сень-Доминго, самая богатая изъ французскихъ колоній, плавала въ крови. Франція была наказана за свой эгоизмъ. Учредительное собраніе провозгласило въ принципѣ свободу чернокожихъ, но въ дѣйствительности невольничество еще существовало. Болѣе 300,000 невольниковъ служили вьючнымъ скотомъ для нѣсколькихъ тысячъ колонистовъ. Рабовъ покупали, продавали, увѣчили, какъ ломають неодушевленные предметы. Ихъ умышленно держали внѣ гражданскихъ и религіозныхъ законовъ. Собственность семья, бракъ для нихъ были запрещены. Прилагались всѣ старанія, чтобы эти невольники пали ниже людей, чтобы сохранить право обращаться съ ними какъ со скотами. Если между ними и заключались какіе-нибудь пугливые или порожденные корыстными видами союзы, то жена или дѣти невольника принадлежали господину. Ихъ продавали по одиночкѣ, не обращая никакого вниманія на естественныя связи родства. Безжалостно разрывали всѣ привязанности, изъ которыхъ провидѣніе образовало цѣпь симпатій для человѣчества.

Это непрерывное преступленіе, это систематическое отупѣніе имѣло своихъ теоретиковъ и хвалителей. У чернокожихъ отрицали человѣческія способности. Ихъ называли расой, посредствующей между тѣломъ и духомъ. Безчестное злоупотребленіе силы надъ этимъ инертнымъ и рабскимъ племенемъ называли необходимой опекой. У тирановъ никогда не бываетъ недостатка въ софистахъ. Съ другой стороны люди сострадательные къ себѣ подобнымъ, которые, какъ Грегуаръ, Райналь, Барнавъ, Бриссо, Кондорсе, Лафайетъ, усвоили себѣ дѣло человѣчества и образовали „Общество друзей чернокожихъ“, примѣняли къ колоніямъ свои принципы больше въ смыслѣ мести, чѣмъ правосудія. Эти принципы безъ подготовки и безъ осмотрительности разразились въ колониальномъ обществѣ, гдѣ истина не имѣла другого органа, кромѣ возстанія. Философія провозглашаетъ принципы, политика ихъ примѣняетъ; друзья чернокожихъ удовольствовались только провозглашеніемъ. Франція не имѣла мужества лишить имущества и потомъ вознаграждать жителей своихъ колоній; она завоевала свободу для одной себя; она отсрочивала исцѣленіе язвы невольничества въ своихъ колоніяхъ; могла ли же она и удивляться, что невольничество само старалось отомстить за себя, и что свобода, напрасно провозглашенная въ Парижѣ, превратилась въ возстаніе на Сень-Доминго? Всякая неправда, продолжающая существовать въ свободномъ обществѣ на пользу притѣснителей, становится мечемъ, которымъ само общество вооружаетъ притѣсненныхъ. Право составляетъ самое опасное изъ всѣхъ оружій. Горе тому, кто предоставляет такое оружіе своимъ врагамъ!

8.

Сень-Доминго служилъ этому доказательствомъ: 50,000 черныхъ невольниковъ возстали въ одну ночь, по внушенію и подъ предводительствомъ мулатовъ, или цвѣтныхъ людей. Цвѣтные люди—промежуточная раса, происшедшая

отъ смѣшенія бѣлыхъ поселенцевъ съ черными невольниками, — не были рабами, но не были и гражданами. Они представляли нѣчто въ родѣ вольноотпущенныхъ, снабженныхъ и недостатками и добродѣтелями двухъ расъ: гордостью бѣлыхъ, униженіемъ черныхъ; эти люди, постоянно колеблясь, переходя то на сторону рабовъ, то на сторону господъ, должны были вызвать тѣ страшныя потрясенія, которыя неизбѣжно приводятъ къ ниспроверженію общества.

Мулаты, сами владѣвшіе невольниками, сначала были заодно съ колонистами и противились освобожденію черныхъ даже съ большею непоколебимостью, чѣмъ бѣлые. Чѣмъ ближе они сами были къ рабству, тѣмъ съ большею страстностью защищали свою долю тиранніи. Таковъ человѣкъ; никто не бываетъ болѣе склоненъ злоупотреблять своимъ правомъ, какъ тотъ, кто только что приобрѣлъ его; самыми злыми тиранами бываютъ рабы, самыми надменными людьми — выскочки.

Цвѣтные люди имѣли все пороки выскочекъ по отношенію къ свободѣ. Но когда они замѣтили, что бѣлые ихъ презираютъ, какъ смѣшанную расу, — что революція вовсе не изгладитъ оттѣнки кожи и оскорбительные предразсудки, которые соединялись съ ея цвѣтомъ, — когда мулаты безуспѣшно требовали для себя пользованія гражданскими правами, которое оспаривалось у нихъ колонистами, тогда мулаты, со своею обычною быстротою и неукротимостью, перешли отъ одной страсти къ другой, отъ одной партіи къ другой и встали заодно съ притѣсненной расой.

Привычка къ власти, богатство, просвѣщеніе, энергія, смѣлость дѣлали мулатовъ естественными вождами черныхъ. Они братались съ ними, приобрѣли популярность среди черныхъ благодаря тому же цвѣту, котораго недавно стыдились среди бѣлыхъ. Въ ночныхъ совѣщаніяхъ съ невольниками они тайно посѣяли зародышъ возстанія. Кромѣ того, мулаты поддерживали секретную корреспонденцію съ друзьями черныхъ въ Парижѣ. Они распространили во множествѣ по невольничьимъ хижинамъ рѣчи и сочиненія, въ которыхъ изъ Парижа указывались колонистамъ ихъ обязанности, невольникамъ ихъ безспорныя права. Права человѣка, комментированныя мстью, сдѣлались катихизисомъ жителей.

Бѣлые трепетали. Страхъ привелъ ихъ къ насилію. Кровь мулата Оже и его сообщниковъ, пролитая губернаторомъ Сень-Доминго, Бланшландомъ, и колониальнымъ совѣтомъ, вызвала повсюду мятежи и отчаяніе.

9.

Оже, избранный депутатомъ въ Парижѣ отъ цвѣтныхъ людей, чтобы отстаивать ихъ права предъ Учредительнымъ собраніемъ, сошелся съ Бриссо, Райналемъ, Грегуаромъ и чрезъ нихъ былъ принятъ въ Общество друзей чернокожихъ. Перейдя отсюда въ Англію, онъ познакомился тамъ съ набожнымъ филантропомъ Кларксономъ. Кларксонъ и его другъ защищали тогда дѣло эманципации чернокожихъ; они были первыми апостолами той религіи чловѣчества, по ученію которой невозможно поднимать къ небу чистыя руки, пока въ этихъ рукахъ остается конецъ цѣпи, удерживающей цѣлую чловѣческую расу въ униженіи и рабствѣ. Посѣщеніе этихъ людей, посвятившихъ себя добру, сообщало еще болѣе широты взглядамъ Оже. Онъ прибылъ въ Европу, съ

цѣлью защищать интересы только мулатовъ, но здѣсь онъ сдѣлался защитникомъ болѣе либеральнаго и святаго дѣла,—защитникомъ всѣхъ вообще чернокожихъ. Онъ посвятилъ себя свободѣ всѣхъ своихъ братьевъ. Возвратясь во Францію, Оже посѣтилъ Барнава: онъ умолялъ комитетъ Учредительнаго собранія приложить къ колоніямъ принципъ свободы и не дѣлать исключенія изъ божественнаго закона, оставляя невольниковъ у ихъ господъ. Встревоженный и приведенный въ негодованіе колебаніями комитета, который одной рукой отнималъ то, что давалъ другой, Оже объявилъ, что если правосудіа недостаточно для ихъ дѣла, то онъ обратится къ силѣ. Тогда Барнавъ сказалъ: „скорѣе пусть погибнуть колоніи, чѣмъ принципъ“. Люди 14 іюля не имѣли права, въ глазахъ Оже, осуждать возстаніе, которое было ихъ собственнымъ правомъ на независимость.

Безъ сомнѣнія тайное сочувствіе друзей чернаго племени сопровождало Оже, который отплылъ въ Сентъ-Доминго. Тамъ онъ увидѣлъ, что права цвѣтныхъ людей и основы свободы чернокожихъ больше, чѣмъ когда нибудь, отвергнуты и поруганы. Оже поднялъ знамя возстанія, сохраняя, однакожъ, формы и права законности. Во главѣ собранія изъ 200 цвѣтныхъ людей, онъ требовалъ обнародованія въ колоніяхъ декретовъ Національнаго собранія, что до тѣхъ поръ произвольно отсрочивалось. Военному начальнику Оже написалъ слѣдующее: „мы требуемъ обнародованія закона, дѣлающаго насъ свободными гражданами. Если вы этому противитесь, то мы отправимся въ Леогану, наменуемъ избирателей, отразимъ силу силою. Гордость колонистовъ считаетъ себя униженною, если они сядутъ рядомъ съ нами. Но развѣ совѣтовались съ гордостью дворянства и духовенства, чтобы провозгласить равенство гражданъ во Франціи?“ Правительство, отвѣчало на этотъ краснорѣчивый призывъ къ свободѣ посылкою корпуса войскъ, чтобы разсѣять собраніе. Оже отразилъ ихъ.

10.

Войска болѣе многочисленныя, послѣ геройскаго сопротивленія, успѣли все-таки разсѣять мулатовъ. Оже ускользнулъ и бѣжалъ въ испанскую часть острова. Голова его была оцѣнена. Бланшландъ въ своихъ прокламаціяхъ отъ имени того же собранія, которое провозгласило права гражданина, ставилъ Оже въ преступленіе его требованіе естественныхъ правъ. Отъ испанскаго правительства потребовали выдачи новаго Спартака, одинаково опаснаго бѣлымъ въ обѣихъ частяхъ острова. Оже былъ выданъ испанцами французамъ. Его судили въ Капѣ. Процессъ Оже тянули два мѣсяца, чтобы разомъ перерѣзать всѣ нити замысловъ независимости и чтобы устрашить его сообщниковъ. Вѣлые, волнуясь, выражали нетерпѣніе по поводу этой медленности и громко требовали головы Оже. Судьи осудили его на смерть за то самое преступленіе, которое въ метрополіи прославило Лафайета и Мирабо.

Оже вынесъ тюремную пытку. Права цвѣтной расы, воплощенныя и поруганныя въ лицѣ этого человѣка, возвышали его духъ надъ палачами. „Откажитесь“, говорилъ онъ имъ съ безстрашною гордостью, „откажитесь отъ надежды вырвать у меня хотя одно имя моихъ сообщниковъ. Мои сообщники — вездѣ, гдѣ сердце человѣческое возмущается противъ притѣснителей человѣка“.

Съ этой минуты онъ произнесъ только два слова, которыя звучали угрызеніемъ совѣсти въ ухахъ его преслѣдователей. Слова эти были: *свобода, равенство*. Оже спокойно пошелъ на мѣсто казни. Онъ съ негодованіемъ выслушалъ приговоръ, который осуждалъ его на медленную и позорную смерть, подобно самымъ низкимъ злодѣямъ. „Ну, что же“, вскричалъ онъ, „вы меня уравниваете съ преступниками, потому что я хотѣлъ возратить себѣ подобнымъ тѣ права и то достоинство человѣка, которыя чувствую въ себѣ самомъ! Пусть такъ! вотъ моя кровь! но изъ нея выйдетъ мститель!“ Онъ погибъ отъ колесованія, и обезображенное тѣло его было оставлено на краю дороги. Эта геройская смерть нашла отголосокъ даже въ Национальномъ собраніи и возбудила различные чувства.

„Эта казнь заслужена“, сказалъ Малуэ, „Оже преступникъ и убійца“. „Если Оже виновенъ“, отвѣчалъ ему Грегуаръ, „то мы всѣ виновны: если тотъ, кто требовалъ свободы для своихъ братьевъ, справедливо гибнетъ на эшафотѣ, то надо возвести на эшафотъ всѣхъ французовъ, которые на насъ похожи“.

11.

Кровь Оже глухо кипятила сердца всѣхъ мулатовъ. Они поклялись отомстить за него.

Чернокожіе составили армію, готовую къ убійствамъ. Сигналы имъ подали цвѣтные люди. Въ одну ночь 60,000 невольниковъ, съ факелами и со своими рабочими орудіями, подожгли всѣ жилища своихъ господъ на разстояніи 6 миль вокругъ Капа. Бѣлые перерѣзаны. Женщины, дѣти, старики, ничто не ускользаетъ отъ давно сдерживаемой ярости черныхъ. Это—поголовное уничтоженіе одной расы другою. Окровавленные головы бѣлыхъ, воткнутыя на концахъ палокъ изъ сахарнаго тростника, служатъ знаменемъ, которое ведетъ эти орды не къ сраженію, но къ рѣзнѣ. Несправедливости, нѣсколько вѣковъ наносившіяся бѣлыми чернымъ, отомщены въ одну ночь. Два цвѣта кожи какъ-бы соперничаютъ другъ передъ другомъ въ жестокости. Негры подражаютъ казнямъ, которыя долгое время совершались надъ ними самими; они даже изобрѣтаютъ новыя. Если нѣсколько великодушныхъ и вѣрныхъ невольниковъ становятся между своими старыми господами и смертью, то ихъ убиваютъ всѣхъ вмѣстѣ. Признательность и состраданіе—добродѣтели, неизвѣстныя въ междоусобной войнѣ. Цвѣтъ кожи самъ по себѣ составляетъ смертный приговоръ, безотносительно къ лицамъ. Война происходитъ уже не между людьми, а между расами. Одна раса должна погибнуть, чтобы другая имѣла возможность жить. Если правосудіе не могло заставить спорящія стороны услышать себя, то только смерть можетъ ихъ примирить. Всякая пощада жизни блага составляетъ измѣну, которая будетъ стоить жизни черному. Въ подобныхъ случаяхъ негры не имѣютъ сердца. Это уже не люди, уже не народъ, а истребительный элементъ, который проходитъ по землѣ, сметая все, встрѣчаемое на пути.

Въ нѣсколько часовъ 800 жилищъ, сахарныя и кофейныя плантаціи, представляющія громадный капиталъ, уничтожены. Мельницы, магазины, посуда, даже растенія, которыя напоминаютъ о работѣ, брошены въ огонь. Вся равнина,—насколько можетъ окинуть глазъ,—покрыта только дымомъ и пепломъ

пожара. Трупы бѣлыхъ, страшные трофеи, сложенные изъ туловищъ, головъ, членовъ убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, одни только указываютъ мѣсто богатыхъ жилищъ, гдѣ убитые еще наканунѣ господствовали. Это мѣсть за рабство. Каждая тираннія имѣетъ свою ужасающую обратную сторону.

Бѣлые, увѣдомленные во время о возстаніи вслѣдствіе великодушной нескромности черныхъ, а частію охраняемые въ своемъ бѣгствѣ лѣсами и мракомъ ночи, бѣжали въ городъ Капъ. Другіе, спрятавшись со своими женами и дѣтьми въ пещерахъ, получали тамъ, подъ страхомъ опасности для жизни, пищу отъ своихъ вѣрныхъ невольниковъ. Армія черныхъ сильно увеличилась подъ стѣнами Капа. Она тамъ дисциплинировалась подъ защитою укрѣпленнаго стана. Благодаря помощи невидимыхъ союзниковъ, у чернокожихъ явились ружья и пушки. Въ этомъ сообщничествѣ съ бунтовщиками одни обвиняли англичанъ, другіе—испанцевъ, иные, наконецъ, друзей чернокожихъ. Но испанцы были въ мирѣ съ Франціей. Возстаніе черныхъ угрожало имъ самимъ не менѣе чѣмъ и французамъ. Англичане сами владѣли втрое большимъ числомъ невольниковъ, чѣмъ Франція. Принципъ возстанія, упоеннаго торжествомъ, распространившись среди англійскихъ колоній, разорилъ бы ихъ собственныя заведенія и подвергнулъ бы опасности самую жизнь ихъ колонистовъ. Подобныя подозрѣнія были нелѣпы. Виновною была только сама свобода, которую нельзя безнаказанно подавлять въ какой бы то ни было части человѣческаго рода. Свобода имѣла своихъ сообщниковъ въ сердцахъ самихъ французовъ.

Это доказала и мягкость рѣшеній собранія при полученіи извѣстій объ ужасныхъ событіяхъ на Сень-Доминго. Морской министръ, Бертранъ де-Мольвиль, распорядился немедленно отправить въ Сень-Доминго 6,000 человѣкъ подкрѣпленія.

Бриссо произнесъ рѣчь, въ которой, нападая на эти репрессивныя мѣры, не побоялся сложить всю гнусность преступленій на самихъ жертвъ и обвинить правительство въ сообщничествѣ съ колониальной аристократіей. „По какой роковой случайности эти извѣстія совпадаютъ съ усиленіемъ эмиграціи, съ возвѣщеніемъ намъ близкаго удара со стороны мятежниковъ, собранныхъ на нашихъ границахъ,—наконецъ, съ угрозою, со стороны колоній, чрезъ посредство незаконной депутаціи, отказаться отъ подчиненія метрополіи? Не видно ли здѣсь развѣтвленіе обширнаго плана, задуманнаго измѣной?“

Впрочемъ, нежеланіе „друзей чернокожихъ“, многочисленныхъ въ собраніи, принимать энергическія мѣры въ пользу колонистовъ, равнодушіе къ колоніямъ революціонной партіи, дальнее разстояніе отъ мѣста происшествія, ослабляющее собою состраданіе,—наконецъ, внутреннее движеніе, которое овладѣло во Франціи умами и обстоятельствами, все это очень скоро изгладило полученныя впечатлѣнія и позволило зародиться и вырасти на Сень-Доминго духу независимости черныхъ, который уже показывался вдали въ лицѣ бѣднаго, стараго невольника, Туссена-Лувертюра.

Между тѣмъ, внутреннія неурядица увеличивались во всѣхъ концахъ государства. Религіозная свобода, которая составляла страстное желаніе Учреди-

тельнаго собранія и великое пріобрѣтеніе революціи, не могла установиться безъ борьбы между прежнимъ культомъ, лишеннымъ своихъ правъ, и зарождающимся расколомъ; эти двѣ стороны оспаривали другъ у друга вліяніе на населеніе. Антиреволюціонная партія повсюду вступала въ союзъ съ духовенствомъ. Они имѣли однихъ и тѣхъ же враговъ, стоваривались противъ одного и того же дѣла. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ неприсяжные священники были лишены правъ, на ихъ сторону перешло сочувствіе нѣкоторой части народа, особенно въ деревняхъ. Всякое преслѣдованіе бываетъ такъ ненавистно народному сознанию, что даже призракъ несправедливости увлекаетъ великодушныя сердца. Человѣческій умъ вообще склоненъ думать, что справедливость находится на сторонѣ тѣхъ, кто терпитъ. Священники не были еще преслѣдуемы, но были унижены. Глухое раздраженіе, поддерживаемое духовенствомъ, было гибельнѣе для революціи, чѣмъ заговоры эмигрантовъ-аристократовъ. Совѣсть составляетъ самое чувствительное мѣсто въ человѣкѣ. Затронутыя въ умахъ народа вѣрованія или потревоженное религіозное чувство составляютъ сами по себѣ заговоръ къ возстанію и притомъ самый неумолимый изъ заговоровъ. Аристократія взволновала Вандею, указывая на руку Провидѣнія, которая будто бы проявлялась въ рукѣ священника. Частыя и кровопролитныя вспышки на западѣ Франціи и въ Нормандіи показывали, что тамъ уже тлѣетъ скрытая искра религіозной войны.

Самая ужасная изъ этихъ вспышекъ разразилась въ Капѣ. Аббатъ Фоше былъ конституціоннымъ епископомъ Кальвадоса. Извѣстность его имени, возвышенный патріотизмъ его образа мыслей, блескъ революціонной репутаціи Фоше,—наконецъ, его слово и сочиненія, изобильно распространяемыя по епархіи, послужили причиною волненія, болѣе напряженнаго въ Кальвадосѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Какъ сходство въ мнѣніяхъ, такъ и честность реформаторскихъ стремленій и самыя иллюзіи воображенія должны были потомъ сдѣлать Фоше соучастникомъ дѣйствій и эшафота жирондистовъ.

Фоше родился въ Дорнѣ, старинной провинціи Ниверне. Онъ поступилъ въ духовное званіе, вошелъ въ свободную общину священниковъ св. Роха въ Парижѣ и нѣкоторое время былъ наставникомъ дѣтей маркиза Шуазеля, брата знаменитаго герцога Шуазеля, послѣдняго министра изъ школы Ришелье и Мазарини. Замѣчательный даръ слова блестящимъ образомъ выдвинулъ Фоше на церковной кафедрѣ. Онъ былъ названъ королевскимъ проповѣдникомъ, великимъ викаріемъ Буржа, аббатомъ Монфоръ. Фоше быстро шелъ къ высшимъ церковнымъ званіямъ, но онъ не былъ чуждъ и духу своего вѣка. Фоше не былъ, однакожъ, разрушителемъ, но лишь реформаторомъ церкви, въ нѣдрахъ которой родился. Книга Фоше „О національной церкви“ показываетъ въ немъ столько же уваженія къ сущности христіанской вѣры, сколько и смѣлости въ преобразованіи ея порядка. Та философская вѣра, значительно похожая на христіанскій платонизмъ, который господствовалъ въ Италіи въ эпоху Медичи и даже въ папскихъ дворцахъ при Львѣ X, проглядывала и въ церковныхъ рѣчахъ Фоше. Духовенство встревожилось появленіемъ въ церковномъ святилищѣ

этих проблесковъ блестящаго вѣка возрожденія. Аббата Фоше постигло за-
прещеніе; онъ былъ вычеркнутъ изъ списка королевскихъ проповѣдниковъ.

Но революція уже открывала для него другія кафедры. Она разразилась. Фоше устремился къ ней, какъ воображеніе устремляется къ надеждѣ. Онъ сражался за нее съ перваго же дня всѣмъ оружіемъ, какое только было въ его распоряженіи. Онъ волновалъ народъ вездѣ, гдѣ имѣлъ возможность: жес-
тами и голосомъ онъ побуждалъ возставшія массы идти подъ пушки Бастиліи. Видѣли, какъ Фоше съ саблею въ рукѣ шелъ впереди нападавшихъ и руко-
водилъ ими. Онъ ходилъ три раза, подъ огнемъ пушекъ, во главѣ депутаціи,
которая приглашала губернатора Бастиліи сберечь кровь гражданъ и положить
оружіе. Фоше не запятналъ свое революціонное рвеніе ни одною каплею крови,
ни однимъ преступленіемъ. Онъ воспламенялъ умы народа для свободы, но подъ
свободою понималъ добродѣтель. Природа одарила Фоше способностями для
такой двойной роли. Въ чертахъ его лица виденъ былъ не только священникъ,
но и герой.

Наружность Фоше располагала въ его пользу и восхищала толпу. Онъ об-
ладалъ высокой стройной фигурой, величественнымъ бюстомъ, овальнымъ очер-
таніемъ лица, черными глазами; темнорусые волосы увеличивали блѣдность его
лба. Внушительная, хотя и скромная, поза привлекала къ Фоше съ перваго
взгляда расположеніе и уваженіе; чистый, звучный, одушевленный голосъ Фоше,
его величественные жесты, выраженія, нѣсколько мистическія,—все это сосредото-
чивало въ слушателяхъ мысль и возбуждало въ нихъ удивленіе къ оратору.
Фоше былъ равно способенъ и для народной трибуны и для церковной кафедры;
Избирательныя собранія и кафедральныя церкви не могли вмѣщать всего народа,
который собирался слушать Фоше. Видя его, можно было представить себѣ
революціоннаго св. Бернарда, который проповѣдывалъ политическое милосердіе
или крестовый походъ разума.

Нравы Фоше не были ни строги, ни лицемерны. Онъ самъ признавался,
что любилъ законною и чистою привязанностью женщину, г-жу Каронъ, которая
слѣдовала за нимъ вездѣ, даже въ церкви и въ клубы. „Меня оклеветали по
поводу этой женщины“, говорилъ онъ, „я послѣ того почувствовалъ къ ней
еще большую привязанность, но остался чистъ. Вы видѣли эту женщину, она
прекраснѣе своей наружности и въ теченіе десятилѣтняго нашего знакомства
кажется мнѣ все болѣе и болѣе достойною любви. Она отдала бы жизнь за
меня, я готовъ отдать за нее свою жизнь, но не пожертвую ей своимъ долгомъ.
Несмотря на свирѣпыя пасквили аристократовъ, я пойду каждый день, въ обѣ-
денный часъ, къ ней, чтобы вкусить наслажденій самой чистой дружбы. Эта
женщина приходитъ слушать мои проповѣди! Да, безъ сомнѣнія, никто лучше
ея не знаетъ, какъ искренно я вѣрю истинамъ исповѣдуемой мною религіи.
Та же женщина приходитъ на собранія въ городской ратушѣ! Да, конечно; она
убѣждена, что патриотизмъ составляетъ вторую религію, что никогда лицемеріе
не прикоснется къ моей душѣ, и что моя жизнь, по истинѣ, всецѣло предана
Богу, отечеству, дружбѣ!..“ „И вы смѣете претендовать на чистоту! отвѣчали
ему, чрезъ посредство аббата Вальмерона, негодующіе „вѣрные“ священники.
Какое посмѣяніе! Чистый—когда вы сознаетесь въ самыхъ безпорядочныхъ на-

клонностяхъ, вырываете женщину съ ложа ея супруга, отъ обязанностей матери,—вечете эту безумную, какъ бы прикованную къ вамъ, и горделиво показываете ее! Какова ваша свита, милостивый государь? Толпа бандитовъ и потерянныхъ женщинъ. Вы достойный пастырь этой низкой черни; она празднуетъ вашъ пастырскій визитъ такими праздниками, которые одни только и могутъ усладить васъ; вашъ путь обозначается всѣми излишествами разбоя и разврата“.

Эти кровавадыя обвиненія находили отголосокъ въ департаментахъ и воспламеняли умы. Присяжные и неприсяжные священники оспаривали одни у другихъ алтари. Письменное разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ уполномочивало неприсяжныхъ священниковъ отправлять священнослуженіе въ тѣхъ церквахъ, гдѣ они служили прежде. Повинуясь закону, конституціонные священники открыли первымъ капеллы и доставили принадлежности необходимыя для служенія; но толпа, вѣрная прежнимъ пастырямъ, осыпала оскорбленіями новыхъ и даже угрожала имъ. На порогѣ дома Божія между двумя культами происходили кровавыя схватки.

Въ пятницу, 4 ноября, прежній священникъ церкви Сенъ-Жанъ въ Капѣ явился туда служить обѣдню. Церковь была полна католиковъ. Такое стеченіе раздражило конституціонистовъ и воспламенило ихъ противниковъ. Благодарственное „Te Deum“ было потребовано и пропѣто приверженцами прежняго священника. Послѣдній, ободренный этимъ успѣхомъ, объявилъ вѣрнымъ, что возвратится на слѣдующій день, въ тотъ же часъ, совершать службу. „Терпѣніе“, прибавилъ онъ, „будемъ благодарны, и все пойдетъ хорошо!“

Муниципалитетъ, извѣщенный объ этомъ, пригласилъ священника не ходить на другой день служить мессу, о которой онъ объявилъ. Онъ сообразовался съ этимъ приглашеніемъ. Но толпа, ничего не зная о такой перемѣнѣ, уже наполняла церковь. Громко требовали священника и обѣщаннаго „Te Deum“. Окрестные дворяне, Капская аристократія, многочисленные кліенты и слуги сильныхъ въ краѣ фамилій скрывали подъ платьемъ оружіе. Они оскорбляли гренадеровъ. Офицеръ національной гвардіи хотѣлъ имъ сдѣлать за это выговоръ. „Зачѣмъ вы пришли, то и найдете“, отвѣчали ему аристократы, „мы сильнѣе и выгонимъ васъ изъ церкви“. При этихъ словахъ молодые люди бросаются на національную гвардію, чтобы обезоружить ее. Завязывается схватка, блестятъ штыки, pistolетные выстрѣлы раздаются подъ сводами церкви, сыплются сабельные удары. Роты стрѣлковъ и гренадеръ входятъ въ церковь, очищаютъ ее и шагъ за шагомъ преслѣдуютъ сборища, которыя стрѣляютъ еще и на улицахъ. Нѣсколько человекъ убитыхъ и раненыхъ составляютъ печальный результатъ этого дня. Спокойствіе, повидимому, восстановлено. 82 человекъ арестовано. На одномъ изъ нихъ находятъ предполагаемый планъ контръ-революціи, которая должна была разразиться въ слѣдующій понедѣльникъ. Эти бумаги отсылаются въ Парижъ. Неприсяжнымъ священникамъ запрещаютъ отправление таинствъ въ церквахъ Капа до рѣшенія Національнаго собранія. Собраніе съ негодованіемъ слушаетъ разсказъ объ этихъ смутахъ, возбужденныхъ врагами конституціи и защитниками фанатизма и аристократіи. „Единственное рѣшеніе, какое мы можемъ принять“, говоритъ Камбонъ, „это — созвать вер-

ховный національный судъ и предать ему виновныхъ“. Рѣшеніе по этому предложенію отлагается до полученія всѣхъ бумагъ, относящихся къ безпорядкамъ въ Кагфъ.

Жансонне объявляетъ о безпорядкахъ такого же рода въ Вандеѣ: горныя пространства юга, Лозерь, л'Эро, Ардешъ, неполнѣ усмиреныя недавнимъ истребленіемъ Жалесскаго лагеря, — (первый актъ вооруженной контръ-революціи) — волновались подъ двойнымъ возбужденіемъ со стороны духовенства и дворянъ. Равнины, прорѣзанныя рѣками, дорогами, городами и легко подчиняющіяся центральной власти, безъ сопротивленія выносили противоположнаго свойства импульсъ изъ Парижа. Горные жители долше сохраняютъ свои нравы и противятся побѣдамъ новыхъ идей, какъ и завоеваніямъ иностранныхъ войскъ; уже самая наружность этихъ природныхъ оградъ внушаетъ ихъ обитателямъ довѣріе къ своимъ силамъ и составляетъ видимое выраженіе неподвижности порядка вещей, которая мѣшаетъ имъ сразу увлекаться измѣнчивостью политическихъ обстоятельствъ.

Горные жители этихъ странъ питали къ своему дворянству такую же добровольную и традиціонную преданность, какую арабы имѣютъ къ своимъ шейхамъ и шотландцы къ вождямъ своихъ клановъ. Чувства уваженія и привязанности составляли дѣло національной чести въ этихъ грубыхъ краяхъ. Религія, вообще болѣе пламенная на югѣ, составляла, въ глазахъ этого населенія, священную свободу, на которую революція посягала во имя свободы политической. Горцы предпочитали свободу своей совѣсти свободѣ гражданина. Для этихъ людей новыя учрежденія были ненавистны: „вѣрные“ священники поддерживали эту ненависть въ сердцахъ поселянъ и освящали ее; дворяне поддерживали здѣсь роялизмъ, который, подъ вліяніемъ состраданія къ несчастіямъ короля и королевскаго семейства, доходилъ до умиленія при ежедневныхъ разсказахъ о новыхъ оскорбленіяхъ, наносимыхъ имъ.

Очагомъ анти-революціоннаго духа былъ Мендъ, маленькій городокъ, спрятанный въ глубинѣ долинъ, на одинаковомъ разстояніи отъ равнинъ юга и Лионэ. Буржуазія и дворянство, соединенныя въ одну касту умѣренностью состояній, простотою нравовъ и частыми семейными союзами, не питали здѣсь другъ противъ друга чувствъ взаимной зависти и ненависти, которымъ способствовала революція въ другихъ мѣстахъ. Ни гордости въ однихъ, ни зависти въ другихъ здѣсь не было; подобно Испаніи, здѣсь былъ только одинъ народъ, въ которомъ дворянство пользовалось лишь правомъ старшинства среди единокровнаго ему населенія. Правда, это населеніе сложило оружіе, годъ тому назадъ, послѣ Жалесскаго возмущенія. Но сердца были далеко не обезоружены. Эти провинціи внимательно выжидали благоприятной минуты, чтобы массою подняться противъ Парижа: оскорбленія, нанесенныя королевскому сану, и насилія, сдѣланныя религіи Законодательнымъ собраніемъ, довели такое настроеніе до фанатизма. Онъ разразился во второй разъ, какъ бы неволью, по поводу перехода войскъ по этимъ долинамъ. Трехцвѣтная кокарда, знакъ невѣрности королю и Богу, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно исчезла въ городѣ Мендѣ; жители тамъ даже щеголяли бѣлой кокардой, видя въ ней воспоминаніе и надежду такого порядка вещей, которому были втайнѣ преданы.

Департаментскія власти, состоявшія изъ людей, чуждыхъ краю, хотѣли заставить уважать знакъ конституціи и потребовали линейныя войска. Муниципалитетъ воспротивился такому требованію администраціи; онъ обратился къ сосѣднимъ муниципалитетамъ съ призывомъ къ возстанію и составилъ съ ними нѣчто въ родѣ федераціи, чтобы вмѣстѣ сопротивляться всякаго рода войскамъ, какія будутъ посланы въ эти мѣста. Между тѣмъ войска, отправленныя изъ Ліона по требованію департаментскихъ властей, приближались. При ихъ приближеніи муниципалитетъ распускаетъ прежнюю національную гвардію, составленную изъ нѣкотораго числа партизановъ свободы, и образуетъ новую, офицеры которой выбраны среди окрестныхъ дворянъ и пламенныхъ роялистовъ. Подкрѣпленный этою силою, муниципалитетъ требуетъ у администраціи выдачи оружія и аммуниціи.

Таково было настроеніе Менда, когда войска вступили въ городъ съ криками: „да здравствуетъ нація!“ Вооруженная національная гвардія отвѣчала на это возгласами: „да здравствуетъ король!“ Она отправилась, велѣдъ за солдатами, на главную площадь города, и тамъ, предъ лицомъ защитниковъ конституціи, принесла клятву повиноваться только королю и признавать только его одного. Послѣ этого смѣлаго поступка національные гвардейцы, раздѣлившись на группы, пробѣгаютъ по городу, оскорбляютъ солдатъ, дѣлаютъ имъ насилія; сабли обнажены, кровь льется. Преслѣдуемая войска собираются и берутся за оружіе. Муниципалитетъ, завладѣвъ правительственными лицами въ качествѣ заложниковъ, обязываетъ ихъ послать войскамъ приказаніе возвратиться въ казармы. Командующій линейными войсками повинуется.

Эта побѣда разгорячила національную гвардію: ночью она уже принудила тѣ же департаментскія власти приказать войскамъ выйти изъ города и очистить весь департаментъ. Ряды національной гвардіи, построенной въ боевомъ порядкѣ на площади города, съ часу на часъ усиливались отрядами сосѣднихъ муниципалитетовъ, которые сходили съ горъ, вооруженные охотничьими ружьями, косами и сошниками отъ плуговъ. Войска были бы перерѣзаны, если бы не воспользовались ночью темнотою, чтобы удалиться. Они вышли изъ города среди побѣдныхъ криковъ роялистовъ. Слѣдующій день былъ рядомъ празднествъ, которыми роялисты города и селеній праздновали общее торжество и братались другъ съ другомъ. Всѣ символы революціи предавались поруганію, конституція была осмѣяна, зала якобинцевъ разграблена, дома главныхъ членовъ ненавистнаго клуба сожжены, нѣкоторые изъ этихъ людей подвергнуты заключенію; но вообще мечь ограничилась оскорбленіями. Народъ, на котораго дѣйствовали въ духѣ умѣренности дворяне и духовенство, не прикоснулся къ крови своихъ враговъ.

13.

Между тѣмъ какъ на югѣ униженная свобода подвергалась угрозамъ, на западѣ она сама убивала. Однимъ изъ самыхъ кипучихъ центровъ якобинства былъ Брестъ. Сосѣдство Ванден, которое постоянно грозило въ этомъ городѣ контръ-революціей, — присутствіе флота, все еще командуемаго офицерами, которыхъ подозрѣвали въ приверженности къ аристократіи, — пережѣнное населеніе,

состоявшее из иностранцевъ, авантюристовъ, матросовъ, доступное, по своей массѣ и по порокамъ, всякаго рода разврату и преступленіямъ,—дѣлали этотъ городъ болѣе волнующимся и безпокойнымъ, чѣмъ какой-нибудь другой портъ королевства. Клубы не переставали подстрекать моряковъ къ возстанію противъ офицеровъ. Революціонеры не довѣряли морякамъ, такъ какъ эта корпорація была независимѣ арміи отъ народныхъ движеній. Дворъ могъ, по своему произволу, переимѣнать флотъ и обратить его пушки противъ конституціи. Духъ дисциплины, духъ аристократической и духъ колоніальный были равно противны новымъ принципамъ. Потому-то съ нѣкотораго времени всѣ усилія якобинцевъ обращались на дезорганизацію флота. Назначеніе Лажайля начальникомъ одного изъ кораблей, отправлявшихся на помощь Сенъ-Доминго, довело до взрыва подозрѣнія, возбужденныя въ жителяхъ Бреста, относительно вѣрности морскихъ офицеровъ. Лажайль голосомъ клубовъ былъ названъ измѣнникомъ націи, который намѣревался внести въ колоніи контръ-революцію. Захваченный трехтысячной толпой, въ самую минуту отплытія онъ былъ покрытъ ранами, повлеченъ окровавленнымъ по уличной мостовой и обязанъ спасеніемъ жизни только геройской преданности одного человѣка изъ народа, который покрылъ несчастнаго своимъ тѣломъ, вырвалъ его изъ рукъ убійцъ и отклонялъ собственными руками и грудью удары, наносимые этому офицеру, до тѣхъ поръ, пока на выручку тому и другому не подоспѣлъ отрядъ гражданской стражи. Для удовлетворенія народной ярости Лажайль былъ увлеченъ въ темницу. Напрасно король приказывалъ Брестскому муниципалитету освободить этого невиннаго и необходимаго на своемъ посту офицера; тщетно министръ юстиціи требовалъ наказанія за насиліе, совершенное среди бѣлаго дня, предъ глазами цѣлаго города; напрасно присудили саблю и золотую медаль спасителю Лажайля, великодушному гражданину Данвержану: боязнь новаго, болѣе страшнаго возстанія обезпечивала безнаказанность виновныхъ и удерживала невиннаго въ тюрьмѣ. Наканунѣ угрожающей вѣшной войны, офицеры флота, преслѣдуемые инсургентами на бортахъ кораблей и убійцами въ гаваняхъ, столько же должны были страшиться своего экипажа, сколько и непріятеля.

14.

Такіе же раздоры были посѣяны во всѣхъ гарнизонахъ между солдатами и офицерами. Инсубординація солдатъ, въ глазахъ клубовъ, была добродѣтелью арміи. Народъ повсюду становился на сторону недисциплинированнаго войска. Офицерамъ безпрестанно угрожали заговоры въ полкахъ. Военные города были постоянной ареной воинскихъ мятежей, которые кончались безнаказанностью солдатъ и заточеніемъ или насильственной эмиграціей офицеровъ. Законодательное собраніе—верховный, но не безпристрастный судья—давало всегда поводъ къ нарушенію дисциплины. Не имѣя силъ обуздать народъ, оно льстило его излишествами. Перпиньянъ представилъ тому новый примѣръ.

Въ ночь 6 декабря офицеры полка Камбрези, въ гарнизонѣ этого города, отправились всей корпораціей къ генералу Шолле, начальнику дивизиі, и торопили его удалиться въ цитадель, говоря, что узнали о заговорѣ въ полкахъ, грозившемъ опасностью и его и ихъ жизни. Шолле уступилъ этимъ настояніямъ.

Тогда офицеры, направлясь въ казармы, пригласили солдатъ идти съ ними въ цитадель. Солдаты отвѣчали, что будутъ повиноваться только лейтенанту-полковнику Деборду, патріотизмъ котораго внушаетъ имъ довѣріе. Дебордъ является и читаетъ солдатамъ приказаніе генерала. Но звукъ его голоса, выраженіе лица, взглядъ—протестуютъ противъ распоряженія, которое законъ дисциплины обязываетъ его читать. Солдаты понимаютъ этотъ нѣмой языкъ и кричатъ, что не оставятъ своихъ казармъ, такъ какъ поставлены туда муниципалитетомъ. Съ ними переимчивается національная гвардія и проходитъ городъ патрулемъ. Офицеры запираются въ цитадели. Съ валовъ начинаются ружейные выстрѣлы. Дебордъ, національная гвардія, жандармерія, полки входятъ въ цитадель и овладѣваютъ ею. Офицеры полка Камбрези взяты подъ стражу своими солдатами. Одинъ изъ нихъ ускользаетъ и, достигнувъ испанской границы, съ отчаянія убиваетъ себя. Несчастный генераль Шолле, жертва двойнаго насилія,—офицеровъ и солдатъ, подвергнутъ обвиненію вмѣстѣ съ 50 офицерами или жителями Перпиньяна. Эти 50 жертвъ преданы верховному національному суду въ Орлеанѣ и предназначены къ Версальской рѣзнь.

15.

Кровь текла повсюду. Клубы вербовали солдатъ въ полки. Патріотическія предложенія, обвиненія противъ генераловъ, вѣроломныя инсинуаціи противъ офицеровъ были какъ бы приказомъ, даннымъ арміи отъ городскихъ жителей. Планъ, задуманный соединенными жирондистами и якобинцами, состоялъ въ дезорганизациі этой преданной королю силы, въ замѣнъ начальствующихъ надъ войсками дворянъ плебеями и въ передать, такимъ образомъ, арміи въ руки націи. Въ ожиданіи этого, они предавали ее мятежу и анархіи. Но эти обѣ партіи, не находя еще дезорганизацию достаточно быстрою, хотѣли выразить въ какомъ-нибудь единичномъ актѣ систематическое развращеніе націи, ниспроверженіе всякой дисциплины и законное торжество возстанія.

Извѣстно, какую роль игралъ швейцарскій полкъ Шатовье въ знаменитомъ возстаніи въ Нанси, въ послѣдніе дни Учредительнаго собранія. Армія, состоявшая подъ начальствомъ Булье, была необходима, чтобы подавить вооруженное возстаніе нѣсколькихъ полковъ, которое грозило Франціи тиранніей солдатчины. Булье, съ корпусомъ войскъ, взятымъ изъ Меца, и съ батальонами національной гвардіи окружилъ Нанси и, послѣ упорнаго боя въ воротахъ и на улицахъ этого города, заставилъ мятежниковъ положить оружіе. Это энергическое возстановленіе порядка, заслужившее тогда рукоплесканія всѣхъ партій, покрыло генерала славою, а солдатъ—позоромъ. Швейцарія, въ силу своихъ договоровъ съ Франціей, сохраняла за собой право федеральнаго суда надъ полками ея національности. Эта страна, вполне проникнутая военнымъ духомъ, подвергнула полкъ Шатовье военному суду. 24 солдата, наиболѣе виновные, были осуждены на смерть и казнены въ наказаніе за пролитую ими кровь и нарушенную присягу. Изъ остальныхъ былъ подвергнутъ наказанію десятый. 40 человекъ сослано на галеры въ Врестъ. Амнистія, дарованная при принятіи конституціи королемъ за преступленія, совершенныя во время внутреннихъ смуть, не могла по праву прилагаться къ этимъ иностраннымъ солдатамъ. Право миловать при-

надлежитъ только тому, кто имѣетъ право наказывать. Если солдаты были наказаны по суду гельветической юрисдикціи, то ни король, ни собраніе не могли отнять силу у этого приговора и уничтожить его послѣдствія. Король, по просьбѣ Учредительнаго собранія, велъ — но напрасно — переговоры, съ швейцарской конфедераціей съ цѣлью добиться помилованія солдатъ.

Эти безплодные переговоры послужили якобинцамъ и Национальному собранію поводомъ къ возбужденію обвиненія противъ Мюммерена. Напрасно онъ оправдывался, ссылаясь на невозможность получить амністію отъ Швейцаріи въ такую минуту, когда эта страна, сама озабоченная внутренними волненіями, старалась возстановить у себя субординацію путемъ драконовскихъ законовъ.

„Такъ мы будемъ обязательными тюремщиками этого свирѣпаго народа!“ кричали Гаде и Колло д'Эрбуа. „Итакъ Франція унижится до того, что будетъ наказывать въ своихъ собственныхъ гаваняхъ тѣхъ самыхъ героевъ, которые доставили народу торжество надъ офицерской аристократіей и отдали свою кровь народу вмѣсто того, чтобы отдать ее деспотизму!“

Пасторе, вліятельный членъ умѣренной партіи и, по слухамъ, дѣйствовавшій по соглашенію съ королевемъ, поддерживалъ Гаде, стараясь доставить королю популярность поступкомъ, пріятнымъ народу, и освобожденіе солдатъ Шатовье было вотировано собраніемъ. Король заставилъ нѣкоторое время ожидать своей санкціи, чтобы не оскорбить швейцарскіе кантоны узурпаціей ихъ правъ надъ соотечественниками; вслѣдствіе этого, якобинцы стали снова взводить нареканія на дворъ и на министровъ. „Наступила минута“, вскричалъ Манюэль, „въ которую одинъ человѣкъ долженъ погибнуть для спасенія всѣхъ, и этимъ человѣкомъ долженъ быть министръ! Они всѣ кажутся мнѣ столь виновными, что Национальное собраніе—я въ этомъ твердо убѣжденъ—осталось бы вполне невиннымъ, если бы послало кого-нибудь изъ нихъ на эшафотъ по жребію“. — „Всѣхъ, всѣхъ!“ вопили трибуны.

Но въ эту самую минуту на трибуну взошелъ Колло д'Эрбуа и, среди громкихъ рукоплесканій, объявилъ, что санкція декрету объ освобожденіи солдатъ подписана наканунѣ, и что чрезъ нѣсколько дней онъ представитъ своимъ собратьямъ этихъ жертвъ дисциплины.

Въ самомъ дѣлѣ, солдаты Шатовье, выйдя изъ брестскихъ галеръ, подвигались къ Парижу. Путь ихъ былъ триумфальнымъ шествіемъ. Парижъ, стараніями якобинцевъ, подготавливалъ имъ триумфъ еще болѣе блестящій. Напрасно фельяны и конституціонисты энергически протестовали, — голосомъ Андре Шенье, Тиртея умѣренности и здраваго смысла, также Дюпонъ де-Немура и поэта Руше, — противъ неприличной оваціи убійцамъ благороднаго Дезилля. Колло д'Эрбуа, Робеспьеръ, якобинцы, кордельеры, сама парижская коммуна, — схватились за идею объ этомъ триумфѣ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ опозорить дворъ и Лафайета. Слабыя возраженія Петіона, который, повидному, желалъ умѣрить скандалъ, лишь только поддержали этотъ послѣдній.

Это былъ человѣкъ наиболѣе способный увлекать народъ къ послѣднимъ крайностямъ. Показная добродѣтель Петіона служила ширмами всякимъ насиліямъ и украшала наружностью лицемѣрной законности тѣ попытки, которыя онъ не смѣлъ наказывать. Если бы нужно было олицетворить анархію, чтобы

поставить ее въ парижскую коммуну, то нельзя было найти лучшаго человѣка, какъ Петіонъ. Его отеческіе выговоры народу были, въ сущности, обѣщаніемъ безнаказанности. Сила для кары у него всегда слишкомъ запаздывала. Для мятежа всегда было готово оправданіе, для преступленія — амнистія. Народъ видѣлъ въ своемъ правителѣ своего сообщника и вмѣстѣ съ тѣмъ раба. Онъ любилъ его потому, что презиралъ.

16.

„Праздникъ, который готовится для солдатъ, приписываютъ всеобщему энтузіазму“, писалъ Шенье. „Но прежде всего—признаюсь—я не вижу этого энтузіазма. Я вижу, что небольшое число людей волнуется. Всѣ остальные встревожены или равнодушны. Говорятъ, что національная честь заинтересована въ такомъ вознагражденіи: я едва могу понять это, потому что, наконецъ, или національные гвардейцы Меца, которые умили мятежъ въ Нанси, должны быть признаны общественными врагами, или солдаты Шатовье—убійцами. Средины нѣтъ. Но какимъ образомъ честь Парижа заинтересована въ устройствѣ празднествъ убійцамъ нашихъ братьевъ? Другіе глубокомысленные политики говорятъ: „этотъ праздникъ позоритъ тѣхъ, которые хотѣли наложить оковы на націю“. Какъ! чтобы унижить, по ихъ мнѣнію, дурное правительство, нужно изобрѣтать несообразности, способныя низвергнуть всякаго рода правительство! вознаграждать мятежъ противъ законовъ? увѣличивать иностранцевъ-паразитовъ за то, что они во время мятежа стрѣляли во французскихъ гражданъ? Говорятъ, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пройдетъ эта церемонія, статуи будутъ закрыты! Да, если эта постыдная оргія совершится, то хорошо сдѣлаютъ, если закроютъ даже весь городъ, только надобно покрыть похороннымъ крепомъ не статуи деспотовъ, а лица людей, желающихъ добра отечеству! Трауромъ должно покрыться все французское юношество, всѣ національные гвардейцы, въ тотъ день, когда убійство ихъ братьевъ становится среди насъ правомъ на почетъ для мятежныхъ иностранныхъ солдатъ. Арміи надобно закрывать глаза, чтобы она не видѣла, какъ высоко дѣнятся отсутствіе дисциплины и мятежъ! Национальному собранію, королю, всей администраціи, цѣлому отечеству нужно покрыть головы, чтобы не быть снисходительными или молчаливыми свидѣтелями оскорбленія, нанесеннаго всѣмъ властямъ и даже цѣлому отечеству! Нужно закрыть книгу закона, когда тѣ, которые разорвали и окровавили ея страницы ружейными выстрѣлами, получаютъ гражданскія почести! Парижскіе граждане—люди честные, но слабые,—изъ васъ нѣтъ ни одного, кто бы, спросивъ свое сердце и свой здравый смыслъ, не созналъ, до какой степени отечество, онъ самъ, его сынъ, его братъ оскорблены этимъ поруганіемъ закона и тѣхъ людей, которые его исполняютъ и за него умираютъ. Какъ вы не краснѣете, когда горсть буйныхъ людей, которые кажутся многочисленными лишь потому, что собрались вмѣстѣ и кричатъ,—когда эта горсть заставляетъ васъ исполнять ея волю, говоря, что это ваша воля, — и забавляетъ ваше дѣтское любопытство недостойными зрѣлищами! Въ городѣ, уважающемъ себя, подобный праздникъ встрѣтилъ бы повсюду только безмолвіе и безлюдье. Пустыя улицы и площади, запертые дома, незанятые окна, пре-

зрѣніе и бѣгство прохожихъ сообщили бы, по крайней мѣрѣ, исторіи, какое участіе принимали люди добра въ этой возмутительной вакханаліи“.

17.

Колло д'Эрбуа въ своемъ отвѣтѣ оскорбилъ Шенье и Руше. Послѣдній отвѣчалъ полнымъ сарказма письмомъ, въ которомъ напоминалъ паденіе Колло д'Эрбуа на сценѣ и неудачи его, какъ комедіанта.

„Этотъ персонажъ изъ комическаго романа“, говорилъ онъ, „который съ подмостковъ полишинеля взобрался на трибуну якобинцевъ, подсакиваетъ ко мнѣ, желая, должно быть, ударить меня весломъ, которое швейцарцы принесли ему съ галеръ!“

Афиши за и противъ праздника покрывали стѣны Пале-Рояля и поочередно срывались группами молодыхъ людей и якобинцевъ.

Дюпонъ де-Немуръ, другъ и учитель Мирабо, вышелъ изъ своего философскаго спокойствія и адресовалъ по тому же предмету къ Петіону письмо, въ которомъ совѣсть честнаго человѣка неустрашимо состязалась съ популярностью трибуна.

„Когда опасность велика, то обязанностью честныхъ людей бываетъ указать ее властямъ, особенно если тѣ же власти ее и явлекаютъ. Вы измѣнили истинѣ, сказавъ, что швейцарскіе солдаты были полезны революціи 14 іюля и что они отказались сражаться съ парижскимъ народомъ. Несправедливо, чтобы швейцарцы отказывались сражаться съ жителями Парижа. Вѣрно то, что они убивали въ Нанси національныхъ гвардейцевъ. Вы имѣете смѣлость называть патриотами людей, которые съ наглостію предлагаютъ Законодательному собранію послать депутацію на праздникъ, изобрѣтенный для этихъ мятежниковъ; этихъ-то людей вы считаете друзьями, съ ними-то вы тайно ходите ужинать, до того тайно, что командующій національной гвардіи долженъ два часа галопировать по Парижу за вашими приказаніями и все-таки не можетъ васъ открыть. Напрасно вы скрываете свое смущеніе подъ увертливыми фразами. Напрасно вы маскируете этотъ праздникъ, приготавливаемый убійцамъ, наружностью праздника въ честь свободы. Эти увертки теперь неумѣстны. Время не терпитъ: вы не обманете ни представителей, ни армію, ни 83 департамента. Тѣ, которые водятъ васъ, какъ ребенка, понимаютъ, что Парижъ предается въ распоряженіе десяти тысячъ пикъ, и что для этихъ послѣднихъ нужно будетъ открыть рѣшетку Национальнаго собранія въ тотъ самый день, когда національная гвардія будетъ обезоружена. Люди, которые будутъ владѣть этими пиками, прибываютъ каждый день. Полторы тысячи бандитовъ чрезъ 24 часа войдутъ въ Парижъ. Въ ожиданіи грабежа они нищенствуютъ. Это—вороны, которыхъ привлекаетъ рѣзня. Я не все сказалъ: для этой гнусной толпы уже приготовлены генералы. Друзья Журдана, не имѣющіе терпѣнія дожидаться освобожденія его на основаніи амнистіи, ворвались въ его тюрьму въ Авиньонѣ. Онъ уже принятъ съ триумфомъ въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ, какъ и швейцарцы Шатовье. Завтра онъ явится въ Парижъ. Въ воскресенье онъ будетъ на праздникѣ со своими товарищами,—съ двумя Менвельями, съ Пегтавенномъ, съ тѣми хладнокровными злодѣями, которые въ одну ночь умертвили

68 беззащитныхъ людей и насильовали женщинъ прежде, чѣмъ ихъ убивали! Катилина! Цетегъ! идите! Солдаты Суллы въ городѣ и самъ консулъ предпринимаеъ обезоруженіе римлянъ! Чаша переполнилась и леть черезъ края“.

Петіонъ старался оправдываться въ письмѣ; но подъ множествомъ оправданій были замѣтны лишь его слабость и потворство. Въ то же время Робеспьеръ съ трибуны клуба якобинцевъ говорилъ слѣдующее: „вы не доходили до причины препятствій, какія воздвигаются проявленію чувствъ народа. Противъ кого думаете вы бороться? Противъ аристократіи? Нѣтъ. Противъ двора? Нѣтъ. Вы боретесь противъ генерала, съ давнихъ поръ предназначеннаго дворомъ къ широкимъ замысламъ въ ущербъ народу. Не національная гвардія тревожится по поводу этихъ приготовленій,—это духъ Лафайета подготавливаетъ заговоръ въ главномъ штабѣ,—духъ Лафайета интригуеъ среди властей департамента,—духъ Лафайета совращаетъ въ столицѣ столько добрыхъ гражданъ, которые были бы съ нами, еслибы не онъ! Лафайетъ—самый опасный изъ враговъ свободы, потому что маскируется патріотизмомъ; сдѣлавъ въ Учредительномъ собраніи все зло, какое только могъ, онъ притворно удалился въ свои помѣстья, потомъ опять явился и сталъ домогаться мѣста парижскаго мэра не для того, чтобы получить его, но чтобы отказаться и пощеголять своимъ безкорыстіемъ. Онъ былъ заранѣе подготовленъ къ командованію французскими арміями, чтобы обратить ихъ противъ революціи. Національные гвардейцы Меца, какъ Парижа, были невинны; они могли быть только патріотами; это Лафайетъ, чрезъ посредство своего родственника и сообщника Булье, обманулъ ихъ. И какъ можемъ мы написать на знаменахъ этого праздника: „Булье одинъ виновенъ“? Кто же хотѣлъ заглушить попытку, сдѣланную въ Нанси, и покрыть ее непроницаемымъ покрываломъ? Кто требуетъ вѣнокъ для людей, которые убивали солдатъ Шатовье? Лафайетъ. Кто помѣшалъ говорить мнѣ самому? Лафайетъ. Кто бросаетъ на меня молніеносные взгляды? Лафайетъ и его сообщники“. (Всеобщія рукоплесканія).

18.

Въ Національномъ собраніи приготовленія къ этому празднику подали поводъ къ драмѣ еще болѣе потрясающей. При открытіи засѣданія потребовали, чтобы сорокъ солдатъ Шатовье были дупущены привѣтствовать законодательное сословіе. Жокуръ этому противится. „Если эти солдаты“, говоритъ онъ, „явятся только для изъявленія своей признательности, то я согласенъ, чтобы они были введены къ рѣшеткѣ, но когда они будутъ выслушаны, то я требую не допускать ихъ къ самому засѣданію“. Общій ропотъ прерываетъ оратора. Съ трибуны несутся крики: „дойой! долой!“ „Амнистія—не триумфъ и не гражданскій вѣнокъ“, продолжаетъ онъ. „Вы не вправѣ обезчестить тѣни Дезилля и тѣхъ великодушныхъ гражданъ, которые нашли смерть, защищая противъ нихъ законъ! Вы не вправѣ подобнымъ триумфомъ разрывать сердца тѣхъ изъ своей среды, которые участвовали въ нансійской экспедиціи. Позвольте военному, который былъ командированъ со своимъ полкомъ въ эту экспедицію, представить вамъ впечатлѣніе, какое вашимъ рѣшеніемъ будетъ произведено на армію. (Ропотъ удваивается). Въ вашихъ дѣйствіяхъ армія увидитъ только ободреніе

возстаній. Эти почести внушают солдатамъ мысль, что вы смотрите на получившихъ амнистію не какъ на людей, чрезмѣрно наказанныхъ, но какъ на невинныхъ жертвъ“. Шумъ вынуждаетъ Жокура сойти съ трибуны.

Его смѣняетъ одинъ изъ членовъ собранія, видимо взволнованный и горестный. Это Гувіонъ, молодой офицеръ съ громкимъ именемъ, уже прославленный въ войнахъ. Трауръ костюма Гувіона и еще болѣе траурное выраженіе его лица внушаютъ трибунамъ невольный интересъ; шумъ замѣняется вниманіемъ. Голосъ Гувіона колеблется и прерывается: въ звукахъ его подъ умиле-ніемъ слышится ропотъ негодованія.

„Господа“, говоритъ онъ, „я имѣлъ брата, добраго патріота, который, благодаря уваженію своихъ согражданъ, былъ сначала командующимъ національною гвардіею, а потомъ членомъ департамента. Всегда готовый жертвовать собою для революціи и для закона, онъ получилъ требованіе—во имя революціи и закона — идти въ Нанси съ храбрыми національными гвардейцами. Тамъ онъ палъ, проколотый пятью ударами штыка отъ руки тѣхъ, которые... Спрашиваю васъ, неужели я осужденъ спокойно видѣть здѣсь убійца моего брата?“— „Такъ выходите!“ кричитъ чей-то неумолимый голосъ. При этихъ словахъ, жестокихъ и холодныхъ, какъ остріе кинжала, трибуны аплодируютъ. Крики: „долой! долой!“ Негодованіе поддерживаетъ Гувіона несмотря на наполняющее его презрѣніе. „Кто этотъ трусъ, который прячется, оскорбляя чувства брата?“ спрашиваетъ онъ, ища глазами прервавшего его рѣчь.— „Я называю себя: это я“, отвѣчаетъ ему, вставая съ мѣста, депутатъ Шудье. Трибуны покрываютъ наглухо выходку Шудье новыми рукоплесканіями; повидимому, эта толпа уже не имѣетъ сердца, и страсть торжествуетъ въ ней даже надъ естественными чувствами. Но Гувіонъ опирается на чувство, болѣе сильное, чѣмъ народная ярость, на великодушное отчаяніе. Онъ продолжаетъ: „какъ человѣкъ, я рукоплескалъ милосердію Національнаго собранія, когда оно сбросило оковы съ несчастныхъ солдатъ, которые, быть можетъ, и заблуждались“. Его опять прерываютъ. Онъ продолжаетъ съ сдерживаемой энергіей: „декреты Учредительнаго собранія, приказанія короля, голоса вождей, крики отечества были для нихъ безсильны. Безъ всякаго вызова со стороны національной гвардіи двухъ департаментовъ они открыли огонь противъ французовъ. Мой братъ палъ, добровольною жертвою повиновенія вашимъ декретамъ! Нѣтъ, никогда я не буду спокойнымъ свидѣтелемъ поношенія памяти національныхъ гвардейцевъ почестями тѣмъ, которые ихъ зарѣзали“. Кугонъ, молодой якобинецъ, сидящій недалеко отъ Робеспьера, въ глазахъ котораго онъ, повидимому, черпаетъ свое стойкое вдохновеніе, встаетъ и опровергаетъ Гувіона, не нанося ему оскорбленій. „Кто будетъ до такой степени рабомъ предрасудковъ, что осмѣлится безчестить людей, которыхъ законъ объявилъ невинными? Кто не заставитъ замолчать свою личную печаль въ виду интересовъ и торжества свободы?“ Но голосъ Гувіона затронулъ въ глубинѣ сердецъ струну справедливости и естественнаго волненія, которая еще дрожитъ подъ черствостью политическихъ мнѣній. Два раза собраніе, приглашенное президентомъ высказаться за или противъ допущенія солдатъ къ почет-

ному засѣданію, раздѣляется поровну и за и противъ этого предложенія. Секретари, которые дѣлаютъ выводы относительно рѣшеній собранія, колеблются произнести результатъ. Наконецъ, послѣ двухъ опытовъ, они говорятъ, что большинство за принятіе швейцарцевъ, но меньшинство протестуетъ: рѣшеніе уничтожено. Требуютъ поименнаго голосованія. Результатомъ опять является слабое большинство въ пользу допущенія солдатъ къ почетному засѣданію. Они входятъ въ дверь при неистовыхъ рукоплесканіяхъ трибунъ. Несчастный Гувіонъ выходитъ въ противоположную дверь съ краскою негодованія на лицѣ, съ помутившимися мыслями. Онъ клянется, что никогда болѣе не вступитъ въ это собраніе, гдѣ брата принуждаютъ видѣть и поздравлять убійцъ своего брата. Гувіонъ тотчасъ отправляется къ военному министру просить назначенія въ сѣверную армію, чтобы тамъ найти смерть, и дѣйствительно находитъ ее.

19.

Между тѣмъ, солдатъ вводятъ въ залу собранія. Колло д'Эрбуа представляетъ ихъ восторженнымъ трибунамъ. Версальскіе національные гвардейцы, сопровождавшіе швейцарцевъ до собранія, проходятъ по залѣ при громѣ барабановъ и при крикахъ „да здравствуетъ нація!“ За ними слѣдуютъ, размахивая пиками, группы парижскихъ гражданъ и женщинъ, съ развѣвающимися надъ головами трехцвѣтными знаменами; потомъ, члены народныхъ обществъ Парижа представляютъ президенту почетныя знамена, дарованныя швейцарцамъ тѣми департаментами, черезъ которые проходили эти „тріумфаторы“. Люди 14 іюля, чрезъ посредство Гоншона, агитатора Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, объявляютъ, что это предмѣстье заказало десять тысячъ пикъ для защиты свободы и отечества. Легальная овація, произведенная жирондистами и якобинцами мятежнымъ солдатамъ, уполномочивала парижскій народъ сдѣлать имъ подобный возмутительный тріумфъ. Это былъ уже болѣе не народъ свободы, а народъ анархіи; печальные симптомы такого явленія ясно выразились въ знаменательный день 15 апрѣля.

Примѣръ вооруженнаго возстанія противъ закона; мятежные солдаты въ роли тріумфаторовъ; колоссальная галера, орудіе кары и стыда, увѣнчанная цвѣтами, какъ эмблема; потерянные женщины и дѣвушки, набранныя въ мѣстахъ разврата, несутъ и цѣлуютъ обрывки цѣпей галерниковъ; сорокъ побѣднхъ трофеевъ съ 40 именами швейцарцевъ; гражданскіе вѣнки на именахъ этихъ убійцъ французскихъ гражданъ; бюсты Вольтера, Руссо, Франклина, Сидни, величайшихъ философовъ и добродѣтельныхъ патріотовъ, оскверняются сопрікосновеніемъ съ позорными бюстами бунтовщиковъ; сами солдаты, удивленные или даже смущенные своей славой, идутъ среди группы возмущившихся французскихъ гвардейцевъ, — новое прославленіе измѣны знаменамъ и нарушенія дисциплины; шествіе замыкается колесницей, составляющей по формѣ подражаніе носу галеры; на этой колесницѣ статуя свободы, уже вооруженная сентябрьской дубиной, съ красной шапкой на головѣ, — символомъ, заимствованнымъ, по однимъ, изъ Фригій, по другимъ, изъ тюрьмы каторжниковъ; среди празднества торжественно несутъ книгу конституціи, присутствующей при почестяхъ, воздаваемыхъ людямъ, которые вооружились противъ закона; толпы гражданъ

и гражданокъ, пики предмѣстій; угрожающіе вопли, театральная музыка, демагогическіе гимны, потѣшныя остановки у Бастиліи, у ратуши, на Марсовомъ Полѣ, у алтаря отечества; огромные, безпорядочные круги, танцы, совершаемые цѣпью мужчинъ и женщинъ вокругъ триумфальной галеры при циническихъ припѣвахъ Карманьолы; поцѣлуи, больше непристойные, чѣмъ патриотическіе, между женщинами и солдатами, которые бросаются въ объятія одни къ другимъ, и въ довершеніе униженія закона—мэръ Парижа, Петіонъ, и народныя власти въ полномъ составѣ присутствуютъ при праздникѣ и освящаютъ своею слабостью или своимъ сообщничествомъ такое триумфальное поношеніе законовъ: таковъ былъ этотъ праздникъ, постыдная копія съ 14 іюля,—позорная пародія возмущенія, которое служило прелюдией революціи!

Франція смутилась, добрые граждане встревожились, національная гвардія начала бояться пикъ, городъ—бояться предмѣстій, а армія получила сигналъ къ полнѣйшему разложенію.

Негодование конституціонистовъ разразилось проническими строфами гимна Андре Шенье, въ которыхъ этотъ молодой поэтъ мстил за поруганный законъ и тутъ же предназначалъ себя для эшафота.

XI.

Тріумфъ убійствъ и нарушенія дисциплины находятъ себѣ отголоски.—Правительство безсильно и безоружно.—Суровость зимы.—Дороговизна хлѣба.—На правительство падаетъ отвѣтственность за эти бѣдствія.—Обвиненіе въ барышничествѣ съѣстными припасами влечетъ за собою смертный приговоръ.—Убійство Этампскаго мэра Симоно.—Герцогъ Орлеанскій старается сблизиться съ королемъ.—Личность герцога.—Онъ въ немилости.—Его путешествія.—Воспитаніе дѣтей герцога возложено на г-жу Жанлисъ.—Орлеанская партія.—Неудача примиренія между герцогомъ Орлеанскимъ и королемъ.—Герцогъ Орлеанскій переходитъ къ якобинцамъ.—Вооруженія императора.—Франція рѣшается на войну.

1.

Этотъ тріумфъ мятежа и убійства нашель повсюду отголосокъ въ инсубординаціи между войсками, въ неповиновеніи національныхъ гвардейцевъ и въ возстаніяхъ среди населенія. Пока въ Парижѣ устраивали праздники въ честь швейцарцевъ Шатовье, въ Марсельъ чернь съ насиліемъ требовала изгнанія швейцарскаго полка Эрнста, составлявшаго гарнизонъ Э, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ полкъ благопріятствовалъ аристократіи и угрожалъ безопасности Прованса. Когда полкъ отказался оставить городъ, марсельцы пошли на Э, какъ и парижане въ октябрскіе дни ходили на Версаль. Путемъ насилія жители увлекли національную гвардію, на обязанности которой лежало подавить это насиліе,—окужили пушками полкъ Эрнста, заставили его положить оружіе и съ позоромъ прогнали его силою мятежа. Национальная гвардія, какъ по слабости такъ и по увлеченію — вездѣ раздѣляла мимолетныя впечатлѣнія толпы. Национальная гвардія представляетъ силу, вполнѣ революціонную, потому что, какъ народъ, она сама участвуетъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, чувствахъ и страстяхъ, которыя должна сдерживать въ качествѣ гражданской стражи. Могутъ ли поднимать оружіе противъ мятежниковъ и мѣнять, подобнымъ образомъ, и свое настроеніе и свою роль, тѣ самые люди, которые только что предъ тѣмъ одобряли мятежъ, аплодировали ему и нерѣдко даже подсказывали его въ патріотическихъ рѣчахъ? Потому-то національные гвардейцы вездѣ были, если не соучастниками, то зрителями мятежей. Рѣдкость привоза колоніальныхъ товаровъ, дороговизна хлѣба, суровость злобѣщей зимы, — все способствовало народной тревогѣ; агитаторы всѣ эти временныя несчастія дѣлали поводомъ къ обвиненію и къ ненависти противъ королевскаго сана.

2.

Правительство, безсильное и безоружное, сдѣлалось отвѣтственнымъ за суровость природы. Тайные эмиссары, вооруженныя шайки проходили по городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ были рыночныя мѣста, и распространяли тамъ тревожные слухи, подстрекая народъ устанавливать таксу на зерновой хлѣбъ и на муку, указывая на торговцевъ хлѣбомъ какъ на скупщиковъ: это послѣднее обвиненіе было равносильно смертному приговору. Страхъ обвиненія въ причиненіи голода народу останавливалъ всякія коммерческія спекуляціи и гораздо болѣе дѣйствительнаго недостатка запасовъ способствовалъ скудости на рынкахъ. Хлѣбный магазинъ былъ преступленіемъ въ глазахъ потребителей хлѣба. Мэръ Этампа, Симоно, неподкупный человѣкъ и неустрашимый органъ правительства, сдѣлался жертвою подозрѣній народа. Этампъ былъ однимъ изъ большихъ парижскихъ рынковъ для провизіи. Здѣсь, больше, чѣмъ гдѣ нибудь, важно было поддержать свободу торговли и подвозъ хлѣба.

Толпа женщинъ и мужчинъ изъ сосѣднихъ деревень, собравшаяся по звуку набата, вооруженная ружьями и вилами, взявъ съ собою барабаны, устремляется въ городъ въ торговый день, чтобы обложить таксою зерновой хлѣбъ, отнять его силою у собственниковъ, раздѣлить между собою и искоренить такъ называемыхъ барышниковъ, къ которымъ зловѣщіе голоса тихо примѣшивали имя Симоно. Національная гвардія скрылась. Сто человѣкъ изъ 18-го полка кавалеріи, стоявшіе отрядомъ въ Этампѣ, были единственною публичною силою, какая находилась въ распоряженіи мэра. Командующій ими офицеръ отвѣчалъ за своихъ солдатъ, *какъ за себя самого*. Послѣ долгихъ переговоровъ съ мятежниками, съ цѣлью обратить ихъ на путь разсудка и законности, Симоно возвратился въ общинный домъ, велѣлъ развернуть красное знамя, провозгласилъ военный законъ и снова пошелъ противъ инсургентовъ, окруженный муниципальными властями и вооруженной силою. По прибытіи на Этампскую площадь, толпа окружаетъ отрядъ и отрѣзываетъ ему путь. Всадники оставляютъ мэра безъ прикрытія: ни одна сабля не обнажена въ его защиту. Напрасно онъ, во имя закона и оружія, которое они носятъ, приглашаетъ ихъ подать помощь должностному лицу противъ убійцъ; напрасно онъ хватается за узду ближайшаго всадника, крича: «ко мнѣ, друзья мои!» Во время этого самаго движенія, мэръ пораженъ ударами вилъ и ружейными выстрѣлами; онъ падаетъ, все еще держа въ рукахъ поводъ лошади того негодяя-всадника, котораго умолялъ о помощи. Этотъ послѣдній, чтобы высвободиться, ударяетъ оборотомъ своей сабли руку мэра, который уже испустилъ дыханіе, и предаетъ тѣло убиитаго поруганію народа.

Злодѣи, овладѣвъ трупомъ, доходятъ до остервенѣнія изъ-за его трепещущихъ останковъ; они разсуждаютъ о томъ, отрѣзывать ли у трупа голову. Командиры проводятъ войско по трупу мэра, въ крови котораго солдаты смачиваютъ свои ноги. Потомъ съ барабаннымъ боемъ, они выходятъ изъ города и цѣлую ночь пируютъ въ предмѣстьяхъ: такса на хлѣбъ, наружная причина мятежа, была забыта среди упоенія торжествомъ. Грабежа не было, потому ли,

что кровь заставила народъ забыть о голодѣ, или потому, что самый голодь былъ только предлогомъ къ убійствамъ.

3.

Когда все, такимъ образомъ, разрушалось вокругъ трона, въ это время съ королемъ старался сблизиться человекъ, получившій извѣстность громадностью роли, какую ему приписывали въ общественномъ распаденіи: это былъ первый принцъ крови, Луи-Филиппъ-Жозефъ, герцогъ Орлеанскій. Я останавливаюсь на этомъ человекѣ, предъ которымъ до сихъ поръ останавливалась исторія, не будучи въ состояніи опредѣлить истинное мѣсто, какое должно ему отнестись въ событіяхъ революціи. Онъ былъ загадкою для самого себя; онъ остался загадкою и для будущаго. Какое же слово этой загадки: честолюбіе или патриотизмъ, слабость или интрига? вотъ что должны разъяснить факты.

Общественное мнѣніе имѣетъ свои предразсудки. Пораженное громадностью совершающагося дѣла,—оглушенное, такъ сказать, быстрою движеніемъ, увлекающаго событія, оно не можетъ вѣрить, чтобы столь великія потрясенія могли быть произведены только совокупностью естественныхъ причинъ, сопоставленныхъ въ связь съ наступленіемъ нѣкоторыхъ идей въ человѣческомъ родѣ, при помощи случайныхъ совпаденій. Въ этихъ потрясеніяхъ общественное мнѣніе ищетъ участія сверхъестественнаго, чудеснаго, роковаго. Ему нравится представлять себѣ тайныя пружины, незамѣтно передвигающія людей и событія. Короче, оно принимаетъ всякую революцію за заговоръ, и если при происхожденіи, при завязкѣ или при развязкѣ этихъ кризисовъ появится какая-нибудь замѣтная личность, къ интересамъ которой могутъ относиться эти событія, то общественное мнѣніе ставитъ такого человекъ виновникомъ ихъ,—приписываетъ ему въ такихъ революціяхъ въ полномъ объемѣ дѣйствіе и мѣсто идеи, которая ихъ производитъ, и приписываетъ ему одному какъ славу такъ и вредъ событій,—все равно, будетъ-ли такой человекъ счастливъ или несчастливъ, невиненъ или виновенъ. Имя такого человекъ обоготворяется или память его проклинается. Такова была, въ теченіе 50 лѣтъ, судьба герцога Орлеанскаго.

4.

Съ глубокой древности существуетъ у народовъ историческое преданіе, что тронъ какъ бы стираетъ собою королевскія расы, и что старшія линіи, подъ вліяніемъ власти, вырождаются, а младшія укрѣпляются и возрастаютъ, питаютъ честолюбіе достигнуть болѣе высшихъ ступеней, и вдыхая въ себя, близъ народа, менѣе испорченный воздухъ, сравнительно съ придворнымъ. Первородство даетъ власть старшимъ, народъ даетъ популярность младшимъ.

Такая фамилія, болѣе сильная и популярная сравнительно съ царствующею, вырастающая подлѣ трона и соперничающая съ нимъ изъ-за вліянія на умы народа,—появилась, со времени смерти Людовика XIV, въ лицѣ Орлеанскаго дома. Такое двусмысленное положеніе сообщало принцамъ этой фамиліи нѣкоторыя добродѣтели, но давало имъ также и соответствующіе пороки. Болѣе разумные и болѣе честолюбивые, сравнительно съ королевской линіей, они отличались также и большею подвижностью. Самое стѣсненіе, въ которомъ

держала орлеанскихъ принцевъ политика царствующаго дома, осуждала на бездѣйствіе и мысль и энергію принцевъ и вынуждало ихъ растрчивать среди безпорядковъ и извѣженности природныя способности и громадное состояніе, другого употребленія которымъ не было. Орлеанскіе принцы стояли слишкомъ высоко, чтобы быть гражданами, казались слишкомъ опасными во главѣ арміи или среди государственныхъ дѣлъ; имъ не было мѣста ни въ народѣ, ни при дворѣ; они взяли его себѣ въ общественномъ мнѣніи.

Регентъ, человекъ сравнительно высокихъ качествъ, но униженный долго-временною подчиненностью своей роли, представлялъ самый поразительный примѣръ этихъ добродѣтелей и пороковъ Орлеанской линіи. Онъ потерялъ командованіе арміею въ Италіи за несчастіе при Туринѣ, вина котораго не должна была, однакожъ, падать на него; позже, былъ отозванъ изъ Испаніи за попытку вытѣснить Филиппа V, при помощи своихъ побѣдъ. Послѣ регента, нѣкоторые изъ орлеанскихъ принцевъ, одаренные, подобно ему, природными храбростью и умомъ, дѣлали попытки приобрѣсти себѣ славу громкими дѣлами въ пору первой юности; но уже до наступленія зрѣлаго возраста погружались въ неизвѣстность, предавались удовольствіямъ или религіозности. Какъ только съ именемъ этихъ принцевъ соединялся первый лучъ свѣта, ихъ сейчасъ же прикрывали. Эти принцы должны были сдѣлать своимъ семейнымъ преданіемъ нетерпѣливое желаніе переменъ правительства, которая бы позволила имъ высвиться.

Луи-Филиппъ-Жозефъ, герцогъ Орлеанскій, родился именно, въ ту эпоху, когда и его положеніе, и имущество и характеръ должны были устремлять его къ потоку новыхъ идей, благопріятствовать которымъ призывали его семейныя преданія; разъ увлеченный въ этотъ потокъ, онъ уже не видѣлъ возможности остановиться иначе, какъ на тронѣ или на эшафотѣ. Когда первые симптомы революціи разразились, герцогу Орлеанскому было двадцать лѣтъ.

Подобно другимъ принцамъ своего дома, герцогъ отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Высокій ростъ, твердая осанка, улыбающееся лицо, свѣтлый взглядъ,—гибкость членовъ тѣла, полученная вслѣдствіе физическихъ упражненій, страсть къ лошадямъ и умѣнье управлять ими, фамильярность безъ униженія, плавное выраженіе мыслей, порывы мужества,—неумѣренная щедрость по отношенію къ искусствамъ, самые пороки,—все заранѣе указывало на герцога народу. Онъ съ увлеченіемъ упивался этою благосклонностью. Эти преждевременныя увлеченія, быть можетъ, не остались безъ вліянія на здравый смыслъ герцога. Любовь къ народу казалась ему местию за пренебреженіе, въ какомъ держалъ его дворъ. Герцогъ внутренно пренебрегалъ тѣмъ королемъ, который царствовалъ въ Версали, пренебрегалъ потому, что чувствовалъ себя королемъ въ Парижѣ.

Онъ женился на принцессѣ также популярной фамиліи, на дочери герцога Пентьеврскаго. Прекрасная, обворожительная, добродѣтельная, она впослѣдствіи принесла въ приданое своему мужу, вмѣстѣ съ громаднымъ состояніемъ герцога Пентьеврскаго, народную благосклонность и общественное уваженіе, которыми пользовался ея домъ. Первымъ политическимъ дѣйствіемъ герцога Орлеанскаго, было ревностное сопротивленіе волѣ двора въ эпоху изгнанія парламентовъ

Герцогъ и самъ былъ изгнанъ въ свой замокъ Вильеръ Котре, куда послѣдовала за нимъ народная благосклонность. Немилость двора сдѣлалась для герцога сладостною, вслѣдствіе рукоплесканій Франціи. Герцогъ думалъ усвоить себѣ роль великаго гражданина въ свободной странѣ; онъ къ тому стремился. Среди окружавшей принца атмосферы лести, онъ слишкомъ скоро забылъ, что сдѣлаться великимъ гражданиномъ нельзя исключительно угожденіемъ народу, а можно только путемъ защиты народа, служенія, а нерѣдко и сопротивленія ему.

Возвратившись въ Парижъ, герцогъ хотѣлъ къ гражданскимъ вѣнкамъ, которыми уже украшалось его имя, присоединить обаяніе военной славы. Онъ требовалъ для себя у двора санъ великаго адмирала Франціи, принадлежавшій ему по преемству послѣ тестя, герцога Пентьеврскаго. На эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Герцогъ отправился волонтеромъ во флотъ, командуемый графомъ Орвиле, и находился въ сраженіи при Уссанѣ 27 іюля 1778 г. Слѣдствія этого сраженія, гдѣ побѣда осталась безъ результатовъ благодаря неправомерности маневровъ войскъ, были приписаны слабости герцога Орлеанскаго, который будто бы причинилъ остановку въ преслѣдованіи непріятели. Эти позорные слухи, изобрѣтенные и распространяемые ненавистью двора, лишь ожесточили зародившуюся въ молодомъ принцѣ неприязнь, но не могли затмить блескъ его достоинствъ. Онъ расточалъ во множествѣ доказательства этихъ послѣднихъ, доходя до капризовъ храбрости, даже недостойныхъ его положенія. Герцогъ отправился въ Сень-Клу на первомъ воздушномъ шарѣ, который уносилъ въ пространство воздухоплателей. Клевета преслѣдовала принца даже и сюда: распространили слухъ, что онъ прокололъ шаръ шпагою, чтобы поставить своихъ спутниковъ сойти. Между принцемъ и дворомъ завязалась безпрерывная борьба, исполненная смѣлости съ одной стороны, клеветы—съ другой. Несмотря на то, король относился къ принцу съ снисходительностью, какую добродѣтель оказываетъ легкомысленной юности. Графъ Артуа дѣлалъ герцога постояннымъ компаньономъ своихъ удовольствій. Королева, которая любила графа Артуа, боялась, чтобы онъ не заразился беспорядочностью и распущенностью герцога Орлеанскаго. Въ этомъ молодомъ принцѣ она страшилась въ одно и то же время и любимца парижскаго народа и развратителя графа Артуа. Она настояла, чтобы король купилъ замокъ, вполнѣ королевскій,—въ Сень-Клу, любимое мѣстопребываніе герцога Орлеанскаго. Безчестныя инсинуаціи относительно нравственности принца постоянно сквозили въ полу-признаніяхъ, дѣлаемыхъ придворными. Герцога обвиняли въ отравленіи своими развратницами крови принца Ламбаля, его шурина, и въ томъ, что онъ съ умысломъ истощилъ послѣдняго развратомъ, чтобы одному наследовать громадное имѣніе Пентьеврскаго дома. Это мнимое преступленіе было лишь преступленіемъ той ненависти, которая его изобрѣла.

Преслѣдуемый враждою двора, герцогъ Орлеанскій болѣе и болѣе предавался уединенію. Во время своихъ частыхъ путешествій въ Англію онъ завязалъ дружескія связи съ принцемъ Валлійскимъ; этотъ наследникъ англійскаго трона вступилъ въ дружбу со всѣми врагами своего отца, игралъ въ мятежъ, позорилъ себя долгами, хвастался скандалами,—продолжалъ, уже перейдя за

предѣлы юности, предаваться страсти къ застольнымъ удовольствіямъ, игрѣ, женщинамъ; улыбался проискамъ и трибунскимъ рѣчамъ Фокса, Шеридана, Борка,—вообще предвкушалъ королевскую власть путемъ всевозможныхъ отчаянныхъ поступковъ, какіе свойственны непокорному сыну и мятежному гражданину.

Герцогъ Орлеанскій, такимъ образомъ, почерпнулъ въ лондонской жизни склонность къ свободѣ. Во Францію онъ занесъ лишь привычку къ наглости противъ двора, склонность къ народнымъ волненіямъ, пренебреженіе къ собственному рангу, фамильярность съ толпой, внесъ во дворецъ буржуазную жизнь и ту простоту привычекъ, которая, отнимая у французскаго дворянства его отличительную внѣшность и сближая все сословія, уничтожала неравенство костюма между гражданами.

Занятый тогда исключительно заботою о поправленіи своего обремененнаго делами имуществва, герцогъ Орлеанскій выстроилъ Пале-Рояль. Онъ превратилъ прекрасные, просторные сады своего дворца въ роскошный рынокъ, посвященный днемъ торговлѣ, ночью—игрѣ и разврату; это было настоящее гнѣздо пороковъ въ центрѣ столицы, порожденіе алчности, въ которой принцу не могли служить оправданіемъ античные нравы; сдѣлавшись мало-по-малу форумомъ праздности парижскаго народа, оно вскорѣ должно было обратиться въ колыбель революціи. Эта революція наступала. Принцъ ожидалъ ее среди праздности, какъ будто бы свобода была только лишней любовницей.

Между тѣмъ, общеизвѣстная ненависть принца къ двору естественно привлекала въ его общество всѣхъ желающихъ переворота. Пале-Рояль былъ изящнымъ, доступнымъ для всѣхъ центромъ заговора касательно преобразования правительства. Современная философія встрѣчалась тамъ съ политикой и литературой. Это былъ дворецъ общественнаго мнѣнія. Бюффонъ постоянно проводилъ здѣсь послѣдніе вечера своей жизни; Руссо, хотя издали, принималъ отсюда единственное поклоненіе, какое допускала принимать отъ принцевъ его горделивая натура; Франклинъ и американскіе республиканцы, Гиббонъ и ораторы англійской оппозиціи, Гриммъ и нѣмецкіе философы, Дидро, Сійесъ, Сильери, Лакло, Сюаръ, Флоріанъ, Райналь, Лагарпъ, все мыслители и писатели, которые предчувствовали новый духъ, встрѣчались тамъ съ знаменитыми артистами и учеными. Самъ Вольтеръ, изгнанный изъ Версаля, совершилъ сюда свое послѣднее путешествіе. Принцъ представилъ ему своихъ дѣтей, одинъ изъ которыхъ теперь царствуетъ во Франціи *). Умирающій философъ благословилъ ихъ, какъ и дѣтей Франклина, во имя разума и свободы.

5.

Нельзя сказать, однакожь, чтобы этотъ принцъ самъ обладалъ пониманіемъ литературы и преклонялся предъ мыслью: онъ слишкомъ служилъ своей чувственности, чтобы быть чуткимъ къ умственнымъ наслажденіямъ; но революціонный инстинктъ побуждалъ его соединить все силы, какія могли современнымъ послужить свободѣ. Скоро наскучивъ красотою и добродѣтелью герцо-

*) Писано въ 1847 году.

гини Орлеанской, онъ былъ охваченъ чувствомъ къ прекрасной, остроумной, вкрадчивой женщинѣ, — чувствомъ, которое не связывало сердечныхъ капризовъ герцога, но брало верхъ надъ его непостоянствомъ и управляло его разумомъ. Эта женщина, въ то время увлекательная, впоследствии знаменитая, была дѣвица дю-Кретъ, графиня Сильери-Жанлисъ, дочь маркиза Сентъ-Обена, дворянина изъ Шароле, не имѣвшая состоянія. Мать ея, женщина молодая и еще красивая собою, привезла свою дочь въ Парижъ, въ домъ извѣстнаго финансиста Поплиньера, старости котораго она была утѣхою. Она готовила свою дочь къ сомнительной карьерѣ тѣхъ женщинъ, которыхъ природа изобильно надѣлила красотой и умомъ, но которымъ общество отказало въ необходимомъ; этихъ женщинъ можно назвать авантюристками общества, которыхъ оно то возноситъ, то унижаетъ.

Самые извѣстные учителя подготавливали этого ребенка къ совершенству во всякаго рода искусствахъ, какъ умственныхъ такъ и ручныхъ; мать дѣвушки формировала въ ней честолюбіе. Подчиненное положеніе матери у ея богатаго покровителя подготавливало дочь къ гибкости и лъстивости, свойственной блестящимъ приживалкамъ. Въ 16 лѣтъ, ранняя красота и музыкальный талантъ дѣвушки дѣлали уже ее замѣтною въ салонахъ; мать ввела ее туда съ репутаціей двусмысленнаго свойства, занимавшей средину между театромъ и свѣтскимъ обществомъ. Для однихъ она была артисткой, для другихъ дѣвушкой хорошей крови; она соблазняла глаза всѣхъ, даже старики забывали для нея свои лѣта. Бюффонъ называлъ ее „дочь моя“; родство съ г-жею Монтезонъ, вдовой герцога Орлеанскаго, сближало ее съ домомъ молодого принца. Графъ Сильери-Жанлисъ влюбился въ дѣвушку и женился на ней, несмотря на сопротивленіе своего семейства. Другъ и повѣренный герцога Орлеанскаго, графъ Сильери добился для своей жены мѣста при дворѣ герцогини Орлеанской. Время и умъ сдѣлали остальное.

Герцогъ привязался къ г-жѣ Жанлисъ двойною силою — поклоненія красотѣ и восхищенія ея умственнымъ превосходствомъ. Жалобы оскорбленной герцогини только превратили склонность герцога въ упорство. Онъ былъ порабощенъ, даже хотѣлъ гордиться своимъ чувствомъ и провозгласилъ его громко, стараясь только прикрыть предлогомъ воспитанія дѣтей. Графиня Жанлисъ стремилась достигнуть одновременно и придворныхъ почестей и славы писательницы; она писала изящныя, легкія сочиненія, которыя забавляютъ праздныхъ женщинъ, потѣшая ихъ сердце воображаемою любовью. Романы, болѣею частію, составлявшіе для запада то, чѣмъ опиумъ служитъ для жителей востока, живыя свидѣнія наяву, сдѣлались въ модныхъ салонахъ потребностью и даже событіемъ. Г-жа Жанлисъ умѣла писать граціозные романы и облекала ихъ нѣкоторою долею притворной суровости, которая дѣлала любовь приличною; она старалась выказывать даже универсальность знаній, которая скрывала ея поль подъ притязаніями разума и напоминала, въ лицѣ Жанлисъ, тѣхъ итальянскихъ женщинъ, которыя занимаются философіею съ покрываломъ на лицѣ.

Герцогъ Орлеанскій, любившій во всемъ новизну, думалъ найти въ этой женщинѣ ментора для своихъ сыновей. Онъ назвалъ ее *увернеромъ*

своихъ дѣтей. Раздраженная герцогиня протестовала противъ такого скандала; дворъ подсмѣивался, публика была изумлена. Общественное мнѣніе, уступчивое предъ тѣми, кто имъ пренебрегаетъ, пороптало, потомъ замолкло; будущее оправдало отца: воспитанники этой женщины сдѣлались не принцами, а людьми. Она привлекала въ Пале-Рояль всѣхъ тогдашнихъ диктаторовъ общественнаго мнѣнія. Первый клубъ во Франціи образовался, такимъ образомъ, въ помѣщеніи перваго принца крови. Снаружи эти совѣщанія прикрывались литературой, подобно тому, какъ глупость перваго Вруга служила покрываломъ его мщенію. Быть можетъ, самъ герцогъ и не былъ заговорщикомъ, но съ этихъ поръ образовалась уже Орлеанская партія. Сіеись, таинственный оракулъ революціи, который, казалось, носилъ ее на своемъ задумчивомъ челѣ и тайлъ уже въ своемъ безмолвіи; герцогъ Лозень, переходившій съ интимныхъ собраній Трианона на пале-рояльскія совѣщанія; Лакло молодой артиллерійскій офицеръ, авторъ непристойнаго романа,—способный, въ случаѣ надобности, возвести романическую интригу до степени политическаго заговора; Сильери, ожесточенный противъ своей касты, непримиримый врагъ двора, недовольный честолюбецъ, ожидавшій чего нибудь только отъ неизвѣстности; наконецъ, разные люди, болѣе темные, но не менѣе дѣятельные, служившіе невидимыми ступенями отъ салоновъ принца къ низшимъ слоямъ народа, были одни головой, другіе руками честолюбія герцога; всѣ они сходились на пале-рояльскихъ совѣщаніяхъ. Цѣли, безъ сомнѣнія, не обозначалось, собесѣдники становились въ уровень съ потокомъ событий и пускались на произволь судьбы. Судьбою была революція. Элементъ чудеснаго, обаятельно дѣйствующій на массы, составляющій для воображенія то, чѣмъ вычисленіе служитъ для разума, находился даже въ Орлеанской партіи. Различныя предвѣщанія, домашнія чудеса, допускаемая заинтересованною довѣрчивостью многочисленныхъ кліентовъ этой партіи, предсказывали одному изъ орлеанскихъ принцевъ близость трона. Эти слухи ходили въ народѣ частію сами собой, частію вслѣдствіе искусныхъ инсинуаций Орлеанскаго дома. При созваніи генеральныхъ штатовъ, герцогъ не колебался высказаться за самыя популярныя реформы; инструкціи, которыя онъ далъ избирателямъ своихъ доменовъ, были дѣломъ аббата Сіисеса. Самъ принцъ добился для себя титула и полномочій гражданина.

Избранный депутатомъ отъ парижскаго дворянства въ Крепи и Вильеръ-Котре, онъ выбралъ Крепи потому, что инструкціи этого послѣдняго отзывались самымъ патріотическимъ характеромъ. Въ процессіи генеральныхъ штатовъ герцогъ оставилъ пустымъ свое мѣсто среди принцевъ и шель среди депутатовъ. Это отреченіе отъ своего сана, близкаго къ трону, для того, чтобы украситься званіемъ гражданина, доставило герцогу рукоплесканія націи.

6.

Народная благосклонность къ этому принцу была такова, что если бы онъ былъ Гизомъ, а Людовикъ XVI Генрихомъ III, то генеральные штаты кончили бы подобно тѣмъ, которые собирались въ Блуа,—убійствомъ или узурпаціей. Присоединившись къ третьему сословію, чтобы пріобрѣсти дворянству равенство съ остальной націей и ея дружбу, герцогъ принесъ присягу мячеваго зала. Онъ

пристроился позади Мирабо, чтобы неповиноваться королю. Избранный президентом Национального собрания, он отказался от этой чести, чтобы оставить ее гражданину. В день, в который низложение Неккера обнаружило враждебные намерения двора и когда парижский народ приветствовал восклицаниями своих вождей и когда парижский народ приветствовал восклицаниями своих вождей и когда герцога Орлеанского было названо первым; в саду его дворца Франция взяла цвета орлеанской ливреи в свою кокарду. По голосу Камилла Демулена, который испустил в Пале-Рояль крикъ тревоги, образовались толпы, руководимыя Лежандромъ и Фрерономъ; они поставили бюстъ герцога Орлеанскаго рядомъ съ бюстомъ Неккера, покрыли тотъ и другой чернымъ крепомъ и пронесли ихъ съ непокрытыми головами среди молчаливыхъ гражданъ. Пролилась кровь; трупъ одного изъ несшихъ бюсты гражданъ, убитаго войскомъ, послужилъ народу знаменемъ. Такимъ образомъ, герцогъ Орлеанскій и своимъ дворцомъ и именемъ и фигурой былъ замѣшанъ въ первомъ столкновеніи и въ первомъ убійствѣ революціи. Этого было довольно, чтобы его рука показалась повсемѣтною двигательницею нити событій. Частію по недостатку смѣлости, частію по недостатку честолюбія онъ никогда не принималъ на себя того положенія, какое приписывалось ему въ общественномъ мнѣніи. Тогда герцогъ, казалось, не заходилъ еще далѣе завоеванія конституціи для своей страны и далѣе роли великаго патріота для себя самого. Герцогъ уважалъ или презиралъ тронъ. То или другое изъ этихъ чувствъ возвысило его въ глазахъ всторіи. Всѣ принадлежали къ его партіи, кромѣ него самого.

Люди безпристрастные ставили это въ заслугу умѣренности герцога, революціонеры считали это постыднымъ для его характера. Мирабо, который искалъ претендента, способнаго олицетворить возстаніе, имѣлъ тайныя свиданія съ герцогомъ Орлеанскимъ; онъ испытывалъ его честолюбіе, чтобы узнать, доходитъ ли оно до желанія трона. Онъ удалился съ неудовольствіемъ, обнаруживъ свое разочарованіе оскорбительными словами.

Для Мирабо нуженъ былъ заговорщикъ, но онъ нашелъ только патріота. Въ герцогѣ Орлеанскомъ онъ ненавидѣлъ не преступные замыслы, а отказъ вступить въ сообщничество. Такой совѣстливости Мирабо не ожидалъ. Онъ отомстил за это, называя подобное безкорыстіе трона трусостью честолюбца.

Лафайетъ обвинялъ принца въ томъ, что онъ съѣлъ тревогу, подавить которую генераль иногда чувствовалъ себя безсильнымъ. Говорилось, что герцога Орлеанскаго видѣли, какъ и Мирабо, въ группахъ мужчинъ и женщинъ, указывающимъ жестами на дворецъ. Мирабо защитился улыбкой презрѣнія. Герцогъ Орлеанскій серьезнѣе доказалъ свою невинность. Убійство, поражая короля или королеву, оставляло жизнь монархіи, учрежденіямъ королевства и принцамъ, наслѣдникамъ трона. Герцогъ не могъ вступить туда иначе, какъ чрезъ пять труповъ, поставленныхъ природою между честолюбіемъ и имъ самимъ. Эта лѣстница преступленій повела бы его только къ поруганію націи и утомила бы даже убійцъ. Волѣе того, герцогъ доказалъ многочисленными и неоспоримыми свидѣтельствами, что не былъ въ Версали ни 4 ни 5 октября. Выѣхавъ изъ Версаля 3-го числа послѣ засѣданія Национальнаго собранія, онъ возвратился въ Парижъ. День 4 октября онъ провелъ въ своемъ дворцѣ и въ

садах Муссо. 5-го числа онъ опять отправился въ Муссо. На бульварѣ у герцога сломался кабріолетъ, и онъ продолжалъ свой путь пѣшкомъ, чрезъ Елисейскія поля. День онъ провелъ въ Пасси со своими дѣтьми и съ г-жею Жанлисъ,—ужиналъ въ Муссо съ интимными друзьями и ночевалъ въ Парижѣ. Уже утромъ 6 числа, узнавъ о вчерашнихъ событіяхъ, герцогъ уѣхалъ въ Версаль и на Севрскомъ мосту былъ остановленъ процессіей, которая несла отрубленныя головы королевской стражи. Если это и не было поведеніемъ принца крови, который летитъ на помощь своему королю и становится у подножія трона между угрожаемымъ государемъ и народомъ, то не было и дѣйствіемъ дерзкаго узурпатора, который при случаѣ вызываетъ возстаніе и, по крайней мѣрѣ, подставляетъ народу уже готовое преступленіе.

Поведеніе этого принца было выжидательное, частію потому, что онъ не хотѣлъ принимать корону иначе, какъ вслѣдствіе роковаго стеченія обстоятельствъ, не протягивалъ самъ руки къ своей судьбѣ, частію потому, что у него было больше равнодушія, чѣмъ честолюбія къ высокому положенію, частію, наконецъ, потому, что принцъ не хотѣлъ дѣлать изъ своего королевскаго сана остановку на пути къ свободѣ,—что искренно стремился къ республикѣ и что титулъ перваго гражданина свободной націи казался ему выше королевскаго.

7.

Несмотря на то, немного спустя послѣ дней 5 и 6 октября, Лафайетъ хотѣлъ разорвать связь между герцогомъ Орлеанскимъ и Мирабо. Онъ рѣшился во чтобы ни стало удалить этого принца со сцены и принудить его къ добровольному изгнанію въ Лондонъ, путемъ нравственнаго принужденія или страхомъ процесса за государственное преступленіе. Къ этому плану онъ вынудилъ присоединиться короля и королеву, внушивъ имъ тревогу относительно замысловъ принца и указывая на него, какъ на соискателя трона. Лафайетъ однажды сказалъ королевѣ, что этотъ принцъ единственный человѣкъ, на котораго могло пасть подозрѣніе въ такомъ непопулярномъ честолюбіи. „Милостивый государь“, отвѣчала королева, смотря на него съ умышленною недовѣрчивостью, „развѣ необходимо быть принцемъ, чтобы претендовать на корону?“ „По крайней мѣрѣ, madame“, возразилъ генералъ, „я знаю только герцога Орлеанскаго, который этого желалъ“. Лафайетъ предполагалъ въ принцѣ слишкомъ много честолюбія.

8.

Мирабо, разочарованный колебаніями и совѣтливостью герцога Орлеанскаго,—считая его выше или ниже преступленія, отказался отъ привлеченія принца къ честолюбивымъ намѣреніямъ и старался сблизиться съ Лафайетомъ. Послѣдній, располагавшій только вооруженною силою, видя въ Мирабо силу нравственную, улыбался мысли о думвиратѣ, который имъ обезпечивалъ власть. Между этими двумя соперниками происходили тайныя свиданія въ Парижѣ и Пасси. Лафайетъ, отвергая всякую мысль объ узурпаціи въ пользу принца, объявилъ,

Мирабо, что нужно отказаться отъ преступнаго заговора противъ королевы, если хотять вступить съ нимъ въ переговоры. „Въ такомъ случаѣ, генераль“, отвѣчалъ Мирабо, „если вы хотите, то пусть она живетъ! Униженная королева можетъ быть полезна, но королева убитая хороша лишь для плохой трагедіи!“ Эта свирѣлая острота, которая кровь женщины обращала въ шутку, влослѣдствіи сдѣлалась извѣстна королевѣ, которая простила это Мирабо и не прекратила своихъ сношеній съ великимъ ораторомъ. Но все-таки это слово должно было остаться на сердцѣ королевы кровавымъ указаніемъ того, чего она должна была страшиться.

Лафайетъ, увѣренный въ согласиі короля и королевы, опираясь на негодованіе національной гвардіи, которая начинала утомляться востаніями, позволилъ себѣ принять относительно принца тонъ диктатора и произнести противъ него приговоръ о произвольномъ изгнаніи подъ наружностью свободно принятаго порученія. Онъ заставилъ герцога Орлеанскаго просить о свиданіи у маркизы Куаньи, благородной и остроумной женщины, привязанной къ Лафайету, въ салонѣ которой герцогъ Орлеанскій иногда встрѣчался съ нимъ. Вслѣдствіе разговора, свидѣтелями котораго были только стѣны, но смыслъ котораго можно опредѣлить по результатамъ, было условлено, что герцогъ Орлеанскій немедленно поѣдетъ въ Лондонъ. Мирабо, который узналъ о томъ, называлъ этотъ разговоръ очень повелительнымъ съ одной стороны, очень уступчивымъ съ другой.

Друзья принца въ теченіе ночи побудили его перемѣнить намѣреніе. Онъ увѣдомилъ о томъ Лафайета запиской. Лафайетъ назначилъ ему новое свиданіе, убѣждалъ его держать слово, велѣлъ ему выѣхать въ 24 часа и проводилъ его къ королю. Тамъ принцъ принялъ на себя фиктивное порученіе и обѣщалъ не пренебрегать ничѣмъ, чтобы только уничтожить начатія въ Англіи интриги, направленные къ поддержанію смуты въ королевствѣ. „Вы въ этомъ дѣлѣ болѣе заинтересованы, чѣмъ кто-либо“, сказалъ ему Лафайетъ въ присутствіи короля, „потому что никто тутъ не скомпрометированъ болѣе васъ“. Мирабо, узнавъ объ этомъ давленіи Лафайета и двора на умъ герцога Орлеанскаго, предложилъ герцогу свои услуги, соблазняя его чрезвычайными обольщеніями, самаго крайняго свойства. Составленъ былъ уже планъ рѣчи Мирабо, которую должно было произнести на другой день въ собраніи. Онъ долженъ обвинить, какъ деспотическую интригу, это насиліе противъ особы одного гражданина, въ лицѣ котораго затронута была свобода всѣхъ гражданъ,—заклеймить „такое нарушеніе неприкосновенности представителей націи, выразившееся въ прозрачномъ изгнаніи принца крови; сорвать маску съ Лафайета, который вооружается королевскою рукою, чтобы разить соперниковъ своею популярности и прикрывать свою наглуго диктатуру уважаемою санкціею главы націи и главы фамиліи.“ Мирабо не сомнѣвался, что собраніе возстанетъ противъ столь гнусной попытки, и обѣщалъ друзьямъ герцога Орлеанскаго наступленіе одного изъ такихъ поворотовъ общественнаго мнѣнія, которые поднимаютъ челоуѣка даже выше прежняго положенія, имъ потеряннаго. Эти слова, поддержанныя просьбами Лакло, Сильери, Лозена, во второй разъ поколебали рѣшимость принца. Ему показалось уже позорнымъ то добровольное изгнаніе,

которое сначала же онъ счелъ великодушнымъ. На разсвѣтъ дня онъ написалъ, что не поѣдетъ.

Лафайетъ велѣлъ его призвать къ министру иностранныхъ дѣлъ. Тамъ принцъ, снова побѣжденный, написалъ собранію письмо, которое заранѣе разрушало весь эффектъ обвиненій Мирабо. „Мои враги говорятъ“, сказалъ герцогу Лафайету, „будто бы вы хвастаетесь, что имѣете доказательства моего соучастія въ событіяхъ 5 октября“.—„Это говорятъ скорѣе мои враги“, возразилъ Лафайетъ, „еслибы у меня были противъ васъ доказательства, то я уже велѣлъ бы васъ арестовать. Я ихъ не имѣю, но ищу“. Герцогъ Орлеанскій уѣхалъ.

Прошло девять мѣсяцевъ со времени его возвращенія. Учредительное собраніе не оставило для вновь созданной конституціи другаго опекуна, кромѣ анархіи. Въ королевствѣ господствовалъ беспорядокъ; первыя же дѣйствія Законодательнаго собранія выразили колебаніе народа, который останавливается на крутомъ склонѣ, но все-таки пройдетъ его до конца.

9.

Жирондисты, опередивъ съ первыхъ шаговъ партію Барнава и Ламетовъ, выразили желаніе толкнуть Францію—безъ подготовки—къ республикѣ. Герцогъ Орлеанскій, котораго долгое пребываніе въ Англій заставило размыслить издали о потокѣ событий и объ увлеченіяхъ партій, почувствовалъ въ себѣ голосъ бурбонской крови. Онъ не пересталъ быть патріотомъ, но понималъ, что спасеніе отечества, въ минуту угрожающей войны, заключалось не въ уничтоженіи исполнительной власти. Безъ сомнѣнія и состраданіе къ королю и королевѣ пробудилось также въ томъ сердцѣ, гдѣ ненависть не могла вполнѣ задуть великодушіе. Герцогъ чувствовалъ себя вполнѣ отомщеннымъ днями 5 и 6 октября, униженіемъ короля предъ собраніемъ, ежедневными оскорбленіями, которыя совершались чернью предъ окнами Маріи Антуанеты, и тѣми зловѣщими ночами, какія проводило королевское семейство, которому дворецъ служилъ тюрьмой; быть можетъ, также герцогъ боялся неблагодарности революціи относительно себя самого.

Герцогъ поѣхалъ въ Англію по принужденію, а остался тамъ изъ-за дѣйствительной боязни, чтобы его имя не послужило предлогомъ къ волненіямъ въ Парижѣ. Лакло появлялся отъ времени до времени въ Лондонѣ, чтобы опять соблазнять честолюбіе изгнанника и указать ему на позоръ уступчивости предъ Лафайетомъ, которую Франція принимала за трусость. Гордость принца возмутилась при этой мысли; онъ угрожалъ отъѣздомъ, но представленія Ла-Люцерна, французскаго министра въ Лондонѣ, и Буанвиля, адъютанта Лафайета, и наконецъ собственная предусмотрительность взяли верхъ надъ настояніями Лакло. Доказательство этого видятъ въ запискѣ Ла-Люцерна, найденной въ желѣзномъ шкафу, между секретными бумагами короля. „Я свидѣтельствую“, говоритъ Ла-Люцерьнъ, „что представилъ герцогу Орлеанскому г. Буанвиля, адъютанта Лафайета,—что Буанвиль объявилъ герцогу Орлеанскому о крайней тревогѣ въ Парижѣ по поводу смутъ, возможныхъ въ эту минуту со стороны злонамѣренныхъ людей, которые не замедлятъ воспользоваться его именемъ,

чтобы произвести волненія въ столицѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ королевствѣ,—и что по этой причинѣ герцога заклиняютъ отсрочить свое возвращеніе. Герцогъ Орлеанскій, не желая ни въ какомъ отношеніи подавать поводъ или предлогъ къ нарушенію спокойствія, согласился отложить свой отъѣздъ“.

10.

Наконецъ онъ уѣхалъ и, по возвращеніи, дѣлалъ безполезныя попытки поступить на службу во флотъ. Въ этомъ-то нерѣшительномъ настроеніи Бертранъ де-Мольвиль отъ имени короля обратился къ герцогу съ наименованіемъ его адмираломъ. Герцогъ Орлеанскій отправился благодарить министра. Онъ прибавилъ, что считалъ себя „счастливымъ милостью, которую король ему оказывалъ, такъ какъ она доставляла ему случай выразить королю его чувства, оклеветанныя гнуснымъ образомъ“. „Я очень несчастенъ“, продолжалъ онъ, „моимъ именемъ злоупотребляли для ужасовъ, которые мнѣ приписывались; меня сочли виновнымъ потому, что я пренебрегъ оправданіемъ. Скоро видно будетъ, оправдаются ли мои слова моими дѣйствіями“.

Честный и откровенный видъ, многозначительный тонъ, какимъ герцогъ произнесъ эти слова, поразили министра, сильно предубѣжденного противъ его невинности. Онъ спросилъ принца, не согласится ли онъ обратиться прямо къ королю съ выраженіями, которыя могли бы утѣшить послѣдняго и при передать которыхъ министръ боялся ослабить ихъ энергію. Герцогъ поспѣшно ухватился за мысль видѣть короля, если король удостоитъ его принять. Онъ выразилъ намѣреніе отправиться на слѣдующій день во дворецъ. Король, предупрежденный министромъ, ожидалъ принца и долго сидѣлъ съ нимъ запершись наединѣ.

Въ тайну этого разговора посвящаетъ конфиденціальное письмо, писанное рукою самого принца и составленное первоначально съ цѣлью оправдать его память въ глазахъ дѣтей и друзей. „Крайніе демократы“, сказалъ герцогъ Орлеанскій, „думали, что я хотѣлъ сдѣлать изъ Франціи республику; честолюбцы думали, что я хотѣлъ, въ силу популярности, заставить короля передать управленіе королевствомъ въ свои руки; наконецъ, добродѣтельные патриоты составили относительно меня иллюзію, избобрѣтенную ихъ добродѣтелью: они думали, что я принесу себя всецѣло въ жертву общественному благу. Одни сочли меня хуже, другіе лучше того, каковъ я на самомъ дѣлѣ. Я сдѣловалъ своей натурѣ, вотъ все. Она меня влекла, прежде всего, къ свободѣ. Я думалъ найти образъ свободы въ парламентахъ, которые, по крайней мѣрѣ, имѣли ея тонъ и формы. Я предался этому призракъ представительства. Для парламентовъ я жертвовалъ собою три раза. Два первые раза это было съ моей стороны убѣжденіемъ; въ третій—я дѣлалъ лишь для того, чтобы не стать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Я былъ въ Англии, видѣлъ тамъ истинную свободу; при генеральныхъ штатахъ я не сомнѣвался, что Франція хочетъ ее себѣ завоевать. Какъ только я увидѣлъ, что Франція будетъ имѣть гражданъ, я самъ захотѣлъ быть однимъ изъ нихъ. Я безъ затрудненія пожертвовалъ своими привилегіями и саномъ, раздѣлявшими меня отъ націи. Они для меня ничего не значили; я стремился быть депутатомъ и сдѣлался имъ; я перешелъ

на сторону средняго сословія не вслѣдствіе стремленія къ мятежу, но въ силу справедливости. Съ этой минуты, по моему мнѣнію, было невозможно помѣшать революціи совершиться. Нѣкоторые лица, окружавшія короля, думали иначе. Собраны были войска и окружили Національное собраніе. Парижъ стелъ себя угрожаемымъ и поднялся; французскіе гвардейцы, живя среди народа, слѣдовали его потоку. Распространили молву, что этотъ полкъ былъ подкупленъ моимъ золотомъ. Я откровенно выскажу свое мнѣніе. Если-бы гвардейцы держали себя иначе, тогда я могъ бы подумать, что они подкуплены, потому что ихъ враждебность парижскому народу была бы противостественна. 14 іюля мой бюстъ пронесли вмѣстѣ съ бюстомъ Неккера. Почему? Потому что этотъ министръ общественнымъ надеждъ былъ обожаемъ націей и что мое имя находилось въ спискахъ депутатовъ собранія, которые, по слухамъ, должны были быть арестованы вмѣстѣ съ министромъ войсками, созданными вокругъ Версали. Среди этихъ событій, столь благопріятныхъ для мятежника, что было мною сдѣлано, чтобы ими воспользоваться? Я, безъ всякаго лицемѣрія, скрывался отъ глазъ народа и вовсе не льстилъ его излишествомъ, я удалился въ свой домъ въ Муссо и провелъ тамъ ночь; на слѣдующій день я отправился безъ свиты въ Національное собраніе въ Версаль. Въ болѣе счастливую минуту, когда король рѣшился броситься въ объятія этого собранія, я отказался принять участіе въ депутаціи тѣхъ изъ членовъ собранія, которые возвѣщали эту новость столицѣ. Я боялся, чтобы на меня не были обращены какія-нибудь изъ тѣхъ почестей, которыя столица должна оказывать только королю. Въ октябрскіе дни—такой же образъ дѣйствій съ моей стороны. Я отсутствую, чтобы не прибавлять лишняго элемента къ народному броженію, и показываюсь только съ возстановленіемъ спокойствія. Въ Севрѣ меня встрѣчаютъ малочисленныя шайки убійцъ съ отрубленными головами королевской стражи; эти люди бросаются къ моимъ лошадямъ, и одинъ изъ нихъ стрѣляетъ въ моего почтальона. Я, мнимый глава этихъ людей, едва не дѣлаюсь ихъ жертвою! Своимъ спасеніемъ я обязанъ только посту національной гвардіи, который даетъ мнѣ конвой до Версали; тамъ я отправляюсь къ королю, сдерживая послѣдніе вопли народа въ совѣтѣ министровъ. Я содѣйствую декрету, который объявляетъ собраніе нераздѣльнымъ отъ особы короля. Въ это-то время Лафайетъ проситъ свиданія со мной и выражаетъ мнѣ, отъ имени короля, его желаніе, чтобы я удалился изъ Парижа, чтобы отнять всякій предлогъ къ народнымъ волненіямъ. Увѣренный съ этихъ поръ въ совершенномъ торжествѣ революціи, — опасаясь для нея только смуть, которыми вздумали бы задержать ея ходъ, я повинуюсь безъ колебанія, не требуя для своего отъѣзда другаго условія, кромѣ позволенія Національнаго собранія. Оно позволило, я уѣзжаю. Жители Булоня, взволнованные интригою, которая можетъ относиться ко мнѣ, но которой я показалъ себя чуждымъ, потому что не уступалъ ей, хотѣли удержать меня силою и воспротивились моему отплытію. Сознаю, что я былъ растроганъ, но все-таки не уступилъ этому насилію народной благосклонности и сдержалъ себя въ предѣлахъ долга. Этимъ путешествіемъ и моимъ отсутствіемъ воспользовались, чтобы приписать мнѣ самыя гнусныя попытки безъ опроверженія съ моей стороны. Я хотѣлъ принудить короля бѣжать, вмѣстѣ

съ дофиномъ изъ Версали, но Версаль не Франція. Выйдя изъ этого города, король возвратилъ бы себѣ армію и націю, и мое честолюбіе имѣло бы единственнымъ слѣдствіемъ междоусобную войну и врученіе королю военной диктатуры. Оставался еще графъ Прованскій. Онъ былъ естественнымъ наслѣдникомъ покинутаго трона. Онъ былъ популяренъ, онъ перешелъ со мною на сторону общинъ; слѣдовательно, я работалъ бы для него! Но графъ Артуа находился въ безопасности за границу; его дѣти были при немъ, укрытые отъ моихъ мнимыхъ убійствъ! Они были ближе меня къ трону. Какой рядъ глупостей, безумствъ и отчаянныхъ преступленій! Революція не измѣнила ни чувствъ, ни характера французскаго народа. Мнѣ хочется вѣрить, что доказательство этому представитъ графъ Артуа, котораго я самъ любилъ, что, приблизясь къ обожаемому имъ и нѣжно его любящему королю, къ народу, на любовь котораго блестящія качества принца даютъ ему столько правъ, онъ вернется, послѣ окончанія нашихъ смуть, чтобы воспользоваться остальною частью своего наслѣдія,—любовью, которая благородная нація завѣщала дѣтямъ Генриха IV“.

11.

Эти доводы, прерываемые, безъ сомнѣнія, знаками раскаянія, укрѣпляемые слезами умиленія, позами и жестами, которые бывають убѣдительное словъ и сообщаютъ патетическій и трогательный характеръ столь торжественнымъ объясненіямъ, убѣдили если не разумъ, то, по крайней мѣрѣ, сердце короля. Онъ простилъ и сталъ надѣяться. „Я думаю, какъ и вы“, сказалъ онъ, еще весь растроганный, своему министру, „что герцогъ Орлеанскій искренно возвращается къ намъ и что сблаетъ все отъ него зависящее для поправленія зла, которое онъ причинилъ и въ которомъ, очень возможно, принималъ не такое сильное участіе, какъ мы думали“.

Принцъ вышелъ изъ комнатъ короля примиренный съ самимъ собою и рѣшившись больше, чѣмъ когда-нибудь, отдѣлить свое имя отъ мятежниковъ. Герцогу не стоило большого труда пожертвовать своимъ честолюбіемъ, потому что онъ былъ его лишенъ, а что касается до популярности, то она сама оставила герцога, чтобы перенестись ниже его. Такимъ образомъ, безопасность и честь для принца заключались только въ конституціи и у подножія трона. Сердце герцога влекло его туда, какъ и его обязанности. Въ Людовикѣ XVI человекъ еще болѣе трогалъ герцога, чѣмъ король. Лестъ и вражда двора погубили все.

Въ воскресенье, которое слѣдовало за этимъ примиреніемъ, герцогъ Орлеанскій явился съ привѣтствіемъ къ королю и королевѣ: это былъ день и часъ большихъ пріемовъ. Толпа придворныхъ наполняла дворы, лѣстницы и комнаты Тюльери; нѣкоторые надѣялись еще на возвратъ фортуны, другіе пріѣхали изъ провинціи и были привлечены къ своему несчастному государю силою несчастія и вѣрности. При неожиданномъ появленіи герцога Орлеанскаго, примиреніе котораго съ королевемъ еще не было извѣстно, лица всѣхъ омрачились удивленіемъ и ужасомъ. Ропотъ негодованія, соединенный съ именемъ герцога, послышался въ ироническомъ перешоптываньи придворныхъ. Толпа раздвинулась и разошлась, какъ бы вслѣдствіе соприкосновенія съ чѣмъ-то гадкимъ.

Среди всѣхъ этихъ людей герцогъ напрасно искалъ привѣтливое или почти-тельное лицо. Предъ комнатою короля группы придворныхъ и стражей не безъ эффектаціи загородили герцогу дорогу локтями, повернувшись къ нему спиною. Встрѣтивъ отпоръ съ этой стороны, герцогъ вошелъ въ комнаты королевы. Тамъ были накрыты приборы для обѣда королевской фамиліи. „Смотрите за блюдами!“ закричали угрожающіе голоса, какъ будто бы при появленіи общест-веннаго отравителя. Приведенный въ негодованіе принцъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, подозрѣвая въ этихъ оскорбленіяхъ ненависть королевы и распо-ряженіе короля. Онъ возвратился на лѣстницу, чтобы выйти изъ дворца. Новые вопли, новыя оскорбленія слѣдовали за нимъ. Съ перилъ лѣстницы, по которой онъ проходилъ, плевали на его платье и даже на голову. Удары кинжаловъ были бы для герцога не такъ жестоки, какъ эти выраженія презрѣнія. Гер-цогъ пришелъ примиреннымъ, вышелъ неумолимымъ. Онъ понялъ, что убѣжи-щемъ отъ ненависти двора были только крайніе ряды демократіи. Онъ съ рѣ-шимостью устремился туда, чтобы найти безопасность или мечь.

Узнавъ вскорѣ объ этихъ оскорбленіяхъ, король и королева, которые въ нихъ не были виновны, не сдѣлали ничего, чтобы ихъ загладить. Втайнѣ они, быть можетъ, почувствовали даже удовольствіе при видѣ гнѣва своихъ при-ближенныхъ и униженія своего врага. Королева вообще была скоро на милость и неблагоразумна въ ненависти. Королю недоставало не доброты, но граціи. Слово Генриха IV наказало бы обидчиковъ и привлекло бы принца обратно; Людовикъ XVI не сумѣлъ сказать такого слова; злоба затаилась среди без-молвія, и судьба свершилась.

12.

Съ этого дня герцогъ Орлеанскій опередилъ жирондистовъ, съ которыми его соединяли только Петіонъ и Бриссо, и перешелъ къ якобинцамъ. Онъ открылъ свой дворецъ Дантону и Бареру и встрѣчался уже только въ край-нихъ партіяхъ, за которыми и слѣдовалъ, не колеблясь, не отступая ни на одинъ день, безмолвно, повсюду, до республики, до царевубійства, до смерти.

13.

Между тѣмъ, столица все больше и больше волновалась тревогою, которую внушали націи вооруженія императора и недовѣріе къ двору и къ министрамъ, распространяемое жирондистами во всѣхъ ихъ рѣчахъ. При каждомъ новомъ сообщеніи министра иностранныхъ дѣлъ, Лессара, изъ партіи Жиронды исходили крики о войнѣ и измѣнѣ. Бриссо кричалъ: „Маска падаетъ! нашъ врагъ извѣстенъ: это императоръ! Принцы, владѣтели въ Эльзасѣ, защитою дѣла которыхъ онъ прикрывается, ни что иное, какъ предлогъ для его не-нависти; сами эмигранты—не болѣе, какъ его же орудія. Отнесемъ съ презрѣніемъ къ этимъ эмигрантамъ. Только верховному національному суду при-надлежитъ право оказать намъ правосудіе относительно этихъ нищенствующихъ принцевъ. Имперскіе курфирсты не болѣе достойны вашего гнѣва. Страхъ заранѣе заставляетъ ихъ распространяться у вашихъ ногъ. Свободный народъ не

разить враговъ, стоящихъ на колѣняхъ. Бейте въ голову! голова—это императоръ!”

Онъ сообщилъ свое увлеченіе собранію. Но Бриссо, искусный политикъ, глубокомысленный совѣтникъ своей партіи, не обладалъ такимъ сильнымъ талантомъ, который бы возвышалъ единичное мнѣніе до размѣровъ народнаго голоса. Одинъ только Верньо имѣлъ даръ воплощать всю партію въ своемъ страстномъ увлеченіи и гремѣть отъ лица цѣлой партіи своимъ краснорѣчіемъ. Путемъ историческаго мышленія онъ восходилъ къ древнимъ временамъ, гдѣ находилъ сцены аналогичныя со своимъ временемъ: онъ сообщалъ своему слову величіе и торжественность всѣхъ вѣковъ.

„Наша революція“, сказалъ онъ въ томъ же засѣданіи, „породила тревогу при всѣхъ дворахъ. Она подала примѣръ уничтоженія деспотизма, который ихъ поддерживаетъ. Короли ненавидятъ нашу конституцію потому, что она дѣлаетъ людей свободными, а они хотятъ царствовать надъ рабами. Со стороны императора эта ненависть выразилась во всѣхъ поступкахъ, совершенныхъ имъ съ цѣлью беспокоить насъ, подкрѣплять нашихъ враговъ и ободрять французовъ, возставшихъ противъ законовъ своего отечества. Не должно думать, что эта ненависть перестанетъ существовать; нужно, чтобы она перестала дѣйствовать! Наши границы защищаются не столько линейными войсками и національными гвардейцами, сколько энтузіазмомъ къ свободѣ. Свобода! съ самаго своего рожденія она составляетъ предметъ скрытной, позорной войны, которую съ ней ведутъ даже въ колыбели. Какова же эта война? Три арміи пресмыкающихся и ядовитыхъ насѣкомыхъ двигаются и ползаютъ по вашей собственной груди. Одна состоитъ изъ наемныхъ пасквильантовъ и подкупленныхъ клеветниковъ; они стараются вооружить обѣ власти одну противъ другой, внушая имъ взаимное недоверіе. Другая армія, безъ сомнѣнія, также опасная,—это армія мятежныхъ священниковъ, которые видятъ, что ихъ могущество рухнетъ вмѣстѣ съ ихъ обаяніемъ, и для поддержанія своего господства взымаютъ къ отщепенію, запрещаемому религіей, выдаютъ преступленія за добродѣтели! Третья армія состоитъ изъ жадныхъ финансистовъ, ажіотеровъ, которые могутъ обогатиться только путемъ нашего разоренія; для ихъ эгоистическихъ расчетовъ національное благополучіе будетъ смертью, а наша смерть сдѣлается ихъ жизнью! Они похожи на плотоядныхъ животныхъ, которая выжидаютъ исхода сраженія, чтобы сожрать оставшіеся трупы. (Рукоплесканія).

„Они знаютъ, что ваши приготовленія къ защитѣ разорительны; они рассчитываютъ на упадокъ вашего кредита, на рѣдкость звонкой монеты, на утомленіе тѣхъ гражданъ, которые покинули и будутъ еще покидать женъ и дѣтей, чтобы бѣжать къ границамъ, тогда какъ милліоны, искусно расточаемые внутри страны, возбуждаютъ волненія, въ которыхъ народъ, вооруженный отчаяніемъ, самъ разрушить свои права, думая ихъ защититъ. Тогда-то императоръ двинетъ страшную армію, чтобы наложить на васъ оковы. Вотъ война, которую съ вами ведутъ,—вотъ война, которую хотятъ съ вами вести. (Продолжительныя рукоплесканія).

„Народъ клялся поддерживать конституцію, потому что видитъ въ ней честь и свободу; но если вы оставите народъ въ состояніи тревожной непо-

движности, которая тратитъ силы на ожиданіе и истощаетъ всѣ наши доходы, то день этого истощенія не будетъ ли и послѣднимъ днемъ конституціи? Состояніе, въ которомъ насъ держать, есть поистинѣ состояніе ничтожества, которое можетъ привести только къ позору или къ смерти. (Сильныя рукоплесканія). Итакъ, къ оружію, граждане! къ оружію, свободные люди! защитите вашу свободу, поддержите надежды на свободу человѣчества, въ противномъ случаѣ вы не заслуживаете даже жалости за ваши несчастія. (Новыя рукоплесканія).

„У насъ нѣтъ другихъ союзниковъ кромѣ вѣчной справедливости, права, которой мы защищаемъ. Но развѣ намъ запрещено искать новыхъ союзниковъ и привлекать къ себѣ державы, которымъ, вмѣстѣ съ нами, угрожало бы нарушеніе равновѣсія Европы? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; объявите императору, что съ этой минуты трактаты разорваны! (Продолжительныя браво). Императоръ самъ разорвалъ ихъ. Если онъ все-еще колеблется нападать на васъ, то только потому, что не готовъ. Но маска съ него упала! поздравьте себя! Европа устремля на васъ взоры: покажите же ей, что значить французское національное собраніе! Если вы выкажете достоинство, приличное представителямъ великаго народа, то получите его рукоплесканія, его уваженіе, его поддержку. Но если вы покажете слабость, если упустите посылаемый вамъ Провидѣніемъ случай освободиться отъ положенія, которое васъ запутываетъ, то бойтесь позора, какой вамъ готовится ненавистью Европы, Франціи, современниковъ и потомства. (Рукоплесканія).

„Но сдѣлайте больше: требуйте, чтобы ваши національные цвѣта были уважаемы по ту сторону Рейна; требуйте, чтобы ваши эмигранты были разсѣяны. Я могъ бы требовать выдачи ихъ отечеству, которое они оскорбляютъ, чтобы ихъ покарать. Но нѣтъ! Если они были алчны до нашей крови, то не будемъ такими же относительно ихъ! ихъ преступленіе состоитъ въ желаніи разорить свое отечество; такъ пусть же наказаніемъ этихъ бродягъ будетъ невозможность найти отечество гдѣ бы то ни было! (Рукоплесканія). Если императоръ медлитъ отвѣтомъ на ваши запросы, то пусть же всякая отсрочка считается отказомъ,—пусть всякій отказъ въ объясненіи съ его стороны разсматривается какъ объявленіе войны! Нападайте, пока время въ вашемъ распоряженіи. Если бы въ Саксонской войнѣ Фридрихъ медлилъ, то король прусскій былъ бы теперь маркграфомъ Бранденбургскимъ. Но онъ сдѣлалъ нападеніе, и Пруссія уже оспариваетъ у Австріи равновѣсіе въ Германіи, управленіе которымъ ускользнуло изъ вашихъ рукъ!

„До сихъ поръ вы принимали только полумѣры, и къ вашимъ распоряженіямъ можно отнести слова, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ Демосфенъ говорилъ Аонинамъ: „Вы ведете себя относительно Македонянъ, говорилъ онъ имъ, какъ тѣ варвары, которые борются съ противниками въ нашихъ играхъ; когда ихъ поразятъ въ руку, они трогаютъ ее другой рукой; послѣ удара въ голову подносятъ руку къ головѣ; о защитѣ они не помышляютъ до тѣхъ поръ, пока не ранены,—не думаютъ отражать заранѣе удары, которые имъ готовятся. Филиппъ вооружается, вооружаетесь и вы; разоруживается онъ,—вы складываете оружіе. Если онъ нападетъ на кого-нибудь изъ вашихъ

союзниковъ, то вы тотчасъ посылаете многочисленную армію на помощь этому союзнику; нападаетъ онъ на одинъ изъ вашихъ городовъ, вы шлете армію на защиту этого города; сниметъ онъ опять оружіе, — вы также снова обезоруживаете себя, не заботясь о средствахъ предупредить его честолюбіе и оградиться отъ нападений. Такимъ образомъ, вы повинуетесь своему врагу: онъ командуетъ вашею арміею.“

„Я вамъ тоже скажу объ эмигрантахъ: какъ только вы узнаете, что они въ Кобленцѣ, тотчасъ безчисленное множество гражданъ спѣшатъ сражаться съ ними. Если они собрались на берегахъ Рейна, вы уставляете его берега двумя корпусами арміи. Если сосѣднія державы даютъ имъ убѣжище, то вы предполагаете сдѣлать на нихъ нападеніе. Наоборотъ, когда вы узнаете, что они углубляются на сѣверъ Германіи, то складываете оружіе. Новое оскорбленіе съ ихъ стороны, опять ваше негодованіе раздражается. Сдѣлаютъ вамъ прекрасныя обѣщанія, вы еще разъ обезоруживаетесь. Такимъ образомъ эмигранты и кабинеты, которые ихъ поддерживаютъ, становятся вашими вождами и располагаютъ вами, вашими совѣтами, казною и арміями! (Рукоплесканія). Вамъ должно рѣшить, достойна ли великаго народа такая унижительная роль.

„У меня въ эту минуту является мысль, которою я и закончу. Мнѣ кажется, что тѣни прошлыхъ поколѣній спѣшатъ въ этотъ храмъ, чтобы заклинать васъ, во имя всѣхъ несчастій, какія причинило имъ рабство, предохранить отъ него будущія поколѣнія, судьбы которыхъ въ нашихъ рукахъ! Услышите эту мольбу, присоединитесь къ вѣчному правосудію, которое охраняетъ народы. Заслуживъ титулъ благодѣтелей своего отечества, вы заслужите также титулъ благодѣтелей человѣчества“.

Рукоплесканія долго отражали въ залѣ отголосокъ волненія, которое вызвала у слушателей эта рѣчь. Верньо, по примѣру ораторовъ древности, — не охлаждалъ свое краснорѣчіе въ политическихъ комбинаціяхъ, которыя говорятъ только разсудку, но одушевлялъ его внутреннимъ огнемъ. Народъ понимаетъ лишь то, что чувствуетъ. Единственные ораторы для него тѣ, которые умѣютъ его тронуть. Умиленіе для массъ замѣняетъ убѣжденіе. Верньо самъ обладалъ чувствомъ и сообщалъ его толпѣ. Сознаніе труда для счастья человѣчества, перспектива признательности будущихъ поколѣній сообщали Франціи благородную гордость и энтузіазмъ къ дѣлу свободы. Однимъ изъ свойствъ этого оратора было то, что онъ почти всегда возводилъ революцію на высоту апостольской миссіи, распространялъ свой патріотизмъ на все человѣчество, воспламенялъ и увлекалъ народъ только своими добродѣтелями. Подобныя слова находили во всемъ государствѣ отголосокъ, которому не могли противиться ни король, ни министерство.

14.

Притомъ, какъ мы видѣли, Верньо и его друзья имѣли сношенія въ министерскомъ совѣтѣ. Нарбоннъ и жирондисты встрѣчались и вступали въ соглашенія у г-жи Сталь, салонъ которой, оглашаясь воинственными предложеніями, назывался тогда станомъ революціи. Аббатъ Фоме, обвинитель Лессара, почерпалъ здѣсь свое рвеніе къ ниспроверженію этого министра. Лессаръ, раз-

дѣлаваясь, какъ могъ, съ угрозою вѣнскаго двора и съ гнѣвомъ собранія, старался выиграть время для лучшихъ совѣтовъ. Честная преданность министра Людовику XVI, благоразумная и обдуманная предусмотрительность заставляли его видѣть въ войнѣ не возстановленіе, но насильственное потрясеніе трона. Въ этомъ столкновеніи между Европой и Франціей короля должны были раздавить перваго. У Лессара, какъ у человѣка, посвятившаго себя добру, преданность государю замѣняла геній. Этотъ министръ служилъ помѣхой тремъ партіямъ, которыя желали войны: надо было во что бы то ни стало удалить его отъ короля. Лессаръ могъ прикрыть себя или удаленіемъ или уступкою нетерпѣнью собранія. Онъ этого не хотѣлъ; зная страшную отвѣтственность, которая тяготѣла надъ его головою,—зная, что эта отвѣтственность значила смерть, онъ пренебрегъ всѣмъ, чтобы дать королю нѣсколько лишнихъ дней для переговоровъ. Эти дни были сочтены.

ХІІ.

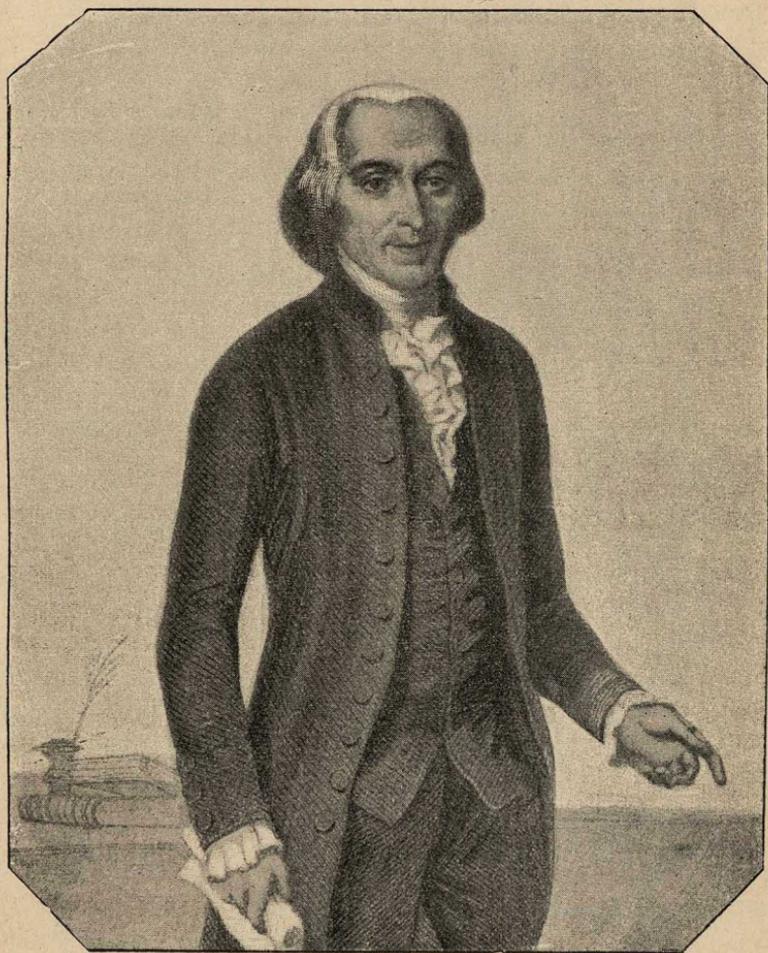
Смерть Леопольда.—Отставка Нарбонна.—Убійство Густава, короля шведскаго.—Кабинетъ Людовика XVI.—Всѣ партіи соединяются для его низверженія. Бриссо—государственный человѣкъ Жиронды.—Жирондистское министерство.—Дюмурье—военный министр.—Роланъ—министръ внутреннихъ дѣлъ.

1.

Леопольдъ, мирный государь, философъ, который сдѣлался бы революціонеромъ, если бы не былъ императоромъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы отсрочить столкновение двухъ принциповъ. Онъ требовалъ отъ Франціи только такихъ уступокъ, какія были необходимы, чтобы остановить порывы Пруссіи, Германіи и Россіи. Министръ его, Кауницъ не переставалъ писать къ Лессару въ этомъ смыслѣ, конфиденціальныя сообщенія, которыя король получалъ отъ своего посланника въ Вѣнѣ, маркиза де-Ноайля, дышали тѣмъ же духомъ примиренія. Леопольдъ хотѣлъ только, чтобы востановленный во Франціи порядокъ и всецѣло выполняемая исполнительною властью конституція дали собою гарантіи монархическимъ державамъ. Но послѣднія засѣданія собранія, вооруженія Нарбонна, обвиненія Бриссо, пламенная рѣчь Верньо, рукоплесканія, которыми она была покрыта, начали утомлять терпѣніе императора, и война, долго сдерживаемая, вырвалась у Леопольда вопреки его желанію. „Французы хотятъ войны“, сказалъ онъ однажды въ своемъ кругу, „она у нихъ будетъ; они увидятъ, что мирный Леопольдъ умѣетъ быть воинственнымъ, когда того потребуютъ интересы его народовъ“.

Совѣты кабинета въ Вѣнѣ происходили чаще въ присутствіи императора. Россія только-что подписала миръ съ Оттоманскою имперіей; она была свободна обратиться противъ Франціи. Швеція поджигала гнѣвъ государей. Пруссія уступала совѣтамъ Леопольда. Англія наблюдала, но не мѣшала ничему; борьба на материкѣ должна была увеличить ея значенія. Вооруженія были рѣшены, а 7 февраля 1792 г. подписанъ окончательный союзный трактатъ въ Берлинѣ между Австріей и Пруссіей. „Теперь“, писалъ Леопольдъ Фридриху Вильгельму, „Франція угрожаетъ, вооружается, вызываетъ,—Европа должна вооружиться“.

Партія войны торжествовала въ Германіи. „Вы очень счастливы“, сказалъ курфирстъ майнцскій маркизу Булье, „что нападающею стороною являются французы. Безъ этого, у насъ никогда не было бы войны!“, Въ совѣтахъ война была уже рѣшена, а Леопольдъ все еще надѣялся. Въ официальной нотѣ,

Роланъ.

которую Кауницъ передалъ маркизу де-Ноайлю для сообщенія королю, императоръ еще разъ протягивалъ руки примиренія. Лессаръ отвѣчалъ конфиденціально на эти послѣднія открытія депешю, которую имѣлъ благородство сообщить дипломатическому комитету собранія, составленному изъ жирондистовъ. Въ этой бумагѣ министръ старался отражать упреки, дѣлаемые собранію императоромъ. Казалось, онъ не столько оправдывалъ Францію, сколько извинялъ ее. Онъ сознавался, что были нѣкоторыя смуты въ королевствѣ, излишества въ клубахъ и распушенность въ печати; онъ приписывалъ эти безпорядки броженію, произведенному скопищами эмигрантовъ, и неопытности народа, который, испытывая свою конституцію, самъ себя ранить.

„Равнодушіе и презрѣніе“, говорилъ онъ, „вотъ оружія, которыми лично борются съ этимъ бичомъ. Могла ли бы Европа унизиться до обвиненія французской націи за то лишь, что она заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ нѣсколькихъ декламаторовъ и писакъ, и неужели она сдѣлаетъ имъ честь пушечными выстрѣлами?“

Въ депешѣ Кауница, обращенной ко всѣмъ иностраннымъ кабинетамъ, читали фразу такого рода: „послѣднія событія подають намъ надежду; повидимому, большинство французской націи, само пораженное бѣдствіями, которыя оно подготовило, возвращается къ болѣе умѣреннымъ принципамъ и стремится возвратить трону достоинство и авторитетъ, составляющія существо монархическаго правленія“.

Собраніе хранило молчаніе, означавшее подозрительность. Послѣдняя пробудилась во время чтенія дипломатическихъ нотъ и контръ-нотъ, обмѣненныхъ между тюльерійскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Но какъ только Лессаръ сошелъ съ трибуны и засѣданіе было прервано, недовѣрчивый шопоть превратился въ глухой и единодушный крикъ негодованія.

2.

Якобинцы разразились угрозами противъ вѣроломства министра и двора, которые, соединившись въ измѣнническій комитетъ, названный *австрійскимъ комитетомъ*, будто бы сговаривались во мракѣ Тюльери объ антиреволюціонныхъ планахъ, съ самаго подножія трона подавали знакъ врагамъ націи, тайно сносились съ вѣнскимъ дворомъ и диктовали ему выраженія, съ какими нужно было обращаться къ Франціи, чтобы ее запугать. Опубликованные въ послѣдствіи мемуары прусскаго министра Гарденберга показываютъ, что не всѣ эти обвиненія были мечтами демагоговъ, и что,—по крайней мѣрѣ, съ мирными цѣлями,—оба двора старались согласовать свой языкъ. Рѣшено было предать суду Лессара. Бриссо, глава дипломатическаго комитета, сторонникъ войны, взялъ на себя доказать его мнимыя преступленія.

Конституціонная партія оставила Лессара безъ защиты предъ ненавистью якобинцевъ. Эта партія не имѣла противъ него подозрѣній, но хотѣла отомстить ему. Король внезапно уволилъ соперника этого министра въ свѣтъ, Нарбонна. Послѣдній, чувствуя опасность, заставилъ Лафайета написать себѣ показное письмо, въ которомъ Лафайетъ, отъ имени арміи, заклиналъ Нарбонна остаться на своемъ постѣ, пока этого требуетъ опасное положеніе

отечества. Такой поступок, въ которомъ Нарбоннъ былъ соучастникомъ, показался королю наглымъ стѣсненіемъ его личной свободы и нарушеніемъ конституціи. Популярность Нарбонна падала по мѣрѣ того, какъ жирондисты становились смѣлѣе. Когда онъ показывался на трибунѣ, собраніе начинало замѣнять рукоплесканія ропотомъ; разъ его даже заставили позорно сойти съ трибуны за то, что министръ уязвилъ плебейское чувство, сдѣлавъ воззваніе къ *избраннымъ* членамъ собранія. Изъ-за мундира Нарбонна сквозила аристократичность его общественнаго положенія. Народъ хотѣлъ видѣть въ совѣтѣ министровъ людей суровыхъ, подобныхъ себѣ. Поставленный между оскорбленнымъ королемъ и недоувѣрчивыми жирондистами, Нарбоннъ палъ. Король смѣнилъ его; онъ вступилъ на службу въ армію, которую организовалъ.

Друзья Нарбонна не скрывали своей досады. Г-жа Сталь потеряла въ немъ свой идеалъ и свое честолюбіе, но не утратила надежды возвратить Нарбонну довѣріе короля и крупную политическую роль. Она хотѣла сдѣлать изъ него Мирабо, мечтала сдѣлать Монка. Съ этого дня у нея явилась мысль вырвать короля у жирондистовъ и якобинцевъ, овладѣть имъ посредствомъ Нарбонна и конституціонистовъ, поставить среди арміи, раздавить крайнія партіи и основать идеалъ своего правительства: аристократическую свободу. Умъ этой женщины не чуждъ былъ предрасудковъ ея рожденія; хотя по сердцу она была плебейкою, но между трономъ и народомъ ей нужны были патрици. Первый ударъ Лессару нанесенъ былъ рукою человѣка, который посѣщаль салонъ г-жи Сталь.

3.

Но надъ Лессаромъ разразился еще болѣе неожиданный и страшный ударъ въ тотъ самый день, когда его, такимъ образомъ, предавали врагамъ. Въ Парижѣ узнали о неожиданной смерти императора Леопольда. Съ жизнью его угасли послѣдніе лучи мира: онъ уносилъ съ собою и свою мудрость. Кто знаетъ, какая политика должна была возникнуть на его гробѣ? Волненіе умовъ внесло ужасъ въ общественное мнѣніе: этотъ ужасъ превратился въ ненависть противъ злополучнаго министра Людовика XVI. Говорили, что онъ не сумѣлъ ни воспользоваться мирнымъ настроеніемъ Леопольда, при жизни послѣдняго, ни предупредить враждебныхъ намѣреній тѣхъ, которые ему наслѣдовали въ управленіи дѣлами Германіи. Все обратилось въ обвиненіе ему, даже судьба и смерть.

Въ моментъ этой смерти имперія была готова къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Отъ Базеля до Шельды 200.000 человѣкъ находились въ рядахъ войска. Герой надеждъ коалиціи, герцогъ Брауншвейгскій, находился въ Берлинѣ, давалъ свои послѣдніе совѣты королю прусскому и принималъ послѣднія приказанія. Бишофвердеръ, генераль и повѣренный короля прусскаго, прибылъ въ Вѣну, чтобы условиться съ императоромъ о времени и мѣстѣ враждебныхъ дѣйствій. По его прибытіи Кауницъ внѣ себя сообщилъ ему о внезапной болѣзни императора. 27 числа Леопольдъ былъ совершенно здоровъ и давалъ аудіенцію турецкому посланнику; 28-го онъ уже находился въ агоніи. Его внутренности раздулись, судорожная рвота раздирала желудокъ и грудь. Медики, недоумѣвая относительно этихъ симптомовъ, смутились, предписали

сдѣлать кровоупусканіе: оно, повидимому, облегчило, но также и истощило силы государя, обезсиленнаго излишествами. Онъ заснулъ на минуту, медики и министры удалились; Леопольдъ проснулся въ новыхъ судорогахъ и умеръ на глазахъ одного только камердинера Брюнетти, въ объятіяхъ подбѣжавшей императрицы.

Извѣстіе о смерти императора, тѣмъ болѣе зловѣщее, чѣмъ менѣе ожиданное, распространилось по городу въ одно мгновеніе; эта смерть застала имперію среди кризиса. Страхъ за судьбу Германіи соединялся съ сожалѣніемъ объ участи императрицы и ея дѣтей; дворецъ былъ полонъ смятенія и отчаянія; министры увидѣли, что власть вдругъ ускользнула изъ ихъ рукъ; придворные вельможи, не ожидая своихъ экипажей, спѣшили во дворецъ пѣшкомъ, среди безпорядка, вызваннаго удивленіемъ и горестью; стоны раздавались въ переднихъ и на лѣстницахъ, которыя вели въ комнаты императрицы. Въ эту минуту она, не имѣя времени одѣться въ траурное платье, появилась вся въ слезахъ, окруженная своими многочисленными дѣтьми, и повела ихъ къ новому римскому императору, старшему сыну Леопольда: она преклонилась предъ нимъ и умоляла о покровительствѣ этимъ сиротамъ. Францъ II, соединяя свои рыданія со слезами матери и братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ не болѣе четырехъ лѣтъ, поднималъ императрицу, обнялъ дѣтей и общалъ быть для нихъ вторымъ отцомъ.

4.

Между тѣмъ, самая катастрофа казалась необъяснимою; государственные люди видѣли тутъ тайну, а народъ говорилъ объ отравленіи; эти послѣдніе слухи не были ни подтверждены ни опровергнуты временемъ. Наиболѣе вѣроятно то предположеніе, что Леопольдъ, пристрастившійся къ удовольствіямъ, немѣнно принялъ, для возбужденія въ себѣ силъ, лекарства, которыя онъ составлялъ самъ и которыя страсть его къ женщинамъ дѣлала необходимыми, когда физическія силы не отвѣчали болѣе ненасытному пылу его воображенія. Постоянный медикъ императора, Лагузіусъ, находившійся при вскрытіи трупа, утверждалъ присутствіе яда. Кто далъ его? Якобинцы и эмигранты взаимно приписывали одни другимъ это преступленіе: первые могли бы совершить его, чтобы избавиться отъ вооруженнаго главы имперіи и такимъ путемъ внести анархію въ германскую федерацію, въ которой императоръ служилъ связью, послѣдніе поразили бы въ лицѣ Леопольда государя философа, который договаривался съ Франціей и замедлялъ войну. Говорили о женщинѣ, замѣченной Леопольдомъ на послѣднемъ придворномъ маскарадѣ. Незнакомка, пользуясь своимъ инкогнито, будто бы дала ему отравленныя конфеты такъ, что потомъ невозможно было разыскать руку, изъ которой вышла смерть. Другіе обвиняли любовницу Леопольда, прекрасную флорентинку, донну Ливію, которая служила орудіемъ фанатизма нѣсколькихъ священниковъ. Эти анекдоты— не что иное, какъ химеры, вызванныя изумленіемъ и горестью; народы не хотятъ видѣть естественнаго въ событіяхъ, которыя имѣютъ огромное значеніе въ ихъ судьбѣ. Но собирательныя преступленія рѣдки; общественное настроеніе можетъ желать преступленія, но не совершаетъ его. Никто не относитъ ко

всѣмъ позоръ злодѣянія, выгоднаго только для одной партіи. Преступленіе бываетъ личное, какъ честолюбіе или какъ месть; вокругъ Леопольда не было ни честолюбія ни мести; была только ревность нѣсколькихъ женщинъ. Самыя привязанности Леопольда были слишкомъ разнообразны и мимолетны, чтобы возбуждать въ любовницахъ его такую страсть, которая вооружается ядомъ или княжаломъ. Онъ любилъ въ одно и то же время донну Ливію, которую привезъ вмѣстѣ съ собой изъ Тосканы и которая была извѣстна подъ именемъ прекрасной итальянки,—молодую польку Прокашъ, прелестную графиню Валькенштейнъ и другихъ женщинъ еще низшаго званія. Графиня Валькенштейнъ, была съ нѣкотораго времени его *maitresse déclarée*; онъ подарилъ ей миліонъ въ облигаціяхъ вѣнскаго банка; онъ даже представилъ ее императрицѣ, которая простила мужу слабости, стараясь только, чтобы онъ не доводилъ до вѣрчивости до политическихъ дѣлъ, въ чемъ Леопольдъ до тѣхъ поръ еще сохранялъ сдержанность. Страсть къ женщинамъ доходила у Леопольда до безумія; надобно восходить къ самымъ позорнымъ эпохамъ римской имперіи, чтобы найти при дворѣ императоровъ скандалы, подобные встрѣчавшимся въ его жизни. Кабинетъ его походилъ на мѣсто позора; это былъ своего рода непристойный музей. Послѣ смерти Леопольда тамъ нашли коллекцію драгоценныхъ матерій, перстней, вѣровъ, бездѣлушекъ и даже до 100 фунтовъ лучшихъ румянъ, предназначенныхъ для исправленія беспорядка въ туалетахъ дамъ, которыхъ онъ туда приводилъ. Слѣды его разврата заставили покраснѣть императрицу, когда она дѣлала опись вещамъ въ присутствіи новаго императора. „Сынъ мой“, сказала она ему, „предъ вами печальное доказательство беспорядочной жизни вашего отца и моихъ продолжительныхъ печалей; но вы помните только о моемъ прошеніи и о его добродѣтеляхъ. Подражайте его добрымъ качествамъ, но берегитесь впасть въ его пороки, чтобы въ свою очередь не заставить краснѣть тѣхъ, кто будетъ разсматривать слѣды вашей жизни“.

Государь въ Леопольдѣ стоялъ выше человѣка. Въ Тосканѣ онъ испробовалъ правленіе философа; эта страна благословляетъ его память. Но съ управленіемъ болѣе обширнымъ государствомъ умъ его былъ несоразмѣренъ. Борьба, предложенная Леопольду французской революціей, заставила его взяться за дѣла Германіи; онъ сдѣлалъ это, но слабо.

Зажигательному дѣйствію новыхъ идей онъ противопоставилъ выжидательную систему дипломатіи. Дать время революціи—значило обезпечить ей побѣду. Побѣдить ее можно было не иначе какъ врасплохъ, можно было только задуть ее въ самой колыбели. Заступникомъ и сторонникомъ революціи былъ духъ народовъ; арміею ей служила ея возрастающая популярность. Идеи революціи склоняли къ ней государей, народы, кабинеты; Леопольдъ хотѣлъ бы воздать ей должное; но у революціи это послѣднее заключается въ завоеваніи всего того, что противно ея принципамъ. Принципы Леопольда могли легко помириться съ революціей; но его власть, какъ верховнаго государя Германіи, не могла примириться съ завоевательнымъ могуществомъ Франціи. Ему пришлось играть двойную роль; положеніе его было ложное. Леопольдъ умеръ во время для своей славы; онъ парализовалъ воинственные стремленія Герма-

ні, ослаблялъ порывы Франціи. Исчезнувъ, онъ дѣлалъ свободнымъ столкнове-
 вене двухъ принциповъ: изъ этого должна была произойти война.

5.

Общественное настроеніе, уже взволнованное смертью Леопольда, получило
 новый толчекъ извѣстіемъ о трагической смерти короля шведскаго; онъ былъ
 убитъ въ ночь съ 16 на 17 марта 1792 г., въ маскарадѣ. Казалось, смерть
 хотѣла поразить, ударъ за ударомъ, всѣхъ непріятелей Франціи. Якобинцы ви-
 дѣли свою руку во всѣхъ этихъ катастрофахъ; они даже хвастались такими
 дѣлами чрезъ самыхъ изступленныхъ своихъ демагоговъ, хотя, впрочемъ, больше
 провозглашали преступленія, чѣмъ совершали ихъ; во всѣхъ этихъ трагическихъ
 событіяхъ они участвовали только своими желаніями.

Густавъ, герой контръ-революціи, рыцарь аристократіи, погибъ исключи-
 тельно подъ ударами своего дворянства. Готовый отправиться въ экспедицію,
 которую задумалъ совершить противъ Франціи, онъ собралъ сеймъ, чтобы обез-
 печить спокойствіе королевства во время своего отсутствія. Энергія Густава
 подавляла недовольныхъ; между тѣмъ, ему возвѣщали, какъ Цезарю, что мар-
 товскія иды будутъ критической эпохой въ его судьбѣ. Тысяча признаковъ
 доказывала существованіе заговора; слухъ о близкомъ убійствѣ Густава былъ
 распространенъ по всей Германіи прежде, чѣмъ разразился ударъ. Подобная
 молва служить предвѣстіемъ замышляемаго преступленія; у заговорщиковъ всегда
 ускользаетъ какой-нибудь лучъ, освѣщающій ихъ намѣренія; по этимъ про-
 блескамъ событіе дѣлается извѣстнымъ прежде чѣмъ совершается.

Король шведскій, котораго многочисленные друзья предупреждали о гото-
 вящемся преступленіи и умоляли остерегаться, отвѣчалъ, подобно Цезарю, что
 разъ полученный ударъ менѣе тягостенъ, чѣмъ постоянная боязнь получить
 его, и что если слушать всѣ эти предостереженія, то нельзя будетъ даже вы-
 пить стаканъ воды. Онъ пренебрегалъ смертью и не щадилъ себя для своего
 народа.

Заговорщики дѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ въ теченіе сессіи
 сейма, но случай спасалъ короля. Со времени возвращенія въ Стокгольмъ онъ
 часто проводилъ дни одинъ въ замкѣ Гага, на разстояніи мили отъ столицы.
 Трое изъ заговорщиковъ приблизились къ замку въ пять часовъ, въ темный
 зимній вечеръ, вооруженные карабинами; они подсматривали короля, готовые
 выстрѣлить въ него. Комната, которую онъ занималъ, находилась въ нижнемъ
 этажѣ; огни, зажженные въ библіотекѣ, указывали убійцамъ ихъ жертву. Гу-
 ставъ, возвратившись съ охоты, раздѣлся, сѣлъ въ библіотекѣ и заснулъ въ
 своемъ креслѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ убійцъ. Быть можетъ, неожидан-
 ный шумъ встревожилъ ихъ, или они были растроганы торжественнымъ кон-
 трастомъ безпечнаго сна Густава съ угрожавшею ему опасностью смерти,—
 какъ бы то ни было, они еще разъ отступили и открыли это обстоятельство
 уже послѣ убійства, при допросѣ. Король убѣдился въ истинѣ и несомнѣнности
 замысла. Убійцы уже готовы были отказаться отъ своего намѣренія, обезку-
 раженные подобіемъ сверхъестественнаго вмѣшательства въ ихъ дѣло и утом-
 ленные продолжительною бесплодностью своего заговора,—когда подвернулось

роковое обстоятельство, которое соблазнило ихъ съ большею противъ прежняго силою и рѣшительно побудило ихъ къ убійству короля.

6.

Въ оперѣ давали маскарадъ; король долженъ былъ тамъ находиться; убійцы рѣшились воспользоваться инкогнито маскараднаго переодѣванья и праздничнымъ беспорядкомъ, чтобы поразить свою жертву, не обнаруживая себя. Незадолго до бала король ужиналъ съ небольшимъ числомъ любимцевъ. Ему вручили письмо; онъ прочиталъ его шутя и бросилъ на столъ. Безымянный авторъ письма говорилъ, что не принадлежитъ ни къ числу личныхъ друзей короля, ни къ числу людей, одобряющихъ его политику, но въ качествѣ благороднаго врага считаетъ обязанностью увѣдомить короля объ угрожающей ему смерти. Онъ совѣтовалъ ему вовсе не идти на балъ, или, если уже король считаетъ необходимымъ отправиться туда, то остерегаться толпы, которая будетъ тѣсниться около него, такъ какъ скопленіе людей вокругъ его особы должно служить сигналомъ къ удару, который будетъ ему нанесенъ. Чтобы внушить довѣріе къ этому предувѣдомленію, авторъ письма напоминалъ королю мельчайшія подробности его костюма, а также движенія, положеніе, сонъ его въ замкѣ Гага, вечеромъ, когда король думалъ, что отдыхаетъ безъ свидѣтелей. Такіе знаки признательности должны были поразить и устрашить умъ короля; но неустрашимая натура Густава побудила его пренебречь не предостереженіемъ, но смертью: онъ всталъ и отправился на балъ.

7.

Лишь только король прошелъ залу, онъ былъ окруженъ, какъ ему предсказывали, группою замаскированныхъ людей и какъ-бы машинальнымъ движеніемъ раздѣленъ отъ толпы сопровождавшихъ его офицеровъ. Въ эту минуту невидимая рука выстрѣлила въ него сзади изъ пистолета, заряженнаго картечью. Ударъ поразилъ короля въ лѣвый бокъ выше бедра; Густавъ упалъ на руки своего любимца, графа Армфельда. Стукъ ружей, дымъ отъ пороха, повсемѣстные крики „къ оружію“,—смятеніе, послѣдовавшее за паденіемъ короля,—дѣйствительная или притворная поспѣшность окружающихъ, которые бросились его поднимать,—все помогало скрыться убійцамъ; пистолеть упалъ на землю. Густавъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа; онъ приказалъ запереть двери залы и велѣлъ всѣмъ снять маски. Перенесенный въ свои комнаты, прилежавшія къ оперѣ, онъ получилъ тамъ первыя медицинскія пособія,—допустилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ посланниковъ, говорилъ съ ними спокойно и твердо. Самая боль не внушала ему чувства мести. Великодушный до смерти, онъ съ безпокойствомъ спросилъ, арестованъ ли убійца. Ему отвѣчали, что онъ еще неизвѣстенъ. „О, дай Богъ“, сказали Густавъ, „чтобы его и не открыли!“

Пока королю подавали первую помощь и переносили во дворецъ, стражи, поставленные у дверей, снимали маски съ присутствующихъ на балѣ, допрашивали ихъ, записывали имена, осматривали платье. Ничего подозрительнаго не было открыто. Четверо изъ главныхъ заговорщиковъ,—лица изъ высшаго

стокгольмскаго дворянства, успѣли ускользнуть изъ залы въ первомъ смятеніи, произведенномъ пистолетнымъ выстрѣломъ, — прежде, чѣмъ подумали запереть двери. Изъ числа девяти повѣренныхъ или соучастниковъ преступленія восемь уже вышли, не возбудивъ подозрѣнія; въ залѣ оставался только одинъ, который нарочно медлил и казался спокойнымъ, чтобы тѣмъ лучше выказать свою невинность.

Онъ вышелъ изъ залы послѣдній, снялъ свою маску предъ полицейскимъ офицеромъ и сказалъ, увѣренно смотря на него: „что касается до меня, милостивый государь, то надѣюсь, что вы меня не заподозрите“. Этотъ человѣкъ былъ убійца.

Его пропустили; преступленіе не имѣло другихъ признаковъ, кромѣ самаго оружія преступленія: пистолета и ножа, заостреннаго въ видѣ кинжала, которые были найдены подъ масками и цвѣтами на полу оперы. Только оружіе и открыло руку убійцы. Стокгольмскій оружейникъ узналъ пистолетъ и объявилъ, что незадолго до того продалъ его шведскому дворянину Анкарстрему, бывшему гвардейскому офицеру. Анкарстрема нашли у себя, онъ не помышлялъ ни оправдываться ни бѣжать. Онъ призналъ свое оружіе и сознался въ преступленіи. По словамъ Анкарстрема, намѣреніе убить короля было ему внушено несправедливымъ судомъ, при которомъ, однакожъ, король пощадилъ ему жизнь, — также скукой отъ жизни, конецъ которой убійца хотѣлъ ознаменовать и прославить на пользу своего отечества, и надеждой, въ случаѣ успѣха, получить національную награду, достойную попытки. Славу и позоръ этой послѣдней онъ вполне оставлялъ за собой, отрицая всякій заговоръ и всякое соучастіе. Подъ маскою фанатика онъ скрывалъ простаго заговорщика.

Эта роль, чрезъ нѣсколько дней, отодвинулась назадъ предъ истиной и угрызеніями совѣсти. Анкарстремъ раскрылъ заговоръ, назвалъ виновныхъ и сознался въ цѣлѣ преступленія. Ее составляла денежная сумма, отмѣренная, риксдалеръ за риксдалеромъ, по вѣсу крови Густава. Этотъ планъ, задуманный уже цѣлые шесть мѣсяцевъ, не удавался три раза: на сеймѣ въ Телье, въ Стокгольмѣ и въ Гатѣ. Послѣ убійства короля, всѣ его любимцы, всѣ орудія его правительства должны были быть принесены въ жертву мщенію сената и восстановленію аристократіи. Ихъ головы, на концахъ пикъ, должно было пронести по улицамъ столицы въ подражаніе парижскимъ казнямъ. Братъ короля, герцогъ Сюдерманландскій, долженъ былъ находиться въ числѣ жертвъ. Молодому королю, захваченному заговорщиками, предстояло послужить пассивнымъ орудіемъ восстановленія прежней конституціи и узаконенія преступленія. Главные соучастники принадлежали къ первымъ фамиліямъ Швеціи; унизительная утрата прежняго могущества довела ихъ честолюбіе до преступленія. Это были графъ Риббингъ, графъ Горнъ, баронъ Эренсвердъ и полковникъ Лиліенгорнъ. Лиліенгорнъ, командиръ гвардіи, выведенный милостію короля изъ бѣдности и неизвѣстности, возведенный на высшія должности въ арміи и допущенный во дворцѣ къ самой близкой интимности, сознался въ своей неблагодарности и въ своемъ преступленіи; онъ былъ увлеченъ, какъ самъ сказалъ, честолюбіемъ командовать, во время смутъ, національной гвардіей Стокгольма. Роль Лафайета въ Парижѣ казалось ему идеаломъ гражданина и солдата. Онъ не могъ противиться такой ослѣпительной перспективѣ. Полузамѣшенный въ заговоръ, Ли-

Лиленгорнъ пытался сдѣлать его невозможнымъ, не переставая все-таки участвовать въ замыслахъ. Это онъ писалъ безымянное письмо, въ которомъ король увѣдомлялся о неудавшемся покушеніи въ Гагѣ и о томъ, какое угрожало въ маскарадѣ; одною рукою этотъ человѣкъ помогалъ убійцамъ, другою—охранялъ жертву, какъ бы желая приготовить для себя самого оправданіе на случай угрызённой совѣсти послѣ совершенія убійства.

Вечеръ рокового дня Лиленгорнъ провелъ въ комнатахъ короля,—видѣлъ, какъ тотъ читалъ письмо, слѣдовалъ за нимъ на балъ: это была преступная загадка, милосердый убійца, колебавшійся между жаждою крови своего благодѣтеля и ужасомъ къ ней.

8.

Густавъ умеръ медленно; онъ видѣлъ поочередно приближеніе и удаленіе смерти съ одинаковымъ равнодушіемъ или, лучше сказать, самоотверженіемъ: онъ принималъ свой дворъ, разговаривалъ съ друзьями, примирился даже съ противниками правительства, которые вовсе не скрывали своей оппозиціи, но не доводили своей аристократической вражды до убійства. „Я утѣшенъ“, сказалъ онъ одному изъ крупныхъ вельможъ и вождей недовольныхъ, графу де-Браге, „потому что смерть возвращаетъ мнѣ въ вѣсь стараго друга“.

До самаго конца Густавъ не переставалъ заботиться о королевствѣ. Онъ наименовалъ герцога Сюдерманландскаго регентомъ, учредилъ совѣтъ регентства,—назначилъ своего друга Армфельда военнымъ губернаторомъ Стокгольма,—окружилъ молодаго, 13-лѣтняго короля всякаго рода опорами, какія могли укрѣпить его положеніе во время малолѣтства. Густавъ подготовилъ переходъ отъ одного царствованія къ другому,—сдѣлалъ такія распоряженія относительно своей смерти, чтобы она не была ни для кого событіемъ, кромѣ его самого. „Мой сынъ“, писалъ онъ за нѣсколько часовъ до смерти, „сдѣлается совершеннолѣтнимъ только въ 18 лѣтъ, но я надѣюсь, что уже въ 16 онъ будетъ королемъ“. Такимъ образомъ, онъ предсказывалъ своему преемнику ту раннюю зрѣлость отваги и ума, подъ вліяніемъ которой этотъ послѣдній хотѣлъ царствовать самъ и управлять государствомъ прежде времени. При исповѣди Густавъ сказалъ своему придворному священнику слѣдующее: „не думаю, чтобы я сдѣлалъ большія заслуги передъ Богомъ, но, по крайней мѣрѣ, уношу сознание, что добровольно не причинилъ зла никому“. Потомъ онъ выразилъ желаніе отдохнуть на минуту, чтобы собраться съ силами предъ послѣднимъ прощаніемъ со своимъ семействомъ,—протиснулся, улыбаясь, со своимъ другомъ Бергенстіерномъ и, заснувъ, уже не проснулся болѣе.

Королевскій принцъ, провозглашенный королемъ, въ то же день вступилъ на престолъ. Народъ, котораго Густавъ освободилъ отъ ига сената, добровольно присягнулъ защищать учрежденія Густава при его сынѣ. Умиравшій такъ хорошо употребилъ дни, которые у него оставались между убійствомъ и смертью, что, кромѣ самаго Густава, ничто не погибло изъ его дѣлъ и, казалось, его тѣнь все-еще продолжала царствовать надъ шведами.

Все великое, что было у этого принца, заключалось въ его душѣ, все красивое по наружности—въ его глазахъ. Густавъ былъ малъ ростомъ,—съ

крѣпкими плечами, худо прилаженными къ туловищу бедрами, страннымъ очертаніемъ лба, длиннымъ носомъ, широкимъ ртомъ; но живость и грація фізіономіи прикрывали всѣ эти наружные недостатки и дѣлали Густава однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ людей королевства; умъ, доброта, мужество выражались на его лицѣ. Человѣкъ ученый, образованный, краснорѣчивый, Густавъ прилагалъ къ управленію страной всѣ эти дары; людей, побѣжденныхъ его храбростію, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ великодушіемъ и очаровывать своимъ словомъ. Недостатки Густава заключались въ склонности къ пышности и сладострастію; онъ имѣлъ пороки Александра, Цезаря и Генриха IV. Чтобы походить на этихъ великихъ людей, ему не доставало только ихъ счастья.

Почти ребенкомъ Густавъ вырвался изъ-подъ опеки аристократіи; эманципируя тронъ, онъ эманципировалъ народъ. Ставъ во главѣ арміи, набранной безъ денегъ и дисциплинированной энтузіазмомъ, Густавъ завоевалъ русскую Финляндію и угрожалъ С.-Петербургу. Остановленный возмущеніемъ своихъ офицеровъ, запертый въ палаткѣ стражею, онъ ускользнулъ отъ нихъ бѣгствомъ и послѣдшилъ на помощь другой части своего королевства, завоеванной датчанами. Онъ побѣдилъ этихъ ожесточенныхъ враговъ Швеціи, и народная признательность возвратила Густаву его раскаявающуюся армію.

Густавъ все спасъ внѣ государства, все умиротворилъ внутри его; безкорыстный во всемъ, кромѣ славы, онъ имѣлъ теперь только одно честолюбіе: отомстить за покинутое дѣло Людовика XVI и вырвать изъ рукъ гонителей королеву, которою онъ издали восхищался. Эта героическая мечта имѣла только одинъ недостатокъ: геній Густава былъ обширнѣе его государства; героизмъ, несоразмѣрный со средствами, дѣлаетъ великаго человѣка похожимъ на авантюриста и превращаетъ грандіозные планы въ химеры. Но исторія судитъ иначе: съ этой точки зрѣнія не столько успѣхъ, сколько сердце дѣлаютъ героя: романическій и предприимчивый характеръ ума Густава тѣмъ не менѣе показываетъ величіе тревожной натуры, волнующейся среди ничтожества своей судьбы. Смерть Густава вырвала радостный крикъ у яковинцевъ; они обоготворяли Анкарстрема; но самый взрывъ ихъ радости, при извѣстіи о кончинѣ короля шведскаго, показалъ, какъ мало искренности было въ ихъ презрѣніи къ этому врагу революціи.

9.

Съ устраненіемъ друхъ главныхъ препятствій, ничто болѣе не сдерживало Францію и Европу отъ схватки, кромѣ слабаго кабинета Людовика XVI. Неприязніе націй, честолюбіе жирондистовъ и злоба конституціонистовъ, узвѣленныхъ въ лицѣ Нарбонна, соединились для низверженія этого кабинета: Бриссо, Верньо, Гаде, Кондорсе, Жансонне, Петіонъ,—ихъ друзья въ собраніи, члены сходокъ у г-жи Роланъ, ихъ сеиды у яковинцевъ,—колебались между двумя рѣшеніями, равно для нихъ открытыми: низвергнуть власть или овладѣть ею. Бриссо совѣтовалъ принять это послѣднее рѣшеніе. Болѣе опытный въ политикѣ, чѣмъ молодые ораторы Жиронды, онъ не понималъ революціи безъ правительства. По мнѣнію Бриссо, анархія не менѣе губила свободу, какъ и монархія. Чѣмъ крупнѣе были событія, тѣмъ необходимѣе было давать имъ

направленіе. Поставленная безпомощною на первый планъ въ собраніи и въ общественномъ мнѣніи, власть сама давалась имъ, надо было ею овладѣть: какъ только она была въ ихъ рукахъ, они уже могли посредствомъ ея сдѣлать или монархію или республику, смотря по указаніямъ судьбы и по волѣ народа. Готовые на все, что дало бы имъ возможность царствовать отъ имени короля или отъ имени народа, эти люди, едва вышедшіе изъ неизвѣстности, увлеченные легкостью, съ какою давалось имъ счастье, схватили его при первой же улыбкѣ, предались его указаніямъ. Люди, которые быстро возвышаются легко поддаются головокруженію.

Тѣмъ не менѣе, дальновидная политика обнаружилась въ самомъ выборѣ жирондистами людей, которыхъ они вывели впередъ и представили королю въ качествѣ министровъ. Бриссо выказалъ въ этомъ терпѣніе, свойственное зрѣлому честолюбію. Свое благоразуміе онъ сообщилъ Верньо, Петіону, Гаде, Жансонне, всѣмъ выдающимся личностямъ жирондистской партіи. Бриссо остался съ ними близъ власти, но въ полусвѣтѣ между тѣмъ, внѣ предполагаемаго министерства онъ хотѣлъ вывѣдать общественное настроеніе чрезъ второстепенныхъ лицъ, отъ которыхъ можно было бы, въ случаѣ надобности, отречься и даже пожертвовать ими,—самъ же, съ главными вождями жирондистовъ, хотѣлъ оставаться въ резервѣ, частью для поддержки, частью для низверженія слабаго, переходнаго министерства, на случай если бы нація повелѣла принять болѣе рѣшительныя мѣры. Бриссо съ товарищами были готовы на все,—готовы и направлять власть и смѣстить ее: они были повелителями, но безответственными. Въ этой тактикѣ жирондистовъ проявлялись ученики Макиавеля. Сверхъ того, воздержавшись отъ вступленія въ первый кабинетъ, они оставались популярными, сохраняли какъ въ собраніи, такъ и въ клубѣ якобинцевъ тѣ могущественные голоса, которые были бы заглушены въ министерствѣ: эта популярность имъ была необходима для борьбы противъ Робеспьера, который шелъ за ними по пятамъ и очутился бы во главѣ общественнаго мнѣнія, если бы они оставили ему это послѣднее. Получивъ доступъ къ дѣламъ, они старались выказывать къ этому сопернику болѣе презрѣнія, чѣмъ питали въ дѣйствительности: Робеспьеръ одинъ уравнивалъ все ихъ вліяніе у якобинцевъ. Возгласы Бильо-Варенна, Дантона, Колло д'Эрбуа не тревожили жирондистовъ, но молчаніе Робеспьера ихъ безпокоило. Они побѣдили его по вопросу о войнѣ, но стойческая оппозиція Робеспьера и народный порывъ къ войнѣ не лишили его вѣса въ глазахъ народа. Этотъ человекъ закалдилъ свою силу въ одиночествѣ. Вдохновеніе неподкупной, изолированной совѣсти одного человѣка было сильнѣе увлеченія цѣлой партіи. Люди, которые не одобряли Робеспьера, все еще удивлялись ему: онъ сталъ въ сторонѣ, чтобъ дать пройти войнѣ, но взоры общественнаго мнѣнія были постоянно устремлены на него: казалось, тайный инстинктъ открывалъ народу, что этотъ человекъ одинъ совмѣщаетъ въ себѣ будущее. Когда онъ шелъ, за нимъ слѣдовали, когда не шелъ—его ожидали; такимъ образомъ, само благоразуміе указывало жирондистамъ не довѣрять этому человѣку и занять въ собраніи положеніе между нимъ и министерствомъ. Когда такія предосторожности были приняты,—жирондисты стали искать вокругъ себя людей, ничтож-

ныхъ самихъ по себѣ, но связанныхъ съ ихъ партіей, чтобы сдѣлать этихъ людей министрами; жирондистамъ нужны были не правители, а сеиды, привязанные къ судьбѣ ихъ самихъ,—люди, которыхъ можно было бы повернуть по произволу противъ короля или противъ якобинцевъ, безбоязненно возвысить или безъ упрековъ совѣсти низвергнуть. Они искали такихъ людей среди неизвѣстности и думали найти ихъ въ Клавьерѣ, Роланѣ, Дюмуре, Лакостѣ и Дюрантонѣ; только въ одномъ чловѣкѣ жирондисты ошиблись. Дюмуре подвѣшностью авантюриста скрывалъ умѣнье понимать обстоятельства.

10.

Когда роли были, такимъ образомъ, розданы, и г-жа Роланъ увѣдомлена о близкомъ возвышеніи своего мужа, жирондисты, въ засѣданіи 10 марта, напали на министерство въ лицѣ де-Лессара. Бриссо прочиталъ искусно и коварно составленный обвинительный актъ противъ этого министра,—актъ, въ которомъ вѣшность замѣняла факты, предположенія выдавались за доказательства, а все вмѣстѣ сообщало переговорамъ, веденнымъ де-Лессаромъ, гнусность и преступный характеръ измѣны.

Бриссо предлагаетъ обвинительный декретъ противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Собраніе молчитъ или аплодируетъ. Нѣкоторые члены, не защищая министра, требуютъ, чтобы собраніе дало себѣ время на размышленіе и хотя по наружности постаралось держаться безпристрастія, свойственного правосудію. „Поспѣшите“, кричитъ Инаръ, „пока вы разсуждаете, измѣнникъ, быть можетъ, бѣжитъ“. — „Я долго былъ судьей“, отвѣчаетъ Буланже, „но никогда такъ легкомысленно не назначалъ уголовнаго наказанія“. Верньо, видя нерѣшительность собранія, устремляется на трибуну, чтобы опровергнуть оправданія и медлительность правой стороны. Беке, хладнокровіе котораго равняется мужеству, хочетъ отратить опасность и требуетъ отсылки предложенія въ дипломатическій комитетъ. Верньо боится, чтобы его партія не упустила времени. „Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ онъ, „не нужно доказательствъ, чтобы издать декретъ объ обвиненіи: достаточно вѣроятностей. Между нами нѣтъ ни одного чловѣка, въ которомъ трусость и вѣроломство, характеризующія дѣйствія министра, не произвели бы живѣйшаго негодованія. Не онъ ли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ хранилъ въ своемъ портфельѣ декретъ о присоединеніи Авиньона къ Франціи? Кровь, пролитая въ этомъ городѣ, обезображенные трупы столькихъ жертвъ, не требуютъ ли отъ насъ мщенія противъ него? Я вижу съ этой трибуны дворецъ, гдѣ низкіе совѣтники обманываютъ короля, котораго даетъ намъ конституція, куютъ цѣпи, которыми хотятъ насъ оковать, и замышляютъ заговоры, которые должны насъ предать австрійскому дому. (Зало оглашается бѣшенными рукоплесканіями). Наступило время положить конецъ такой дерзости, такой наглости, и уничтожить, наконецъ, заговорщиковъ. Въ прежнія времена страхъ и ужасъ часто выходили во имя деспотизма изъ этого знаменитаго дворца; пусть же теперь они вступятъ туда во имя закона (удвоенныя и продолжительныя рукоплесканія); пусть они тамъ проникнутъ собою все сердца; пусть все обитатели дворца знаютъ, что конституція общаетъ неприкосновенность только королю, что законъ достигнетъ тамъ всехъ виновныхъ, и

что тамъ не будетъ ни одной преступной головы, которая избѣгла бы предназначеннаго ей меча“.

Эти намеки на королеву, которую обвиняли въ управленіи австрійскимъ комитетомъ, угрожающія слова, обращенныя къ королю, отозвались даже въ кабинетѣ Людвига XVI и заставили его подписать назначеніе жирондистскаго министерства. Такимъ образомъ, былъ выполненъ съ высоты трибуны маневръ партіи, подъ видомъ негодованія и импровизаціи; это было даже нѣчто большее, это былъ первый знакъ, поданный жирондистами людямъ 20 іюня и 10 августа. Обвинительный актъ былъ вырванъ у собранія, и де-Лессаръ отослалъ въ Орлеанскій судъ, который отдалъ его только версальскимъ убійцамъ. де-Лессаръ могъ бѣжать, но бѣгство его было бы истолковано неблагопріятно для короля. Онъ великодушно сталъ между смертью и своимъ государемъ, невиновный ни въ чемъ, кромѣ своей любви къ нему.

Король понялъ, что до отреченія оставался только одинъ шагъ: назначить министерство изъ среды своихъ враговъ и заинтересовать ихъ властью, передавъ ее въ ихъ руки. Онъ уступилъ требованію времени, обнявъ своего министра и требовать у жирондистовъ назначить ему другого. Жирондисты этимъ уже занимались подъ рукою. Отъ имени всей партіи съ конца февраля Ролану дѣлались сообщенія: „Дворъ“, говорили ему, „не далекъ отъ того, чтобы взять якобинскихъ министровъ: не по склонности, но по вѣроломству. Довѣріе, съ какимъ онъ притворно отнесется къ нимъ, будетъ ловушкой. Дворъ хочетъ имѣть людей насилія, чтобы приписать имъ излишества народа и беспорядки въ королевствѣ; надо обмануть его вѣроломныя надежды и дать ему твердыхъ и благоразумныхъ патріотовъ. Думаютъ о васъ“.

11.

Роланъ, обладавшій честолюбіемъ, ожесточеннымъ долгою безвѣстностью, улыбался этой власти, которая являлась ему на старость какъ бы въ видѣ мщенія за прошлое. Бриссо самъ явился къ г-жѣ Роланъ и, повторивъ тѣ же слова, потребовалъ формальнаго согласія ея мужа. Г-жа Роланъ была честолюбива къ могуществу и славѣ. Слава освѣщаетъ только величіе. Она пламенно желала возвести своего мужа на такую высоту. Она отвѣчала какъ слѣдовало женщинѣ, которая предсказывала событіе и которую фортуна не удивляетъ. „Время тяжело“, сказала она Бриссо, „но сознаніе своихъ силъ велико у Ролана; онъ почерпнетъ новыя силы въ надеждѣ быть полезнымъ свободѣ и своему отечеству“.

Когда этотъ выборъ былъ сдѣланъ, жирондисты обратили вниманіе на Лакоста, распорядительнаго комиссара по флоту, человѣка дѣловаго, съ умомъ, заключеннымъ въ предѣлы служебныхъ правилъ, но честнаго и прямого; душевная чистота Лакоста ставила его внѣ партій. Попавъ въ совѣтъ для надзора за своимъ повелителемъ, онъ естественно сдѣлался его другомъ. Дюрантонъ, адвокатъ изъ Бордо, былъ призванъ къ портфелю юстиціи. Жирондисты, которымъ онъ былъ извѣстенъ, хотѣли украсить его честностью и рассчитывали на его снисходительность и слабость. Портфель финансовъ Бриссо предназначилъ Клавьеру, женеvesкому экономисту, изгнанному изъ отечества, род-

ственнику и другу самого Бриссо, опытному въ интригѣ, соревнователю Неккера, воспитанному въ кабинетѣ Мирабо, въ качествѣ соперника ненавистному для Мирабо министру. Притомъ это былъ человѣкъ безъ республиканскихъ предрасудковъ и безъ монархическихъ принциповъ, который въ революціи искалъ только роль для себя и послѣднимъ словомъ котораго было „возвыситься“. Умъ Клавьера, равнодушный ко всякой совѣстливости, находился на уровнѣ всякаго положенія и на высотѣ всѣхъ партій. Жирондисты, какъ новички въ дѣлахъ, нуждались въ специалистахъ по части войны и финансовъ,— въ людяхъ, которые были бы для нихъ орудіемъ правительства. Клавьеръ былъ однимъ изъ такихъ людей. Для военнаго портфеля у жирондистовъ былъ де-Гравъ, которымъ король замѣтилъ Нарбонна. Де-Гравъ съ низшихъ должностей арміи приготавлился къ посту военнаго министра и имѣлъ открытыя связи съ жирондистами. Другъ Жансонне, Верньо, Гаде, Бриссо, самого Дантона, онъ надѣялся на нихъ, чтобы спасти одновременно и конституцію и короля. Преданный и той и другому, онъ служилъ узломъ, которымъ старались соединить жирондистовъ съ королевскимъ саномъ. Какъ молодой человѣкъ, де-Гравъ обладалъ иллюзіями своего возраста. Приверженецъ конституціонныхъ убѣжденій, онъ искренно держался ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ слабый, болѣзненный, болѣе скорый предпринимать, чѣмъ твердый при выполненіи, одинъ изъ тѣхъ людей переходнаго времени, которые помогаютъ событіямъ совершаться, но не задерживаютъ ихъ, когда они совершились.

Но главнымъ министромъ, въ рукахъ котораго должна была находиться судьба отечества и выразиться вся политика жирондистовъ, былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, предназначенный замѣстить несчастнаго де-Лессара. Разрывъ съ Европой былъ самымъ неотложнымъ дѣломъ этой партіи; ей нуженъ былъ человѣкъ, который бы господствовалъ надъ королемъ, умѣлъ раскрыть секретныя замыслы двора, былъ бы знакомъ съ тайнами европейскихъ кабинетовъ и—путемъ ловкости и рѣшимости— сумѣлъ бы въ одно и то же время принудить враговъ Франціи къ войнѣ, сомнительныхъ друзей ея—къ нейтралитету, а тайныхъ приверженцевъ къ явному союзу. Такого человѣка искали жирондисты. Онъ былъ у нихъ подъ рукой.

ХІІІ.

Дюмурие.—Его личность.—Затруднительное положеніе Ролана.—Дюмурие посредникъ между королемъ и націей.—Совѣты, которые онъ даетъ королевѣ.—Присутствіе его въ клубѣ якобинцевъ.—Дюмурие надѣваетъ красную шапку и обнимаетъ Робеспьера.—Письмо короля къ собранію.—Король даетъ свое согласіе на выборъ новыхъ министровъ.—Наружное согласіе въ совѣтѣ министровъ.—Собраніе жирондистовъ у г-жи Роланъ.—Конфиденціальное письмо Ролана къ королю.—Тайныя сношенія между Верньо, Гаде, Жансонне и дворцомъ.—Раздоры между Дюмурие и жирондистами.—Дюмурие сближается съ Дантономъ.—Антагонизмъ между Бриссо и Робеспьеромъ.—Рѣчь Бриссо.—Рѣчь Робеспьера.

1.

Дюмурие соединялъ въ себѣ всѣ условія смѣлости, ловкости и преданности своему дѣлу, какихъ желали жирондисты; притомъ, человѣкъ второстепенный и до тѣхъ поръ почти неизвѣстный, онъ могъ надѣяться найти счастье себѣ только отъ ихъ счастья. Имя Дюмурие вовсе не затмѣвало ихъ самихъ; если бы онъ оказался неудовлетворительнымъ или враждебнымъ проектамъ жирондистовъ, то они могли бы разбить его безъ боязни и раздавить безъ состраданія. Дипломатической оракулъ Жиронды, Бриссо, очевидно, былъ окончательнымъ министромъ, который вполнѣдствіи взялъ бы въ свои руки управленіе иностранными дѣлами, а въ ожиданіи того могъ завѣдывать ими и ранѣе, подъ именемъ Дюмурие.

Жирондисты нашли Дюмурие въ неизвѣстности, на второстепенныхъ мѣстахъ, чрезъ посредство Жансонне. Дюмурие былъ товарищемъ Жансонне въ полученномъ этимъ послѣднимъ отъ Учредительнаго собранія порученіи изслѣдовать положеніе западныхъ департаментовъ, уже волнующихъ глухимъ предчувствіемъ междоусобной войны и первыми религіозными смутами. Во время этого порученія, которое длилось нѣсколько мѣсяцевъ, оба комиссара имѣли много случаевъ обмѣниваться самыми интимными мыслями относительно великихъ событий, которые волновали умы въ то время. Они сблизились. Жансонне съ большимъ такимъ различилъ въ своемъ товарищѣ даровитую натуру, замѣтную обстоятельствами и закрытую неизвѣстностью,—такого человѣка, котораго достаточно вывести на просторную арену общественной дѣятельности, чтобы онъ проявилъ въ полномъ блескѣ всѣ таланты, какими снабдили его природа и образованіе. Въ натурѣ Дюмурие онъ замѣтилъ силу характера, пригодную, чтобы двигать впередъ революцію, и достаточную упругость, чтобы примѣняться ко всякимъ затруднительнымъ обстоятельствамъ. Короче, Дюмурие, при

первыхъ же сношеніяхъ произвелъ на Жансонне то обаятельное дѣйствіе, тотъ перевѣсъ, то вліяніе, какіе всегда производитъ высшая натура на другіе умы, которымъ она удостоитъ раскрыться.

Это обаяніе принадлежало къ числу отличительныхъ свойствъ Дюмурье. При помощи того же качества онъ потомъ привлекъ къ себѣ жирондистовъ, короля, королеву, армію, якобинцевъ, Дантона и самого Робеспьера. Это свойство великіе люди называютъ своей звѣздой, которая идетъ впереди ихъ и приготовляетъ имъ путь: звѣздой Дюмурье было обаяніе; но это самое обаяніе было лишь стремленіемъ его справедливыхъ, неустойчивыхъ, быстрыхъ идей, къ которымъ невѣроятная дѣятельность ума Дюмурье увлекала умы тѣхъ людей, которые его слышали или видѣли, какъ онъ дѣйствовалъ.

Жансонне, по возвращеніи изъ командировки, хотѣлъ обогатить свою партію этимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, великое значеніе котораго онъ уже тогда предчувствовалъ. Жансонне представилъ Дюмурье своимъ друзьямъ по собранію,—Гаде, Верньо, Ролану, Бриссо, де-Граву; онъ выразилъ имъ все удивленіе и довѣріе, какое внушали ему самому двоякія способности Дюмурье, какъ дипломата и какъ военнаго человѣка. Жансонне говорилъ о немъ какъ о безизвѣстномъ спасителѣ, котораго судьба приготовляла свободѣ. Онъ заклиналъ своихъ товарищей привлечь къ себѣ этого человѣка, который, возвысившисьъ чрезъ нихъ, потомъ возвыситъ ихъ самихъ.

Едва они увидѣли Дюмурье, какъ уже были очарованы имъ. Его умъ обладалъ электрическими свойствами. Онъ поражалъ прежде, чѣмъ давалъ время обсужденію. Жирондисты представили его де-Граву, де-Гравъ королю. Король предложилъ Дюмурье временно министерство иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи того, когда де-Лессаръ, преданный верховному суду, докажетъ судьямъ свою невинность и опять займетъ мѣсто, которое король предназначалъ ему въ своемъ совѣтѣ. Дюмурье отказался отъ роли переходнаго министра, которая ослабила бы и унизила его въ глазахъ партіи, дѣлая его подозрительнымъ для всѣхъ. Король уступилъ, и Дюмурье получилъ настоящее назначеніе.

2.

Исторія должна остановиться на минуту предъ этимъ человѣкомъ, который, не нося названія диктатора, воплощалъ въ себѣ одномъ умирающую Францію и пользовался въ своемъ отечествѣ самую неоспоримую изъ диктатуръ,—диктатурою своего дарованія. Дюмурье принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ недостаточно только наименовать,—людей, натура которыхъ объясняется ихъ прошлымъ, заключающимъ въ себѣ секретъ ихъ будущности; эти люди, подобно Мирабо, принадлежатъ двумъ эпохамъ, имѣютъ корни въ двоякаго рода почвѣ; ихъ можно узнать только при подробномъ ознакомленіи.

Дюмурье, сынъ военнаго комиссара, родился въ Камбрѣ въ 1739 г.; хотя семейство Дюмурье жило на сѣверѣ Франціи, но было южнаго происхожденія. Фамилія Дюмурье, родомъ изъ Э, въ Провансѣ, выразилась со всѣми своими качествами въ блестящей, пылкой и впечатлительной натурѣ будущаго министра; въ ней замѣтно было вліяніе того же неба, которое оплодотворило иній Мирабо. Отецъ Дюмурье, человѣкъ военный и вмѣстѣ съ тѣмъ ученый,

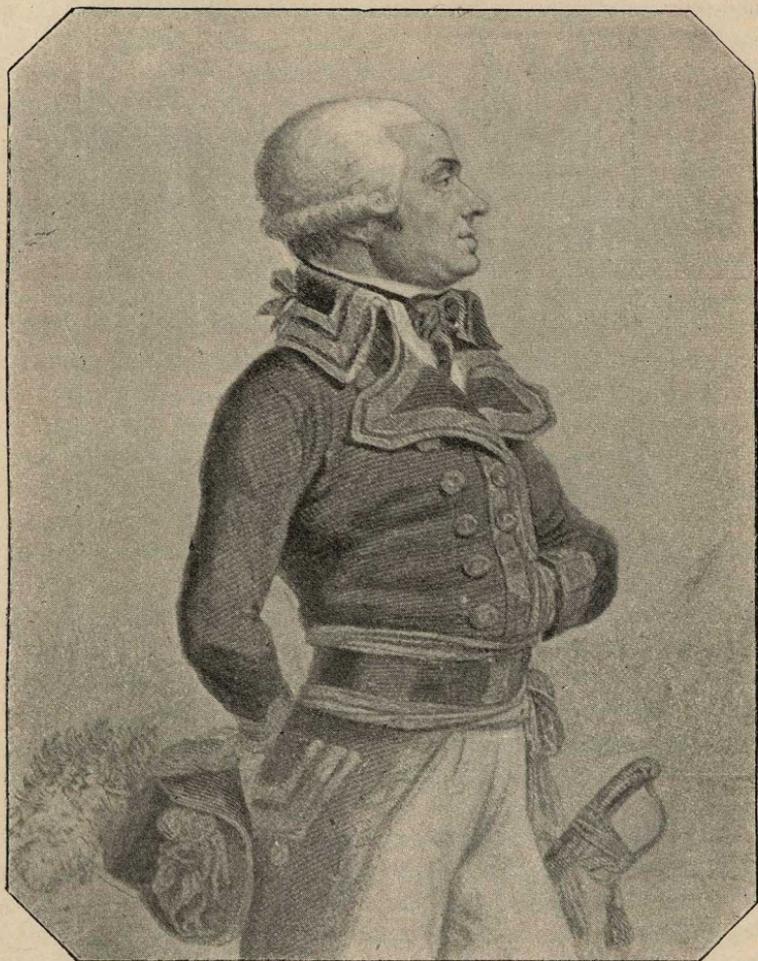
воспитывалъ своего сына и для наукъ и для войны. Одинъ изъ его дядей, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, приготовилъ его заблаговременно къ дипломатической дѣятельности. Обладая сильнымъ и въ то же время гибкимъ умомъ, Дюмурье одинаково предавался всему; столь же способный къ виѣшнему дѣйствию, какъ и къ мысли, онъ охотно переходилъ отъ одной дѣятельности къ другой, сообразно тѣмъ фазамъ, какія проходила его судьба. Въ Дюмурье замѣчалась гибкость греческаго генія бурныхъ временъ аѳинской демократіи. Сильныя занятія рано обратили его умъ къ исторіи. Плутархъ вскормилъ молодаго человѣка своимъ энергическимъ духомъ. Идеаль собственной жизни онъ составилъ по образцу античныхъ фигуръ, откровенно нарисованныхъ этимъ историкомъ; всѣ роли различныхъ великихъ людей Плутарха шли къ Дюмурье одинаково. Онъ бралъ ихъ поочередно и осуществлялъ въ своихъ мечтахъ: онъ былъ равно способенъ воспроизводить въ себѣ и мудреца и сластолюбца, мятежника и патріота, Аристиды и Фемистокла, Сципіона и Коріолана. Къ научнымъ занятіямъ Дюмурье присоединялъ упражненія воинской жизни, пріучалъ тѣло къ усталости въ то время, какъ умъ пріобрѣталъ навыкъ къ великимъ мыслямъ; Дюмурье одинаково обладалъ искусствомъ владѣть шпагой и неустрашимостью, необходимою для усмиренія лошади. Демосѳенъ посредствомъ терпѣнія создалъ себѣ звучный органъ голоса, хотя языкъ его заикался. Дюмурье въ дѣтствѣ былъ слабого и болѣзненнаго темперамента, но подготовилъ тѣло къ войнѣ. Честолюбивая дѣятельность его нуждалась въ выработкѣ для себя пригоднаго орудія.

3.

Отецъ предназначалъ Дюмурье къ занятіямъ въ военномъ бюро, но перо было противно молодому человѣку, онъ не повиновался волѣ отца и сдѣлался подпоручикомъ кавалеріи. Въ качествѣ адъютанта маршала Армантьера онъ совершилъ Ганноверскую кампанію; при отступленіи, Дюмурье схватилъ знамя изъ рукъ одного изъ бѣглецовъ, собралъ вокругъ себя 200 всадниковъ, спасъ баттарею изъ пяти пушекъ и прикрылъ проходъ арміи. Оставшій почти одинъ въ арьергардѣ, онъ сдѣлалъ себѣ валъ изъ трупа своей лошади и ранилъ трехъ непріятельскихъ гусаръ. Дюмурье былъ осыпанъ пулями и сабельными ударами, бедро его придавлено трупомъ лошади, два пальца на правой рукѣ отрублены, лобъ израненъ, глаза обожжены ружейными выстрѣлами, но онъ все-еще сражался и сдался въ плѣнъ только барону Бекеру, который спасъ его и велѣлъ перенести въ англійскій станъ.

Молодость и тѣлесная крѣпость чрезъ два мѣсяца подняли Дюмурье. Ему пришлось подготовиться къ побѣдамъ на примѣрахъ неудачъ и неопытности французскихъ генераловъ; Дюмурье присоединился къ маршаламъ Субизу и Броули и присутствовалъ при пораженіяхъ, которыми французы обязаны были ихъ завистливому соперничеству.

По заключеніи мира Дюмурье соединился со своимъ полкомъ въ гарнизонѣ Сень-Ло. При переходѣ чрезъ Понъ-Одемеръ онъ остановился у сестры своего отца. Здѣсь удержала молодого человѣка страстная любовь къ одной изъ дочерей дяди. Эта любовь, раздѣляемая кузиною Дюмурье, — покровительствуемая

Дюмурье.

теткою, встрѣтила сопротивленіе въ его отцѣ. Молодая дѣвушка въ отчаяніи удалась въ монастырь, Дюмуре поклялся вырвать ее оттуда и уѣхать; въ дорогѣ, охваченный печалью, купилъ опиуму въ Діеппѣ, заперся въ своей комнатѣ, написалъ прощаніе своей возлюбленной, упрекъ отцу и—принялъ яду; натура спасла его, онъ раскаялся, бросился на колѣни предъ своимъ отцомъ и примирился съ нимъ.

Имѣя 24 года отъ роду, послѣ семи кампаній, Дюмуре вынесъ изъ войны 22 раны, одинъ орденъ, рангъ капитана, пенсію въ 600 ливровъ, долги, прибрѣтенные на службѣ, безнадежную любовь, которая грызла его сердце. Честолюбіе, подстрекаемое любовью, заставило Дюмуре поискать въ политикѣ счастья, въ которомъ еще отказывала ему война.

Въ это время въ Парижѣ жилъ загадочный человѣкъ,—изъ числа тѣхъ, которые напоминаютъ собою въ одно и то же время и интригановъ и государственныхъ людей; занимавъ второстепенныя мѣста, оставаясь въ безвѣстности, эти люди, отъ имени другихъ, играютъ въ дѣлахъ хотя скрытую, но важную роль. Они принадлежатъ сколько полиціи, столько же и политикѣ; правительства, которые ихъ нанимаютъ и ихъ же презираютъ, оплачиваютъ услуги такихъ лицъ не жалованьемъ, но субсидіями. Это—поденщики въ области политики; имъ платятъ изо дня въ день; ихъ бросаютъ, подвергаютъ униженіямъ, отъ нихъ отрекаются, иногда даже лишаютъ свободы; они переносятъ все, даже тюрьму и безчестіе, изъ-за денегъ. Эти люди—продажный товаръ, цѣна котораго опредѣляется по его таланту и полезности; таковы были Ленге и Бриссо; таковъ же былъ въ то время нѣкто Фавье.

Этотъ Фавье, котораго поочередно употребляли герцогъ Шуазель и д'Аржансонъ для редакціи дипломатическихъ мемуаровъ, обладалъ совершеннымъ знаніемъ Европы. Онъ былъ бдительнымъ шпиономъ всѣхъ кабинетовъ, зналъ ихъ тайныя мысли, угадывалъ ихъ интриги, разоблачалъ эти послѣднія противоположными интригами, секретъ которыхъ не всегда былъ извѣстенъ и министру иностранныхъ дѣлъ. Людовикъ XV, король мелкихъ мыслей и мелкихъ средствъ, не пренебрегалъ Фавье, котораго дѣлалъ повѣреннымъ тайныхъ интригъ, замышлявшихъ противъ собственныхъ министровъ. Фавье былъ посредникомъ въ политической корреспонденціи, которую этотъ государь велъ съ графомъ Брולי, безъ вѣдома и вопреки намѣреніямъ своего кабинета. Подобное довѣріе, болѣе подозрѣваемое министрами, чѣмъ извѣстное имъ, замѣтный писательскій талантъ, обширныя познанія въ народномъ правѣ, исторіи и дипломатіи,—давали Фавье вѣсъ въ администраціи и вліяніе на дѣло, которое далеко превышало его темную роль и безславное положеніе. Фавье былъ въ нѣкоторомъ родѣ министромъ высшихъ интригъ своего времени.

4.

Дюмуре, видя, что большая дорога къ счастью закрыта предъ нимъ, рѣшился составить себѣ фортуна косвенными путями; онъ сошелся съ Фавье. Фавье познакомился съ нимъ, и здѣсь-то Дюмуре усвоилъ себѣ тотъ предпріимчивый и дерзкій характеръ, который всю жизнь сообщалъ его героизму и политическимъ дѣйствіямъ особаго рода ловкость, похожую на интригу, а

также неосторожность, свойственную авантюристу. Фавье посвятилъ его въ тайны двора и просилъ Людовика XV и герцога Шуазеля употребить таланты Дюмурье одновременно на дипломатическомъ и на военномъ поприщѣхъ.

Въ это время великій корсиканскій патриотъ Паоли усиливался вырвать свое отечество изъ-подъ тиранніи генуезской республики и обезпечить народу независимость, покровительство надъ которою онъ поочередно предлагалъ то Англіи, то Франціи. Прибывъ въ Геную, Дюмурье постарался провести и республику, и Англію, и Паоли въ одно и то же время. Онъ вступилъ въ сношенія съ корсиканскими авантюристами, составилъ заговоръ противъ Паоли, сдѣлалъ высадку на островъ, призывая его къ независимости, и на половину успѣлъ. Потомъ Дюмурье бросился въ фелуку, чтобы отвезти герцогу Шуазелю извѣстія о новомъ положеніи Корсики и умолять о помощи. Задержанный бурей, провозившись нѣсколько недѣль на берегахъ Африки, онъ слишкомъ поздно прибылъ въ Марсель: трактатъ Франціи съ Генуей уже былъ подписанъ. Дюмурье отправился въ Парижъ къ своему другу Фавье.

Фавье сообщилъ ему, что имѣетъ порученіе составить мемуаръ съ цѣлью указать королю и министрамъ на необходимость поддержать генуезскую республику противъ независимыхъ корсиканцевъ, — что этого мемуара у него втайнѣ требовали генуезскій посланникъ и горничная герцогини Граммонъ, любимой сестры герцога Шуазеля, заинтересованная, наравнѣ съ братьями госпожи Дюбарри, въ снаряженіи арміи, — и что 500 ливидоровъ составляютъ цѣну этого мемуара и крови корсиканцевъ. Фавье предложилъ Дюмурье долю въ интригѣ и въ барышахъ. Послѣдній притворно принялъ это предложеніе, поспѣшилъ къ герцогу Шуазелю, открылъ ему весь планъ, былъ хорошо принятъ, — думалъ, что убѣдилъ министра, и сталъ приготовляться къ отъѣзду, чтобы отвезти корсиканцамъ ожидаемыя субсидіи и оружіе. На другой день онъ напелъ въ министрѣ перемѣну. Выгнанный съ аудіенціи съ оскорбительными словами, Дюмурье тайно удалился въ Испанію. При помощи Фавье, который былъ доволенъ тѣмъ, что одурачилъ своего пріятеля, и все-таки жалѣлъ его невинность, а также при помощи Шуазеля, Дюмурье задумалъ, вмѣстѣ съ испанскимъ министромъ и французскимъ посланникомъ, завоевать Португалію, и принялъ на себя трудъ изучить въ военномъ отношеніи топографію ея и средства къ защитѣ. Первый министръ Португаліи, маркизь Помбаль, заподозрилъ намѣренія Дюмурье и заставилъ его оставить Лиссабонъ. Возвратившись въ Мадридъ, молодой дипломатъ узналъ, что его кузина, увлеченная монахинями своего монастыря, отказывается отъ любви и приноситъ обѣтъ. Дюмурье увлекся другой возлюбленной молодой французенкой, дочерью архитектора, жившей въ Мадридѣ, и наслажденія раздѣленной любви усыпили его на нѣсколько лѣтъ. Когда Шуазель вызвалъ Дюмурье въ Парижъ, самъ онъ колебался, но его возлюбленная, какъ бы предчувствуя будущую славу Дюмурье, сама убѣждала его ѣхать и пожертвовала собою его счастье.

Дюмурье прибылъ въ Парижъ, былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ французской арміи въ Корсикѣ и отличился тамъ, какъ вездѣ. Во главѣ отряда волонтеровъ онъ овладѣлъ замкомъ Корте, послѣднимъ убѣжищемъ и жилищемъ Паоли. Онъ взялъ свою долю добычи въ видѣ бібліотеки этого не-

счастливаго патріота. Выборъ этихъ книгъ и замѣтки, которыми они были покрыты рукою Паоли, показывали въ послѣднемъ одну изъ такихъ личностей, которыя ищутъ себѣ образцовъ въ великихъ людяхъ древности. Дюмурье былъ достоинъ этой добычи и цѣнилъ ее выше золота. Фридрихъ великій называлъ Паоли первымъ полководцемъ въ Европѣ. Вольтеръ называлъ его побѣдителемъ и законодателемъ отечества. Если Паоли и не освободилъ свое отечество, то все-таки обезсмертилъ свою борьбу. Слишкомъ великій гражданинъ для такого малаго народа, онъ оставилъ по себѣ славу, соразмѣрную не своему отечеству, но своимъ добродѣтелямъ. Корсика осталась въ числѣ завоеванныхъ провинцій, но Паоли остался въ ряду великихъ людей.

5.

Возвратившись въ Парижъ, Дюмурье провелъ тамъ годъ въ обществѣ литераторовъ и веселыхъ женщинъ, которыя придавали собраніямъ того времени характеръ и тонъ приличной оргіи. Питая сердечную привязанность къ старинной подружкѣ г-жи Дюбарри, онъ зналъ и эту куртизанку, которую распутство возвысило до трона. Однакожъ Дюмурье, преданный Шуазелю (который былъ врагомъ этой королевской любовницы) и сохранявшій еще въ себѣ то дополненіе добродѣтели, которое называется честью, не осквернилъ своего мундира при дворѣ Дюбарри. Онъ краснѣлъ при видѣ стараго короля, который на смотрѣ въ Фонтенбло шелъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, впереди своей арміи, рядомъ съ каретою, гдѣ эта женщина выставяла на показъ свою красоту и свою власть. Дюбарри оскорбилась такою небрежностью молодого офицера; въ отсутствіи его она угадывала презрѣніе. Дюмурье былъ посланъ въ Польшу въ томъ же званіи, въ какомъ отправлялся и въ Португалію. Это порученіе, дипломатическое и вмѣстѣ съ тѣмъ военное, составляло результатъ тайной мысли короля, которому было присоветовано его фаворитомъ, графомъ де-Брольи, и человѣкомъ, вдохновлявшимъ графа, Фавье.

Въ эту эпоху Польша, полу-занятая русскими, угрожаемая Пруссіей, оставленная Австріей, старалась сдѣлать нѣсколько несвязныхъ движеній, чтобы сплотить свои разрозненные члены и отстоять хотя бы клочокъ своей національности. Король боялся оскорбить императрицу Екатерину, подать Фридриху предлогъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ и внушить недовѣріе въискому двору, но все-таки хотѣлъ протянуть Польшѣ руку Франціи, хотя скрывалъ это и даже оставлялъ себѣ возможность отступленія, если бы оно было необходимо. Дюмурье былъ избранъ посредникомъ для этой роли, тайнымъ представителемъ Франціи при польскихъ конфедератахъ,—а въ случаѣ нужды и генераломъ, чтобы соединить и направлять ихъ усилія, но генераломъ-авантюристомъ, лишеннымъ официальнаго признанія.

Герцогъ Шуазель, негодуя на приниженіе Франціи, тайно подготавливалъ войну противъ Пруссіи и Англіи. Сильная диверсія въ Польшѣ была необходима для его плана кампаніи. Онъ далъ конфиденціальныя инструкціи Дюмурье; но прежде, чѣмъ послѣдній прибылъ въ Польшу, Шуазель былъ вытѣсненъ изъ министерства интригами Дюбарри и д'Аржансона и внезапно изгнанъ изъ Версаля. Перемѣна политики Франціи съ перемежною министра заранѣе разстраи-

вала планы Дюмуре: несмотря на то, онъ преслѣдовалъ ихъ съ жаромъ и стойкостью, достойными лучшаго успѣха. Онъ нашелъ польскій народъ приниженнымъ бѣдностью, рабствомъ и привычкой къ чужеземному игу: увидѣлъ, что польскіе аристократы развращены роскошью, усыплены наслажденіями и тратятъ въ словахъ и интригахъ пылъ своего патриотизма на конференціяхъ въ Эперіесѣ, которыя послѣдовали за Барской конфедераціей. Эти различныя польскія партіи находили себѣ стимулъ и завязку въ графинѣ Мнишекъ, женщинѣ рѣдкой красоты и высокаго положенія.

Нѣсколько ораторовъ-патріотовъ напрасно старались найти отголосокъ послѣднимъ крикамъ независимости. Нѣсколько князей и дворянъ безъ взаимнаго соглашенія формировали боевыя толпы, которыя сражались больше въ качествѣ чьихъ-нибудь партизановъ, чѣмъ въ смыслѣ гражданъ, и хвастались личной славой, не имѣвшей отношенія къ благу отечества. Дюмуре воспользовался вліяніемъ графини, постарался соединить эти разрозненныя усилія, сформировалъ пѣхоту, составилъ артиллерію, овладѣлъ двумя крѣпостями, воодушевилъ и дисциплинировалъ нестройный патриотизмъ инсургентовъ.

Но король польскій Станиславъ, креатура Екатерины, понялъ опасность національнаго возстанія, которое, если бы одолѣло непріятелей, могло потомъ унести и его собственный тронъ. Онъ парализовалъ движеніе, предложивъ конфедератамъ приступить самому къ конфедераціи. Одинъ изъ нихъ, Богушь, послѣдній знаменитый ораторъ польской свободы, произнесъ сильную рѣчь, въ которой отказывался отъ вѣроломной помощи короля и вызвалъ единодушный порывъ конфедератовъ къ послѣднему рѣшенію, какое еще оставалось, къ возстанію. Оно разразилось; Дюмуре былъ его душою, переходилъ изъ одного лагеря въ другой, старался дать единство плану атаки.

Краковъ, окруженный, готовъ былъ попасть въ его руки, но анархія, этотъ злой геній Польши, быстро разсѣяла единство между вождями; они одинъ за другимъ уступили соединеннымъ силамъ русскихъ войскъ. Всѣ польскіе вожди хотѣли обладать исключительно для себя честью спасенія отечества; они лучше были согласны погубить его, чѣмъ допустить, чтобы оно было спасено соперникомъ. Главный вождь, Сагѣга, былъ убитъ дворянствомъ. Пулавскій и Микшенскій, раненые, выданы русскимъ. Заремба измѣнилъ своему отечеству. Послѣдній изъ крупныхъ патріотовъ, Огинскій, поднялъ Литву въ то самое время, когда Малая Польша слагала оружіе. Покинутый всѣми бѣглець, онъ ускользнулъ въ Данцигъ и, въ теченіе 30 лѣтъ блуждалъ по Европѣ и Америкѣ, одинъ только нося въ своемъ сердцѣ мысль объ отечествѣ. Прекрасная графиня Мнишекъ зачахла отъ горя съ паденіемъ Польши. Дюмуре оплакивалъ эту героиню страны, въ которой, по его словамъ, женщины бываютъ болѣе мужчинами, чѣмъ сами мужчины. Дюмуре сломалъ свою шпагу, отчаявшись навсегда въ судьбѣ этой аристократіи безъ народа, и при отъѣздѣ бросилъ ей названіе „азиатской націи въ Европѣ“.

6.

Дюмуре возвратился въ Парижъ. Король и д'Аржансонъ, чтобы не нарушать наружнаго согласія съ Россіей и Пруссіей, велѣли бросить въ Бастилію

его и Фавье. Дюмуре провел там годъ, проклиная неблагодарность и слабость короля, и среди уединенія и занятій возвратил себѣ обычную энергію. Король замѣнилъ заточеніе Дюмуре ссылкой въ Канскую цитадель; тамъ, въ монастырѣ, Дюмуре встрѣтилъ кузину, которую любилъ. Свободная и утомленная монастырскою жизнью, она была растрогана, увидѣвъ прежняго своего возлюбленнаго. Онъ женился на ней и назначенъ былъ комендантомъ Шербура. Дѣятельная натура Дюмуре стала бороться съ природою такъ же энергичеки, какъ боролась съ людьми. Онъ задумалъ устроить здѣсь военную гавань, которая должна была заключить бурное море въ гранитный бассейнъ и дать французскому флоту точку опоры на Ламаншѣ. Такимъ образомъ Дюмуре провелъ 15 лѣтъ, среди домашней жизни, смущаемой только характеромъ и نابожностью его жены, — среди военныхъ занятій, усидчивыхъ, но не особенно прилежныхъ, и среди развлеченій философскаго и сладострастнаго общества своего времени.

Приближающаяся революція застала Дюмуре равнодушнымъ къ ея принципамъ, но подготовленнымъ къ ея превратностямъ. Мѣткость ума Дюмуре дала ему возможность измѣрить однимъ взглядомъ значеніе событій. Онъ скоро понялъ, что революція въ идеяхъ должна унести учрежденія, если эти послѣднія несформируются сообразно съ новыми идеями. Дюмуре отдался конституціи, но безъ энтузіазма, желалъ поддержки трона, не вѣрилъ въ республику, предчувствовалъ переѣну династіи; Дюмуре обвиняли даже въ томъ, что онъ замышлялъ такую переѣну. Эмиграція, уменьшивъ число занятыхъ высшихъ должностей въ арміи, расчистила мѣсто Дюмуре; онъ былъ назначенъ генераломъ по праву старшинства. Онъ составилъ себѣ твердое и ловкое положеніе, на равномъ разстояніи между трономъ и народомъ, контръ-революціонерами и мятежниками, — былъ готовъ, смотря по обстоятельствамъ, перейти вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ на сторону двора или на сторону націи. Поочередно, какъ-бы развѣдывая, гдѣ кроется зарождающаяся сила, онъ сближался съ Мирабо и Монмореномъ, съ герцогомъ Орлеанскимъ и съ якобинцами, съ Лафайетомъ и жирондистами. Во время кризиса онъ поддерживалъ дисциплину силою своей популярности, договаривался съ инсургентами и становился во главѣ движеній, чтобы ихъ сдерживать. Народъ считалъ Дюмуре совершенно преданнымъ своему дѣлу, солдаты его обожали; онъ ненавидѣлъ анархію, но льстилъ демагогамъ. Къ своей популярности у народа Дюмуре удачно прилагалъ тѣ же искусные пріемы, которымъ научилъ его Фавье. Въ революціи онъ видѣлъ лишь героическую интригу. Своимъ патріотизмомъ Дюмуре распоряжался, какъ распоряжался бы баталіонами на полѣ сраженія. Наступленіе войны онъ привѣтствовалъ съ упоеніемъ. Онъ предвидѣлъ, что революція, отъ которой дезертировало дворянство и на которую напада цѣлая Европа, будетъ нуждаться въ готовомъ генералѣ, который бы могъ направлять беспорядочныя усилія массъ, ею возбуждаемыхъ. Въ своемъ лицѣ Дюмуре приготавливалъ революціи такого вождя. Онъ былъ утомленъ продолжительностью второстепенной дѣятельности для своего таланта. Въ 56-лѣтнемъ возрастѣ онъ еще обладалъ пыломъ молодости, соединеннымъ съ хладнокровіемъ зрѣлыхъ лѣтъ: кумиромъ Дюмуре сдѣлалось рвеніе къ удачному возвышенію; порывъ его къ славѣ сталъ тѣмъ бы-

стрѣе, чѣмъ больше оставалось назади пережитаго времени. Тѣло Дюмурье, укрѣпленное климатомъ и путешествіями, стало пассивнымъ орудіемъ его дѣятельности; въ этомъ человѣкѣ все было молодо, кромѣ лѣтъ его жизни. Но истрачены были только годы жизни, а не ея сила. Дюмурье обладалъ юностью Цезаря, нетерпѣніемъ достигнуть его фортуны и увѣренностью въ ея достиженіи: для великихъ людей жить значитъ выростать; Дюмурье не жилъ потому, что еще не довольно выросъ на жизненной аренѣ.

7.

Дюмурье обладалъ среднимъ ростомъ французскаго солдата, который съ граціей носитъ мундиръ, съ легкостью — свой ранецъ, съ бодростью — саблю или ружье; корпусъ генерала, легкій и вмѣстѣ съ тѣмъ солидный, напоминалъ осанку тѣхъ статуй воиновъ, которые, оставаясь неподвижными при вытянутыхъ мускулахъ, кажутся сейчасъ готовыми къ выступленію. Поза Дюмурье выражала довѣрчивость, соединенную съ гордостью; всѣ движенія его отличались быстротою, какъ и его умъ. Дюмурье такъ же ловко владѣлъ штыкомъ простого солдата, какъ и шпагою генерала. Гордые движенія головы, немного закинутой назадъ, дѣлали его выше дѣйствительнаго роста. Высокій, хорошо очерченный лобъ былъ сжатъ у висковъ. Къ этому надобно прибавить черные, большіе глаза, съ огненнымъ блескомъ, который увеличивался длинными рѣсницами; носъ и овалъ лица были орлианаго типа, — полуоткрытый, граціозный ротъ почти всегда улыбался; никакое напряженіе губъ не обличало внутреннихъ усилій этого гибкаго характера и быстрого ума, который игралъ трудностями и умѣлъ устранять препятствія; возвышенный, отчетливый подбородокъ какъ-бы поддерживалъ лицо на твердомъ, четырехугольномъ фундаментѣ; обычное выраженіе фигуры Дюмурье состояло въ ясной, обшительной веселости. Очевидно было, что для этого человѣка никакое бремя дѣлъ не будетъ тяжкимъ, и что онъ всегда сохранитъ довольно свободы духа, чтобы шутить какъ при хорошей, такъ и при дурной судьбѣ. Съ одинаковою веселостью онъ трактовалъ о политикѣ, войнѣ и правительствѣ. Звучный, мужественный голосъ Дюмурье былъ слышенъ изъ-за стука барабана и бряцанія штыковъ. Краснорѣчіе Дюмурье отличалось прямою, остроуміемъ, неожиданностью; оно поражало и ослѣпляло слушателя, какъ молнія; слова Дюмурье блистали и въ совѣтѣ министровъ и при интимныхъ совѣщаніяхъ: это краснорѣчіе было нѣжно и вкрадчиво, какъ рѣчь женщины. Дюмурье обладалъ даромъ убѣдительности, потому что подвижная и впечатлительная его натура умѣла вѣрно передавать въ звукъ голоса впечатлѣніе минуты. Дюмурье былъ страстенъ къ женщинамъ и очень воспримчивъ къ ихъ любви; сношенія съ ними сообщили его натурѣ лучшее качество этого пола — состраданіе.

Слезамъ онъ не умѣлъ противиться; слезы королевы сдѣлали бы изъ него приверженца трона; для Дюмурье не существовало такого блага или такого мнѣнія, которымъ онъ не пожертвовалъ бы движенію великодушія: величіе души у него происходило не изъ расчета, а прежде всего изъ чувства. Что же касается до политическихъ принциповъ, то онъ ихъ не имѣлъ; революція для Дюмурье была только прекрасной драмой, пригодной для доставленія ши-

рокой арены его способностямъ и роли его таланту. Если бы революція не избрала Дюмуре своимъ полководцемъ и спасителемъ, то онъ такъ же удобно былъ бы генераломъ и спасителемъ коалиціи. Дюмуре не былъ героемъ принципа; онъ былъ героемъ случая.

8.

Новые министры собрались у г-жи Роланъ, которая была душою жирондистскаго министерства; Дюрантонъ, Лакостъ, Кайе-Жервиль пассивно воспринимали тамъ внушенія людей, которымъ они только давали свои имена въ совѣтъ. Въ первые дни Дюмуре показалъ видъ, что, какъ и они, вполне сочувствуетъ интересамъ и волѣ этой партіи. Партія эта, выражавшаяся у Ролана въ лицѣ молодой, прекрасной, краснорѣчивой женщины, должна была имѣть для генерала тѣмъ большую привлекательность. Онъ надѣялся господствовать въ ней, сдѣлавшись властелиномъ сердца этой женщины. Для нея онъ раскрылъ все, сколько было въ своемъ характерѣ гибкости, въ своей натурѣ—граціи, въ своихъ талантахъ—увлекательности. Но г-жа Роланъ имѣла противъ обаянія военныхъ такое предохранительное средство, какого Дюмуре не привыкъ встрѣчать у женщинъ, которыхъ любилъ: суровую добродѣтель и твердое убѣжденіе. Было только одно средство поразить восхищеніемъ эту женщину: превзойти ее въ патріотической преданности. Эти два характера не могли встрѣтиться, не составляя взаимно контраста, не могли дойти до взаимнаго пониманія, не презирая другъ друга. Для Дюмуре г-жа Роланъ вскорѣ сдѣлалась не болѣе, какъ угрюмой фанатичкой; для нея онъ—не позже того сдѣлался человѣкомъ легкомысленнымъ и притязательнымъ; г-жа Роланъ въ его взглядѣ, улыбкѣ и звукѣ голоса видѣла смѣлость, порожденную успѣхомъ среди женщинъ, а это показывало легкость нрава тѣхъ женщинъ, среди которыхъ онъ жилъ, и оскорбляло ее суровость. Дюмуре былъ больше куртизаномъ, чѣмъ патріотомъ. Аристократичность его манеръ не правилась скромной дочери гравера; быть можетъ это напоминало ей подчиненное положеніе и униженія, перенесенныя въ дѣтствѣ въ Версали. Идеаломъ г-жи Роланъ былъ не военный, а гражданинъ; единственнымъ соблазномъ, который могъ бы покорить ее любовь, былъ республиканскій духъ. Сверхъ того, г-жа Роланъ замѣтила съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы долго оставаться на уровнѣ своей партіи. Подъ его уступчивостью она заподозрила дальновидный умъ, а подъ простодушіемъ—честолюбіе. „Берегись этого человѣка“, сказала она своему мужу послѣ перваго свиданія съ Дюмуре; „подъ видомъ товарища въ немъ можетъ удобно скрываться властелинъ, который въ состояніи будетъ выгнать изъ совѣта министровъ тѣхъ самыхъ людей, которые его туда ввели“.

9.

Роланъ, вполне счастливый тѣмъ, что достигъ власти, не предусматривалъ бѣды такъ далеко; онъ успокоивалъ свою жену, больше и больше полагаясь на притворное удивленіе къ нему со стороны Дюмуре. Роланъ уже считалъ

себя государственнымъ человѣкомъ. Удовлетворенное честолюбіе дѣлало его до-
вѣрчивымъ къ предупредительности Дюмурье и даже смягчало по отношенію къ
королю. При вступленіи въ министерство Роланъ старался выказать строгость
принциповъ въ костюмѣ и грубый республиканизмъ въ манерахъ. Онъ явился
въ Тюльери въ черномъ платьѣ, въ круглой шляпѣ, въ башмакахъ безъ пря-
жекъ и покрытыхъ пылью; онъ хотѣлъ въ своемъ лицѣ показать, какъ чело-
вѣкъ народа входитъ во дворецъ въ простомъ платьѣ гражданина и становится
лицомъ къ лицу съ человѣкомъ трона. Эта безмолвная наглость должна была, по
его мнѣнію, польстить націи и унижить короля; придворные пришли въ него-
дованіе отъ такого поступка, на короля онъ подѣйствовалъ болѣзненно, а Дю-
мурье надъ нимъ посмѣялся. „О, въ самомъ дѣлѣ все потеряно, господа!“ ска-
залъ онъ придворнымъ, „если нѣтъ этикета, то нѣтъ болѣе и монархіи!“ Эти
шутливыя слова уничтожили въ одно и то же время и гнѣвъ двора и весь эф-
фектъ спартанской претензіи Ролана.

Король не замѣчалъ болѣе неприличія и обходился съ Роланомъ съ тою
искренностью, которая открывала ему сердца собесѣдниковъ. Новые министры
изумлялись, чувствуя себя довѣрчивыми и тронутыми въ присутствіи монарха.
Они явились въ засѣданіе совѣта подозрительными республиканцами, а вышли
оттуда почти роялистами.

„Король мало извѣстенъ,—говорилъ Роланъ своей женѣ,—хотя онъ слабый
государь, но лучшій изъ людей; ему недостаетъ не добрыхъ намѣреній, а до-
брыхъ совѣтовъ; онъ не любитъ аристократіи, а питаетъ привязанность къ
народу; быть можетъ, онъ рожденъ для того, чтобы служить переходомъ отъ
монархіи къ республикѣ. Сдѣлавъ для короля конституцію пріятною, мы за-
ставимъ его любить ее; популярность, которую король возвратитъ себѣ, поло-
жившись на наши совѣты, сдѣлаетъ для насъ самихъ правленіе легкимъ. На-
тура короля такъ добра, что тронъ не могъ ее испортить; онъ одинаково да-
лекъ и отъ скотоподобнаго глупца, какимъ его выставляютъ на посмѣяніе
публикѣ, и отъ чувствительнаго, совершеннаго человѣка, какому хотятъ по-
клоняться въ немъ придворные; умъ его, не отличающійся особою высотой, тѣмъ
не менѣе обширенъ и отличается основательностью; въ безвѣстномъ обществен-
номъ положеніи достоинствъ этого человѣка было бы достаточно для его судьбы;
онъ обладаетъ разнообразными и глубокими познаніями, знаетъ дѣла въ под-
робностяхъ, обходится съ людьми съ простотою, но убѣдительною ловкостью,
которую сообщаетъ королямъ ранняя необходимость управлять своими впечатлѣ-
ніями; изумительная память всегда кстати подсказываетъ ему вещи, имена,
лица; онъ любитъ трудъ и читаетъ все,—ни на минуту не остается празднымъ;
нѣжный отецъ, примѣрный мужъ, человѣкъ съ чистымъ сердцемъ, онъ удалитъ
отъ себя все скандалы, которые грязнили дворъ его предѣстниковъ; онъ лю-
битъ только королеву, и его уступчивость ей, иногда пагубная въ политическомъ
отношеніи, является всетаки слабостью добродѣтели. Если бы этотъ король
родился двумя столѣтіями раньше, то его мирное царствованіе считалось бы
въ числѣ счастливыхъ эпохъ монархіи. Повидимому, обстоятельства подѣйство-
вали на его умъ. Революція убѣдила его въ своей необходимости, надобно его
убѣдить въ ея возможности. Находясь въ нашихъ рукахъ, король можетъ слу-

жить ей лучше всякаго другого гражданина въ королевствѣ; наставляя короля, мы можемъ оставаться вѣрными и его истиннымъ интересамъ и интересамъ націи; нужно, чтобы король и революція составляли одно цѣлое чрезъ посредство насъ“.

10.

Такъ говорилъ Роланъ среди перваго упоенія властью: жена слушала его съ недоувѣрчивою улыбкою на губахъ: ея твердый взглядъ съ перваго раза разглядѣлъ болѣе обширную арену и болѣе рѣшительную цѣль, чѣмъ подобное робкое переходное положеніе между униженіемъ королевскаго сана и неполной революціей. Ей дорого стоило отказаться отъ идеала, созданнаго ея пламеннымъ воображеніемъ: всѣ помыслы этой женщины стремились къ республикѣ; всѣ ея дѣйствія, слова, вздохи должны были, безъ ея собственнаго вѣдома, клонить къ тому же мужу и друзей.

„Не довѣрай никому, а особенно твоему собственному доброму чувству“, отвѣчала она слабою и горделивою Ролану; „ты теперь живешь въ придворномъ мірѣ, гдѣ все заключается во внѣшности, и гдѣ самая гладкая наружность можетъ скрывать комбинаціи самаго зловѣщаго свойства. Ты—честный буржуа, попавшій въ среду придворныхъ; добродѣтель въ опасности среди всѣхъ этихъ пороковъ; они говорятъ нашимъ языкомъ, а мы не знаемъ ихъ языка: можетъ ли быть, чтобы они насъ не обманули? Людовикъ XVI происходитъ изъ выродившагося племени; не обладая ни возвышеннымъ умомъ ни энергическою волею, онъ позволилъ связать себя въ молодости религиозными предразсудками, которые еще болѣе измельчили его натуру; увлекаемый вѣтреной королевой, которая къ австрійской наглости присоединяетъ обаяніе красоты и высокаго положенія и дѣлаетъ изъ своего тайнаго и развратнаго двора святилище своего сладострастія и культъ своихъ пороковъ, этотъ король, ослѣпляемый съ одной стороны любовью, съ другой—духовенствомъ, предоставляетъ на произволь случая колеблющаяся бразды власти, которая отъ него ускользаетъ. Франція обѣднѣла людьми и уже не предлагаетъ королю, въ лицѣ Морепа, или Неккера, или Калонна, способнаго человѣка, который бы его направлялъ; аристократія сдѣлалась безплодною и производитъ только скандалы, нужно, чтобы правительство приобрѣло силу въ болѣе здоровомъ и глубокомъ руслѣ всей націи; время демократіи наступило, зачѣмъ же его замедлять? Вы представляете собою людей, добродѣтели, характеръ, цвѣтъ демократіи; революція стоитъ позади васъ, она васъ привѣтствуетъ, возбуждаетъ васъ, а вы, злоупотребляя ея довѣріемъ, хотите предать ее первой улыбкѣ короля, потому что онъ обладаетъ добродушіемъ человѣка, вышедшаго изъ народа! Нѣтъ, Людовикъ XVI, наполовину уже низложенный націей, не можетъ любить конституцію, которая его связываетъ; онъ можетъ притворно ласкать свои цѣни, но все-таки всѣми помыслами ждетъ минуты, когда будетъ въ состояніи сбросить ихъ. Единственный ресурсъ короля теперь состоитъ въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать свою привязанность къ революціи и усыпить министровъ, на которыхъ революція возложила наблюденіе за его замыслами; но эта уловка составляетъ послѣднюю и самую опасную изъ интригъ трона. Конституція озна-

часть низложеніе Людовика XVI, а министры-патріоты являются его тюремщиками; нѣтъ такого павшаго величія, которое любило бы свое паденіе; нѣтъ человѣка, который любилъ бы свое униженіе: Роланъ, вѣрь натурѣ человѣка, только она никогда не обманетъ тебя; не довѣрай двору; твоя добродѣтель слишкомъ высока, чтобы видѣть западни, которыми куртизаны усыпаютъ твой путь“.

11.

Такія слова поколебали Ролана. Бриссо, Кондорсе, Верньо, Жансонне, Гаде, и особенно Бюзю, другъ и интимный повѣренный г-жи Роланъ, укрѣпляли на вечернихъ собраніяхъ недоувѣрчивость министра. Въ этихъ разговорахъ Роланъ заражался новою подозрительностью; онъ входилъ въ совѣтъ съ болѣе нахмуренными бровями и болѣе неумолимымъ стоицизмомъ, чѣмъ когда-нибудь; но король обезоруживалъ его откровенностью, Дюмуре лишалъ храбрости своею веселостью, власть размягчала Ролана своимъ обаяніемъ. Онъ отерочивалъ двѣ главныя трудности текущей минуты,—во-первыхъ, двойную санкцію, которую нужно было получить отъ короля декретамъ, тягостнымъ для его совѣсти,—декрету противъ эмигрантовъ и декрету противъ не присягнувшихъ священниковъ; во-вторыхъ, войну.

Въ продолженіе этой нерѣшительности Ролана и его товарищей, Дюмуре овладѣлъ и королемъ и народною благосклонностью; секретъ его дѣйствій заключался въ словахъ, сказанныхъ имъ незадолго до того Монморену, въ тайной бесѣдѣ съ этимъ министромъ: „еслибы я былъ королемъ Франціи, я бы провель всѣ партіи, ставъ во главѣ революціи“.

Въ этихъ словахъ заключалась единственная политика, которая могла спасти Людовика XVI. Въ революціонныя эпохи король, который самъ не сдѣлался революціонеромъ, будетъ неизбежно раздавленъ между двумя партіями; нейтральный король не царствуетъ болѣе,—король прощенный унижаетъ тронъ,—король, побѣжденный своимъ народомъ, не имѣетъ другого исхода, кромѣ изгнанія или эшафота. Дюмуре понялъ, что прежде всего нужно было убѣдить короля въ своей искренней привязанности къ его особѣ,—сдѣлать короля повѣреннымъ или, такъ сказать, соучастникомъ той патріотической роли, которую онъ предполагалъ играть,—дальѣе сдѣлаться тайнымъ посредникомъ между волею монарха и требованіями совѣта и, такимъ образомъ, господствовать надъ королемъ чрезъ свое вліяніе на жирондистовъ, а надъ жирондистами путемъ вліянія на короля; роль фаворита несчастія и покровителя гонимой королевы нравилась и честолюбію и сердцу Дюмуре; какъ человѣкъ военный, дипломатъ и дворянинъ, онъ питалъ совершенно другое чувство къ павшему королевскому сану, чѣмъ удовлетворенная зависть, которая овладѣла жирондистами. Для Дюмуре существовало обаяніе трона, для жирондистовъ существовало только обаяніе свободы. Этотъ отбѣнокъ, выразившійся въ позѣ, въ языкѣ, въ жестахъ, не могъ долго ускользнуть отъ наблюдательности Людовика XVI. Короли обладаютъ двойнымъ тактомъ; несчастіе дѣлаетъ его еще болѣе тонкимъ; несчастные бываютъ способны въ одномъ взглядѣ уловить состраданіе: это единственный даръ, какой имъ позволено принимать; тѣмъ болѣе они бы-

вають къ нему ревнивы. Въ тайномъ разговорѣ король и Дюмурье открылись другъ другу.

12.

Безпокойныя привычки Дюмурье во время управленія Нормандію, дружба Жансонне, благосклонность якобинцевъ,—все это сначала предостерегало Людовика XVI противъ новаго министра. Послѣдній, со своей стороны, ожидалъ найти въ королѣ духъ, враждебный конституціи,—сердце, ожесточенное вслѣдствіе оскорбленій отъ народа,—взгляды, ограниченные рутиною,—жестокій характеръ, взыскчивое обхожденіе, повелительныя и оскорбительныя рѣчи для тѣхъ, кто къ нему приближался. Это былъ именно обратный портретъ несчастнаго государя. Чтобы сдѣлать короля ненавистнымъ націи, нужно было его обезобразить.

Дюмурье нашелъ въ королѣ,—какъ въ день встрѣчи, такъ и въ теченіе своего трехмѣсячнаго отправленія министерской должности,—мѣткій умъ, сердце, доступное всѣмъ добрымъ чувствамъ, благосклонную вѣжливость, кротость и терпѣніе, которыя безстрашно относились къ несчастіямъ его положенія. Только чрезвычайная боязливость, результатъ долгаго уединенія, въ которомъ Людовикъ XV держалъ этого принца въ молодости, подавляла порывы его сердца и придавала словамъ короля и отношеніямъ его къ людямъ сухость и неловкость, которыя отнимали у короля его грацію. Съ обдуманымъ и спокойнымъ мужествомъ онъ часто говорилъ Дюмурье о своей смерти, какъ о вѣроятномъ и роковомъ событіи, перспектива котораго нисколько не смутила бы его спокойствія и не помѣшала бы выполнить до конца обязанности отца и короля.

„Государь“—сказалъ Дюмурье, одушевленный, при встрѣчѣ съ королемъ, тѣмъ рыцарскимъ чувствомъ, которое происходитъ отъ состраданія, соединеннаго съ уваженіемъ, и при которомъ сердце говоритъ больше, чѣмъ самый языкъ,—„государь, вы оставили предубѣжденія, которыя вамъ были внушены противъ меня. Вы приказали мнѣ, чрезъ г. Лапорта, принять постъ, отъ котораго я отказался“.—Да, сказалъ король.—„Такъ я посвящаю себя всего служенію вамъ, вашему благу. Но теперь роль министра уже не та, какъ прежде. Не переставая быть слугою короля, я принадлежу націи. Я вамъ всегда буду говорить въ духѣ свободы и конституціи. Допустите, чтобы я, для лучшей службы вамъ, ограничивался—въ публичкѣ и въ совѣтѣ—чисто конституціоннымъ характеромъ моей роли, и избѣгалъ всѣхъ отношеній, которыя могли бы обнаружить личную привязанность, считаемую мною къ вамъ. Въ этомъ отношеніи я разорву всякій этикетъ, у меня не будетъ проявляться уголивости по отношенію къ вамъ; въ совѣтѣ я буду даже противорѣчить вашимъ взглядамъ; представителями Франціи за границей я назначу людей, преданныхъ націи. Когда ваше неодобреніе моего выбора будетъ неодолимо и основательно, я буду повиноваться вамъ; если бы такое сопротивленіе сдѣлалось небезопаснымъ для блага отечества и для вашего блага, то я обращусь къ вамъ съ мольбой позволить мнѣ удалиться и назначить мнѣ преемника. Подумайте о страшныхъ опасностяхъ, которыя осаждаютъ вашъ тронъ. Надобно его утвердить довѣріемъ націи въ искренности вашей преданности революціи.

Это—завоеваніе, сдѣлать которое зависитъ отъ васъ. Я приготовилъ въ этомъ смыслѣ депеши къ посланникамъ. Тамъ я говорю языкомъ, неупотребительнымъ во взаимныхъ сношеніяхъ европейскихъ дворовъ, языкомъ націи оскорбленной и полной рѣшимости. Сегодня утромъ я прочту эти депеши въ совѣтъ предъ вами. Если вы одобрите мою работу, то я буду продолжать говорить въ этомъ смыслѣ и стану дѣйствовать сообразно своимъ словамъ; въ противномъ случаѣ, мои экипажи готовы, и я, не имѣя возможности служить вамъ въ совѣтахъ, отправлюсь туда, куда призываютъ меня мои склонности и 30-лѣтнія занятія,— пойду служить отечеству въ арміи“.

Удивленный и растроганный король сказалъ ему: „мнѣ нравится ваша откровенность; я знаю, что вы ко мнѣ привязаны, я ожидаю всего отъ вашихъ услугъ. Мнѣ было внушено противъ васъ сильное предубѣжденіе; эта минута его уничтожаетъ. Идите, и поступайте сообразно вашему убѣжденію и интересамъ націи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и мои“.

Дюмурье удалился, но онъ зналъ, что королева, обожаемая своимъ мужемъ, держала политику короля въ зависимости отъ движеній своей страстной натуры. Онъ и желалъ и страшился свиданія съ этой женщиной. Одно слово съ ея стороны могло довершить или уничтожить задуманное имъ смѣлое предпріятіе,— примиреніе короля съ націей.

13.

Королева пригласила генерала въ самыя отдаленныя свои комнаты: Дюмурье нашель ее одну; лицо ея разгорѣлось вслѣдствіе внутренней борьбы; королева быстро ходила по комнатѣ, какъ человѣкъ, который двигается машинально, подъ влияніемъ волнующихъ его мыслей. Дюмурье безмолвно помѣстился въ углу у камина съ выраженіемъ почтительной горести, которую внушало ему присутствіе прекрасной и несчастной королевы. Она подошла къ нему съ величественнымъ и раздраженнымъ видомъ:

„Милостивый государь“, сказала она ему съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ проявлялись и гнѣвъ за несчастіе и презрѣніе къ судьбѣ, „вы теперь всемогущи, но только благодаря народной благосклонности, а народъ очень скоро ломаетъ своихъ идоловъ“. Не ожидая отвѣта, она продолжала: „Ваше существованіе зависитъ отъ вашихъ поступковъ. Говорятъ, что у васъ много талантовъ. Вы должны понимать, что ни король, ни я не можемъ терпѣть всѣхъ этихъ конституціонныхъ нововведеній. Я объявляю вамъ это откровенно. Такъ принимайте же рѣшеніе“.—„Madame“, отвѣчалъ смущенный Дюмурье, „я пораженъ опаснымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ вашимъ величествомъ; я ему не измѣню, но, стоя между королемъ и націей, я принадлежу моему отечеству. Позвольте мнѣ представить вамъ“, продолжалъ онъ, съ почтительною настойчивостью, „что спасеніе короля, ваше, вашихъ дѣтей, самое возстановленіе королевскаго авторитета связаны съ конституціей. Вы окружены врагами, которые приносятъ васъ въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ. Одна только конституція въ силахъ, утвердившись, оградить васъ и составить счастье и славу короля“.—„Это не можетъ продолжаться, берегитесь!“ возразила королева съ гнѣвомъ и угрозою во взорѣ. Въ этихъ словахъ и взглядѣ

Дюмуре нашелъ намекъ на личныя опасности, которыя могли ему угрожать, и предостереженіе страшиться ихъ. — „Мнѣ больше 50 лѣтъ, madame“, возразилъ онъ тихимъ голосомъ, въ которомъ твердость солдата соединялась съ умиленіемъ человѣка, „я видѣлъ много опасностей въ жизни; принявъ министерство, я понялъ, что отвѣтственность не была самою большою изъ моихъ опасностей“. — „0“, вскричала королева съ выраженіемъ ужаса, „недоставало только такой клеветы и позора; вы, кажется, думаете, что я способна на убійство!“ Слезы негодованія прервали ея голосъ. Дюмуре, столько же тронутый, какъ и королева, отвергнулъ самую мысль о такомъ гнусномъ толкованіи его отвѣта. „Сохрани Богъ, чтобы я вамъ нанесъ такое тяжкое оскорбленіе! ваша душа велика и чиста, и геройство, выказанное вами среди такихъ несчастій, навсегда привязало меня къ вамъ“. Она чрезъ минуту успокоилась и въ знакъ примиренія положила свою руку въ руку Дюмуре.

Министръ воспользовался этимъ возвратомъ спокойствія и довѣрія, чтобы дать Маріи-Антуанетѣ совѣты, искренность которыхъ доказывалась волненіемъ въ чертахъ его лица и голосѣ. „Вѣрьте мнѣ, сударыня; мнѣ нѣтъ никакого интереса васъ обманывать; я столько же, какъ и вы, ненавижу анархію и ея преступленія, но я обладаю опытностью, вращаюсь среди партій, участвую въ политическихъ мнѣніяхъ, соприкасаюсь съ народомъ, — я лучше, чѣмъ ваше величество, обставленъ, чтобы судить о значеніи и направленіи событій. Мы переживаемъ не простое народное волненіе, какъ вы, кажется, думаете, а возстаніе, почти единодушное, великой націи противъ устарѣваго и разлагающагося порядка вещей. Крупныя партіи зажигаютъ пожаръ; во всѣхъ ихъ найдутся и злодѣи и глупцы. Я со своей стороны вижу въ революціи только короля и націю: все, что клонится къ ихъ разъединенію, губить обоихъ. Я хочу ихъ соединить: ваше дѣло помочь мнѣ. Если я составляю помѣху вашимъ планамъ и если вы на нихъ настаиваете, то скажите мнѣ о томъ, я немедленно удалюсь и въ отставкѣ буду скорбѣть объ участи моего отечества и вашей“.

Королева была растрогана и убѣждена. Откровенность Дюмуре понравилась ей и увлекла ее. Его солдатское сердце отвѣчало ей словами государственнаго человѣка. Сама обладая характеромъ твердымъ, мужественнымъ, героическимъ, королева лучше желала видѣть въ совѣтѣ короля шпагу Дюмуре, чѣмъ всѣхъ медоточивыхъ политиковъ и ораторовъ, которые слѣдуютъ за всякимъ направленіемъ вѣтра, какое указываетъ общественнымъ мнѣніемъ или народными волненіями. Между королевой и Дюмуре установилось тѣсное взаимное довѣріе.

Нѣкоторое время королева оставалась вѣрна своимъ обѣщаніямъ. Но новыя оскорбленія со стороны народа привели ее, вопреки желанію, опять въ состояніе гнѣва и расположенія къ интригамъ. „Смотрите“, сказала она однажды королю въ присутствіи Дюмуре, указывая рукою на верхушки деревьевъ Тюльери, „я плѣнница въ этомъ дворцѣ, я не смѣю взглянуть въ окно со стороны сада; толпа, которая тамъ пребываетъ и подсматриваетъ даже за моими слезами, дѣлаетъ насмѣшки при моемъ появленіи. Вчера, чтобы дохнуть воздухомъ, я показала въ окнѣ со стороны двора, и гвардейскій солдатъ, стоявшій на часахъ, сталъ поносить меня грубыми оскорбленіями... „Съ какимъ

удовольствіемъ“, прибавилъ онъ потомъ, „увидѣлъ бы я твою голову на концѣ моего штыка!...“ Въ этомъ ужасномъ саду съ одной стороны бываетъ видно, какъ какой-нибудь человѣкъ, взобравшись на стулъ, провозглашаетъ самыя гнусныя угрозы противъ насъ и грозитъ обитателямъ дворца своими жестами, съ другой — мятежная толпа тащитъ военнаго или священника въ бассейнъ, осыпая его ударами и оскорбленіями. Въ то же самое время, въ двухъ шагахъ отъ такихъ зловѣщихъ сценъ, другіе люди играютъ въ шары и спокойно гуляютъ по аллеямъ. Какое жилище! какая жизнь! какой народъ!“ Дюмурье могъ только скорбѣть вмѣстѣ съ королевской семьей и совѣтовать терпѣніе. Но терпѣніе жертвъ истощается скорѣе, чѣмъ жестокость палачей. Можно ли было искренно требовать, чтобы мужественная, гордая принцесса, воспитанная среди поклоненія двора и всѣхъ окружающихъ, полюбила, въ лицѣ революціи, орудіе своихъ униженій и мученій, и въ этомъ равнодушномъ или жестокомъ народѣ видѣла націю, достойную власти и свободы?

14.

Уладивъ дѣла съ дворомъ, Дюмурье не поколебался переступить весь промежутокъ, который раздѣлялъ короля отъ крайней партіи и ввести въ правительство самый полный патріотизмъ. Онъ сдѣлался предупредителемъ къ якобинцамъ и смѣло явился на другой день въ ихъ засѣданіе. Зала была полна; Дюмурье своимъ появленіемъ привелъ трибуны въ безмолвное изумленіе. Его воинственная фигура и порывистая походка заранѣе привлекали къ нему благосклонность собранія. Никто не подозрѣвалъ, чтобы такая открытая наружность скрывала такую хитрость. Въ Дюмурье видѣли только министра, который отдается народу, и сердца присутствующихъ раскрылись для его принятія.

Въ это время красная шапка, эмблема самыхъ крайнихъ мнѣній, — диврея народа, носимая его льстецами и демагогами, — была почти единодушно принята якобинцами. Смыслъ этого знака, какъ и многихъ ему подобныхъ, принимаемыхъ революціей изъ рукъ случая, оставался тайною для тѣхъ, кто его носилъ. Въ первый разъ видѣли красную шапку въ почетѣ въ день триумфа солдатъ Шатовье. По словамъ однихъ, это былъ головной уборъ каторжниковъ, — прежде позорный, потомъ пріобрѣвшій славу, и именно съ тѣхъ поръ, какъ прикрывалъ чело этихъ мучениковъ возстанія; къ этому прибавлялось, что народъ, нося вмѣстѣ съ ними красную шапку, хотѣлъ очистить этотъ уборъ отъ всякаго позора. Другіе въ ней видѣли фригійскую шапку, эмблему освобожденія невольниковъ.

Красная шапка съ перваго же дня сдѣлалась поводомъ къ спорамъ и раздѣленію между якобинцами. Ею накрывались люди экзальтированные; умѣренные и мыслящіе еще воздерживались. Дюмурье не колеблется. Онъ всходитъ на трибуну, покрываетъ свои волосы этою эмблемою патріотизма, надѣвая, такимъ образомъ, мундиръ самой выдающейся партіи. Это нѣмое, но выразительное краснорѣчіе вызываетъ взрывъ энтузіазма во всѣхъ рядахъ собранія. „Братья и друзья“, говоритъ Дюмурье, „каждая минута моей жизни будетъ посвящена выполненію воли народа и оправданію выбора конституціоннаго короля. Я вношу въ переговоры съ иностранными державами всѣ силы свободаго народа,

и эти переговоры въ скоромъ времени принесутъ намъ прочный миръ или рѣшительную войну. (Рукоплесканія). Если такая война наступитъ, то я сломаю свое политическое перо и займу свое мѣсто въ арміи, чтобы восторжествовать или умереть свободнымъ вмѣстѣ съ моими братьями! Я принимаю на себя тяжкое бремя. Братья, помогите мнѣ нести его. Я нуждаюсь въ совѣтахъ. Сообщите мнѣ ихъ чрезъ посредство вашихъ журналовъ. Говорите мнѣ истину, истину самую суровую! Но отбросьте клевету и не отвергайте гражданина, который вамъ извѣстенъ за человѣка искренняго и неустрашимаго, и который посвящаетъ себя дѣлу революціи и всей націи!“

Президентъ отвѣчалъ министру, что общество считаетъ за честь видѣть его среди своихъ членовъ. Эти слова возбудили ропотъ, заглушенный восклицаніями, которыя сопровождали Дюмурье на мѣсто. Потребовали отпечатать объ рѣчи. Лежандръ воспротивился этому подъ предлогомъ экономіи, но былъ осмѣянъ трибунами. „Зачѣмъ эти неупотребительныя почести и подобный отвѣтъ президента министру?“ сказала Колло д'Эрбуа. „Если онъ является сюда въ качествѣ министра, то ему нечего отвѣчать. Если же онъ приходитъ какъ новый членъ и какъ братъ, то только выполняетъ свою обязанность, становясь на уровнѣ нашихъ мнѣній. Возможенъ ему только одинъ отвѣтъ: „пусть онъ дѣйствуетъ, какъ говорилъ!“

Дюмурье поднимаетъ руку и жестомъ подтверждаетъ слова Колло д'Эрбуа. Робеспьеръ встаетъ, сурово улыбается Дюмурье и говоритъ: „я вовсе не изъ тѣхъ, которые думаютъ, что министру безусловно невозможно быть патриотомъ; я даже съ удовольствіемъ принимаю предсказанія, какія дѣлаетъ намъ г. Дюмурье. Когда онъ оправдываетъ эти предсказанія, когда разсѣетъ враговъ, вооруженныхъ противъ насъ его предмѣстниками и заговорщиками, которые еще и теперь управляютъ правительствомъ, несмотря на изгнаніе нѣсколькихъ министровъ, тогда и только тогда я буду расположенъ присудить ему похвалы, которыхъ онъ будетъ достоинъ, и даже тогда я не буду думать, чтобы каждый добрый гражданинъ этого общества не былъ ему равенъ. Въ моихъ глазахъ только одинъ народъ великъ, одинъ онъ достоинъ уваженія; погрешки министерскаго могущества предъ нимъ исчезаютъ. Въ силу этого уваженія къ народу и къ самому министру я требую, чтобы его вступленіе сюда не ознаменовывалось почестями, которыя доказывали бы лишь паденіе общественнаго духа. Онъ проситъ отъ насъ совѣтовъ министрамъ. Я со своей стороны обещаю дать ему такіе совѣты, которые будутъ полезны и министрамъ и народному дѣлу. Когда Дюмурье доказательствами своего патриотизма, а особенно дѣйствительными услугами отечеству покажетъ, что онъ братъ добрыхъ гражданъ и защитникъ народа, то найдетъ здѣсь только поддержку. Я не боюсь для нашего общества присутствія какого бы то ни было министра, но объявляю, что въ ту минуту, какъ министръ здѣсь получитъ болѣе вліянія, чѣмъ простой гражданинъ, я требую, чтобы онъ былъ подвергнутъ остракизму. Подобнаго преобладанія здѣсь никогда не будетъ“.

Робеспьеръ сходитъ съ трибуны, Дюмурье бросается въ его объятія. Собраніе поднимается съ мѣстъ: трибуны скрѣпляютъ эти братскія объятія рукоплесканіями. Въ нихъ видятъ предвѣстіе единенія власти съ народомъ. Прези-

дентъ Доппе читаетъ, съ красной шапкой на головѣ, письмо Петіона къ обществу о новомъ головномъ уборѣ, принятомъ патриотами. Петіонъ тамъ высказывается противъ этого излишняго выраженія цинизма. „Эта эмблема“, говоритъ онъ, „вмѣсто увеличенія вашей популярности, пугаетъ умы и служитъ предлогомъ къ клеветамъ противъ васъ. Настоящая минута серьезна; выраженія патриотизма должны быть серьезны, какъ и переживаемое нами время. Тѣ враги революціи, которые толкаютъ ее къ подобнымъ пустякамъ, чтобы имѣть право потомъ обвинить ее въ легкомысліи и непослѣдовательности. Такимъ образомъ, они даютъ патриотизму вѣшность партіи. Подобныя эмблемы лишь раздѣляютъ тѣхъ, кого нужно соединять. Каково бы ни было то направленіе, которое побуждаетъ принимать эти эмблемы нынѣ, они никогда не будутъ приняты всѣми. Каждый человѣкъ, страстно преданный народному благу, будетъ очень равнодушнѣ къ красной шапкѣ. Подъ этой формой свобода не будетъ ни прекраснѣе, ни величественнѣе; но самыя эмблемы, которыми вы ее украшаете, послужить поводомъ къ раздорамъ между ея дѣтьми. Изъ-за смѣшной манифестаціи можетъ завязаться междоусобная война, которая, начавшись сарказмами, кончится кровопролитіемъ. Предлагаю эти мысли на ваше обсужденіе“.

15.

Во время чтенія этого письма, президентъ, человѣкъ мнительный и угадывавшій въ совѣтахъ Петіона волю Робеспьера, незамѣтно снялъ съ себя отвергаемую эмблему. Члены общества одинъ за другимъ слѣдовали его примѣру. Робеспьеръ, который одинъ только никогда не носилъ этой модной побрякушки, и по соглашенію съ которымъ было составлено письмо Петіона, взошелъ на трибуну и сказалъ: „я, какъ и парижскій мэръ, уважаю все, что составляетъ выраженіе свободы, но у насъ есть знакъ, который безпрестанно напоминаетъ намъ клятву жить свободными или умереть; вотъ этотъ знакъ (онъ указалъ на свою кокарду). Снявъ красную шапку, граждане, которые надѣли ее подъ влияніемъ похвальнаго патриотизма, ничего не потеряютъ. Друзья революціи будутъ продолжать узнавать другъ друга по знаку разума и добродѣтели! Одни только эти эмблемы наши; всѣмъ другимъ могутъ подражать лишь аристократы и измѣнники. Во имя Франціи я вамъ напоминаю о знамени, которое одно только дѣйствуетъ внушительно на враговъ! Сохранимъ только кокарду и знамя, подъ которымъ родилась конституція“.

Красная шапка исчезла въ залѣ. Но даже голосъ Робеспьера и рѣшимость якобинцевъ не могли остановить порыва, подъ влияніемъ котораго всѣ головы покрылись этимъ знакомъ мстящаго равенства. Въ тотъ вечеръ, когда красную шапку отвергали у якобинцевъ, ее водружали въ театрахъ. Бюсть Вольтера, истребителя предразсудковъ, былъ покрытъ фригійской шапкой при рукоплесканіяхъ зрителей. Красная шапка и пика сдѣлались одна мундиромъ, другая оружіемъ солдата-гражданина. Жирондисты, которые чуждались этого знака, пока онъ имъ казался ливреею Робеспьера, начали оправдывать красную шапку съ тѣхъ поръ, какъ Робеспьеръ ее отвергнулъ. Самъ Бриссо, отдавая отчетъ о засѣданіи, выражаетъ свое сожалѣніе этому символу, потому что послѣдній, принятый, по словамъ Бриссо, самую неимущую часть народа, ста-

новился униженіемъ богатства и ужасомъ аристократіи. Раздоръ между этими двумя людьми постоянно усиливался: ни въ клубѣ якобинцевъ, ни въ собраніи, ни среди власти не было довольно мѣста для двухъ честолюбій — Бриссо и Робеспьера, которые оспаривали другъ у друга диктатуру надъ общественнымъ мнѣніемъ.

Назначеніе министровъ, сдѣланное всецѣло подѣ влияніемъ жирондистовъ, — совѣщанія, происходившія у г-жи Роланъ, — присутствіе Бриссо, Гаде, Верньо на совѣщаніяхъ министровъ, — возведеніе ихъ друзей на всѣ должности, — все это незамѣтно служило темою нареканіямъ крайнихъ якобинцевъ. Этихъ якобинцевъ называли монтаньярами, намекая этимъ на возвышенныя скамьи собранія, гдѣ засѣдали друзья Робеспьера и Дантона. „Вспомните“, говорили они, „о проницательности Робеспьера, почти похожей на пророчество, когда онъ, отвѣчая Бриссо, который нападалъ на прежняго министра Лессара, бросилъ вождо жирондистовъ намекъ, такъ скоро оправданный событіями: „я не помышляю о министерствѣ ни для себя, ни для моихъ друзей...“ Жирондистскіе журналы, со своей стороны, клеймили позоромъ кучку заговорщиковъ и мелкихъ тирановъ, которые походили на Катилину если не мужествомъ, то преступленіями. Такимъ образомъ, борьба начиналась взаимными оскорбленіями.

Между тѣмъ король, какъ только его министерство сформировалось, написалъ собранію письмо, болѣе похожее на отреченіе отъ власти, съ передачею ея въ руки общественнаго мнѣнія, чѣмъ на конституціонный актъ свободной правительственной власти. Это смиренное самоотреченіе, быть можетъ, служило знакомъ неволи, приниженія и насилія, дѣлаемымъ съ высоты трона вооруженнымъ державамъ, чтобы они поняли, что король не былъ болѣе свободенъ, и видѣли бы въ немъ только корованнаго автомата якобинцевъ. Вотъ это письмо:

„Глубоко взволнованный безпорядками, которые обуреваютъ Францію, и обязанностию, которую налагаетъ на меня конституція, заботиться о поддержкѣ порядка и общественнаго спокойствія, я не переставалъ употреблять всѣ средства, какія она даетъ въ мое распоряженіе, чтобы обезпечить исполненіе законовъ. Первыми своими агентами я выбралъ людей, которыхъ рекомендовала честность ихъ принциповъ и политическихъ мнѣній. Когда они оставили министерство, я счелъ своею обязанностию замѣнить ихъ людьми, заслуживающими довѣрія своею популярностью. Вы такъ часто повторяли мнѣ, что эта партія представляетъ единственное средство достигнуть возстановленія порядка и выполненія законовъ, что я счелъ себя обязаннымъ предаться ей, чтобы у недоброжелательства не оставалось болѣе предлога къ сомнѣнію въ моемъ искреннемъ желаніи содѣйствовать процвѣтанію и истинному счастью моего отечества. Въ министерство сборовъ я призвалъ Клавьера, а въ министерство внутреннихъ дѣлъ — Ролана.

„Лицо, котораго я избралъ министромъ юстиціи, просило меня сдѣлать другой выборъ: когда я его сдѣлаю, то озабочусь увѣдомить о томъ Національное собраніе“. Подписано „Людовикъ“.

Собраніе приняло это посланіе одобрительными восклицаніями. Оно было властелиномъ короля и могло сдѣлать изъ него орудіе возрожденія. Самое со-

вершенное согласіе, повидимому, царствовало въ совѣтѣ. Король изумлялъ новыхъ министровъ усидчивостью и способностью къ дѣламъ. Съ каждымъ министромъ онъ говорилъ его языкомъ. Онъ спрашивалъ Ролана о его сочиненіяхъ, Дюмуре — о его приключеніяхъ, Клавьера — о финансахъ, избѣгалъ раздражающихъ вопросовъ общей политики. Г-жа Роланъ упрекала мужа за эти разговоры, просила его утилизировать время, точно опредѣлять сужденія и вести имъ достовѣрный реестръ, чтобы впоследствии имѣть возможность устранить отъ отвѣтственности. Министры условились сходить у нея обѣдать четыре раза въ недѣлю, передъ совѣтомъ, чтобы тамъ сговариваться о своихъ дѣйствіяхъ и языкъ по отношенію къ королю. Въ этихъ-то интимныхъ совѣтахъ Бюзо, Гаде, Верньо, Жансонне, Бриссо вдохновляли министровъ духомъ своей партіи и — безыменно — господствовали надъ собраніемъ и надъ королемъ. Дюмуре скоро сдѣлался имъ подозрителенъ. Его крупный умъ ускользалъ отъ ихъ вліянія, его гибкій характеръ не поддавался ихъ фанатизму. Г-жа Роланъ, увлеченная его изяществомъ, восхищалась имъ, хотя не безъ упрековъ совѣсти; она понимала, что умъ этого человѣка необходимъ для его партіи, но что умъ безъ добродѣтели можетъ сдѣлаться роковымъ для республики. Недовѣрчивость къ Дюмуре она сѣяла въ своихъ друзьяхъ. Король постоянно отсрочивалъ санкцію, которую требовали у него жирондисты, декретами собранія противъ эмигрантовъ и священниковъ. Предвидя, что рано или поздно министрамъ придется отдавать тяжелый отчетъ народу по поводу этой отсрочки, г-жа Роланъ хотѣла принять мѣры относительно общественнаго мнѣнія. Она убѣдила мужа написать королю конфиденціальное письмо, полное самыхъ суровыхъ уроковъ патриотизма, прочесть его самому предъ королемъ, въ полномъ присутствіи совѣта, и сохранить съ этого письма копію, которую Роланъ долженъ былъ опубликовать въ назначенную минуту, въ качествѣ обвинительнаго акта противъ Людовика XVI и въ видѣ оправданія самого себя. Эта вѣроломная предосторожность противъ вѣроломства двора была сама по себѣ гнусна, какъ ловушка, и подла какъ доносъ. Страсть, ослѣпляющая умъ человѣка, только одна могла ввести въ заблужденіе честную женщину относительно значенія подобнаго поступка; но духъ партіи заступаетъ мѣсто нравственности, правосудія и даже добродѣтели. Это письмо было скрытымъ орудіемъ, которое Роланъ приберегала, чтобы поразить на смерть репутацію короля, спасая свою собственную; жена Ролана подала мысль написать это письмо и проредактировала его. Это было ея единственнымъ преступленіемъ или, скорѣе, единственнѣйшимъ заблужденіемъ ея ненависти; это же составляло единственный упрекъ ея совѣсти у подножія эшафота.

16.

„Государь“, говорилъ Роланъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ, „дѣла не могутъ оставаться въ настоящемъ положеніи: они дошли до кризиса, изъ него надобно выйти путемъ какого-нибудь взрыва. Франція дала себѣ конституцію; меньшинство ее подрываетъ, большинство защищаетъ, отсюда междоусобная, ожесточенная борьба, въ которой никто не остается равнодушнымъ. Вы пользовались верховною властью и не могли утратить ее безъ сожалѣнія. Враги

революціи вносятъ въ свои расчеты ваши предполагаемыя чувства. Ваше тайное расположеніе составляетъ ихъ силу. Должны ли вы теперь соединиться съ врагами или съ друзьями конституціи? Выскажитеся разъ навсегда. Королевскій санъ, духовенство, дворянство, аристократія должны ненавидѣть перемѣны, которыя ихъ уничтожаютъ; съ другой стороны, народъ видитъ въ революціи торжество своихъ правъ и не позволитъ уже вырвать ихъ у себя. Декларация правъ человѣка сдѣлалась новымъ завѣтомъ. Съ этихъ поръ свобода составляетъ религію народа. Въ этомъ столкновеніи противоположныхъ интересовъ, всѣ чувства сдѣлались крайними; мнѣнія усвоили себѣ выраженіе страсти. Отечество перестало быть чѣмъ-то отвлеченнымъ; это—реальное существо, къ которому чувствуютъ привязанность за то счастье, которое оно обѣщаетъ, и вслѣдствіе тѣхъ жертвъ, какія ему сдѣланы. Какъ же долженъ воспламениться этотъ патріотизмъ въ ту близкую къ намъ минуту, когда силы внѣшняго врага соединятся, для нападенія, съ внутренними интригами! Гибѣтъ нація будетъ ужасенъ, если она не проникнется довѣріемъ къ вамъ.

„Но это довѣріе вы не приобретете словами: нужны дѣла. Дайте громкія доказательства вашей искренности. Напримѣръ, изданы два важные декрета: въ нихъ обоихъ заинтересовано благо государства; замедленіе въ ихъ санкціи возбуждаетъ недовѣріе. Остерегитесь! недовѣріе недалеко отъ ненависти, а ненависть не отступаетъ передъ преступленіемъ. Если вы не дадите удовлетворенія революціи, она будетъ скрѣплена кровью. Безнадежныя мѣры, которыя могли бы быть вамъ присовѣтованы для устрашенія Парижа, для господства въ собраніи, только разовьютъ мрачную энергію, источникъ великой преданности и великихъ попытокъ. (Эти слова косвенно относились къ Дюмурье, который совѣтовалъ принять твердыя мѣры). Васъ обманываютъ, государь, представляя вамъ націю враждебною трону и вамъ. Любите революцію, служите ей, и народъ полюбитъ ее въ вашемъ лицѣ. Лишенные правъ священники волнуютъ селенія; одобрите мѣры, пригодныя къ тому, чтобы подавить ихъ фанатизмъ. Парижъ тревожится за свою безопасность; дайте вашу санкцію распоряженіямъ, которыя призываютъ къ стѣнамъ его лагерь гражданъ. Еще нѣсколько отерочекъ, и въ васъ увидятъ заговорщика и соучастника въ преступленіи! Праведное небо! неужели ты поражаешь королей ослѣпленіемъ? Я знаю, что языкъ истины рѣдко находитъ доступъ къ трону; я знаю также, что именно молчаніе истины въ совѣтахъ королей такъ часто дѣлаетъ революціи необходимыми. Какъ гражданинъ и какъ министръ, я обязанъ говорить правду королю, и ничто не помѣшаетъ мнѣ ее высказать. Я требую, чтобы здѣсь былъ секретарь совѣта, чтобы записать наши совѣщанія. Для отвѣтственныхъ министровъ нуженъ свидѣтель ихъ мнѣній! Если бы такой свидѣтель существовалъ, то я не обращался бы къ Вашему Величеству письменно!“

Какъ угроза, такъ и вѣроломство одинаково проглядывали въ этомъ письмѣ, а послѣдняя его фраза указывала въ двусмысленныхъ выраженіяхъ на то гнусное употребленіе, какое Роланъ намѣревался сдѣлать изъ него впоследствии. Великодушіе Верньо было возмущено этимъ поступкомъ главнаго жирондистскаго министра. Военная честность Дюмурье приведена была въ негодованіе. Король слушалъ чтеніе съ безстрастіемъ человѣка, привычнаго къ оскорбленіямъ. Жи-

рондисты получили сообщеніе о томъ въ секретныхъ совѣщаніяхъ у г-жи Роланъ, а Роланъ сохранилъ съ письма копію, чтобы прикрыться ею въ день своего паденія.

17.

Въ то же время, безъ вѣдома самого Ролана, устанавлились тайныя сношенія между тремя жирондистскими вождями, — Верньо, Гаде, Жаксонне, и дворцомъ, чрезъ посредство королевскаго живописца Боза. Они написали письмо, предназначенное для прочтенія королю. Желѣзный шкафъ сберегъ это письмо ко дню ихъ обвиненія. „Вы спрашиваете насъ“, говорилось въ этомъ письмѣ, „каково наше мнѣніе о положеніи Франціи и о выборѣ мѣрѣ, которыя могли бы спасти общее дѣло. На вашъ вопросъ о предметахъ такой высокой важности мы не колеблемся отвѣчать: „образъ дѣйствій исполнительной власти — причина всего зла. Короля обманываютъ, увѣряя его, что народное волненіе поддерживается клубами и партіями; это значить искать причины зла въ его симптомахъ. Если бы народъ былъ обезпеченъ довѣріемъ къ честности короля, то успокоился бы, и партіи исчезли бы сами собою. Но пока виѣшніе и внутренніе заговоры будутъ, повидимому, пользоваться милостью короля, смуты будутъ возрождаться, усиливаясь всею тяжестью недовѣрія гражданъ. Настоящее положеніе вещей очевидно идетъ къ кризису, все случайности котораго направлены противъ королевскаго сана. Изъ главы свободной націи дѣлаютъ главу партіи. Противоположная партія должна его разсматривать не какъ короля, но какъ врага. Какого можно ожидать успѣха отъ замысловъ, условленныхъ съ иностранцами, для возстановленія авторитета трона? Они могутъ придать дѣйствіямъ короля наружность насильственнаго захвата правъ націи. Та же самая сила, которая послужила бы такой реставраціи, была бы необходима и для ея поддержки. Но это означало бы непрерывную междусобную войну. Мы привязаны къ интересамъ націи, отъ которыхъ никогда не отдѣляемъ интересовъ короля, и думаемъ, что единственное средство для него предупредить бѣдствія, угрожающія государству и трону, состоитъ въ соединеніи съ націей. Новыя увѣренія недостаточны, нужны дѣйствія. Пусть король откажется отъ всякаго приращенія власти, какое будетъ ему предложено иностранною помощью. Пусть онъ добьется отъ кабинетовъ, враждебныхъ революціи, удаленія войскъ, которыя тѣняютъ наши предѣлы. Если это для него невозможно, пусть онъ самъ вооружитъ націю и возбудитъ ее противъ враговъ конституціи. Пусть онъ выберетъ своихъ министровъ изъ среды людей, которые наиболѣе высказались за революцію. Пусть предложитъ ружья и лошадей изъ своей собственной стражи. Пусть онъ обнаружитъ счета своего *liste civile*, и тѣмъ докажетъ, что его тайныя суммы не служатъ источникомъ антиреволюціонныхъ заговоровъ. Пусть онъ самъ потребуетъ закона о воспитаніи королевскаго принца и пусть велитъ воспитывать его въ духѣ конституціи. Пусть онъ, наконецъ, отниметъ у Лафайета команду надъ арміею. Если король приметъ эти рѣшенія и будетъ съ твердостью настаивать на нихъ, то конституція спасена!“

Это письмо, врученное королю Тьерри, ничѣмъ не было вызвано со стороны короля. Онъ былъ раздраженъ непрощенною помощью, которую ему рас-

точали. „Чего хотятъ эти люди?“ говорилъ онъ Бозу. „Не сдѣлалъ ли уже я всего того, что они мнѣ совѣтуютъ? Не выбиралъ ли я министрами патріотовъ? Не отвергалъ ли иностранную помощь? Не отрекъся ли отъ своихъ братьевъ, помѣшалъ коалиціи, сколько это отъ меня зависѣло, и вооружилъ границы? Наконецъ, со времени принятія конституціи, не болѣе ли я вѣренъ присягѣ, чѣмъ сами партіи?“

Вожди жирондистовъ, еще колебавшіеся между республикой и монархіей, этими способами испытывали прочность власти то у собранія, то у короля и были готовы завладѣть этою властью, гдѣ бы ее ни нашли. Не находя власти на сторонѣ короля, они рѣшили, что безопаснѣе было подрывать тронъ, чѣмъ упрочивать его, и стали больше и больше переходить на сторону возстанія.

18.

Между тѣмъ, господствуя въ половинѣ министерскаго совѣта чрезъ посредство Ролана, Клавьера и Сервана, который наслѣдовалъ де-Граву, они до нѣкоторой степени возвысили отвѣтственность этихъ трехъ министровъ. Якобинцы начинали требовать у нихъ отчета въ дѣйствіяхъ министерства, которое находилось въ ихъ рукахъ и носило ихъ имя. Дюмурье, поставленный между королемъ и жирондистами, видѣлъ, что со дня на день недовѣрчивость товарищей къ нему возрастаетъ; честность его была имъ столь же подозрительна, какъ и патріотизмъ. При вступленіи въ министерство Дюмурье воспользовался своею популярностью и своимъ вліяніемъ на якобинцевъ, чтобы испросить у собранія сумму въ шесть милліоновъ на секретные фонды. Наружнымъ назначеніемъ этихъ фондовъ былъ подкупъ иностранныхъ кабинетовъ, съ цѣлью отдѣлать доступныя подкupu державы отъ коалиціи и посеять зародышъ революціи въ Бельгii. Дюмурье одинъ только зналъ, по какимъ каналамъ потекли эти милліоны. Состояніе Дюмурье, обремененное долгами, — расточительныя наклонности его самого, привязанность его къ увлекательной женщинѣ г-жѣ де-Боверь, сестрѣ Ривароля, — близкія сношенія его съ людьми безнравственными и лишенными принциповъ, — слухи о произвольныхъ дѣйствіяхъ министерства, относившіеся если не къ самому Дюмурье, то къ его довѣреннымъ лицамъ, — все это омрачало его достоинство въ глазахъ г-жи Роланъ и ея мужа. Добродѣтелю демократовъ служить неподкупность, такъ какъ народъ смотритъ прежде всего на руки тѣхъ, кто имъ управляетъ. Жирондисты, люди античнаго міра, боялись даже тѣни подобнаго подозрѣнія относительно своего характера; легкомысліе Дюмурье въ этомъ отношеніи имъ не нравилось. Они стали роптать. Жансонне и Бриссо сдѣлали ему внушенія на этотъ счетъ у Ролана. Самъ Роланъ воспользовался авторитетомъ своего возраста и суровостью своихъ принциповъ, чтобы напомнить Дюмурье, что общественный дѣятель обязанъ уважать приличіе и служить примѣромъ революціоннымъ правамъ. Военный человекъ обратилъ упрекъ въ шутку: онъ отвѣчалъ Ролану, что обязанъ отдать націи свою кровь, но не обязанъ жертвовать ей ни своими вкусами, ни любовью, — что онъ понимаетъ патріотизмъ какъ герой, а не какъ пуританинъ. Ыдкость выраженной заронила ядъ и въ сердца собесѣдниковъ. Они разстались, полные взаимнаго недовѣрія.

Съ тѣхъ поръ Дюмуре пересталъ бывать на собраніяхъ у г-жи Роланъ. Эта женщина, понимавшая сердце человѣка путемъ высшаго инстинкта, свойственного ея уму и ея полу, не заблуждалась относительно плановъ Дюмуре. „Наступила минута погубить Дюмуре“, горячо говорила она своимъ друзьямъ: „я знаю“, прибавила она, обращаясь къ Ролану, „что ты не унизишься ни до интриги, ни до мщенія; но помни, что Дюмуре долженъ питать въ своемъ сердцѣ злобу противъ тѣхъ, которые его оскорбили. Если уже рѣшились дѣлать такіе упреки подобному человѣку, и притомъ безуспѣшно, то надобно поразить или ждать самому удара“. Она понимала вѣрно и говорила правду.

Дюмуре, проникательный взоръ котораго замѣтилъ позади жирондистовъ партію болѣе сильную и смѣлую, началъ съ этихъ поръ сближаться съ вождями якобинцевъ. Онъ вполне основательно думалъ, что взаимная ненависть будетъ сильнѣе патріотизма и что, лѣтя соперничеству Робеспьера и Дантона съ Бриссо, Петіономъ и Роланомъ, можно найти въ якобинцахъ даже опору для правительства. Дюмуре любилъ короля, жалѣлъ королеву; все его предразсудки были за монархію. Онъ столько же гордился бы возстановленіемъ трона, какъ и спасеніемъ республики. Для Дюмуре какъ для человѣка ловкаго въ дѣлѣ управленія людьми, все орудія были годны для исполненія его плановъ: опередить жирондистовъ, которые, притѣняя короля, угрожали ему самому,—а затѣмъ устремиться еще дальше и еще ниже, чѣмъ эти риторы, въ поискахъ за популярностью, въ которой Дюмуре нуждался противъ нихъ, это былъ ловкій планъ; Дюмуре испыталъ его и онъ удался. Дѣйствительно, съ этого времени начинаются его сношенія съ Камилломъ Демуленомъ и Дантономъ.

Дантонъ и Дюмуре должны были сойтись какъ по сходству своихъ пороковъ, такъ и по сходству вообще своихъ нравственныхъ свойствъ. Дантонъ, какъ и Дюмуре, добивался отъ революціи дѣйствія. Принципы для него значили мало; его энергіи и честолюбію нравилось бурное движеніе, которое низвергало и возвышало людей,—съ трона въ ничтожество и изъ ничтожества къ фортунѣ и власти. Опьянѣніе дѣйствіемъ было для Дантона, какъ и для Дюмуре, постоянною потребностью натуры; революція была для нихъ боевымъ полемъ, бѣшенство котораго и очаровывало ихъ и возвышало.

Но и всякая другая революція одинаково годилась бы этимъ людямъ, исходила ли бы она отъ деспотизма, или отъ свободы, отъ короля или отъ народа. Есть люди, атмосферу которыхъ составляетъ водоворотъ событий. Они легко дышутъ только при взволнованномъ воздухѣ. Сверхъ того, если Дюмуре обладалъ пороками и вѣтренностью придворнаго, то Дантонъ имѣлъ пороки и распущенность, свойственные толпѣ. Эти пороки, столь различные по формѣ, въ сущности одинаковы; между ними существуетъ взаимное пониманіе: это точка соприкосновенія слабостей людей высокопоставленныхъ съ испорченностью низшихъ. Дюмуре съ перваго взгляда понялъ Дантона, а этотъ послѣдній допустилъ Дюмуре приблизиться и приручить себя къ нему. Ихъ сношенія, часто заподозрѣнные въ притѣненіи съ одной стороны и въ продажности съ другой, существовали тайно или явно до изгнанія Дюмуре и до смерти Дантона. Камиллъ Демуленъ, другъ Дантона и Робеспьера, также горячо сталъ за Дюмуре и распространялъ между народомъ его имя въ своихъ памфлетахъ.

Орлеанская партія, которая чрезъ Сильери, Лакло, г-жу Жанлисъ примыкала къ якобинцамъ, искала дружбы новаго министра. Что же касается до Робеспьера, политика котораго состояла въ соблюденіи искусной сдержанности со всеми партіями, то онъ не выказывалъ къ Дюмуре ни расположенія, ни антипатіи; но онъ ощущалъ тайную радость, видя въ лицѣ его возвышеніе соперника своихъ враговъ. Трудно ненавидѣть врага тѣхъ людей, которые насъ ненавидятъ.

19.

Зародившійся антагонизмъ между Робеспьеромъ и Бриссо съ каждымъ днемъ ожесточался болѣе и болѣе. Засѣданія клуба якобинцевъ и публичные листки служили постоянной ареной борьбы и примиреній этихъ двухъ людей. Равные по силѣ въ глазахъ націи, равные талантомъ на трибунѣ, оба они, какъ было замѣтно, при самомъ нападеніи боялись другъ друга. Въ самыхъ оскорбленіяхъ они прикрывались взаимнымъ уваженіемъ. Но эта сдержанная вражда только еще глубже грызла ихъ сердца. Она отъ времени до времени сверкала подъ вѣжливыми словами, какъ смерть подъ полированной поверхностью стали.

Все эти элементы раздора, соперничества и злобы кипѣли въ апрѣльскихъ засѣданіяхъ. Послѣднія были похожи на генеральный смотръ двухъ крупныхъ партій, которыя раздирали страну, оспаривая другъ у друга перевѣсъ. Фельяны или умѣренные конституціонисты были жертвою, которую каждая изъ двухъ партій приносила зависти, подозрѣніямъ и гнѣву патриотовъ. Редереръ, умѣренный якобинецъ, обвинялся въ посѣщеніи обѣда фельяновъ, друзей Лафайета. „Я обвиняю не только Редерера“, кричалъ Талліенъ, „я порицаю Кондорсе и Бриссо. Изгонимъ изъ нашего общества всехъ честолюбцевъ, всехъ кромвельстовъ“.

„Скоро настанетъ часъ, когда падутъ маски съ измѣнниковъ“, сказалъ въ свою очередь Робеспьеръ. „Я не хочу, чтобы съ нихъ срывали маски сегодня. Нужно, чтобы ударъ, когда мы его нанесемъ, былъ рѣшительный. Я хотѣлъ бы, чтобы въ этотъ день меня слышала цѣлая Франція; я хотѣлъ бы, чтобы преступный глава этихъ мятежей, Лафайетъ, присутствовалъ въ этомъ засѣданіи со всей своей арміей. Я бы подставилъ этимъ солдатамъ свою грудь и сказалъ бы имъ: „разите!“ Эта минута была бы послѣднею и для Лафайета и для партіи интригановъ“. (Это послѣднее названіе Робеспьеръ избобрѣлъ для жирондистовъ).

Затѣмъ Фоше извинился за свои слова о томъ, что Гаде, Верньо, Жансонне и Бриссо могли бы съ пользою для отечества стать во главѣ правительства. Жирондисты обвинялись въ мечтахъ о *протекторѣ*, тогда какъ якобинцы желали *трибуна* для народа. Наконецъ, Бриссо всходитъ на кафедру. „Я выхожу на свою защиту“, говоритъ онъ. „Какія мои преступления? Говорятъ, что я назначалъ министровъ. Я поддерживаю переписку съ Лафайетомъ. Я хочу сдѣлать изъ него протектора. Безъ сомнѣнія, слишкомъ большую власть жалуютъ мнѣ тѣ люди, которые думаютъ, что я съ своего четвертаго этажа диктовалъ законы тюльерійскому дворцу. Но если было бы и справедливо, что я назначалъ министровъ, то съ какого времени стало преступленіемъ вѣрять интересы народа въ руки его друзей? Говорятъ, что этотъ министръ распре-

дѣлать всѣ знаки власти между якобинцами. О, дай Богъ, чтобы всѣ мѣста были заняты якобинцами!“

При этихъ словахъ Камилль Демулень, врагъ Бриссо, притаившійся въ залѣ, наклоняется къ уху своего сосѣда и говоритъ ему громко, съ ироническимъ смѣхомъ: „что за искусство у этого мошенника! Цицеронъ и Демосеенъ не обладали болѣе краснорѣчивою вкрадчивостью“. Среди друзей Бриссо слышатся гнѣвные крики, требующіе изгнанія Камилла Демулена. Цензоръ залы клеймитъ позорными выраженіями восклицаніе памфлетиста и возобновляетъ молчаніе. Бриссо продолжаетъ: „обвиненіе—это оружіе народа; я на него не жалею. Знаете ли, кто злѣйшіе враги народа? Тѣ, которые отдають на поруганіе это народное оружіе. Дѣлаются обвиненія! Пусть такъ, но гдѣ же доказательства? Клеймите глубочайшимъ презрѣніемъ того, кто обвиняетъ и не приводитъ доказательствъ. Съ нѣкотораго времени заговорили о протекторѣ и протекторатѣ. Знаете ли, почему? Чтобы приучить умы къ словамъ трибуна и трибунатъ. Они не замѣчаютъ того, что трибунатъ никогда не будетъ существовать. Кто посмѣлъ бы низложить конституціоннаго короля? Кто осмѣлился бы возложить на свою голову корону? Можетъ ли кто вообразить, что племя Брутовъ угасло? Но если бы даже и не было болѣе Брута, то гдѣ человекъ, обладающій удесятеннымъ талантомъ Кромвеля? Или вы думаете, что Кромвель самъ имѣлъ бы успѣхъ въ такой революціи, какъ наша? Для его узурпаціи служили два удобныя обстоятельства, не существующія теперь: невѣжество и фанатизмъ. Вы, которые думаете найти Кромвеля въ Лафайетъ, вы не знаете ни Лафайета, ни своего вѣка. Кромвель имѣлъ характеръ, Лафайетъ его не имѣетъ. Протекторомъ не дѣлаются безъ смѣлости и безъ характера; даже еслибы Лафайетъ имѣлъ и то и другое, то все-таки въ нашемъ обществѣ находится много друзей свободы, которые скорѣе погибнуть, чѣмъ стануть его поддерживать. Я первый клянусь, что или во Франціи будетъ царствовать равенство или я умру, сражаясь съ протекторами и трибунами!.. Трибуны—вотъ истинные враги народа. Они льстятъ ему, чтобы оковать его цѣпями: они сѣютъ подозрѣнія относительно людей честныхъ, которые не хотятъ унижаться. Припомните, чѣмъ были Ариститъ и Фокіонъ: они не всегда засѣдали на трибунахъ“.

Бриссо, бросая этотъ намекъ, оборачивается къ Робеспьеру, къ которому косвенно относилось оскорбленіе. Робеспьеръ блѣднѣетъ и быстро поднимаетъ голову. „Они не всегда засѣдали на трибунахъ“, повторяетъ Бриссо, „они были на своихъ постахъ, въ лагеряхъ или въ трибуналахъ. (Въ рядахъ жирондистовъ раздается ироническій смѣхъ; они обвиняли Робеспьера въ оставленіи своего поста въ минуту опасности). „Эти люди“, продолжаетъ Бриссо, „не пренебрегали никакою обязанностью, какъ бы она ни была скромна, если ее наложилъ на нихъ народъ; они мало говорили о себѣ, не лѣстили демагогамъ, никогда не дѣлали бездоказательныхъ обвиненій! Клеветники не миновали Фокіона! Онъ сдѣлался жертвою народнаго льстеца! О, это напоминаетъ мнѣ чудовищную клевету, которую взвели на Кондорсе! Кто вы такіе, обвинители этого великаго человека? Что вы сдѣлали? Гдѣ ваши труды, ваши сочиненія? Можете ли вы, подобно ему, насчитать столько сраженій, выигранныхъ, въ

теченіє 30 лѣтъ, вмѣстѣ съ Вольтеромъ и д'Аламберомъ, у трона, у суевѣрія, у предразсудковъ, у аристократіи? Гдѣ были бы вы, гдѣ была бы эта трибуна, безъ тѣхъ великихъ людей? Это ваши властители, а вы оскорбляете тѣхъ, кто далъ голосъ народу!.. Вы безчестите Кондорсе, когда его жизнь составляетъ лишь рядъ жертвъ? Изъ философа онъ сдѣлался политическимъ дѣятелемъ; изъ академика—журналистомъ, изъ придворнаго — частью народа; изъ дворянина — якобинцемъ!.. Берегитесь, вы слѣдуете тайнымъ внушеніямъ двора... Но я не буду подражать моимъ противникамъ, не повторю распространяющихся слуховъ, будто бы они оплачиваются изъ суммы на королевское содержаніе. (Ходилъ слухъ, что Робеспьеръ былъ подкупленъ, чтобы сопротивляться войнѣ). Я ничего не скажу о посѣщаемомъ ими тайномъ комитетѣ, гдѣ условливаются въ средствахъ оказывать вліяніе на общество. Но я скажу, что эти люди идутъ тою же дорогою, какъ и возбудители междоусобной войны; я скажу, что эти люди, сами того не зная, дѣлаютъ патріотамъ больше зла, чѣмъ дворъ. И въ какую минуту вносятъ они раздоръ между нами? Когда у насъ наступила иностранная война и когда намъ угрожаетъ война внутренняя... Но дадимъ отерочку этимъ преніямъ и перейдемъ къ очередному порядку, устранимая силою презрѣнія ненавистныя и гнусныя обвиненія“.

20.

При этихъ словахъ Робеспьеръ и Гаде, одинаково затронутые, оспариваютъ другъ у друга трибуну. „Уже 48 часовъ, какъ у меня на сердцѣ лежитъ необходимость оправдаться“, сказалъ Гаде, „и прошло едва нѣсколько минутъ, какъ та же потребность тяготѣетъ на Робеспьерѣ; слово принадлежитъ мнѣ“. Гаде даютъ слово. Онъ оправдывается въ немногихъ выраженіяхъ. „Особенно берегитесь“, говоритъ онъ въ заключеніе, указывая на Робеспьера, „тѣхъ ораторовъ эмпириковъ, у которыхъ постоянно на губахъ слова: свобода, тираннія, заговоръ и которые всегда примѣшиваютъ похвалы себѣ самимъ къ наушничеству, съ какимъ они обращаются къ народу; отнесите къ этимъ людямъ справедливо!“ — „Къ порядку!“ кричитъ Фреронъ, другъ Робеспьера; „призвать къ порядку оскорбленія и сарказмы!“ Трибуны потрясаются рукоплесканіями и бѣшенными воплями. Вся зала раздѣляется на два лагеря, разграниченные большимъ промежуткомъ. Разражаются перекрестныя обвиненія, угрожающія тѣлодвиженія, — размахиваютъ шляпами, надѣтыми на палки. „Меня назвали разбойникомъ“, продолжаетъ Гаде, „и я не вправѣ обвинить человѣка, который безпрерывно ставитъ свою гордость выше общаго блага! Человѣка, который, безпрестанно толкуя о патріотизмѣ, покидаетъ постъ, на который былъ призванъ! Да, я обвиняю передъ вами человѣка, который, — по честолюбію ли или по несчастію, сдѣлался идоломъ народа!“ Шумъ достигаетъ высшей степени и заглушаетъ голосъ Гаде.

Робеспьеръ самъ требуетъ молчанія для своего врага. „Такъ я обвиняю“, продолжаетъ Гаде, устрешенный или растроганный притворнымъ великодушіемъ Робеспьера, — „обвиняю человѣка, который, изъ любви къ свободѣ своего отечества, долженъ, казалось бы, наложить самъ на себя законъ остракизма, по-

тому что устраняться от народнаго обожанія значитъ служить народу!“ Эти слова заглушены взрывами поддѣльнаго смѣха.

Робеспьеръ входитъ съ заученнымъ спокойствіемъ по ступенькамъ трибуны, сопровождаемый улыбками и рукоплесканіями якобинцевъ. „Эта рѣчь выполнила всѣ мои желанія“, говоритъ онъ, смотря на Бриссо и его друзей; „она заключаетъ въ себѣ одной всѣ обвиненія, собираемыя противъ меня врагами, которыми я окруженъ. Отвѣчая Гаде, я отвѣчу имъ всѣмъ. Меня приглашаютъ подвергнуться остракизму; безъ сомнѣнія, съ моей стороны, было бы нѣкоторымъ излишкомъ тщеславія осуждать себя на это, потому что остракизмъ—наказаніе людей великихъ, а классификація ихъ принадлежитъ только г. Бриссо. Меня упрекаютъ, что я безпрестанно засѣдаю на трибунахъ. О, пусть свобода будетъ обезпечена, равенство утверждено, пусть *интриганы* исчезнуть, и вы увидите, что я посѣщу бѣжать съ этой трибуны и даже изъ этихъ стѣнъ, въ которыхъ вы меня теперь постоянно находите. Тогда, дѣйствительно, исполнится самое дорогое для меня желаніе. Счастливый общественнымъ счастьемъ, я проведу мирные дни среди тихихъ радостей неизвѣстности“.

Эти слова прерваны ропотомъ фанатическаго умиленія. Робеспьеръ ограничивается немногими фразами и отлагаетъ свой отвѣтъ до слѣдующаго засѣданія. На другой день Дантонъ усаживается въ кресло и присутствуетъ при борьбѣ между своими врагами и соперникомъ. Робеспьеръ начинаетъ превознесеніемъ своего собственнаго дѣла до степени національнаго. Онъ отрицаетъ, чтобы самъ первый вызывалъ своихъ противниковъ. Онъ перечисляетъ обвиненія и обиды, направленныя противъ него партіею Бриссо. „Глава партіи, возмутитель народа, тайный агентъ австрійскаго комитета“, — говоритъ онъ, „вотъ прозвища, которыя мнѣ бросаютъ, — вотъ обвиненія, на которыя требуютъ отъ меня отвѣта! Я не послѣдую примѣру Сципіона или Лафайета, которые, на обвиненіе съ трибуны въ преступленіи противъ націи, отвѣчали только молчаніемъ. Я буду отвѣчать своею жизнью. Я воспитанникъ Жанъ-Жака Руссо; его доктрины вдохнули мнѣ любовь къ народу. Зрѣлище великихъ собраній въ первые дни нашей революціи наполнило меня надеждою. Вскорѣ, однакъ, я понялъ разницу между самою націею и этими узкими собраниями, составленными изъ честолюбцевъ и эгоистовъ. Мой голосъ тамъ былъ заглушенъ, но я желалъ лучше возбуждать ропотъ враговъ истины, чѣмъ получать позорныя рукоплесканія. Мои взоры простирались далѣе стѣнъ собранія; моею цѣлью было заставить услышать себя націю и все человѣчество. Вотъ почему я утруждалъ собою трибуну. Но я сдѣлалъ больше: я далъ Франціи Бриссо и Кондорсе. Безъ сомнѣнія, эти великіе философы осмѣивали духовенство и боролись съ нимъ; но они отъ этого не менѣе льстили королямъ и вельможамъ, изъ которыхъ извлекли довольно хорошую выгоду. (Смѣхъ). Вы не забыли, съ какимъ ожесточеніемъ они преслѣдовали генія свободы въ лицѣ Жанъ-Жака, единственнаго философа, который, по моему мнѣнію, только и заслужилъ тѣ общественныя почести, которыя съ нѣкотораго времени интрига расточаетъ столькимъ политическимъ шарлатанамъ и презрѣннымъ героямъ. Бриссо долженъ бы, по крайней мѣрѣ, за это быть доволенъ мной. Гдѣ онъ былъ, когда я защищалъ общество якобинцевъ противъ самаго Учредительнаго

собрания? Безъ того, что я сдѣлалъ въ ту эпоху, вы не оскорбляли бы меня съ этой трибуны, потому что она бы не существовала. Я—развратитель, агитаторъ, трибуна народа? Я ни то, ни другое, ни третье. Я самъ народъ. Вы меня упрекаете за оставленіе мѣста публичнаго обвинителя! Я сдѣлалъ такъ, когда увидѣлъ, что это мѣсто не дастъ мнѣ другихъ правъ, кромѣ права обвинять гражданъ за гражданскіе проступки, — что у меня отнимается право обвинять враговъ политическихъ, и только потому, что народъ меня любитъ. А вы хотите, чтобы я осудилъ себя на остракизмъ, чтобы устранился отъ народнаго довѣрія. Изгнаніе! Съ какими глазами осмѣливаетесь вы мнѣ его предлагать! Куда же вы хотите, чтобы я удалился? Въ какомъ народѣ я буду принять? Какой тиранъ дастъ мнѣ убѣжище? О, можно покидать отечество счастливое, свободное и торжествующее; но отечество угрожаемое, разрываемое, утѣсняемое не покидаютъ; его спасаютъ или умираютъ вмѣстѣ съ нимъ! Небо, которое дало мнѣ страстную къ свободѣ душу, а произвело на свѣтъ при господствѣ тирановъ,—небо, которое помѣстило мою жизнь среди царства мятежей и преступленій, быть можетъ, призываетъ меня проложить моею кровью дорогу къ счастью и свободѣ людей. Или вы требуете отъ меня еще жертвы? Если эта жертва заключается въ моей репутаци, то я ее вамъ предаю: репутацию я желалъ имѣть только для блага себѣ подобныхъ; если для ея сохраненія нужно подлымъ молчаніемъ измѣнять дѣлу народа, то берите ее, марайте ее, я не защищаю ее болѣе.

„Теперь, когда я защитилъ себя, можно бы сдѣлать нападеніе на васъ самихъ. Я этого не сдѣлаю; я предлагаю вамъ миръ. Я забываю ваши обиды, глотаю ваши оскорбленія, но съ однимъ условіемъ, чтобы вы сражались вмѣстѣ со мной противъ партій, которыя раздираютъ наше отечество, и противъ самой опасной изъ всѣхъ,—партіи Лафайета,—этого героя двухъ полушарій, который, оказавъ помощь революціи въ Новомъ Свѣтѣ, старался до сихъ поръ только задерживать успѣхи свободы въ Свѣтѣ Старомъ. Вы, Бриссо, не соглашались ли вы со мной, что этотъ военачальникъ былъ палачемъ и убійцею народа,—что рѣзня на Марсовомъ Полѣ отвела революцію на 20 лѣтъ назадъ? Развѣ этотъ человекъ менѣе страшенъ отъ того, что стоитъ теперь во главѣ арміи? Нѣтъ. Итакъ, спѣшите. Приведите въ горизонтальное движеніе мечъ закона, чтобы поразить головы главныхъ заговорщиковъ. Извѣстія, получаемыя изъ арміи Лафайета,—зловѣщаго свойства. Уже огнь сѣчетъ раздоръ между національными гвардейцами и линейнымъ войскомъ. Уже кровь гражданъ текла въ Мецѣ. Уже заключаютъ въ тюрьму лучшихъ патриотовъ въ Страсбургѣ. Я вамъ говорю: васъ должно обвинять во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ; уничтожьте такія подозрѣнія, присоединившись къ намъ, и примиримся, но лишь во имя спасенія отечества!“

XIV.

Журналы принимаютъ участіе во внутреннихъ схваткахъ.— Переговоры Дюмурье съ Австріей.— Герцогъ Брауншвейгскій.— Король предлагаетъ войну.— Общее одобреніе.— Война голосована.— Планъ кампаніи Дюмурье.— Лафайетъ выжидаетъ.— Соображенія относительно Бельгіи.— Кобленць— столица французской эмиграціи.— Графъ Прованскій.— Графъ Артуа.— Принцъ Конде.— Людовикъ XVI заложникъ Франціи.— Королева считается душою австрійскаго комитета.— Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.

1.

Наступила ночь, когда Робеспьеръ кончилъ свою краснорѣчивую защиту въ собраніи якобинцевъ. Якобинцы и жирондисты, разъяренные больше, чѣмъ когда-нибудь, раздѣлились. Они колебались предъ этимъ великимъ расколомъ, который, ослабляя партію патріотовъ, могъ предать армію Лафайету, а собраніе— фельянамъ. Петіонъ, другъ и Робеспьера и Бриссо, любимый якобинцами, въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ г-жей Роланъ, старался сохранять равновѣсіе въ своихъ отношеніяхъ къ сторонамъ, боясь лишиться своей популярности если выскажется за которую-нибудь одну изъ двухъ партій. На другой день послѣ засѣданія онъ сдѣлалъ попытку достигнуть общаго примиренія. „На той и другой сторонѣ“, сказалъ онъ въ заключеніе, „я вижу своихъ друзей“. Установилось было кажущееся перемиріе, но Гаде и Бриссо отпечатали свои рѣчи съ оскорбительными для Робеспьера прибавками. Они глухо подрывали его репутацію новыми клеветами. 30 апрѣля разразилась новая буря.

Предлагали запретить бездоказательныя обвиненія. „Подумайте о томъ, что вамъ предлагаютъ“, сказалъ Робеспьеръ. „Большинство здѣсь составляетъ партію, которая хочетъ свободно клеветать на насъ, а наши обвиненія подавлять молчаніемъ. Если вы постановите, что мнѣ будетъ запрещено защищаться противъ пасквиантовъ, интригующихъ противъ меня, то я оставляю эти стѣны и укроюсь въ какомъ-нибудь уѣзжикѣ“.— „Робеспьеръ, мы за тобой послѣдуемъ туда“, кричатъ съ трибунъ женскіе голоса. „Рѣчью Петіона воспользовались“, продолжаетъ онъ, „чтобы распространить противъ меня гнусныя пасквили! Самъ Петіонъ приведенъ этимъ въ негодованіе. Его сердце сливается съ моимъ. Онъ скорбитъ объ обидахъ, которымъ я подвергаюсь. Прочитайте журналъ Бриссо; вы тамъ увидите, что меня приглашаютъ не всегда обращаться къ народу въ моихъ рѣчахъ. Да, надо запретить себѣ

произносить имя народа, подъ опасеніемъ прослыть за мятежника, за трибуна. Меня сравниваютъ съ Гракхами. Это сравненіе имѣетъ основаніе. Общѣмъ между нами, вѣроятно, сдѣлается трагическая смерть. Этого мало: меня дѣлаютъ отвѣтственнымъ за сочиненіе Марата, который, проповѣдуя кровь и рѣзню, указываетъ на меня, какъ на трибуна. Развѣ я когда-нибудь признавалъ подобныя принципы? развѣ я виноватъ въ крайностяхъ экзальтированнаго писателя, каковъ Маратъ?”

При этихъ словахъ, Ласурсъ, другъ Бриссо, требуетъ слова; ему въ немъ отказываютъ. Мерлинъ спрашиваетъ, — должно ли примиреніе, въ которомъ вчера клялись, обязывать только одну изъ двухъ сторонъ и уполномочивать другую сѣять клеветы противъ Робеспьера. Собраніе, среди шума, налагаетъ молчаніе на ораторовъ. Лежандръ обвиняетъ бюро собранія въ пристрастіи. Робеспьеръ сходитъ съ трибуны, приближается къ президенту и говоритъ ему, съ угрожающими жестами, нѣсколько словъ, покрытыхъ шумомъ, господствующимъ въ залѣ, и взаимною бранью трибунъ.

„Отчего это ожесточеніе интригановъ противъ Робеспьера?“ кричитъ одинъ изъ его приверженцевъ, когда спокойствіе возстановилось. „Потому что онъ единственный человѣкъ, способный возстать противъ ихъ партіи, если они успѣютъ ее сформировать. Да, революціямъ нужны такіе люди, которые, отрекаясь отъ себя самихъ, предаются мятежникамъ въ качествѣ добровольныхъ жертвъ. Народъ долженъ ихъ поддерживать. Вы нашли такихъ людей. Это — Робеспьеръ и Пегіонъ. Неужели вы ихъ покинете передъ врагами?“ „Нѣтъ! Нѣтъ!...“ кричатъ тысячи голосовъ и постановленіе, предложенное президентомъ, заявляетъ, что Бриссо оклеветалъ Робеспьера.

2.

Журналы, каждый сообразно своему цвѣту, приняли участіе въ этихъ междоусобныхъ схваткахъ патріотовъ. „Робеспьеръ!“ говорили „Революціи Парижа“, „какъ это случилось, что тотъ же самый человѣкъ, котораго народъ съ триумфомъ пронесъ къ его дому, при выходѣ изъ Учредительнаго собранія, сдѣлался теперь загадкою? Вы долго считали себя единственною опорой французской свободы. Вашего имени, какъ еврейскаго ковчега, нельзя было касаться подъ страхомъ смерти. Вы хотите быть человѣкомъ народа. Вы не обладаете ни вѣщиностью оратора, ни такимъ гениемъ, который управляетъ волею людей. Вы одушевляли клубы своимъ словомъ. Фиміамъ, который сжигается тамъ въ честь вашу, опьянилъ васъ. Божество патріотизма сдѣлалось человѣкомъ. Апогеемъ вашей славы было 17 іюля 1791 г. Съ этого дня ваша звѣзда закатилась. Робеспьеръ, патріотамъ не нравится, что вы изъ себя дѣлаете зрѣлище. Когда народъ тѣснится вокругъ трибуны, на которую вы всходите, то не для того, чтобы слышать ваши похвалы самому себѣ, а чтобы услышать, какъ вы просвѣтите общественное мнѣніе. Вы неподкупны, да; но есть еще лучшіе граждане, чѣмъ вы; это тѣ, которые подобны вамъ, но не хвастаются своими достоинствами. Зачѣмъ въ васъ нѣтъ простоты, которая не знаетъ сама себя, и того добродушія античныхъ добродѣтелей, которыя вы иногда напоминаете собою!

„Васъ обвиняють, Робеспьеръ, въ томъ, что вы посѣтили тайное совѣщаніе, которое происходило недавно у принцессы Ламбаль, въ присутствіи Маріи-Антуанеты. Не сообщаютъ условій торга между вами и этими двумя женщинами, которыя будто-бы васъ подкупили. Съ этого времени замѣчена нѣкоторая перемѣна въ вашихъ домашнихъ обычаяхъ; у васъ явились деньги, необходимыя для основанія журнала. Возникали ли такія оскорбительныя для васъ подозрѣнія въ іюлѣ 1791 г.? Мы не вѣримъ ничему изъ всѣхъ этихъ низостей; мы не считаемъ васъ сообщникомъ Марата, который предлагаетъ вамъ диктатуру. Мы не обвиняемъ васъ въ подражаніи Цезарю, который велѣлъ Антонию поднести себѣ корону! Нѣтъ, но берегитесь! говорите о себѣ самомъ съ меньшею любезностью! Мы въ свое время такъ же предостерегали Лафайета и Мирабо и указали Тарпейскую скалу гражданамъ, которые считаютъ себя выше отечества“.

3.

„Негодяи!“ отвѣчалъ Маратъ, который тогда еще прикрывался покровительствомъ Робеспьера,—„они бросаютъ свою тѣнь на самую чистую добродѣтель! Гений Робеспьера имъ не нравится. Они наказываютъ его за всѣ жертвованія. Склонности Робеспьера призывали его къ уединенію. Онъ остался среди якобинскаго шума только вслѣдствіе преданности своему отечеству; но люди посредственные никакъ не могутъ свыкнуться съ похвалами другому, а толпа любить мѣнять героевъ.“

„Клика Лафайетовъ, Гаде, Бриссо его окружаетъ. Обвинители называютъ его главою партіи. Робеспьеръ — глава партіи! Они указываютъ его руку въ позорныхъ суммахъ королевскаго содержанія, ставятъ ему преступленіемъ довѣріе народа, какъ будто бы простой гражданинъ,—безъ денегъ и безъ силы,—имѣеть другое средство привлечь къ себѣ любовь народа, кромѣ своихъ добродѣтелей! Какъ будто бы можетъ когда-нибудь сдѣлаться страшнымъ человекомъ, голосъ котораго одинокъ среди общества интригановъ, лицемѣровъ и плутовъ! Ихъ беспокоитъ этотъ неподкупный цензоръ. Они говорятъ, что онъ согласился со мной, чтобы заставить предложить себѣ диктатуру. Это касается меня. Я же объявляю, что Робеспьеръ далекъ отъ возможности располагать моимъ перомъ, такъ какъ я никогда не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшихъ сношеній; я его видѣлъ только одинъ разъ, и этотъ единственный разговоръ убѣдиль меня, что Робеспьеръ не тотъ человекъ, какого я ищу для верховной и энергической власти, требуемой революціею.“

„Первымъ сказаннымъ имъ словомъ былъ упрекъ въ томъ, что я обмакиваю свое перо въ крови враговъ свободы, говорю всегда о веревкѣ, мечѣ, кинжалѣ; эти жестокія слова, безъ сомнѣнія, не находили отголоска въ моемъ сердцѣ и подрывали довѣріе къ моимъ принципамъ. Я вывелъ его изъ заблужденія.“

„Знайте, отвѣчалъ я ему, что мое значеніе у народа держится не моими идеями, но смѣлостью, неукротимыми порывами моей души,—криками мести, отчаянія и ярости противъ злодѣевъ, которые мѣшаютъ ходу революціи. Я понимаю гнѣвъ, справедливый гнѣвъ народа, и вотъ почему онъ меня слу-

шаешь и вѣрять въ меня. Эти вопли тревоги и ярости, которыя вы считаете словами, сказанными на воздухъ, составляютъ лишь самое наивное и искреннее выраженіе страстей, пожирающихъ мою душу. Да, если бы въ моей рукѣ была рука народа послѣ декрета противъ гарнизона Нанси, я бы казнилъ десятого изъ депутатовъ, постановившихъ этотъ декретъ; узнавъ о событіяхъ 5 и 6 октября, я бы сжегъ на одномъ кострѣ всѣхъ судей; послѣ рѣзни на Марсовомъ Полѣ, если бы у меня были 2,000 человѣкъ, одушевленныхъ тою же злобой, какая поднимала мою грудь, я пошелъ бы во главѣ ихъ, чтобы заколотъ Лафайета среди его разбойническихъ батальоновъ, — сжечь короля въ его дворцѣ и умертвить нашихъ кровожадныхъ представителей на ихъ мѣстахъ!...“ Робеспьеръ слушалъ меня съ ужасомъ. Онъ поблѣднѣлъ и долго хранилъ молчаніе. Я удалился, я видѣлъ человѣка честнаго, но государственнаго человѣка не нашель“. Такимъ образомъ, злодѣй внушилъ ужасъ фанатику. Робеспьеръ внушилъ состраданіе Марату.

4.

Эти первыя схватки между якобинцами и жирондою давали ловкому Дюмурье двойную точку опоры для его политики. Вражда Ролана, Клавьера и Сервана не тревожили его болѣе въ совѣтѣ. Ихъ вліяніе онъ уравновѣшивалъ союзомъ съ ихъ врагами. Но якобинцы хотѣли ручательства; онъ имъ предлагалъ его въ видѣ войны. Дантонъ, столь же неустойчивый, какъ Маратъ, по болѣе его политикъ, не переставалъ повторять, что революція не примирится съ деспотами, и что Франція можетъ ожидать спасенія только отъ смѣлости и отчаянія. Война, по Дантону, была крещеніемъ или мученичествомъ, чрезъ которое должна была, какъ новая религія, явиться свобода. Надо было закалить Францію въ огнѣ, чтобы она очистилась отъ скверны и позора своего прошлаго.

Дюмурье, согласный въ этомъ отношеніи съ Лафайетомъ и фельянами, также хотѣлъ войны, но лишь какъ солдатъ, чтобы завоевать себѣ славу и потомъ нагрязнуть на мятежныя партіи. Съ перваго дня своей министерской должности онъ велъ переговоры такъ, чтобы получить отъ Австріи рѣшительный отвѣтъ. Онъ обновилъ почти всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса и замѣнилъ ихъ людьми энергическими. Депеши Дюмурье имѣли воинственный и военный тонъ, похожій на голосъ вооруженнаго народа. Онъ приглашалъ рейнскихъ государей, императора, королей прусскаго и сардинскаго, Испанію, признать или отвергнуть конституціоннаго короля Франціи. Но въ то время, когда официальные посланники требовали у этихъ дворовъ быстро и категорическаго отвѣта, тайные агенты Дюмурье, вкрадываясь въ кабинеты государей, старались отдѣлать нѣсколько государствъ отъ коалиціи, которая формировалась; указывали на пользу нейтралитета для цѣли территоріальныхъ приращеній, обѣщали покровительство Франціи послѣ побѣды. Не смѣя надѣяться на союзниковъ, министръ, по крайней мѣрѣ, улаживалъ для Франціи секретное соучастіе нѣкоторыхъ державъ; путемъ честолюбія онъ подкупалъ тѣ государства, на которыхъ не могъ подѣйствовать страхомъ; онъ старался отнять силу у коалиціи, надѣясь потомъ совершенно разбить ее.

Сильнѣе всего Дюмурье дѣйствовалъ на умъ именно того самаго герцога Брауншвейгскаго, котораго императоръ и король прусскій, по общему соглашенію, предназначали командовать соединенными арміями. Этотъ принцъ былъ въ ихъ надеждахъ Агамемнономъ Германіи.

Карль-Фридрихъ-Фердинандъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, выросшій среди сраженій, литературы и удовольствій, напился въ лагеряхъ Фридриха великаго духомъ войны, французской философіи и макиавелизмомъ своего государя. Онъ сдѣлалъ съ этимъ королемъ, философомъ и солдатомъ, всѣ кампаніи семилѣтней войны. Въ мирное время онъ путешествовалъ по Франціи и Италіи. Принятый вездѣ, какъ герой Германіи и преемникъ военнаго гения Фридриха, онъ женился на сестрѣ короля англійскаго Георга III. Столица герцога, гдѣ блистали его любовницы и разсуждали философы, соединяла придворный эпикуреизмъ съ суровостью лагеря. Герцогъ управлялъ сообразно наставленіямъ мудрецовъ, жилъ по примѣру сибаритовъ. Но его солдатская душа, которая слишкомъ легко предавалась красотѣ, не утопала въ любви; герцогъ отдавалъ женщинамъ только свое сердце, а голову берегъ для славы, для войны и для управленія своими владѣніями. Мирабо, тогда еще молодой человекъ, останавливался при его дворѣ, направляясь въ Берлинъ взглянуть на послѣдніе проблески великаго Фридриха. Герцогъ Брауншвейгскій оцѣнилъ Мирабо. Эти два человека, поставленные въ столь различныхъ общественныхъ положеніяхъ, походили одинъ на другого и своими достоинствами и недостатками. Это были два революціонные ума; но, по различію положеній, и отечества каждаго, одному суждено было сдѣлать революцію, а другому—бороться съ ней.

Какъ бы то ни было, Мирабо самъ былъ увлеченъ государемъ, котораго имѣлъ порученіе увлечь.

„Наружность этого принца“, пишетъ онъ въ своей тайной корреспонденціи, „показываетъ хитрость и глубокомысліе. Рѣчь его отличается изяществомъ и точностью: онъ изумительно ученъ, трудолюбивъ, проицателенъ; имѣя обширныя сношенія, онъ ими обязанъ только своимъ достоинствамъ; онъ экономенъ даже въ своихъ страстяхъ. Любовница герцога, г-жа Гартфельдъ — самая умная женщина во всемъ его дворѣ. Какъ настоящій Алкивиадъ, онъ любитъ удовольствіе, но оно у него никогда не беретъ верхъ надъ работой. По должности прусскаго генерала, никто не можетъ съ нимъ равняться въ аккуратности, дѣятельности, мелочной точности. Несмотря на кажущееся спокойствіе, которое происходитъ отъ привычки къ самообладанію, блестящее воображеніе герцога и честолюбивый пылъ часто увлекаютъ его; одна только осмотрительность, которую онъ на себя налагаетъ, и обдуманная заботливость о своей славѣ сдерживаютъ принца и приводятъ къ колебаніямъ, которыя, быть можетъ, составляютъ его единственный недостатокъ“. Мирабо уже въ эту эпоху предсказалъ герцогу Брауншвейгскому высшее вліяніе на дѣла Германіи послѣ смерти короля прусскаго, котораго Германія называла великимъ королемъ.

Герцогу было тогда 50 лѣтъ. Въ разговорахъ съ Мирабо онъ оправды-

вался въ любви къ войнѣ. „Сраженія—игра случая“, говорилъ онъ французскому путешественнику. „До сихъ поръ я не былъ въ ней несчастливъ. Кто знаетъ, буду ли я теперь также любимъ счастьемъ, несмотря на большую опытность?“ Спустя годъ послѣ этихъ словъ, онъ сдѣлалъ блестящее нападеніе на Голландію во главѣ англійскихъ войскъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Германія избрала его своимъ генералиссимусомъ.

Но война во Франціи, которая улыбалась честолюбію герцога, какъ солдату, была ему противна, какъ философу. Онъ чувствовалъ, что будетъ худо сражаться противъ идей, которыми самъ былъ вскормленъ.

Мирабо сказалъ о немъ слѣдующія мѣткія слова, предсказавшія и слабости герцога и неудачи руководимой имъ коалиціи: „это—человѣкъ рѣдкаго закала, но онъ слишкомъ уменъ, чтобы быть страшнымъ для людей умныхъ“.

Этими словами объясняется предложеніе французской короны, сдѣланное Кюстиномъ герцогу Брауншвейгскому отъ имени монархической партіи собранія. Франкмасонство, своего рода подземная религія, къ которой принадлежали почти всѣ царствовавшіе принцы Германіи, прикрывало своею таинственностью секретныя отношенія между французской философійей и прирейнскими государями. Единомышленники въ религіозномъ отношеніи, они не могли быть вполне искренними врагами въ политикѣ.

Герцогъ Брауншвейгскій въ глубинѣ души былъ болѣе гражданиномъ, чѣмъ государемъ,—больше французомъ, чѣмъ нѣмцемъ. Предложеніе парижскаго трона льстило его самолюбію. Трудно сражаться противъ народа, тронъ котораго улыбается надеждамъ полководца; трудно сражаться противъ дѣла, которое желательно побѣдить, но не желательно уничтожить: таково было настроеніе герцога Брауншвейгскаго. Когда его мнѣнія спрашивалъ король прусскій, онъ посовѣтовалъ этому монарху обратить свои силы на Польшу и тамъ завоевывать себѣ провинціи, вмѣсто того, чтобы заниматься во Франціи покореніемъ принциповъ.

6.

Планъ Дюмуре состоялъ въ томъ, чтобы, сколько возможно болѣе, раздѣлить Пруссію и Австрію, чтобы имѣть дѣло съ обѣими, какъ бы съ однимъ непріателемъ разомъ. Соединеніе этихъ двухъ державъ, по самой природѣ своей взаимно-завистливыхъ соперницъ, казалось ему до того противоестественнымъ, что онъ льстилъ себя надеждою помѣшать подобному союзу или совершенно его разорвать. Всѣ расчеты были спутаны тѣмъ, что Россія понудила Пруссію и Австрію выступить сообща противъ революціи. Въ Вѣнѣ молодой императоръ Францъ приготавлился больше къ борьбѣ, чѣмъ къ переговорамъ. Главный министръ его, князь Кауницъ, отвѣчалъ на ноты Дюмуре языкомъ, заключающимъ въ себѣ вызовъ Національному собранію.

Дюмуре сообщилъ эти бумаги собранію. Онъ предупредилъ взрывъ справедливаго гнѣва собранія, разразившись самъ патріотическимъ негодованіемъ. Эти сцены въ Парижѣ нашли себѣ отголосокъ даже въ кабинетѣ императора въ Вѣнѣ. Францъ, блѣдный и трепещущій отъ гнѣва, бранилъ медлительность своего министра. Каждый день онъ присутствовалъ у постели Кауница, при

переговорахъ этого старца съ прусскимъ и русскимъ посланниками, на которыхъ было возложено возбуждать войну. Король прусскій требовалъ одному себѣ права направлять кампанію. Онъ предлагалъ внезапное занятіе французской территоріи, какъ лучшее средство сберечь кровь солдатъ, которое поразило революцію изумленіемъ и возбудило въ самой Франціи контръ-революцію, какою льстили его эмигранты. Для соглашенія военныхъ операцій Австріи и Пруссіи назначено было въ Лейпцигѣ свиданіе между герцогомъ Брауншвейгскимъ и генераломъ императорскихъ войскъ, принцемъ Гогенлоэ. Между тѣмъ, для вида продолжались еще конференціи и въ Вѣнѣ, между французскимъ посланникомъ Ноайлемъ и вице-канцлеромъ двора, графомъ Филиппомъ Кобенцелемъ. Эти конференціи, на которыхъ боролись и искали примиренія два непримиримые принципа, свобода народовъ и абсолютная власть монарховъ, привели только къ взаимнымъ упрекамъ. Последнее слово Кобенцеля прервало переговоры. Это слово, прогремѣвъ въ Парижѣ, вызвало тамъ войну. Дюмурье предложилъ ее въ совѣтѣ и склонилъ короля самого предложить эту войну народу. „Народъ“, сказалъ Дюмурье, „повѣритъ вашей привязанности тогда, когда увидитъ, что вы усвоили себѣ его дѣло и, защищая последнее, сражаетесь съ королями“.

Король, окруженный всѣми министрами, неожиданно явился въ собраніе 20 апрѣля, по выходѣ изъ совѣта. Въ залѣ воцарилось многозначительное молчаніе. Предчувствовали, что рѣшительное слово будетъ произнесено. Такъ и случилось. Послѣ того, какъ Дюмурье прочиталъ полный отчетъ о переговорахъ съ австрійскимъ дворомъ, король прибавилъ сосредоточеннымъ, но твердымъ голосомъ: „вы слышали докладъ, сдѣланный моему совѣту. Заключенія его были единодушно приняты. Я самъ принялъ рѣшеніе. Я исчерпалъ всѣ средства къ поддержкѣ мира, и теперь я предлагаю вамъ, въ предѣлахъ конституціи, формальную войну противъ короля Венгріи и Богеміи“.

Послѣ этихъ словъ король вышелъ, среди восторженныхъ восклицаній и движеній, которыя разразились въ залѣ и на трибунахъ. На пути короля въ этихъ выраженіяхъ энтузіазма принялъ участіе и народъ; Франція чувствовала увѣренность въ себѣ, нападавая первая на вооруженную противъ нея Европу. Добрымъ гражданамъ казалось, что всѣ внутреннія смуты прекратятся предъ этимъ великимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ народа, защищающаго свои границы, — казалось, что процессъ свободы разсудится въ нѣсколько часовъ на полѣ битвы, и что конституція нуждалась только въ побѣдѣ для того, чтобы на будущее время нація была свободна внутри и торжествовала внѣ своихъ предѣловъ. Самъ король вернулся во дворецъ облегченнымъ отъ тяжкаго бремени нерѣшительности.

Война противъ своихъ союзниковъ и братьевъ стоила многихъ мученій его сердцу. Такое пожертвованіе своими чувствами, совершенное для конституціи, казалось королю поступкомъ, заслуживающимъ признательности Національнаго собранія; отождествляясь съ дѣломъ отечества, онъ льстилъ себя надеждою на возвращеніе, по крайней мѣрѣ, справедливости и любви своего народа. Собраніе разошлось безъ разсужденій и посвятило на размысленіе нѣсколько часовъ менѣе, чѣмъ на энтузіазмъ.

7.

Одинъ изъ главныхъ фельяновъ, Пасторе, въ вечернемъ засѣданіи, первый поддержалъ партію войны. „Насъ упрекають“, сказалъ онъ, „въ желаніи голосовать, въ порывѣ энтузіазма, пролитіе человѣческой крови. Но развѣ вызовы намъ начались только теперь? Австрійскій дворъ, въ теченіе 400 лѣтъ, нарушалъ заключенные съ Франціей трактаты. Вотъ наши побужденія! Не будемъ болѣе колебаться. Побѣда будетъ вѣрна свободѣ!“

Беке, конституціонный роялистъ, обдуманнѣе и энергическѣе ораторъ, одинъ осмѣлился говорить противъ объявленія войны. „Въ свободной странѣ“, сказалъ онъ, „войну ведутъ только для защиты конституціи или націи. Наша конституція создавалась только вчера; ей нужно спокойствіе, чтобы укорениться. Состояніе кризиса, въ родѣ войны, противно правильнымъ отправленіямъ политическаго тѣла. Если ваши арміи будутъ сражаться внѣ государства, кто сдержитъ мятежи внутри его? Васъ льстятъ надеждою, что бороться нужно только противъ Австріи;—вамъ обѣщаютъ нейтралитетъ остальнаго сѣвера: не разсчитывайте на это. Сама Англія не можетъ остаться нейтральною. Если необходимость войны вынудитъ васъ возбудить революцію въ Бельгіи или завоевать Голландію, то она соединится съ Пруссіей, чтобы поддерживать противъ васъ партію штатгальтера. Безъ сомнѣнія, Англія любитъ свободу, которая устанавливается у васъ, но жизнь Англіи въ ея торговлѣ: она не можетъ оставить васъ въ Нидерландахъ. Подождите, чтобы на васъ напали, и тогда умы народовъ будутъ за васъ. Справедливость дѣла стоитъ армій. Но если васъ выставятъ, въ глазахъ европейскихъ націй, народомъ безпокойнымъ и завоевательнымъ, который не можетъ жить безъ войнъ и смутъ, то націи отшатнутся отъ васъ съ ужасомъ. Притомъ, развѣ война не составляетъ надежды для враговъ революціи? Зачѣмъ радовать ихъ, предлагая войну? Эмигранты, теперь презираемые, сдѣлаются опасными, когда будутъ опираться на арміи нашихъ враговъ!“

Эта умная и дальновидная рѣчь часто прерывалась проницескими возгласами и насмѣшками собранія и кончилась среди воплей трибунъ. Нуженъ героизмъ убѣжденія, чтобы бороться противъ войны во французской палатѣ. Базиръ, другъ Робеспьера, потребовалъ, подобно другу короля, Беке, —нѣсколько дней на размышленіе прежде, чѣмъ подать голосъ за пролитіе потоковъ человѣческой крови. „Если вы рѣшаетесь на войну“, сказалъ онъ, „то, по крайней мѣрѣ, ведите ее такъ, чтобы она не была окружена измѣной!“ Нѣсколько рукоплесканій показали, что республиканскій намекъ Базира былъ понятъ, и что прежде всего слѣдовало удалить короля и подозрительныхъ генераловъ.

„Нѣтъ, нѣтъ“, отвѣчалъ Мельгъ, „не теряйте ни часа когда нужно установить свободу цѣлаго міра!“—„Угасите факелы вашихъ несогласій въ огнѣ пушекъ и ружей“, прибавилъ Дюбайе.—„Пусть докладъ будетъ сдѣланъ въ томъ же засѣданіи“, потребовалъ Бриссо. „Объявите войну королямъ и миръ націямъ“, вскричалъ Мерлинъ. Война была голосована.

Кондорсе, заранѣе извѣщенный жирондистами о совѣтѣ, прочиталъ съ трибуны проектъ манифеста къ націямъ. Вотъ его смыслъ: „Каждая нація имѣтъ

право давать себѣ законы и мѣнять ихъ по своему произволу. Французская нація должна была думать, что столь простыя истины будутъ признаны всеми государями. Надежда ея была обманута. Противъ независимости Франціи образовалась лига; никогда еще гордость королей не оскорбляла съ большею дерзостью національное величіе. Доводы, приводимые деспотами противъ Франціи, составляютъ только оскорбленіе для ея свободы. Эта оскорбительная гордость, далеко не утрашая Францію, можетъ только возбудить ея мужество. Чтобы дисциплинировать рабовъ деспотизма, нужно время; но каждый человѣкъ становится солдатомъ, когда сражается противъ тиранніи“.

8.

Главный ораторъ Жиронды устремляется на трибуну: „вы обязаны передъ націей“, говоритъ Верньо, „употребить все средства, чтобы обезпечить успѣхъ великаго и страшнаго рѣшенія, которымъ ознаменовался этотъ достопамятный день. Вспомните день общей федераціи, когда все французы посвятили свою жизнь защитѣ свободы и конституціи; припомните клятву, которую вы сами дали 14 января, — клятву скорѣе похоронить себя подъ развалинами этого храма, чѣмъ согласиться на малѣйшую капитуляцію или на какое бы то ни было измѣненіе въ конституціи. Возможно ли такое ледяное сердце, которое не задрожало бы въ эти высокія минуты, — такая холодная душа, которая не возвысилась бы, осмѣлюсь сказать, до неба съ крикомъ общей радости, — такой апатичный человѣкъ, который бы не почувствовалъ, что все его существо возвышается и силы поднимаются, влѣдствіе благороднаго энтузіазма, выше силъ человѣческихъ? Дайте же еще Франціи и Европѣ величественный примѣръ такихъ національныхъ празднествъ! Одушевитесь опять той энергіей, предъ которой падаютъ Бастиліи! Пусть во всехъ концахъ государства раздадутся эти возвышенные слова: „жить свободнымъ или умереть! конституція всецѣло, безъ измѣненій, или смерть!“ Пусть эти крики разнесутся до самыхъ троновъ, которые составили противъ васъ коалицію; пусть они покажутъ имъ, что напрасень расчетъ на наши внутреннія распри, — что въ минуту опасности для отечества мы одушены только однимъ стремленіемъ — спасти его или за него умереть, — что, наконецъ, если-бы счастье въ битвахъ измѣнило такому правому дѣлу, какъ наше, то наши враги могутъ только наругаться надъ трупами, но никогда ни одинъ французъ не будетъ въ ихъ цѣпяхъ“.

9.

Эти лирическія слова Верньо откликнулись въ Берлинѣ и Вѣнѣ. „Намъ объявляютъ войну“, сказалъ князь Кауницъ русскому посланнику, князю Голицыну, въ домашнемъ кругу императора, „это все равно, какъ если бы ее объявили вамъ самимъ“. Главное начальство надъ прусскими и австрійскими силами ввѣрено было герцогу Брауншвейгскому. Этимъ назначеніемъ оба государя лишь подтвердили выборъ всей Германіи: герцогъ былъ избранъ общественнымъ мнѣніемъ. Кампанія открылась со стороны французовъ прежде, чѣмъ Пруссія и Австрія приготовили свои вооруженія.

Дюмурье разсчитывалъ на эту медлительность и какъ-бы оцѣпенѣлость

двухъ нѣмецкихъ монархій. Его искусный планъ состоялъ въ томъ, чтобы разрѣзать коалицію надвое и внезапно напасть на Бельгію, прежде чѣмъ Пруссія очутится на мѣстѣ дѣйствія. Если бы Дюмурье былъ не только изобрѣтателемъ, но и исполнителемъ своего плана, то съ Бельгіей и Голландіей дѣло было бы кончено, но Лафайетъ, на котораго было возложено произвести самое нападеніе во главѣ 40,000 человекъ, не обладалъ ни смѣлостью, ни талантомъ Дюмурье. Лафайетъ былъ не столько генераломъ арміи, сколько генераломъ общественнаго мнѣнія, и больше привыкъ командовать на площади мирными буржуа, чѣмъ солдатами во время войны. Лично храбрый, любимый войсками, но больше гражданинъ, чѣмъ человекъ военный, Лафайетъ сдѣлалъ американскую кампанію съ горстью свободныхъ людей, а не съ нестройными массами. Не посрамить своихъ солдатъ, неустрашимо защищать границы, великодушно умереть, какъ при Фермопилахъ, сказать геройскую рѣчь національнымъ гвардейцамъ, воодушевить войска въ пользу или противъ извѣстнаго мнѣнія,—это было въ натурѣ Лафайета. Но предпріимчивость большой войны, въ которой бываетъ нужно иногда рисковать многимъ, чтобы спасти все, и когда граница государства на-время оставляется открытою для того, чтобы удобнѣе поразить непріятели въ самое сердце,—это не соотвѣтствовало ни привычкамъ этого генерала, ни его положенію. Сдѣлавшись генераломъ, Лафайетъ остался главою партіи; становясь лицомъ къ лицу съ иностранцами, онъ всегда помнилъ о внутреннихъ дѣлахъ. Безъ сомнѣнія, ему нужна была слава, чтобы поддержать свое вліяніе и возратить себѣ роль верховнаго посредника революціи, начинаяшю отъ него ускользать; но прежде всего нужно было не скомпрометироваться. Пораженіе погубило бы Лафайета безвозвратно. Онъ это зналъ. Кто не рискуетъ пораженьемъ, тотъ никогда не получитъ побѣды. Это былъ полководецъ системы выжиданія. Но потерять время для революціи значило потерять всю силу. Сила недисциплинированныхъ массъ заключается въ ихъ стремительности: кто ихъ замедляетъ, тотъ ихъ губить.

Стремительный по натурѣ, Дюмурье былъ проникнутъ инстинктивнымъ сознаниемъ этой истины. На совѣщаніяхъ, которыя предшествовали назначенію генераловъ, онъ старался внушить ту же мысль Лафайету. Онъ поставилъ его начальникомъ главнаго корпуса арміи, предназначенной вторгнуться въ Бельгію, какъ генерала наиболѣе пригоднаго сѣять народное возстаніе и превратить въ бельгійскихъ провинціяхъ войну въ революцію. Возбудить Бельгію въ пользу французской свободы, поставить ея независимость въ связь съ французскою независимостью значило вырвать Бельгію отъ Австріи и обратить ее противъ враговъ Франціи.

По плану Дюмурье, сами бельгійцы должны были завоевать Бельгію; зародыши возстанія были худо подавлены въ этихъ провинціяхъ. Шаги первыхъ французскихъ солдатъ должны были взволновать и воодушевить ихъ.

Бельгія, долгое время находившаяся подъ властью Испаніи, заимствовала отъ нея суевѣрный и ревнивый католицизмъ. Нація принадлежитъ священникамъ; привилегіи духовенства кажутся ей привилегіями народа. Иосифъ II хо-

тѣль освободить этотъ народъ отъ деспотизма духовенства. Въ 1790 г. Бельгія возстала противъ свободы, которую ей предлагали, и приняла сторону своихъ притѣснителей. Фанатизмъ священниковъ вмѣстѣ съ фанатизмомъ муниципальныхъ привилегій, соединившись въ единодушномъ сопротивленіи Іосифу II, подняли эти провинціи. Возставшіе взяли Гентъ и Брюссель и провозгласили австрійскій домъ лишеннымъ верховной власти надъ нидерландскими провинціями. Бельгійская революція едва только успѣвшая восторжествовать, уже раздѣлилась: партія духовенства и аристократовъ требовала олигархической конституціи; партія народная требовала демократіи, по образцу французской революціи. Душею первой партіи былъ Фанъ-деръ Ноотъ, краснорѣчивый и жестокій трибунъ. Главою партіи народа былъ неустрашимый солдатъ, Фанъ-деръ Мерчь. Среди войны за независимость разразилась междоусобная война. Фанъ-деръ Мерчь, взятый въ плѣнъ аристократами и духовенствомъ, былъ брошенъ въ темницу. Преемникъ Іосифа II, Леопольдъ, воспользовался этими раздорами, чтобы вновь завоевать Бельгію. Утомленная свободой прежде, чѣмъ успѣла воспользоваться ею, она покорилаь безъ сопротивленія. Фанъ-деръ Ноотъ удался въ Голландію. Фанъ-деръ Мерчь, освобожденный австрійцами, получилъ великодушное прощеніе и возвратился въ безвѣстное положеніе простого гражданина. Независимость была подавлена сильными австрійскими гарнизонами; она не могла не пробудиться при прикосновеніи французскихъ армій.

Лафайетъ, повидимому, понялъ и одобрилъ этотъ планъ. Рѣшено было, что маршалъ Рошамбо будетъ главнокомандующимъ армію, которая должна угрожать Бельгіи,—что подъ главнымъ его начальствомъ Лафайетъ будетъ предводительствовать значительнымъ корпусомъ, который займетъ эту страну, и что вслѣдъ затѣмъ единственнымъ командующимъ войсками въ Нидерландахъ будетъ Лафайетъ. Рошамбо, престарѣлый и одряхлѣвшій отъ бездѣйствія, пользовался бы такимъ образомъ только почестями своего положенія, а Лафайетъ распоряжался бы всѣми дѣйствіями кампаніи и направлялъ бы вооруженную пропаганду революціи. „Эта роль ему идетъ“, сказала старый маршалъ, „я ничего не понимаю въ городской войнѣ“.

Двинуть Лафайета на худо защищенный Намюръ и овладѣть имъ; идти оттуда на Брюссель и Люттихъ,—двѣ столицы Нидерландовъ и очаги бельгійской независимости; въ то же самое время устремить генерала Бирона съ 10,000 человекъ на Монсъ противъ австрійскаго генерала Болье, у котораго было только 2 или 3,000 человекъ, отдѣлится отъ Лилльскаго гарнизона другой трехтысячный корпусъ, который долженъ былъ занять Турнэ, и потомъ, оставивъ въ цитадели гарнизонъ, усилить корпусъ Бирона; вывести изъ Дюнкирхена 1,200 человекъ, чтобы захватить врасплохъ Фурнь; затѣмъ, двигаться впередъ, соединившись въ центрѣ Бельгійскихъ провинцій съ 40,000 человекъ Лафайета; нападать повсемѣстно, разомъ, въ теченіе десяти дней, на дурно приготовленнаго непріятели, возмущать позади себя населеніе, затѣмъ подкрѣпить нападающую армію до 80,000 человекъ и присоединить къ ней бельгійскіе батальоны, собранные во имя ихъ независимости, чтобы сражаться съ армію императора, по мѣрѣ прибытія ея изъ Германіи: таковъ былъ смѣлый планъ кампаніи, задуманный Дюмюрье. Изъ всѣхъ условій успѣха не доставало

только человека для выполнения этого плана. Дюмурье расположил войска и сблалъ все распоряженія сообразно этому плану.

11.

Порывъ Франціи отвѣчалъ порыву военнаго генія Дюмурье.

По другую сторону Рейна приготовленія дбались энергично и стройно. Императоръ и прусскій король соединились во Франкфуртѣ. Герцогъ Брауншвейгскій былъ тамъ съ ними. Русская императрица приступила къ войнѣ державъ противъ французской націи и двинула свои войска на Польшу. Цблая Германія уступила, хотя и противъ своего желанія, натиску трехъ кабинетовъ и двинулась массами къ Рейну. Предъ этой войной монарховъ противъ народовъ императоръ короновался во Франкфуртѣ. Главная квартира герцога Брауншвейгскаго установилась въ Кобленцѣ, это была столица эмиграціи. Генералиссимусъ конфедераціи имблъ тамъ первое свиданіе съ братьями Людовика XVI, графами Прованскимъ и Артуа. Онъ обѣщалъ возвратить имъ въ скоромъ времени отечество и санъ. Они его заранѣ называли „героємъ Рейна“ и „правую руку королей“.

Все принимало военный видъ. Два прусскіе принца, расположившіеся въ сосѣдней съ Кобленцомъ деревнѣ, имблы только одну комнату и спали на землѣ. Король прусскій былъ встрѣченъ на всѣхъ берегахъ Рейна привѣтственнымъ громомъ своей артиллеріи. Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, эмигранты, населеніе и прусскія войска заранѣ провозглашали короля спасителемъ Германіи. Имя его, написанное въ иллюминаціяхъ огненными буквами, было увбичано льстивою надписью: *Vivat Vilelmus, Francos debeat, jura regis restituat!* „Да здравствуетъ Вильгельмъ, покоритель французовъ, возстановитель королевскаго права“!

12.

Кобленцъ, — городъ, расположенный при сліяніи Мозеля съ Рейномъ, во владѣніяхъ курфюрста Тревскаго, сблался столицей французской эмиграціи. Постоянно увеличивавшееся сборище дворянъ, — числомъ до 22,000, — тбнилось тамъ вокругъ семи эмигрировавшихъ принцевъ дома Бурбоновъ. Эти принцы были: графы Прованскій и Артуа, братья короля; два сына графа Артуа, герцоги Беррійскій и Ангулемскій; двоюродный братъ короля, принцъ Конде; сынъ его, герцогъ Бурбонскій, и внукъ, герцогъ Ангьенскій. Вся военная дворянская молодежь королевства, за исключеніемъ приверженцевъ конституціи, оставила свои гарнизоны и замки, чтобы завербоваться въ этотъ крестовый походъ королей противъ французской революціи.

Это движеніе въ наше время кажется преступнымъ, потому что вооружало гражданъ противъ ихъ отечества и вымаливало иностранную помощь для борьбы противъ Франціи, — но тогда, въ глазахъ французскаго дворянства, оно не имбло того характера отцеубійства, какой приписывается ему болѣе просвѣщеннымъ патріотизмомъ позднѣйшаго времени. Это движеніе, виновное въ глазахъ разума, объяснялось, по крайней мѣрѣ, чувствомъ. Невѣрность отечеству была вѣрностью королю, а эта вѣрность называлась честью.

Приверженность къ трону была второю религіею французскаго дворянства. Народное самодержавіе казалось ему зловреднымъ принципомъ, противъ котораго надобно было обнажать шпагу подъ страхомъ раздѣлить его преступность. Это дворянство терпѣливо перенесло униженіе и лишеніе титуловъ и имуществъ, установленное Учредительнымъ собраніемъ при разрушеніи послѣднихъ остатковъ феодализма: даже само дворянство великодушно принесло эти жертвы отечеству въ ночь 6 августа. Но оскорбленія, наносимыя королю, показались дворянству невыносимѣ своихъ собственныхъ. Освободить короля изъ неволи, вырвать его изъ опасности, спасти королеву и ея дѣтей, возстановить королевское достоинство во всей его полнотѣ, или умереть, сражаясь за это святое дѣло,—такая обязанность казалась дворянству требованіемъ его положенія въ государствѣ и самого происхожденія. Съ одной стороны честь, съ другой отечество: дворянство, не колеблясь, выбрало честь. Въ своихъ глазахъ оно еще разъ освящало себя магическимъ словомъ „преданность“. Дѣйствительно, для этихъ молодыхъ людей и старцевъ было дѣломъ истинной преданности покинуть свое положеніе въ арміи, свои имѣнія, отечество, семейства, и броситься на чужую землю вокругъ бѣлаго знамени, чтобы выполнять обязанности простыхъ солдатъ, обречь себя на вѣчное изгнаніе, конфискацію имуществъ, какую устанавливали законы ихъ отечества,—на лагерные труды или даже смерть на боевомъ полѣ. Если преданность патріотовъ революціи была возвышена, какъ надежда, то эта преданность эмигрировавшаго дворянства обладала великодушнѣмъ отчаяніемъ. Въ междоусобныхъ войнахъ каждую партію должно судить по ея собственнымъ идеямъ. Междоусобныя войны почти всегда бываютъ выраженіемъ двоякихъ обязанностей, противопоставленныхъ одна другой. Обязанностью патріотовъ было отечество; обязанностью эмигрантовъ—тронъ. Одна изъ двухъ сторонъ могла заблуждаться относительно своего долга, но обѣ думали, что выполняютъ его.

13.

Эмиграція составлялась изъ двухъ, вполне различныхъ частей: политиковъ и бойцовъ. Политики, тѣснившіеся вокругъ графовъ Прованскаго и Артуа, изливались въ безопасныхъ для нихъ лично проклятіяхъ противъ философскихъ истинъ и противъ демократическихъ принциповъ. Эти люди сочиняли книги и журналы, гдѣ французская революція изображалась предъ глазами иностранныхъ государей адскимъ заговоромъ нѣсколькихъ злодѣевъ противъ королей и самого Бога, — составляли совѣты воображаемаго правительства, домогались себѣ порученій, создавали въ своихъ мечтахъ планы, ковали интриги, бѣгали по всѣмъ дворамъ, волновали противъ Франціи государей и ихъ министровъ, оспаривали другъ у друга благосклонность французскихъ принцевъ, переносили на землю изгнанія честолюбіе, соперничество, жадность прежняго двора.

Военные принесли туда только отвагу, безпечность, легкомысліе и грацію своей національности и—профессіи. Кобленць былъ лагеремъ иллюзій и преданности. Эта горсть храбрецовъ считала себя націей и, упражняясь въ маневрахъ и воинскихъ парадахъ, приготовлялась завоевать всю монархію въ нѣсколько переходовъ. Подобное же зрѣлище представляли эмигранты во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Эмиграція, какъ и пустыня, имѣетъ свой миражъ;

эмигранты думаютъ, что могутъ „унести съ собой отечество на подошвѣ башмаковъ“, какъ говорилъ Дантонъ; а между тѣмъ уносятъ только тѣнь отечества, увеличиваютъ только его гнѣвъ, находятъ только его состраданіе.

14.

Этимъ различнымъ партіямъ въ самой эмиграціи соответствовали три отѣнка между первыми эмигрантами.

Графъ Прованскій, впоследствии Людовикъ XVIII, былъ принцъ философъ, политикъ, дипломатъ, склонный къ нововведеніямъ, врагъ дворянства и духовенства, расположенный къ демократіи,—человѣкъ, который простилъ бы революціи, если-бы сама революція захотѣла оказать прощенье королевскому сану. Такъ какъ ранняя болѣзнь мѣшала принцу заниматься военнымъ дѣломъ, то онъ занимался политикой, развивалъ свой умъ, изучалъ исторію, хорошо писалъ, предчувствовалъ близкое паденіе, боялся вѣроятной смерти Людовика XVI, вѣрилъ въ превратности революціи и издали приготовлялся сдѣлаться умирителемъ своего отечества и примирить тронъ со свободой. Его сердце, мало обладавшее мужскими качествами, имѣло и недостатки и добрыя свойства женщины. Принцъ нуждался въ дружбѣ, предавался любимцамъ, избирая ихъ больше по привлекательности, чѣмъ по достоинству. На людей и на вещи онъ смотрѣлъ сквозь призму книгъ или сердца своихъ придворныхъ. Не лишенный театральности, онъ позировалъ предъ Европою въ видѣ статуи права и несчастья. Онъ изучалъ свои позы, говорилъ академическимъ языкомъ о своихъ несчастіяхъ, драпировался жертвою и мудрецомъ. Армія его не любила.

15.

Графъ Артуа, моложе своего брата, испорченный природою, дворомъ и женщинами, принялъ на себя роль героя. Въ Кобленцѣ онъ былъ представителемъ старинной чести, рыцарской преданности, французскаго характера. Онъ былъ идоломъ придворнаго дворянства и олицетворялъ его грацію, изящество и гордость. Сердце его было доброе, умъ легкій, но необширный и мало проsvѣщенный. До революціи онъ, по легкомыслію, былъ философомъ,—потомъ сдѣлался суевѣромъ по увлеченію и по слабости; онъ издали вызывалъ революцію своей шпагой. Впрочемъ графъ Артуа казался больше способнымъ раздражать революцію, чѣмъ побѣждать ее; уже въ эту эпоху онъ обнаруживалъ дерзость, не руководимую разсудкомъ, и вызывающія дѣйствія, лишеныя поддержки силы, которая должны были впоследствии стоить ему трона. Но недостатки умственные прикрывались у этого принца его красотою, граціею, искренностью; казалось, ему не суждено было умереть никогда. Старый годами, онъ долженъ былъ царствовать и умереть вѣчно юнымъ. Въ другую эпоху онъ былъ бы Францискомъ VI, въ свою—только Карломъ X.

Принцъ Конде былъ военный по крови, вкусу и занятіямъ. Онъ презиралъ эти два двора, переселившіеся на берега Рейна; его дворомъ былъ лагерь. Сынъ его, герцогъ Бурбонскій, сдѣлалъ первые шаги на военномъ поприщѣ подъ начальствомъ отца. Внукъ принца, 17-лѣтній герцогъ Ангенскій, уже служилъ ему адъютантомъ. Этотъ молодой принцъ представлялъ образецъ му-

жественной граціи въ станѣ эмигрантовъ; его храбрость, пылъ, великодушіе обѣщали въ будущемъ новаго героя въ геройскомъ племени Конде. Онъ былъ достоинъ умереть за дѣло, менѣе осуждаемое, и умереть среди дня, на полѣ битвы, а не такъ, какъ онъ умеръ нѣсколько лѣтъ спустя, въ глубинѣ Венсеннаго рва, при свѣтѣ фонаря, не имѣя другого друга, кромѣ собаки, подъ пулями взвода войскъ, командированнаго для казни ночью, какъ бы для убійства.

16.

Между тѣмъ, самъ Людовикъ XVI трепеталъ въ своемъ дворцѣ за послѣдствія войны, которую онъ провозгласилъ и которая уже рокотала на французскихъ границахъ. Король не скрывалъ отъ себя, что онъ не столько глава, сколько заложникъ Франціи, что его голова и головы жены и дѣтей отвѣчаютъ націи за ея неудачи и опасности. Опасность видить измѣну вездѣ. Журналы и клубы, больше чѣмъ когда нибудь, доказывали существованіе „австрійскаго комитета“, душою котораго была королева. Этотъ слухъ пользовался довѣріемъ въ народѣ; во время мира онъ стоилъ королевѣ только популярности, во время войны онъ могъ стоить ей жизни. Такимъ образомъ, эта несчастная семья сначала обвинялась въ измѣнѣ во время мира, а теперь — въ предательствѣ во время войны. Въ ложномъ положеніи все становится опасностью. Король былъ лицомъ къ лицу со всеми этими опасностями одновременно и всегда подвергался самой близкой.

Онъ послалъ тайнаго агента къ королю прусскому и къ императору, съ цѣлью добиться отъ этихъ государей, въ интересахъ своего спасенія, перерыва враждебныхъ дѣйствій, и попросить, чтобы они до наступленія войскъ выпустили примирительный манифестъ, который позволилъ бы Франціи отступить, не подвергаясь безславію, и поставилъ бы жизнь королевской семьи подъ отвѣтственность націи.

Этимъ тайнымъ агентомъ былъ Малле-Дюпанъ, молодой женевскій публицистъ, поселившійся во Франціи и замѣшанный въ антиреволюціонномъ движеніи. Малле-Дюпанъ любилъ монархію по принципу, а короля—изъ личной преданности. Онъ поѣхалъ изъ Парижа подъ предлогомъ возвращенія на свою родину, въ Женеву. Оттуда онъ отправился въ Германію къ маршалу де-Кастри, повѣренному Людовика XVI за границей и одному изъ вождей эмиграціи. Уполномоченный герцогомъ де-Кастри, онъ явился въ Кобленцѣ къ герцогу Брауншвейгскому, во Франкфуртѣ—къ министрамъ императора и короля прусскаго. Его сообщенія отказывались вѣрить, пока онъ не показалъ письма отъ самого короля. Король доставилъ ему слѣдующія три строки, написанныя собственной рукой Людовика XVI на связкѣ бумагъ въ два дюйма шириною: „Особа, которая представитъ эту записку, знаетъ мои намѣренія; можно вѣрить всему, что она скажетъ отъ моего имени“. Этотъ знакъ королевскаго признанія открылъ Малле-Дюпану кабинеты коалиціи.

Конференціи открылись между французскимъ уполномоченнымъ, графомъ Кобенцелемъ, графомъ Гаугвицемъ и генераломъ Гейманомъ, уполномоченными императора и короля прусскаго. Эти министры, провѣривъ полномочіе Малле-

Дюпана, выслушали его инструкціи. Онъ гласилъ, что „король присоединяетъ свои мольбы къ убѣжденіямъ и заклинаетъ эмигрантовъ не отнимать у предстоящей войны характера борьбы одной державы противъ другой, принятімъ въ ней участіа во имя возстановленія монархіи. Всякій иной образъ дѣйствія произведетъ междоусобную войну, подвергнетъ опасности жизнь короля и королевы, испровергнетъ тронъ, послужитъ сигналомъ рѣзни роялистовъ. Король прибавлялъ, что заклинаетъ государей, вооружившихся за его дѣло, вполне раздѣлять въ манифестѣ партію якобинцевъ отъ націи и свободу народовъ отъ анархіи, которая ихъ раздираетъ,—объявить формально и энергически собранію, административнымъ учрежденіямъ, муниципалитету, что они отвѣчаютъ своими головами за всякую попытку, совершенную противъ священной особы короля, королевы, ихъ дѣтей,—и наконецъ, возвѣститъ націи, что за войной не послѣдуетъ никакого раздробленія страны, что о мирѣ будутъ договариваться только съ королемъ и что, слѣдовательно, собраніе должно сѣшпть возвращеніемъ ему полной свободы, чтобы вести переговоры съ державами отъ имени народа“.

Малле-Дюпанъ изложилъ смыслъ этихъ инструкцій съ возвышенностью взгляда и съ энергіею, внушенною привязанностью къ королю, къ какой онъ былъ способенъ. Трагическими красками описалъ онъ внутренность тюльерійскаго дворца и ужасы, какими была окружена королевская фамилія. Договаривающіеся были тронуты до умиленія. Они обѣщали сообщить это впечатлѣніе своимъ государямъ и дали Малле-Дюпану увѣреніе, что намѣренія короля послужатъ регуляторомъ и мѣркою тѣхъ словъ, съ которыми манифестъ коалиціи обратится къ французской націи.

Однакожь, они не скрыли своего удивленія, что языкъ французскихъ принцевъ-эмигрантовъ въ Кобленцѣ былъ совершенно противоположенъ взглядамъ короля, который царствовалъ въ Парижѣ. „Принцы открыто выражаютъ намѣреніе“, говорили они, „заковать королевство съ цѣлью контръ-революціи, сдѣлаться независимыми, низложить своего брата и провозгласить регентство“. Послѣ этого свиданія повѣренный Людовика XVI уѣхалъ въ Женеву. Императоръ, король прусскій, главные принцы конфедераціи, министры, генералы, герцогъ Брауншвейгскій,—отправились въ Майнцъ. Майнцъ, въ которомъ праздники сѣбнялись совѣтами, былъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, главною квартирою троновъ. По внушенію эмигрантовъ тамъ приняты были крайнія рѣшенія. Рѣшились вступить въ единоборство съ революціей, которая только выростала послѣ каждой сдѣланной ей уступки. Забыли и мольбы Людовика XVI и предостереженія Малле-Дюпана. Планъ кампаніи былъ начертанъ.

17.

Императору принадлежало высшее направленіе военныхъ дѣйствій въ Бельгіи; герцогъ Саксенъ-Тешенскій командовалъ тамъ его арміею. 15,000 человекъ изъ его войскъ прикрывали правое крыло пруссаковъ и должны были соединиться съ ними у Лонгви. 20,000 человекъ изъ арміи императора, подъ начальствомъ принца Гогенлоэ, должны были направиться между Рейномъ и Мозелемъ, прикрывъ лѣвый флангъ пруссаковъ и дѣлать военныя операціи на

Ландау, Саарлуи, Тіонвиль. Третій корпусъ, подъ начальствомъ принца Эстергази, подкрѣпленный 5000 человекъ эмигрантовъ, которыхъ велъ принцъ Конде, долженъ былъ угрожать границамъ отъ Швейцаріи до Филинбурга. Король Сардинскій обязанъ былъ поставить свою observationalную армію на Варѣ и Изерѣ. Послѣ этихъ распоряженій рѣшились отвѣчать на угрозы угрозами и опубликовать, отъ имени генералиссимуса, герцога Брауншвейгскаго, манифестъ, который не оставлялъ бы французской революціи другого исхода, кромѣ подчиненія или смерти.

Мысль этого манифеста подалъ де-Калоннъ. Маркизь де-Лимонъ, прежній интендантъ финансовъ герцога Орлеанскаго,—сначала рьяный революціонеръ, подобно своему господину, а потомъ эмигрантъ и непримиримый роялистъ, написалъ манифестъ и вручилъ его императору. Послѣдній передалъ манифестъ на одобреніе короля прусскаго, который возложилъ его опубликованіе, въ видѣ обязанности, на герцога Брауншвейгскаго; герцогъ возропталъ и просилъ полномочія смягчить нѣкоторыя выраженія. Государи позволили, но маркизь де-Лимонъ, опираясь на партію принцевъ, возстановилъ прежній текстъ. Герцогъ пришелъ въ негодованіе и разорвалъ манифестъ, не смѣя все-таки отречься отъ него. Прокламація явилась въ свѣтъ со всеми своими оскорбленіями и угрозами къ французской націи. Императоръ и король прусскій, узнавъ о тайной слабости герцога къ Франціи и о предложеніи ему короны, сложили отвѣтственность за прокламацію на этого принца, желая тѣмъ отомстить ему или просто выгородить себя.

Этотъ повелительный вызовъ королей свободѣ угрожалъ смертью все́мъ національнымъ гвардейцамъ, которые будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ при защитѣ независимости и отечества, а—въ случаѣ малѣйшаго оскорбленія, какое могло быть совершено мятежниками противъ королевскаго величества—обѣщаль стереть Парижъ съ лица земли.

XV.

Несогласія въ совѣтъ министровъ.—20,000-й лагерь вокругъ Парижа.— Король снова отказывается въ своей санкціи декрету противъ священниковъ.—Отставка Ролана, Клавьера и Сервана.—Роланъ читаетъ въ собраніи свое конфиденціальное письмо къ королю.—Король рѣшительно отказывается дать санкцію декрету противъ священниковъ.—Сборища въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи.—Дюмурье подаетъ въ отставку.—Новое министерство сформировано 17 іюня.—Отъѣздъ Дюмурье въ армію.—Его прощаніе съ королемъ.—Домъ г-жи Роланъ—центръ жирондистской партіи.—Тамъ сговариваются уничтожить монархію.—Барбару.—Бюзю, другъ г-жи Роланъ.—Дантонъ.—Его происхожденіе.—Его личность.—Непріязненные дѣйствія въ Бельгіи.—Неудачи.—Причины ихъ.—Генералы.—Тревога Парижа.—Состояніе Франціи.

1.

Пока неизбежность борьбы на жизнь и смерть волновала народъ и угрожала королю, въ совѣтѣ министровъ продолжали господствовать раздоры. Дюмурье обвинялъ военнаго министра Сервана въ томъ, что онъ повинуется внушеніямъ г-жи Роланъ съ любезностью, болѣе похожую на любовь, тѣмъ на обыкновенное угожденіе, и что онъ испортилъ весь планъ вторженія въ Бельгію. Друзья г-жи Роланъ, со своей стороны, грозили Дюмурье внушить собранію, чтобы оно потребовало отъ него отчетъ въ 6 милліонахъ на секретные расходы, употребленіе которыхъ они заподозрили. Гаде и Верньо приготовили уже рѣчи и проектъ декрета съ требованіемъ публичнаго отчета въ этихъ суммахъ. Дюмурье, который посредствомъ этого золота пріобрѣлъ себѣ друзей и сторонниковъ между якобинцами и фельянами, возмущенъ такимъ подозрѣніемъ,—отказался, во имя своей оскорбленной чести, отъ всякой отчетности и рѣшительно предложилъ выйти въ отставку. При этомъ извѣстіи большое число членовъ собранія, фельяновъ, якобинцевъ, самъ Пегіонъ,—отправились къ оскорбленному министру и заклинали его остаться на своемъ посту. Онъ согласился, но подъ условіемъ, что распоряженіе тѣми фондами будетъ оставлено исключительно на его совѣсти. Жирондисты, сами напуганные отставкой Дюмурье, и притомъ понимая, что человекъ подобнаго характера необходимъ для подкрѣпленія ихъ слабости, отказались отъ своего декрета и голосовали генералу общественное довѣріе. Народъ рукоплескалъ Дюмурье при выходѣ его изъ собранія. Эти рукоплесканія прискорбно отзывались на совѣщаніяхъ г-жи Роланъ. Популярность Дюмурье внушала ей зависть. Въ глазахъ

г-жи Роланъ эта популярность не была послѣдствіемъ добродѣтели. Притомъ г-жа Роланъ хотѣла бы сама безраздѣльно пользоваться народною благосклонностью для своего мужа и своей партіи. Роланъ и его жирондистскіе товарищи, Серванъ и Клавьеръ, удвоили свои старанія, увеличили давленіе на волю короля, усилили доносы, чтобы добыть себѣ эту популярность.

Льстить собранію, вкрадываться въ расположеніе народа, раздражать якобинцевъ противъ двора, осаждать короля повелительными требованіями жертвъ, которыя, какъ знали сами жирондисты, были для него невозможны, — изъ-подъ руки обвинять короля предъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ причину всего зла, какъ помѣху всякому добру, — наконецъ, вынуждать короля, путемъ наглости и оскорбленій, выгонять своихъ совѣтниковъ, чтобы потомъ обвинить его же въ измѣнѣ, въ лицѣ ихъ, дѣлу революціи, — такова была тактика этихъ людей, простилавшая даже не столько изъ ихъ честолюбія, сколько изъ слабости.

Система оклеветанія короля, котораго они же сами были министрами, служила основаніемъ всей интриги г-жи Роланъ. Со стороны самого Ролана подобный образъ дѣйствія былъ лишь печальною прихотью; у товарищей его — являлся соперничествомъ въ *патріотизмъ* съ Робеспьеромъ; у г-жи Роланъ вызывался страстнымъ стремленіемъ къ республикѣ, которая нетерпѣливо смотрѣла на остатки трона и предупредительно улыбалась партіямъ, готовымъ низвергнуть монархію. Когда партіи не имѣли болѣе оружія, г-жа Роланъ и ея друзья спѣшили вручить имъ его.

2.

Роковой примѣръ такого образа дѣйствій былъ поданъ поступкомъ военнаго министра Сервана. Этотъ министръ, находясь подъ властью г-жи Роланъ, предложилъ Національному собранію, безъ полномочія короля и безъ согласія совѣта, собрать вокругъ Парижа лагерь изъ 20,000 человекъ. По плану жирондистовъ, эта армія, составленная изъ федератовъ, набранныхъ изъ самыхъ экзальтированныхъ людей въ провинціяхъ, должна была служить какъ-бы центральнымъ ополченіемъ общественнаго мнѣнія, преданнымъ собранію, уравновѣшивающимъ королевскую стражу и напоминающимъ собою ту парламентскую армію, которая, состоя въ распоряженіи Кромвеля, повела Карла I на эшафотъ.

Собраніе, за исключеніемъ конституціонной партіи, съ живостью ухватилось за эту мысль, какъ вообще ненависть хватается за предложенное оружіе. Король почувствовалъ ударъ. Дюмурье понялъ вѣроломство. Онъ не могъ сдержать въ совѣтѣ свой гнѣвъ противъ Сервана. Упреки Дюмурье были упреками честнаго защитника своего короля. Отвѣты Сервана отличались и уклончивостью и вызывающимъ характеромъ. Оба министра положили свои руки на шпаги, такъ что, если-бы не присутствіе короля и не вмѣшательство сотоварищей по министерству, въ совѣтѣ министровъ была бы пролита кровь.

Король хотѣлъ отказать въ санкціи этому декрету. „Слишкомъ поздно“, сказалъ ему Дюмурье, „вашъ отказъ изобличилъ бы боязнь, хотя и вполне основательную, но такую, которую нужно остерегаться показывать врагамъ“. Король попросилъ времени на размышленіе.

На другой день жирондисты пригласили короля дать санкцію декрету о неприсяжныхъ священникахъ. Здѣсь они столкнулись съ религіозною совѣтливостью Людовика XVI. Этотъ послѣдній, опираясь на свои убѣжденія, объявилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ подпишетъ гоненіе своей церкви. Дюмурье, наравнѣ съ жирондистами, настаивалъ на этой санкціи. Король былъ непоколебимъ. Напрасно Дюмурье представлялъ ему, что, отказываясь отъ легальныхъ мѣръ противъ неприсяжнаго духовенства, онъ подвергаетъ священниковъ убійствамъ и такимъ образомъ становится отвѣтственнымъ за проливаемую кровь. Напрасно представлялъ онъ королю, что этотъ отказъ въ санкціи лишитъ популярности министерство и отниметъ у него самого всякую надежду спасти монархію. Напрасно обращался онъ къ королевѣ и заклиналъ ее чувствами матери присоединиться къ министрамъ, чтобы убѣдить короля. Сама королева была долгое время безсильна. Наконецъ, король, повидимому, поколебался; онъ назначилъ Дюмурье тайное свиданіе вечеромъ. Во время этого разговора король велѣлъ Дюмурье представить ему трехъ министровъ для замѣны Ролана, Клавьера и Сервана. Дюмурье былъ готовъ къ этому: онъ предложилъ Верженія для финансовъ, Найльяка—для иностранныхъ дѣлъ, Мурга для внутреннихъ дѣлъ. Себѣ онъ оставлялъ военный портфель,—составлявшій диктаторское министерство въ ту минуту, когда вся Франція обращалась въ армію. Роланъ, Клавьеръ и Серванъ, сильно раздраженные отставкой, которую они не предвидѣли, хотя сами же ее вызвали, устремились со своими жалобами въ собраніе. Тамъ они были приняты, какъ мученики за свой патріотизмъ, и наполнили трибуны собранія своими приверженцами.

3.

Роланъ, Клавьеръ и Серванъ присутствовали въ засѣданіи подъ предлогомъ необходимости изложить причины своей отставки. Роланъ прочиталъ въ собраніи знаменитое конфиденціальное письмо, продиктованное ему женою и читанное королю въ кабинетѣ послѣдняго. Роланъ старался выказывать увѣренность, что отставка министровъ была наказаніемъ за его смѣлость. Совѣты, которые онъ давалъ королю въ этомъ письмѣ, обратились, такимъ образомъ, противъ несчастнаго государя. Никогда Людовикъ XVI не получалъ даже отъ мятежниковъ удара болѣе страшнаго, чѣмъ тотъ, который былъ нанесенъ его же министромъ. Страсти омрачаютъ народное сознаніе. Бываютъ дни, когда вѣроломство считается геройствомъ. Жирондисты сдѣлали изъ Ролана героя. Письмо его велѣли напечатать и разослать по 83 департаментамъ.

Роланъ вышелъ покрытый рукоплесканіями. Дюмурье вошелъ среди свистковъ. На трибунѣ онъ сохранилъ свое боевое хладнокровіе. Дюмурье началъ возвѣщеніемъ собранію о смерти генерала Гувіона. „Онъ счастливъ“, сказалъ печально Дюмурье, „что умеръ, сражаясь противъ непріятели, и не присутствуетъ при раздирающихъ насъ раздорахъ. Я завидую его смерти“. Въ выраженіяхъ Дюмурье замѣтна была энергія и спокойствіе чловѣка съ сильнымъ характеромъ, который рѣшился бороться на смерть съ партіями. Наконецъ, онъ прочиталъ мемуаръ о военномъ министерствѣ. Вступленіе въ его рѣчь отличалось задоромъ по отношенію къ якобинцамъ и требовало ува-

женія, должнаго министрамъ исполнительной власти. „Слышите ли новаго Кромвеля?“... вскричалъ Гаде громовымъ голосомъ. „Онъ уже такъ увѣренъ въ своей власти, что осмѣливается дѣлать для насъ обязательными свои совѣты“. „А почему бы и нѣтъ?“ гордо сказалъ Дюмурье, обращаясь къ „Горѣ“. Увѣренность Дюмурье произвела внушительное дѣйствіе на собраніе: военная осанка доставила ему уваженіе народа. Депутаты изъ фельяновъ вышли вмѣстѣ съ нимъ и проводили его въ Тюльери. Король объявилъ, что можетъ согласиться дать санкцію декрету о 20,000 человекъ войска. Что же касается до декрета о священникахъ, то король повторилъ министрамъ, что рѣшеніе его принято: онъ поручилъ имъ отнести къ президенту собранія свое собственноручное письмо съ изложеніемъ причинъ королевскаго veto. Министры поклонились и съ тревогою разошлись.

4.

Возвратясь къ себѣ, Дюмурье узналъ, что были сборища въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Онъ увѣдомилъ о томъ короля. Послѣдній думалъ, что его хотятъ запугать. Онъ потерялъ довѣріе къ Дюмурье, который подалъ въ отставку: она была принята. Портфель министерства иностранныхъ дѣлъ былъ ввѣренъ Шамбона; министерства войны—Лажару, военному изъ партіи Лафайета, внутреннихъ дѣлъ—Монсьелю, конституціонисту—фельяну и другу короля. Это было 17 іюня; яacobинцы, народъ, руководимый жирондистами, уже волновали столицу; все предвѣщало близкое возстаніе. Новые министры, безъ сильной арміи, безъ популярности и безъ партіи, принимали, такимъ образомъ, на себя отвѣтственность за опасности, собранныя ихъ предмѣстниками. Король видѣлъ Дюмурье въ послѣдній разъ. Прощаніе монарха съ его министромъ было трогательно.

„Такъ вы отправляетесь въ армію?“ сказалъ король. „Да, государь“, отвѣчалъ Дюмурье. Я покидалъ бы этотъ ужасный городъ съ удовольствіемъ, если-бы не сознавалъ опасности для Вашего Величества. Послушайте меня, государь, мнѣ не суждено болѣе васъ видѣть. Мнѣ 53 года; я обладаю опытностью. Относительно декрета о священникахъ обманываютъ вашу совѣсть. Васъ ведутъ къ междоусобной войнѣ. Вы безсильны, вы падете, и исторія, сожальясь васъ, все-таки обвинитъ васъ въ несчастіяхъ народа“. Король сидѣлъ близъ стола, гдѣ подписывалъ отчеты генерала. Дюмурье стоялъ подлѣ него, сложивъ руки. Король взялъ его за руки и сказалъ ему взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ: „Богъ свидѣтель, что я думаю только о счастіи Франціи“. „Я въ этомъ не сомнѣваюсь“, сказалъ растроганный Дюмурье. „Но вы обязаны Богу отчетомъ не только за чистоту, но также и за просвѣщенное приложеніе къ дѣлу вашихъ намѣреній. Вы думаете спасти религію, а вы ее разрушаете. Священники подвергнутся убійствамъ. Корона будетъ у васъ отнята; быть можетъ даже, вы, королева, ваши дѣти“... Онъ не кончилъ; онъ прильнулъ губами къ рукѣ короля, который проливалъ слезы. „Я ожидаю смерти“, сказалъ король печально, и заранѣе прощаю ее своимъ врагамъ. Я доволенъ вашимъ сочувствіемъ. Вы мнѣ хорошо служили; я васъ уважаю. Прощайте. Будьте счастливые меня“. Сказавъ эти слова, Людовикъ XVI

удалился въ амбразуру окна въ глубинѣ комнаты, стараясь скрыть свое смущеніе. Дюмурье больше его не видалъ. Нѣсколько дней онъ пробылъ въ уединеніи, въ отдаленномъ углу Парижа. Считая армию единственнымъ пріютомъ, гдѣ гражданинъ могъ еще служить своему отечеству, онъ уѣхалъ въ Дуэ, главную квартиру генерала Люкнера.

5.

Жирондистскіе министры оставались нѣкоторое время въ переходномъ состояніи между униженіемъ своего паденія и радостью близкаго мщенія. „Вотъ, меня выгнали“, сказалъ Роланъ своей женѣ, возвратившись домой. „Я жалѣю только о томъ, что наша медлительность помѣшала намъ взять на себя инициативу“. Г-жа Роланъ удалась въ скромное помѣщеніе, не потерявъ ничего изъ своего вліянія и не жалѣя о власти, потому что уносила въ свое уединеніе умъ, патриотизмъ и друзей. вмѣстѣ съ нею перемѣнила мѣсто и интрига; изъ министерства внутреннихъ дѣлъ она всецѣло перешла въ маленькій кружокъ, который г-жа Роланъ собирала около себя и вдохновляла своею страстностью.

Кружокъ г-жи Роланъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Привлекательность этой женщины сливалась въ сердцахъ ея друзей съ прелестью свободы. Въ лицѣ ея они обожали будущую республику. Любовь, въ которой эти молодые люди не сознавались передъ собою, опредѣляла, безъ вѣдома ихъ самихъ, выборъ ихъ политики. Идеи становятся дѣятельными только тогда, когда ихъ оживляетъ чувство. Г-жа Роланъ была живымъ чувствомъ своей партіи.

Эта послѣдняя завербовала въ свои ряды человѣка, хотя посторонняго Жирондѣ, но одареннаго молодостью, рѣдкой красотой и энергіей, а такія качества должны были естественно повести его въ партію иллюзій и любви, ктому же управляемую женщиною. Этотъ молодой человѣкъ былъ Барбару.

Барбару было тогда только 26 лѣтъ. Онъ родился въ Марсели и принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ семействъ мореплавателей, которые въ своемъ характерѣ, даже въ наружности сохраняютъ отвагу, къ какой пріучила ихъ жизнь, и бурныя свойства своей привычной стихіи. Изящество фигуры, идеальная грація лица Барбару напоминали то совершенство формъ, которому поклонялась древность въ статуяхъ Антиноя. Въ чистотѣ профиля молодого фокейца проявлялась кровь той азіатской Греціи, колонию которой составлялъ Марсель. Столь же богато одаренный дарами умственными, какъ и физическими, Барбару рано началъ упражняться въ ораторскомъ искусствѣ. Онъ сдѣлался адвокатомъ и талантливо защитилъ нѣсколько публичныхъ дѣлъ. Но могущество и искренность его натуры отвращались отъ того, часто наемнаго краснорѣчія, которое старается подражать страсти. Для Барбару нужно было такое національное дѣло, гдѣ въ свое слово человѣкъ вкладываетъ всю свою душу, отдаетъ вмѣстѣ со словомъ свою кровь. Революція, вмѣстѣ съ которою онъ родился, предлагала ему подобное дѣло. Барбару нетерпѣливо ждалъ случая и времени, чтобы послужить ей.

Юность Барбару держала его еще вдали отъ той арены, на которую онъ горѣлъ желаніемъ устремиться. Онъ проводилъ свои молодые дни близъ де-

ревни Олліулъ, въ маленькомъ имѣніи, принадлежавшемъ его семейству, скрытомъ подъ соснами, которыя однѣ только даютъ немного тѣни известковымъ склонамъ этой долины. Онъ занимался тамъ воздѣлываніемъ растений, существованіе которыхъ оспаривается у скалистой почвы безплодіемъ ея и сильнымъ солнечнымъ жаромъ.

Въ часы досуга Барбару изучалъ естественныя науки и велъ переписку съ двумя швейцарцами, системы міросозерцанія которыхъ занимали тогда ученый міръ: Соссюромъ и Мара. Но наука не удовлетворяла Барбару; его натура исходила изъ чувства. Барбару изливалъ это чувство въ элегической поэзіи, жгучей, какъ югъ, необъятной, какъ горизонтъ, который былъ у него предъ глазами. Въ этой поэзіи слышится южная меланхолія, томительность которой граничитъ съ наслажденіемъ и которая похожа на пѣсни человѣка, сидящаго на солнцѣ послѣ всѣхъ своихъ дѣлъ. Мирабо началъ свою жизнь подобнымъ же образомъ. Читая стихи Барбару, можно бы сказать, что сквозь свои первыя слезы онъ видѣлъ вдали свои ошибки, искупленіе ихъ и эшафотъ.

6.

Послѣ избранія Мирабо и волненій, которыя слѣдовали за тѣмъ, Барбару былъ назначенъ секретаремъ марсельскаго муниципалитета. Во время авиньонскихъ смуть онъ взялся за оружіе и выступилъ во главѣ молодыхъ марсельцевъ противъ притѣснителей. Воинственная фигура, затѣмъ движенія, порывы, голосъ,—дѣлали Барбару вождемъ вездѣ; онъ увлекалъ. Когда Барбару былъ посланъ депутатомъ въ Парижъ, чтобы отдать отчетъ Національному собранію о событіяхъ на югѣ,—жирондисты Верньо и Гаде, которые хотѣли покрыть амнистіею авиньонскія преступленія, окружили молодого человѣка, стараясь привязать его къ себѣ. Барбару, неукротимый, какъ его возрастъ, не оправдывалъ авиньонскихъ палачей, но ему были отвратительны и жертвы: такого-то человѣка и нужно было жирондистамъ. Пораженные его краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ, они представили его г-жѣ Роланъ. Едва-ли какая-нибудь женщина была болѣе способна увлекать; едва-ли другой мужчина былъ болѣе склоненъ увлекаться. Г-жа Роланъ, во всемъ блескѣ своей красоты, полная нѣжныхъ ощущеній, которыхъ чистота жизни не могла потушить въ ея пустомъ сердцѣ, говорить о Барбару съ отгѣнкомъ нѣжности: „я читала“, говоритъ она, „въ кабинетѣ моего мужа письма Барбару, полныя чрезвычайнаго ума и разсудительности; увидѣвъ его, я была изумлена его молодостью. Онъ почувствовалъ привязанность къ моему мужу. Послѣ выхода изъ министерства мы видали его опять. Въ это время, разсуждая о дурномъ положеніи вещей и опасаясь торжества деспотизма на сѣверѣ Франціи, мы составили проектъ республики на югѣ. „Это наше крайнее средство“, сказалъ мнѣ, улыбаясь, Барбару, „но марсельцы, которые прибыли сюда, избавятъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ нему“.

7.

Роланъ жилъ тогда въ темномъ домикѣ въ улицѣ Сень-Жакъ, почти подъ крышей: это было настоящее убожище философа, освѣщаемое женою Ролана.

Свидѣтельница всѣхъ разговоровъ Ролана, она присутствовала и при совѣщаніяхъ своего мужа съ молодымъ марсельцемъ. Барбару слѣдующимъ образомъ рассказываетъ сцену, въ которой у нихъ родилась первая мысль о республикѣ. „Эта удивительная женщина была тутъ“, говоритъ онъ. „Роланъ спрашивалъ меня какими средствами думаю я спасти Францію. Я раскрылъ ему свое сердце. Моя довѣрчивость вызвала довѣрчивость и съ его стороны. „Свобода потеряна“, сказалъ Роланъ, „если не будутъ обнаружены, какъ можно скорѣе, интриги двора. Лафайетъ замышляетъ измѣну на сѣверѣ. Армія центра систематически распускается. Черезъ 6 недѣль австрійцы будутъ въ Парижѣ. Развѣ мы столько лѣтъ трудились надъ прекраснѣйшею изъ революцій только для того, чтобы видѣть ее ниспровергнутою въ одинъ день! Если свобода умретъ во Франціи, то она навсегда потеряна и для остального міра. Обмануты всѣ надежды философіи. Предразсудки и тиранія снова овладѣютъ землею. Предупредимъ это несчастіе, и если сѣверъ порабощенъ, то перенесемъ съ собою свободу на югъ и положимъ тамъ гдѣ нибудь основаніе колоніи людей свободныхъ! Жена Ролана плакала, слушая его. Смотри на нее, я самъ плакалъ. О, до какой степени довѣрчивыя изліянія утѣшаютъ и подкрѣпляютъ опечаленнаго человѣка. Я набросалъ краткій очеркъ средствъ и надеждъ свободы на югѣ. Тихая радость освѣтила чело Ролана; онъ сжалъ мнѣ руку и мы начертали на географической картѣ Франціи границы новаго владѣнія свободы: онѣ простирались отъ Дуба, Эна и Роны до Дордони и отъ неприступныхъ горъ Оверни до Дюранса и до моря. Подъ диктовку Ролана я написалъ въ Марсель требованіе одного баталіона съ двумя пушками. Когда эти основанія были улажены, я оставилъ Ролана, проникнутый уваженіемъ къ нему и къ его женѣ. Я ихъ опять увидѣлъ потомъ, во время ихъ вторичнаго министерства, и нашелъ ихъ такими же простыми, какъ и въ прежнемъ скромномъ убѣжищѣ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ дѣятелей, Роланъ кажется мнѣ болѣе близкимъ къ Катону; но надо сказать, что и талантами и смѣлостью онъ обязанъ своей женѣ“.

Такимъ-то образомъ, мысль о федеративной республикѣ родилась при первомъ свиданіи Барбару и г-жи Роланъ. Эта мечта, составлявшая въ ихъ глазахъ отчаянное средство свободы, была впоследствии имъ поставлена въ вину, какъ злоумышленный заговоръ. Этотъ первый вздохъ патріотизма двухъ людей, которые при встрѣчѣ угадывали другъ друга, былъ для нихъ прелестью, но былъ и ихъ преступленіемъ.

8.

Съ этого дня жирондисты, освободившись отъ всякихъ обязательствъ къ королю и къ министрамъ, стали вести интригу,—тайно у г-жи Роланъ, публично—на трибунѣ,—въ пользу уничтоженія монархіи. Казалось они завидовали якобинцамъ въ обладаніи честью наносить трону наиболѣе смертельные удары. Робеспьеръ говорилъ еще пока только во имя конститудіи,—замыкался въ границы закона, не опережалъ народа. Жирондисты говорили уже во имя республики, указывали глазами и движеніями на республиканскій переворотъ, къ которому каждый день приближалъ ихъ болѣе и болѣе. Совѣщанія у Ро-

лана все учащались и къ нимъ присоединились новыя лица. Здѣсь присутствовали: Роланъ, Бриссо, Верньо, Гаде, Жансонне, Кондорсе, Петіонъ, Лантена, который измѣнилъ въ часъ опасности; Валазе, Пашъ, который преслѣдовалъ и притѣснялъ своихъ друзей; Гранжневъ, Луве, который подь легкостью нравовъ и веселостью скрывалъ сильную энергію; Шамфоръ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ вельможами, человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, но злымъ сердцемъ, разочаровавшійся въ народъ прежде, чѣмъ успѣлъ послужить ему; Карра, популярный журналистъ, энтузіастъ-республиканецъ, одержимый горячкой свободы; Шенье, поэтъ революціи, которому суждено было пережить ее и сохранить свой культъ до смерти подь тиранніей имперіи; Дюсо, который подь своими бѣлыми волосами таилъ юношескій энтузіазмъ къ философіи, былъ нестормъ всѣхъ молодыхъ людей и умѣрялъ ихъ пылъ своимъ словомъ; наконецъ Мерсье, обращающій въ шутку все, даже тюрьму и смерть.

9.

Но изъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ страстный порывъ революціи соединилъ вокругъ г-жи Роланъ, она предпочитала Бюзо. Болѣе привязанный къ этой женщинѣ, чѣмъ къ своей партіи, Бюзо былъ для г-жи Роланъ другомъ,— а другіе были только ея орудіями или соучастниками: она быстро осудила Барбару. Самый этотъ судъ, носившій на себѣ отпечатокъ нѣкоторой горечи, составлялъ какъ бы раскаяніе въ тайномъ расположеніи, внушенномъ ей сначала наружностью молодого человѣка. Она обвиняетъ себя за то, что нашла его столь прекраснымъ, и какъ-бы предохраняетъ свое сердце противъ увлеченія взоровъ. „Барбару легкомысленъ“, говоритъ она, „поклоненіе, расточаемое ему безнравственными женщинами, вредитъ серьезности его чувствъ. Видя такихъ красивыхъ молодыхъ людей, слишкомъ упоенныхъ впечатлѣніемъ, какое они производятъ, я не могу удержаться отъ мысли, что они слишкомъ поклоняются сами себѣ, чтобы въ должной мѣрѣ любить отечество“.

Если бы было возможно приподнять покрывало съ сердца этой добродѣтельной женщины, которая сама не приподнимала его изъ страха найти тамъ чувство, противное ея обязанностямъ, то мы убѣдились бы, что ея инстинктивная склонность была на минуту въ пользу Барбару, но зрѣлое чувство оставалось все-таки въ пользу Бюзо. Ни долгъ, ни свобода не могутъ всецѣло наполнить натуру такой прелестной, страстной женщины какъ г-жа Роланъ. Долгъ леденитъ сердце, политика обманываетъ его, добродѣтель его сдерживаетъ, любовь наполняетъ; г-жа Роланъ любила Бюзо. Бюзо въ лицѣ ея поклонялся своей вдохновительницѣ и своему идолу. Быть можетъ, они никогда на словахъ не признавались другъ другу въ чувствѣ, которое для нихъ стало бы менѣе священнымъ въ тотъ день, когда сдѣлалось бы преступнымъ. Но это чувство, которое они скрывали отъ самихъ себя, неволью обнаружилось у нихъ предъ смертью. Въ послѣдніе дни и часы этого человѣка и этой женщины вздохи, движенія и слова выдали предъ лицомъ смерти тайну, которая сдерживалась при жизни. Потомство имѣетъ право видѣть такую тайну, но не въправѣ за нее обвинять.

Роланъ, человѣкъ уважаемый, но угрюмый, имѣлъ требованія, свойствен-

ныя слабости, но не обладалъ ея признательностью и граціею по отношенію къ своей подругѣ. Последняя оставалась вѣрно ему больше изъ уваженія къ самой себѣ, чѣмъ изъ влеченія къ нему. Они оба любили одно и тоже дѣло, — дѣло свободы. Но фанатизмъ Ролана былъ холоденъ, какъ гордость, а у его жены пламененъ, какъ любовь. Она каждый день приносила себя въ жертву славѣ своего мужа; но едва замѣчала свою жертву. Въ сердцѣ этой женщины можно прочесть, что она носить свое иго съ гордостью, но что все-таки это иго ее тяготитъ. Она рисуетъ Бюзо какъ бы любуясь имъ, видитъ въ немъ идеаль своего внутренняго счастья. „Человѣкъ впечатлительный, пылкій, меланхолическій,“ говоритъ она, „страстно преданный созерцанію природы, онъ, кажется, созданъ для того, чтобы наслаждаться счастьемъ и давать его другимъ. Этотъ человѣкъ могъ бы забыть цѣлый міръ для утѣхъ, доставляемыхъ добродѣтелями въ частной жизни. Онъ способенъ къ возвышеннымъ порывамъ и постоянной привязанности; люди грубой и низкой природы, которые вообще любятъ принижать то, съ чѣмъ не могутъ сравняться, обвиняютъ его въ мечтательности. Одаренный пріятной фигурой, изящной осанкой, онъ даетъ въ своемъ костюмѣ преобладающее мѣсто заботливости, чистотѣ, пристойности, которыя показываютъ уваженіе къ себѣ самому и къ другимъ. Въ то время, когда осадокъ націи возводитъ къ дѣламъ льстецовъ и развратителей народа, — когда убійцы божатся, пьютъ и одѣваются въ лохмотья, чтобы брататься съ чернью, Бюзо проповѣдуетъ мораль Сократа и сохраняетъ вѣжливость Сципіона. Тогда уничтожаютъ его домъ и изгоняютъ его самага, какъ Аристиду. Удивляюсь, какъ они не постановили, чтобы было забыто и его имя!“ Человѣкъ, о которомъ г-жа Роланъ говорила въ такихъ выраженіяхъ изъ глубины своей темницы, наканунѣ смерти, — этотъ блуждающій изгнанникъ, скрывавшійся въ гротахъ Сентъ-Эмилиона, упалъ, какъ пораженный громомъ, и на нѣсколько дней лишился разсудка, узнавъ о смерти г-жи Роланъ.

Въ эту же самую эпоху съ г-жею Роланъ старался сблизиться Дантонъ, имя котораго начинало возвышаться надъ толпой, гдѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность, хотя и нѣсколько площаднаго характера. Возникалъ вопросъ: въ чемъ состояла тайна возрастающаго значенія этого человѣка? откуда онъ происходилъ? кто онъ былъ? куда онъ стремился? Ислѣдовали его происхожденіе, первое появленіе на народную арену, первыя связи съ знаменитостями того времени. Причину изумительной популярности Дантона искали въ чемъ-то таинственномъ. Она заключалась, главнымъ образомъ, въ его натурѣ.

10.

Дантонъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ простыхъ авантюристовъ демагогіи, которые, подобно Мазаниелло или Эберу, появляются въ моменты бурленія массъ. Онъ исходилъ изъ промежуточныхъ рядовъ націи, изъ самага сердца ея. Семейство Дантона, безукоризненное, честное, принадлежавшее къ числу собственниковъ и промышленниковъ, — древняго происхожденія, уважаемой репутациі, — водворилось въ Арсень-сюръ-Объ и владѣло сельскимъ имѣніемъ въ окрестностяхъ этого городка. Оно принадлежало къ числу тѣхъ скромныхъ, но уважаемыхъ семействъ, основу существованія которыхъ составляетъ земля,

главное занятіе — ея воздѣльваніе, но которыя все-таки даютъ своимъ сыновьямъ самое полное нравственное и научное воспитаніе и готовятъ ихъ, такимъ образомъ, къ свободнымъ общественнымъ профессіямъ. Отецъ Дантона умеръ въ молодости. Мать его вторично вышла замужъ въ Арисъ-сюръ-Объ за фабриканта, который владѣлъ и управлялъ маленькою прядильнею. Еще и теперь можно видѣть за городомъ, близъ рѣки, въ прелестной мѣстности, полу-городской, полу-сельскій домъ, и садъ на берегу рѣки Оба, гдѣ протекло дѣтство Дантона.

Вотчимъ его, г. Рикорденъ, заботился о воспитаніи мальчика, какъ своего собственнаго сына. Ребенокъ имѣлъ открытую, общительную натуру; его любили несмотря на безобразіе и буйства, потому что некрасивость лица озарялась умомъ, а неукротимость характера затихала и обращалась въ раскаяніе при маѣйшей ласкѣ матери. Дантонъ учился въ Труа, столицѣ Шампани. Онъ не подчинялся дисциплинѣ, былъ лѣнивъ въ работѣ, но любимъ своими наставниками и товарищами; быстрая понятливость мальчика мгновенно ставила его наравнѣ съ самыми прилежными. Инстинктъ освобождалъ его отъ размышленія. Онъ ничему не учился, но все угадывалъ. Товарищи Дантона называли его Катилиной. Онъ принялъ это имя и иногда игралъ съ ними въ мятежи и возстанія, которыя возбуждалъ или успокаивалъ своими рѣчами, какъ бы репетируя въ школѣ роль, которую ему пришлось играть потомъ въ жизни.

11.

Г. и г-жа Рикорденъ, достигшіе уже преклонныхъ лѣтъ, передали Дантону, когда воспитаніе его было окончено, скромное имѣніе его отца. Дантонъ поѣхалъ въ Парижъ для окончанія своего юридическаго образованія и купилъ мѣсто адвоката въ парламентѣ. Онъ пользовался имъ мало и безъ всякаго отличія. Онъ презиралъ подьячество. Натура Дантона и его слово были въ уровень съ болѣе великими вопросами, — съ дѣломъ народа и трона. Учредительное собраніе начинало затрогивать эти вопросы. Внимательный и страстный Дантонъ нетерпѣливо желалъ принять въ этомъ участіе. Онъ искалъ знаменитыхъ людей, слово которыхъ потрясало Францію. Онъ присоединился къ Мирабо, вступилъ въ сношенія съ Камилломъ Демуленомъ, Маратомъ, Робеспьеромъ, Петіономъ, Брюномъ (впослѣдствіи маршалъ), Фабръ д'Эглантинемъ, герцогомъ Орлеанскимъ, Лакло, Лакруа и всѣми какъ извѣстными такъ и второстепенными агитаторами, которые тогда волновали Парижъ. Дни онъ проводилъ на трибунахъ собранія, на прогулкахъ, въ кофейныхъ, — ночи въ клубахъ. Нѣсколько счастливыхъ словъ, нѣсколько короткихъ рѣчей, нѣсколько громовыхъ раскатовъ, полныхъ таинственности, а въ особенности головной уборъ Дантона, похожій на гриву, размахивая движенія, громовой голосъ, — все это сдѣлало его замѣтнымъ. Но подъ ораторскими качествами, чисто физическими, люди избранные замѣтили глубокой здравый смыслъ и инстинктивное знаніе человѣческаго сердца. Подъ наружностью агитатора они уже видѣли государственнаго человѣка. Дѣйствительно, Дантонъ читалъ исторію, изучалъ древнихъ ораторовъ, упражнялся въ настоящемъ краснорѣчій, — въ такомъ краснорѣчій,

ДАНТОНЪ.

которое, вдохновляя челоуѣка, просвѣщаетъ его, и задумывалъ играть роль, значительно высшую настоящей. Онъ требовалъ лишь отъ революціоннаго движенія, чтобы оно его подняло настолько, чтобы онъ самъ могъ господствовать надъ нимъ.

Дантонъ женился на дѣвицѣ Шарпантье, дочери торговца лимонадомъ. Эта молодая женщина силою своей нѣжности овладѣла имъ и незамѣтно возвратила Дантона отъ беспорядочной жизни его юности къ болѣе правильнымъ домашнимъ привычкамъ. Она угасила пылъ его страстей, но была не въ силахъ подавить ту страсть, которая пережила всѣ прочія: честолюбивое стремленіе къ великой судьбѣ. Дантонъ, удалившись въ маленькое помѣщеніе въ *cour du commerce*, подлѣ жилища своего тестя, жилъ трудолюбиво, но бѣдно, и принималъ только небольшое число друзей, почитателей его таланта, раздѣлявшихъ его судьбу. Самыми постоянными изъ нихъ были Камилль Демуленъ, Пегіонъ и Брюнъ. На этихъ совѣщаніяхъ подавались сигналы къ крупнымъ беспорядкамъ. Тайныя субсидіи двора соблазняли тамъ жадность вожди революціонной молодежи. Онъ не отвергалъ ихъ, употребляя эти средства то для возбужденія, то для сдерживанія волненія общественнаго мнѣнія.

Отъ перваго брака Дантонъ имѣлъ двухъ сыновей, которыхъ смерть его застала сиротами и которые наслѣдовали его маленькое имѣніе въ Арсисъ-сюръ-Объ. Эти два сына Дантона, утраченные извѣстностью своего имени, удалились на свою наслѣдственную землю и обрабатывали ее собственными руками. Они скрыли въ честной и трудолюбивой неизвѣстности всю репутацію своего отца. Подобно сыну Кромвеля, они тѣмъ болѣе любили неизвѣстность и безмолвіе въ жизни, чѣмъ болѣе ихъ фамиліное имя обладало зловѣщимъ блескомъ и бурнымъ отголоскомъ въ мірѣ. Они остались холостяками, чтобы и самый родъ ихъ угасъ вмѣстѣ съ ними.

Въ описываемое нами время Дантонъ, которому честолюбивый инстинктъ давалъ предчувствовать близкій возвратъ счастья жирондистамъ, старался соединиться съ этой рождающейся партіей и напечатлѣть въ ея членахъ убѣжденіе въ своемъ важномъ значеніи. Г-жа Роланъ ласкала его, но не безъ боязни и отвращенія, какъ женщина могла бы ласкать льва.

12.

Пока въ Парижѣ жирондисты возбуждали гнѣвъ народа противъ короля, военныя дѣйствія начались въ Бельгій неудачами, которыя приписывались измѣнѣ двора. Эти неудачи происходили отъ трехъ причинъ: отъ колебанія генераловъ, которые не сумѣли сообщить своимъ войскамъ порывъ, увлекающій массы и сокрушающій препятствія, отъ дезорганизаціи армій, которыя лишились, вслѣдствіе эмиграціи, своихъ прежнихъ офицеровъ и не имѣли еще довѣрія къ новымъ,—наконецъ, вслѣдствіе отсутствія дисциплины; этотъ элементъ революціи посѣянъ былъ въ войскѣ клубами и якобинствомъ. Армія, которая разсуждаетъ, подобна ругѣ, которая стала бы думать.

Лафайетъ, вмѣсто того, чтобы съ первой минуты идти на Намюръ, сообразно плану Дюмурье, потерялъ драгоценное время на сборъ и организацію своей арміи въ Живе и Рансенскомъ лагерѣ. Вмѣсто того, чтобы служить

другимъ генераламъ примѣромъ и подать имъ сигналъ къ наступленію и побѣдѣ занятіемъ Намюра, онъ рекогносцировалъ страну съ десятью тысячами человѣкъ, оставивъ прочія свои силы на квартирахъ во Франціи, и удалился при первомъ извѣстіи о неудачахъ, понесенныхъ отрядами Бирона и Теобальда Диллона. Эти неудачи были хотя и постыдны для французскихъ войскъ, но имѣли мѣстное и преходящее значеніе. Ихъ можно объяснить изумленіемъ арміи, которая отвыкла отъ войны и страшилась вступить въ состязаніе съ цѣлой Европой, но, которая, подобно новобранцу въ первой кампаніи, не замедлитъ свыкнуться съ войной.

Подъ начальствомъ Лафайета войсками командовалъ герцогъ Лозень; его называли генераломъ Бирономъ. Это былъ человѣкъ придворный, искренно перешедшій на сторону народа. Молодой, красивый собою, рыцарскій по характеру, одаренный тою неукротимую веселостью, которая играетъ со смертью, онъ вносилъ въ республиканскіе ряды понятіе объ аристократической чести. Любимый солдатами, обожаемый женщинами, освоившійся съ лагеремъ, навывшій при дворѣ, герцогъ принадлежалъ къ числу послѣдователей той школы блестящихъ пороковъ, типомъ которой во Франціи былъ маршалъ Ришелье. Говорили даже, что сама королева любила его, но не могла уничтожить его непостоянство. Другъ герцога Орлеанскаго и товарищъ его по кутежамъ, Лозень, несмотря на то, никогда не участвовалъ въ интригахъ. Всякая измѣна была ненавистна Лозену, всякая низость его возмущала. Онъ усвоилъ себѣ революцію, какъ высокую идею, и хотѣлъ быть ея воиномъ, но не общникомъ. Онъ не измѣнилъ королю, а къ королевѣ сохранялъ всегда поклоненіе, исполненное состраданія и нѣжности. Страстно преданный философіи и свободѣ, онъ защищалъ ту и другую на войнѣ вмѣсто того, чтобы сѣять идеи этого рода среди партій. Преданность королямъ онъ замѣнилъ преданностью отечеству. Это благородное дѣло и трагическія, грустныя событія революціи сообщили характеру герцога болѣе мужественный закалъ и побудили его сражаться и умереть съ чувствомъ героя.

Герцогъ стоялъ лагеремъ съ 10,000 человѣкъ при Кіевренѣ. Онъ пошелъ на австрійскаго генерала Волье, который съ чрезвычайно слабой арміей занималъ высоты Монса. Два полка драгунъ, составлявшіе авангардъ Бирона, замѣтивъ войска Волье, были поражены внезапной паникой. Солдаты кричали объ измѣнѣ; офицеры напрасно пытались успокоить ихъ: они повернули лошадей, распространяя беспорядокъ и страхъ въ цѣлыхъ колоннахъ. Цѣлая армія разбѣжалась, машинально слѣдуя общему потоку бѣгства. Биронъ и его адъютанты устремились въ средину войскъ, стараясь остановить и собрать ихъ. Имъ заграждали дорогу, стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Кіевренскій лагерь, военная касса, экипажи самого Бирона были разграблены бѣглецами.

Пока это пораженіе безъ битвы позорило первый шагъ арміи при Кіевренѣ, убійства окровавили французское знамя въ Лиллѣ. Генералъ Диллонъ вышелъ изъ Лилля съ тремя тысячами человѣкъ и отправился на Турнэ. На небольшомъ разстояніи отъ этого города, непріятель показался на равнинѣ въ числѣ девяти сотъ человѣкъ. Едва завидя его, французская кавалерія подняла крикъ объ измѣнѣ, перешла по тѣламъ пѣхоты и бѣжала до Лилля, безъ преслѣдо-

ванія, бросивъ артиллерію, повозки, багажъ. Диллонъ, самъ увлеченный своими эскадронами до самаго Лилля, убитъ, по прибытіи туда, собственными солдатами. Его инженерный полковникъ Бертуа палъ подлѣ своего генерала, подъ штыками трусовъ, которые его оставили. Трупы этихъ двухъ жертвъ страха были повѣшены на площади и потомъ преданы мятежниками поруганію лилльской черни, которая влачила по улицамъ ихъ обезображенныя тѣла. Такимъ образомъ, путемъ позора и преступленія начались войны революціи, которыя должны были, въ теченіе двадцати лѣтъ, породить столько примѣровъ геройства и военной доблести. Анархія проникла въ лагери: военной чести тамъ *уже* не было, патриотизма *еще* не было. Порядокъ и честь составляютъ два необходимыя качества арміи. Среди анархіи нація все-таки существуетъ. Безъ дисциплины армія существовать не можетъ.

13.

При этихъ извѣстіяхъ Парижъ былъ встревоженъ, собраніе смутилось, жирондисты затрепетали, якобинцы разразились проклятіями противъ измѣнниковъ. Иностранные дворы и эмигранты не сомнѣвались болѣе, что въ нѣсколько переходовъ восторжествуютъ надъ революціей, которая испугалась своей тѣни. Лафайетъ, не будучи затронутъ, благоразумно удалился въ Живе. Рошамбо подалъ въ отставку отъ должности командующаго Сѣвѣрною арміею. На мѣсто его былъ назначенъ маршалъ Люкнеръ. Лафайетъ съ неудовольствіемъ сохранилъ начальство надъ арміею Центра.

Люкнеру было болѣе 70 лѣтъ, но онъ обладалъ еще пыломъ и подвижностью военнаго человѣка: чтобы быть великимъ полководцемъ, ему недоставало только генія. Хорошая репутація, которую во Франціи онъ нашель на-готовѣ, стояла тогда на первомъ планѣ. Для генерала большая выгода быть чужимъ той странѣ, которой онъ служить. Въ этомъ случаѣ у него нѣтъ завистниковъ, ему прощаютъ превосходство, даже предполагаютъ это послѣднее, хотя бы въ дѣйствительности его и не было,—чтобы тѣмъ лучше подавить соперниковъ.

Таково было положеніе стараго Люкнера. Онъ былъ нѣмецъ; ученикъ Фридриха Великаго, Люкнеръ блестящимъ образомъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, въ качествѣ командующаго авангардомъ, въ то время, когда Фридрихъ измѣнялъ порядокъ войны и создавалъ новую тактику. Герцогъ Шуазель хотѣлъ отнять у Пруссіи генерала этой великой школы, чтобы обучить французскихъ генераловъ новѣйшему боевому искусству. Онъ вырвалъ Люкнера у его отечества при помощи обольщеній,—богатства и почестей. Національное собраніе, изъ уваженія къ памяти короля-философа, сохранило Люкнеру пенсію въ 60,000 франковъ, данную ему до революціи. Люкнеръ, равнодушный ко всякимъ конституціямъ, считалъ себя революціонеромъ изъ признательности. Онъ почти одинъ изъ числа прежнихъ генераловъ не эмигрировалъ. Окруженный блестящимъ штабомъ изъ молодыхъ офицеровъ партіи Лафайета, каковы Карлъ Ламетъ, дю-Жарри, Матье де-Монморанси, Люкнеръ вѣрилъ, что имѣеть тѣ политическія мнѣнія, какія ему сообщались. Король ласкалъ Люкнера, собраніе лестило ему, армія его уважала. Нація видѣла въ немъ таинственнаго генія стараго военнаго искусства, пришедшаго давать уроки побѣдъ неопыт-

ному патріотизму революції и скриваючого громадныя дарованія подь грубою наружностью и подь германизмами языка. Люкнеру со всѣхъ сторонъ воздавали почести, какъ неизвѣстному божеству. Онъ не заслуживалъ ни этого поклоненія, ни оскорбленій, какими потомъ былъ осыпанъ. Это былъ храбрый, грубый солдатъ, столь же чуждый двору, какъ и клубамъ. Онъ нѣсколько дней служилъ идоломъ, а потомъ игрушкою якобинцамъ, которые, наконецъ, бросили его на эшафотъ, а онъ даже не могъ понять ни своей популярности, ни своего преступленія.

14.

Начальникомъ штаба Люкнера былъ тогда Бертъе, сдѣлавшійся вполѣдствіи правою рукою Наполеона. Старый генераль, руководимый военнымъ инстинктомъ, схватился за смѣлый планъ Дюмуре. Во главѣ 22,000 человекъ онъ вступилъ на австрійскую территорию при Куртрэ и Мененѣ. Два помощника Люкнера, Биронъ и Валансъ, заклинали его остаться тамъ. Дюмуре дѣлалъ ему письменныя настоянія въ томъ же смыслѣ. Прибывъ въ Лилль, Дюмуре узналъ, что Люкнеръ сжегъ предмѣстья Куртрэ и потомъ внезапно отступилъ на Валансенъ, чѣмъ подалъ по всей французской границѣ сигналъ къ колебаніямъ и отступленію.

Бельгійское населеніе, сдержанное въ своемъ порывѣ этими несчастіями или опасеніями Франціи, теряло надежду на освобожденіе и примиралось съ австрійскимъ игомъ. На французскихъ границахъ войска тревожно стягивались. Генераль Монтескье съ трудомъ собиралъ Южную армію. Король Сардинскій группировалъ значительныя силы на Варѣ. Авангардъ Лафайета, расположенный въ Глиселѣ, въ одной милѣ отъ Мобежа, былъ разбитъ герцогомъ Саксенъ-Тешенскимъ, который командовалъ 12,000 войскомъ. Подготавлилось великое нашествіе герцога Брауншвейгскаго на Шампань. Эмиграція отнимала офицеровъ, дезертирство сокращало ряды французскихъ солдатъ. Клубы сѣяли недовѣріе къ начальникамъ крѣпостей.

Жирондисты стремились къ возстанію, якобинцы распространяли анархію въ арміи, волонтеры не собирались, министерство было ничтожно, австрійскій комитетъ въ Тюльери велъ переписку съ державами, но не для того, чтобы измѣнять націи, а чтобы спасти жизнь короля и его семейства. Подозрѣваемое правительство, одушевленное враждебнымъ духомъ собраніе, мятежные клубы, запуганная и лишенная вождя національная гвардія, зажигательный журнализмъ, подпольныя интриги, зараженный духомъ партій муниципалитетъ, заговорщикъ мэръ, недовѣрчивый и голодный народъ, Робеспьеръ и Бриссо, Верньо и Дантонъ, борьба между жирондистами и якобинцами, которые оспаривали другъ у друга одну и ту же добычу, монархію, и старались превзойти одни другихъ въ демагогіи, чтобы овладѣть милостью народа,—таково было внѣшнее и внутреннее состояніе страны въ то время, когда война съ иноземцами налегала на Францію со всѣхъ сторонъ и должна была разразиться въ ней подвигами и преступленіями. Жирондисты и якобинцы, соединившись на мгновеніе, приостановили взаимную вражду и взапуски старались ниспровергнуть слабую конституцію, которая ихъ раздѣляла. Буржуазія, олицетворенная въ

фельянахъ, національной гвардіи и Лафайетъ, одна только оставалась преданною конституціи. Жиронда, съ высоты трибуны, обращала къ народу противъ короля воззваніе, которое позже должна была безуспѣшно дѣлать въ пользу короля противъ якобинцевъ. Чтобы господствовать надъ городомъ, Бриссо, Роланъ, Петіонъ возбуждали предмѣстья, всегдашніе центры бѣдности и мятежей. Каждый разъ, когда народъ, долго коснѣвшій въ невѣжествѣ, бываетъ потрясенъ до самой глубины, изъ него выходятъ чудовища и герои, чудеса преступленій и чудеса добродѣтели. Также должно было выйти и теперь изъ рукъ заговорщиковъ,—жирондистовъ и демагоговъ.

XVI.

Власть переходитъ къ парижской коммунѣ.—Петіонъ.—Его популярность.—Характеръ партій.—Люди, которые ими управляютъ.—Собраніе въ Шарантонѣ.—Рѣшительное нападеніе на дворець.—День 20-го іюня.—Народъ, выступивъ съ бастильской площади, по дорогѣ пополняетъ свои ряды.—Его вожди: Сантерръ, Сень-Хюрюжъ, Теруанъ де-Мерикуръ.—Картина этого народнаго возстанія.—Собраніе позволяетъ вооруженнымъ заговорщикамъ торжественно пройти предъ собою.—Оно прерываетъ свои засѣданія.—Войска расположены во дворахъ Тюльери.—Дворяне сбѣгаются ко дворцу.—Король велитъ открыть двери.—Парижскій мэръ, Петіонъ, укрывается отъ отвѣтственности.—Инсургенты въ Тюльери.—Преданность принцессы Елизаветы.—Король вынужденъ надѣть красную шапку.—Королева съ дѣтьми среди инсургентовъ.—Собраніе возобновляетъ свои засѣданія.—Оно безсильно задерживать народныя массы.—Петіонъ возвращается въ Тюльери и наконецъ отпускаетъ толпу.—Марсельцы въ Парижѣ.—Ихъ военная пѣснь.—Народъ отправляется къ нимъ навстрѣчу.—Происхожденіе «Марсельезы».

I.

По мѣрѣ того, какъ власть, вырванная изъ рукъ короля законодательнымъ собраніемъ, ускользала и отъ этого послѣдняго, она все больше и больше переходила къ парижской коммунѣ. Муниципалитетъ, служащій первымъ составнымъ элементомъ формирующихся націй, бываетъ также послѣднимъ убищемъ власти въ ту эпоху, когда націи разлагаются. Власть, прежде чѣмъ упасть въ руки плебса, останавливается на мгновеніе въ совѣтѣ городскихъ правителей. Парижская ратуша сдѣлалась народнымъ Тюльери. Послѣ Лафайета и Бальи тамъ господствовалъ Петіонъ: этотъ человѣкъ былъ настоящимъ королемъ Парижа. Чернь, обладающая вѣрнымъ инстинктомъ положенія, прозвала мэра „король Петіонъ“. Популярность онъ приобрѣлъ сперва своими личными добрыми качествами, которыя народъ почти всегда смѣшиваетъ съ общественными доблестями, а потомъ демократическими рѣчами въ учредительномъ собраніи. Равновѣсіе, которое Петіонъ искусно поддерживалъ въ клубѣ якобинцевъ между жирондистами и Робеспьеромъ, сдѣлало его человѣкомъ уважаемымъ и значительнымъ. Другъ Ролана, Робеспьера, Дантона, Бриссо, всѣхъ въ одно и то же время, заподозрѣнный въ слишкомъ интимныхъ связяхъ съ г-жей Жанлисъ и партіей герцога Орлеанскаго, онъ, несмотря на то, всегда прикрывалъ себя маскою легальной преданности порядку и суевѣрнаго поклоненія конституціи.

Такимъ образомъ, Петіонъ обладалъ всѣми кажущимися правами на уваженіе честныхъ людей и на уважаніе со стороны партій, но самымъ большимъ изъ такихъ правъ была его посредственность. Должно сознаться, что посредственность почти всегда служитъ печатью этихъ идиоловъ народа: потому ли, что толпа, сама стоя на уровнѣ посредственности, имѣтъ склонность только къ тому, что на нее похоже; потому ли, что завистливые современники никогда не въ силахъ возвыситься до справедливости къ великимъ характерамъ и великимъ добродѣтелямъ; потому ли, что Провидѣніе, распредѣляющее дарованія и способности соразмѣрно, не допускаетъ, чтобы въ свободномъ народѣ одинъ человѣкъ соединялъ въ себѣ три неодолимыхъ силы: добродѣтель, гений и популярность, или наконецъ потому, что постоянная благосклонность толпы—такого рода вещь, цѣна которой, въ глазахъ людей истинно добродѣтельныхъ, превышаетъ ея внутреннюю стоимость, и что для пріобрѣтенія этой благосклонности надобно слишкомъ унижаться, а для сохраненія ея быть слишкомъ ничтожнымъ. Петіонъ былъ королемъ народа только подъ условіемъ угожденія его излишествами. Обязанности парижскаго мэра во время смуть безпрестанно ставили Петіона между королемъ, собраніемъ и народнымъ движеніемъ. Онъ дерзко относился къ королю, льстилъ собранію, старался умѣрять преступленія. Незамѣтная диктатура парижскаго мэра,—не прикосновенная, какъ столица, которую онъ олицетворялъ въ особѣ перваго городского сановника, не имѣла другихъ полномочій, кромѣ самой своей неприкосновенности: по отношенію къ королю Петіонъ пользовался этой диктатурой съ почтительною дерзостью, предъ собраніемъ онъ преклонялъ ее, предъ вождами партій распространялъ нищъ, къ своимъ официальнымъ упрекамъ за возстаніе онъ всегда присоединялъ оправданіе преступленія, улыбку виновнымъ, ободреніе заблуждающимся гражданамъ. Народъ любилъ Петіона, какъ анархія любитъ слабость: онъ зналъ, что съ этимъ человѣкомъ можно сдѣлать все. Какъ мэръ, Петіонъ держалъ въ рукѣ законъ; какъ у человѣка, у него была на языкѣ снисходительность, а въ сердцѣ потворство; это былъ городской правитель самый удобный для эпохи политическихъ переворотовъ въ предмѣстьяхъ. Петіонъ допустилъ бы такимъ переворотамъ подготовиться, стараясь не видѣть ихъ, а потомъ—когда они совершились, узаконилъ бы ихъ.

2.

Связь съ Бриссо, которую Петіонъ имѣлъ еще съ дѣтства, сблизила его съ г-жей Роланъ. Министерство Ролана, Клавьера и Сервана повиновалось ему болѣе, чѣмъ самому королю. Петіонъ былъ членомъ ихъ совѣщаній, управлялъ отъ ихъ имени; паденіе этихъ людей не низвергало его, но вырывало у него фактическую исполнительную власть. Изгнанные жирондисты не имѣли надобности внушать Петіону свою жажду мщенія. По невозможности легально интриговать противъ короля съ его министрами, Петіону оставалось интриговать противъ Тюльери вмѣстѣ съ партіями. Національная гвардія, народъ, якобинцы, кордельеры, предмѣстья, городъ были въ его рукахъ. Петіонъ могъ отдать въ распоряженіе жиронды народное возстаніе, чтобы помочь этой партіи вновь завоевать себѣ министерство, и онъ это сдѣлалъ; онъ предоставилъ на помощь

жирондѣ всѣ случайности, даже всѣ преступленія, какія инсуррекціонное движеніе можетъ заключать въ своихъ нѣдрахъ. Въ числѣ этихъ случайностей было убійство короля и его семейства. Это событіе было заранѣе одобрено людьми, которые добивались скопленія массъ и вторженія ихъ въ королевскій дворець. Ни жирондисты, ни орлеанисты, ни республиканцы, ни анархисты, ни одна изъ этихъ партій, быть можетъ, и не мечтала о такомъ злодѣяннѣ; но всѣ смотрѣли на него какъ на возможную случайность въ будущемъ. Петіонъ который, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ этого событія, все-таки рисковалъ его возможностью. Если его намѣреніе было и невинно, то самый рискъ былъ уже преступленіемъ. Велико ли было разстояніе между желѣзомъ 20,000 пикъ и сердцемъ короля? Петіонъ не предавалъ жизни короля, королевы и ихъ дѣтей, но онъ ставилъ эту жизнь на карту.

Конституціонная стража короля была съ оскорбленіями распущена жирондистами. Герцогъ де-Бриссакъ, командовавшій ею, былъ преданъ верховному суду въ Орлеанѣ за воображаемые заговоры. Единственнымъ заговоромъ его была честь. Онъ клялся умереть вѣрнымъ солдатомъ для защиты своего государя и друга. Онъ могъ ускользнуть. Король совѣтовалъ ему бѣжать, но герцогъ не захотѣлъ этого. „Если я убѣгу“, отвѣчалъ онъ на настоянія короля, „то подумаютъ, что я виновенъ, скажутъ, что вы были моимъ сообщникомъ; мое бѣгство послужитъ къ вашему обвиненію. Я предпочитаю умереть“. Герцогъ отправился въ Орлеанскій національный судъ; онъ былъ не осужденъ, а умерщвленъ въ Версали 6-го сентября. Голова герцога, завернутая въ его бѣлые волосы, была посажена на остріе одной изъ пикъ дворцовой рѣшетки: это было кровожадной насмѣшкой надъ рыцарскою вѣрностью герцога, который и послѣ смерти все еще какъ бы охранялъ дверь жилища своихъ королей.

3.

Первыми вспышками революціи были естественныя движенія народа. Съ одной стороны король, дворъ и знать, съ другой нація. Эти двѣ стороны, стоя лицомъ къ лицу, сталкивались единственно силою идей и противоположныхъ интересовъ. Одно слово, одно движеніе, какая нибудь случайность, собраніе войскъ, неурожай, какой нибудь ораторъ, обратившійся къ толпѣ съ свирѣбою рѣчью въ Пале-Рояль, могли увлечь массы къ мятежу или побудить ихъ идти на Версаль. Духъ мятежа смѣшивался съ духомъ революціи. Всѣ были мятежниками, всѣ были солдатами, всѣ были вождами. Сигналь подавала народная страсть, начальство предоставлялось случаю.

Съ тѣхъ поръ, какъ революція совершилась, а конституція, которой присягнули съ той и другой стороны, указывала сторонамъ на законный порядокъ, дѣла пошли иначе. Народныя возстанія уже не были простыми волненіями, это были цѣлые планы. Организованные мятежи имѣли среди гражданъ свою партію, свои клубы, свои собранія, свою армію, свой лозунгъ. Анархія дисциплинировалась сама собою. Беспорядокъ ея былъ только внѣшній. Тайный умъ одушевлялъ и направлялъ анархію, безъ вѣдома ея самой. Подобно тому, какъ армія имѣетъ вождей, которыхъ знаетъ по ихъ уму и смѣлости, кварталы и части Парижа имѣли своихъ вожаковъ, которымъ повиновались.

За великою національною популярністю Мірабо, Лафайета, Бальи незамѣтно образовалась популярність другихъ второстепенныхъ людей, уже укоренившаяся въ городѣ и предмѣстьяхъ. Народъ питаль вѣру въ такое-то имя, довѣріе къ такой-то рукѣ, расположеніе къ такому-то лицу. Когда эти люди показывались, говорили, шли, толпа шла вмѣстѣ съ ними, не зная даже, куда увлекло ее стремленіе. Вождямъ довольно было назначить сборище, пустить паническій страхъ, внушить внезапный гнѣвъ, указать какую нибудь цѣль, чтобы слѣпыя массы были готовы къ дѣйствію въ назначенномъ мѣстѣ.

4.

Это случалось чаще всего на Бастильской площади, которая была Авентинскою горою народа, національнымъ лагеремъ, гдѣ и мѣстность и камни крѣпости напоминали народу его рабство и его силу. Самымъ страшнымъ изъ всѣхъ этихъ людей, управлявшихъ волненіями въ предмѣстьяхъ, былъ Дантонъ. Камилль Демуленъ, столь же смѣлый по замыслу, былъ менѣе отваженъ въ исполненіи. Природа, которая дала этому молодому человѣку безпокойный характеръ, свойственный вожакамъ толпы, отказала ему въ соответствующихъ этому вѣщности и голосѣ. Народъ ничего не понимаетъ относительно умственной силы. Высокій ростъ и звучный голосъ—вотъ два необходимыя условія для любимцевъ толпы. Камилль Демуленъ былъ малъ, худощавъ, не обладалъ блескомъ слова. Онъ обыкновенно визжалъ позади Дантона. Одинъ только Дантонъ обладалъ настоящимъ „ревомъ“, понятнымъ толпѣ.

Петіонъ пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ анархистовъ; но легальное, официальное положеніе избавляло его отъ необходимости открыто сѣять безпорядокъ. Для Петіона достаточно было желать безпорядка. Безъ него ничего не могли сдѣлать. Онъ вкладывалъ въ мятежъ свое сообщничество. Затѣмъ слѣдоваль Сантерръ, командовавшій батальономъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Сантерръ, сынъ фламандскаго пивовара,—самъ пивоваръ въ предмѣстьи,—былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ народъ понимаетъ потому, что они сами часть народа, а уважаетъ потому, что они богаты,—что они принадлежать къ аристократамъ своего квартала, которымъ прощается богатство въ вознагражденіе за ихъ обходительность. Извѣстный работникамъ, большое число которыхъ онъ нанималъ въ своей пивоварнѣ,—извѣстный толпѣ, которая посѣщала по воскресеньямъ его пивное и винное заведенія, Сантерръ былъ, сверхъ того, щедръ на помощь бѣднякамъ и на выдачу имъ сѣбѣстныхъ припасовъ. Въ голодное время Сантерръ роздалъ хлѣба на 300,000 франковъ. Онъ покупалъ себѣ популярность благотворительностью. Онъ ее завоевалъ своею храбростью при взятіи Бастиліи; онъ расточалъ эту популярность своимъ присутствіемъ при всякомъ волненіи, происходившемъ на площади. Сантерръ происходилъ отъ тѣхъ бельгійскихъ пивоваровъ, которые опаивали жителей Гента, чтобы взбунтовать ихъ.

Мясникъ Лежандръ, который былъ для Дантона тѣмъ, чѣмъ Дантонъ для Мірабо,—т. е. ступенью къ низу, къ пропасти мятежа,—Лежандръ, бывшій прежде, въ теченіе десяти лѣтъ, матросомъ на кораблѣ, обладалъ грубымъ и жестокимъ нравомъ, свойственнымъ обоемъ его профессіямъ. Съ неукротимымъ

челомъ, окровавленными руками, смертоноснымъ словомъ, онъ соединялъ, однакожь, доброе сердце. Лежандръ съ 89 года былъ замѣшанъ во всѣ инсургенціонныя движенія, и волны этой агитаціи подыали его до нѣкотораго авторитета. Онъ основалъ при Дантонѣ клубъ кордельеровъ, — клубъ смѣлыхъ предприятий, какъ якобинскій былъ клубомъ радикальныхъ теорій. Лежандръ волновалъ этотъ клубъ своимъ краснорѣчіемъ. Это былъ человѣкъ неотесанный и дикій: онъ самъ себя сравнивалъ съ приднѣвскимъ крестьяниномъ. Всегда готовый и наносить удары и говорить, Лежандръ своими тѣлодвиженіями неотразимо доказывалъ свою мысль даже прежде, чѣмъ словомъ. Онъ былъ, такъ сказать, палицею для Дантона.

Далѣе слѣдовали: Гюгененъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые въ смутныя времена перебѣгаютъ отъ одной профессіи къ другой, не имѣя возможности остановиться нигдѣ: это былъ адвокатъ, изгнанный изъ своей корпораціи, потомъ солдатъ, приказчикъ, повсюду равно неудовлетворительный, стремившійся къ власти въ надеждѣ приобрѣсти богатство, заподозрѣнный даже въ грабежѣ; Александръ, командиръ батальона Гобеленовъ, герой предмѣстій, другъ Лежандра; Марать, ходячій заговоръ, выхлѣбшій изъ своего подземелья по ночамъ, настоящий пророкъ демагогіи, жаждавшій шума, доводившій ненависть къ обществу до бреда, хваставшій этимъ и добровольно игравшій роль шута при народѣ, какъ другіе играли при дворѣ роль шотовъ короля; Дюбуа-Крансе, военный человѣкъ, образованный и храбрый; Брюнь — сабля, готовая къ услугамъ заговоровъ; Моморо, типографщикъ, опьяненный философіею; Дюбюиссонъ, темный литераторъ, котораго театральные свистки толкнули въ интригу; Фабръ д'Эглантинъ, комическій поэтъ, одержимый честолюбіемъ къ другому рода трибунѣ; Шабо — капуцинъ, ожесточившійся въ монастырѣ и горѣвшій желаніемъ отомстить суевѣрію, которое его туда заперло; Ларейни — священникъ-солдатъ; Гоншонъ, Дюкенуа — друзья Робеспьера; Карра — жирондистскій журналистъ; итальянецъ, по имени Ротондо; Ганрио, Сильбери, Луве, Лакло, — наконецъ, Барбару, агентъ Ролана и Бриссо: таковы были главные виновники народнаго движенія 20-го іюня.

5.

Всѣ эти люди сошлись въ уединенномъ домѣ Шарантона, чтобы обсудить, среди безмолвія и тайны ночи, предлогъ, планъ и часъ возстанія. Страсти были различны, нетерпѣніе одинаково. Одни хотѣли только устрашить, другіе хотѣли поразить, но всѣ одинаково хотѣли дѣйствовать. Народъ, разъяренный, остановится только тамъ, гдѣ того хочетъ судьба. Собраніе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Дантонъ, не могло стѣбняться. Разговоры оказывались излишними тамъ, гдѣ настроеніе собесѣдниковъ было одинаково. Довольствовались предложеніями безъ преній. Понимали другъ друга по взглядамъ. Рука, сжатая въ рукѣ, значительный взглядъ, многозначительный жестъ, — вотъ все краснорѣчіе людей дѣйствія. Въ двухъ словахъ Дантонъ указалъ цѣль, Сантерръ — средства, Марать — дикую энергію, Камилль Демулень — циническую веселость предположеннаго движенія; всѣ выразили рѣшимость устремить къ нему народъ. Революціонная карта Парижа была развернута на

столъ. Палець Дантона начертилъ на ней источники, притоки, теченіе, сборные пункты толпы.

Мѣстомъ собранія всей толпы и точкой отправленія народныхъ колоннъ назначена была Бастильская площадь, огромный четырехугольникъ, въ который впадали, подобно рѣкамъ, многочисленныя улицы Сень-Антуанскаго предмѣстья; послѣднее соединяется кварталомъ арсенала и мостомъ съ предмѣстьемъ Сень-Марсо, населеннымъ 200,000 работниковъ, затѣмъ черезъ бульваръ, проведенный предъ прежнею крѣпостью, открывается свободный и широкій проходъ къ центру города и Тюльери. Колонны должны были раздѣлиться на три корпуса. Высшею цѣлью движенія предполагалась петиція собранію и королю противъ veto, наложеннаго на декреты о священникахъ и двадцатитысячномъ лагерѣ; лозунгомъ—призваніе министровъ-патріотовъ Ролана, Сервана, Клавьера; результатомъ дня—народный ужасъ, распространенный по Парижу и доведенный до самаго Тюльерійскаго дворца. Парижъ ожидалъ этого визита предмѣстій. Обѣдъ на 500 приборовъ происходилъ наканунѣ въ Елисейскихъ поляхъ.

Глава марсельскихъ федералистовъ, агитаторы центральныхъ кварталовъ побратались тамъ съ жирондистами. Актеръ Дюгазонъ пропѣлъ куплеты, угрожающіе дворцу. Король изъ своего окна въ Тюльери слышалъ рукоплесканія и зловѣщія гѣсни, которыя доходили до его дворца. Что же касается до порядка шествія, причудливыхъ эмблемъ, вычурнаго оружія, чудовищныхъ костюмовъ, кровавыхъ знаменъ, бѣшеныхъ рѣчей, которыя должны были привѣтствовать появленіе этой арміи предмѣстья на улицахъ столицы, то объ этомъ заговорщики ничего не предрѣшали. Безпорядокъ и ужасъ сами по себѣ составляли часть программы. Заговорщики предоставляли пополненіе ея изступленному вдохновенію толпы и тому соперничеству въ цинизмъ, которое устанавливается само собою въ подобныхъ скопленіяхъ людей. Дантонъ это зналъ и на это рассчитывалъ.

6.

Хотя присутствіе Пани и Сержана, двухъ членовъ муниципалитета, и придавало всему плану безмолвную санкцію Петіона, но предводители движенія позаботились втихомолку привлечь къ возстанію уже въ продолженіе ночи небольшія группы людей и распорядились провести первыя сборища изъ квартала Сень-Марсо и отъ Jardin des Plantes на набережную арсенала по плоту, который служилъ тогда единственнымъ сообщеніемъ между обоими предмѣстьями. Ларейни долженъ былъ взволновать предмѣстье Сень-Жакъ и рынокъ на площади Моберъ, который посѣщаютъ каждый день для хозяйственныхъ надобностей женщины изъ народа. Продавать и покупать—въ томъ жизнь простого народа. Деньги и голодъ—вотъ его два стимула. Народъ бываетъ бурнымъ особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ стучается въ толпу именно подъ влияніемъ этихъ двухъ причинъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ возстаніе не увлекаетъ за собою народъ такъ быстро и такими большими массами.

Красильщикъ Маларъ, сапожникъ Изаберъ, кожевникъ Жибонъ, богатые и пользовавшіеся довѣріемъ ремесленники, должны были вызвать на темныя и

вонючія улицы предмѣстья Сень-Марсо ихъ бѣдное и боязливое населеніе, которое рѣдко показывается на свѣтъ большихъ кварталовъ. Александръ, военный трибунъ того парижскаго рынка, батальономъ котораго онъ командовалъ, долженъ былъ находиться во главѣ своего батальона на площади до разсвѣта, чтобы сперва сосредоточить народныя сборища, а потомъ привести ихъ въ порядокъ и направить къ набережнымъ и къ Тюльери. Варле, Гоншонъ, Ронсенъ, Сире, помощники Сантерра, опытные въ тактикѣ уличныхъ движеній со времени первыхъ волненій 89 года, обязывались произвести подобныя же операціи въ Сень-Антуанскомъ предмѣстьи. Улицы этого квартала, полныя мастерскихъ, фабрикъ, винныхъ и пивныхъ лавокъ, были настоящими казармами бѣдности, труда и мятежа, простирались отъ Бастиліи до „la Roquette“ и Шарантона и содержали въ себѣ одну цѣлую армію для нападенія на Парижъ.

7.

Эта армія знала своихъ вождей уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Они помѣщались на главныхъ перекресткахъ въ часъ выхода рабочихъ изъ мастерскихъ; брали стулъ и столъ въ самомъ извѣстномъ кабакѣ: вставъ на эти пропитанныя виномъ трибуны, ораторы называли по именамъ нѣсколькихъ прохожихъ и группировали ихъ около себя; тѣ останавливали другихъ, улица была загромождена, сборище увеличивалось всѣми мужчинами, женщинами, дѣтьми, которые сбѣгаются на шумъ. Ораторъ говорилъ рѣчь къ этой толпѣ. Вино или пиво обращались вокругъ стола бесплатно. Прекращеніе работы, рѣдкость звонкой монеты, дороговизна хлѣба, уловки аристократовъ, чтобы изнурить Парижъ голодомъ, измѣны короля, оргіи королевы, необходимость для націи предупредить заговоры австрійскаго двора,—таковы были обычныя темы этихъ рѣчей. Какъ только волненіе принимало лихорадочный характеръ, раздавался крикъ „идемъ!“ и толпа двигалась разомъ по всѣмъ этимъ улицамъ. Нѣсколько часовъ спустя, массы работниковъ изъ кварталовъ Поненкуръ, Quinze-Vingts, Гревъ, хлѣбной пристани, рынка Сень-Жанъ, выходили изъ улицы Сень-Антуанскаго предмѣстья и покрывали площадь Бастиліи. Тамъ водоворотъ всѣхъ элементовъ движенія приостанавливалъ на минуту дальнѣйшее стремленіе этого потока людей. Но вскорѣ натискъ возвращалъ себѣ прежнюю силу, и колонны инстинктивно раздѣлялись, чтобы броситься по большимъ артеріямъ Парижа. Однѣ двигались по бульвару, другія стремились по набережнымъ до Новаго моста, встрѣчались тамъ съ толпами площади Моберъ и, взаимно пополнивъ свои ряды, бросались вмѣстѣ на Пале-Рояль и на Тюльерійскій садъ.

Таково было движеніе, предписанное ночью 19-го іюня агитаторамъ различныхъ кварталовъ. Вожди разошлись, принявъ такой лозунгъ, который открывалъ движенію слѣдующаго дня необятныя надежды и, не предписывая совершать послѣднее преступленіе, уполномочивалъ народъ фактически на самыя крайнія дѣйствія. Лозунгомъ этимъ было: „покончить съ дворцомъ“.

8.

Таково было шарантонское собраніе, таковы были невидимые вожди, которые хотѣли сообщить движеніе сотнѣ тысячъ гражданъ. Лакло и Сильери, которые искали въ предметяхъ трона для своего покровителя, герцога Орлеанскаго, не сыпали ли тамъ деньгами для вербовки приверженцевъ? Это говорилось, этому вѣрили, но это никогда не было доказано. Признакомъ такого замысла служить присутствіе этихъ людей на совѣщаніи. Исторіи, при неизмѣни очевиднаго доказательства, позволяется только подозрѣвать, но не обвинять. Убійство короля дало бы на слѣдующій день корону герцогу Орлеанскому. Людовикъ XVI могъ быть умерщвленъ, хотя бы даже только оружіемъ какого нибудь пьянаго человѣка. Онъ не былъ убитъ. Это единственное оправданіе Орлеанской партіи. Нѣкоторые изъ дѣятелей движенія, какъ Марать и Эберъ, были людьми развращенными; другіе, какъ Барбару, Сильери, Лакло, Карра, были нетерпѣливыми членами партіи; наконецъ третьи, въ родѣ Сантерра, были лишь гражданами, фанатизированными свободою. Заговорщики, согласившись между собою, возбуждали и дисциплинировали городъ. Личныя, развратныя страсти разжигали великую страсть народа, направленную къ торжеству демократіи. Такъ часто, во время пожара, самыя зловонныя вещества зажигаютъ костеръ. Сгораемое отвратительно, но самое пламя чисто. Пламенемъ революціи была свобода; люди партій могли ее помрачить, но не могли осквернить.

Пока шарантонскіе заговорщики распредѣляли между собою роли и пополняли свои силы, король въ Тюльери трепеталъ за своихъ жену и дѣтей. „Какъ знать“, сказалъ онъ Мальербу съ меланхолической улыбкой, „увиди ли я завтра закатъ солнца?“

Петіонъ, сообщивъ однимъ своимъ словомъ духъ сопротивленія муниципалитету и національной гвардіи, находившимся подъ его начальствомъ, могъ все задержать и все разсѣять. Управление департамента, предсѣдателемъ котораго былъ герцогъ Ларошфуко, впоследствии убитый, энергически приглашало Петіона исполнять свой долгъ. Петіонъ медлилъ, улыбался, отвѣчалъ за все, оправдывалъ законность предположенныхъ сборищъ и петійцій, приносимыхъ массами въ собраніе. Верно съ трибуны опровергалъ тревоги конституціонистовъ, какъ клевету на невинность народа. Кондорсе смѣялся надъ безпокойствомъ, проявляемымъ министрами, и надъ требованіемъ войскъ, съ которыми они обращались къ собранію. „Не смѣшно ли“, говорилъ онъ своимъ товарищамъ, „видѣть, какъ исполнительная власть проситъ средствъ къ дѣйствию у законодателей? Пусть она спасается сама, это ея дѣло“.

Такимъ образомъ, насмѣшка соединилась съ заговоромъ противъ несчастнаго монарха. Законодатели издѣвались надъ властью, обезоруженною ихъ собственными руками, и рукоплескали дѣтелямъ смуты.

9.

Подъ такими предзнаменованіями наступилъ день 20-го іюня 1792 г. На второе совѣщаніе, болѣе тайное и менѣе многочисленное, собрались у Сантерра, въ ночь съ 19-го на 20-ое число, люди дѣйствія. Они разошлись только въ пол-

ночь. Каждый из них отправился на свой постъ, разбудилъ самыхъ надежныхъ изъ своихъ послѣдователей и распредѣлилъ ихъ небольшими группами, чтобы набирать и скоплять въ массы рабочихъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ выходить изъ своихъ жилищъ. Сантерръ отвѣчалъ за неподвижность національной гвардіи. „Будьте спокойны“, говорилъ онъ заговорщикамъ, „Петіонъ будетъ тамъ“.

Дѣйствительно, Петіонъ наканунѣ приказалъ батальонамъ національной гвардіи быть подъ ружьемъ, не для сопротивленія волнамъ народныхъ колоннъ, но чтобы сражаться съ петіонерсами и составлять кортежъ мятежа. Такая двусмысленная мѣра ограждала отъ подозрѣнія въ одно и то же время и отвѣтственность Петіона предъ департаментскими властями и его соучастіе предъ столпившимся народомъ. Однимъ онъ говорилъ: „я наблюдаю“, другимъ: „я иду съ вами“.

На разсвѣтѣ эти батальоны собрались, составивъ ружья въ пирамиды, на всѣхъ большихъ площадяхъ. Сантерръ говорилъ рѣчь къ своему батальону на развалинахъ Бастиліи. Около него увеличивались съ часу на часъ громадныя, взволнованныя, нетерпѣливыя массы народа, готовые броситься на городъ по данному сигналу. Мундиры тутъ перемѣшивались съ лохмотьями нищеты. Отряды инвалидовъ, жандармовъ, національныхъ гвардейцевъ, волонтеровъ принимали отъ Сантерра приказанія и повторяли ихъ толгѣ. Инстинктивная дисциплина брала верхъ надъ беспорядкомъ. Воинственная и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне народная внѣшность этого лагеря придавала всему сборищу болѣе характеръ экспедиціи, чѣмъ мятежа. Эта толпа знала своихъ вождей, двигалась по ихъ командѣ, шла за своими знаменами, повиновалась голосу предводителей, даже сдерживала свое нетерпѣніе, чтобы выждать подкрѣпленій и сообщить изолированнымъ взводамъ внѣшность и единство совокупныхъ движеній. Сантерръ, сидя на лошади, окруженный штабомъ изъ людей предмѣстья, отдавалъ приказанія, брался съ гражданами, протягивалъ руку инсургентамъ, приглашалъ народъ къ молчанію и достоинству и понемногу формировалъ свои колонны къ походу.

10.

Въ 11 часовъ народъ двинулся къ кварталу Тюльери. Число людей, которые отправились съ Бастильской площади, исчисляли въ 20,000. Они раздѣлялись на три корпуса: первый, состоявшій изъ батальоновъ предмѣстій, вооруженныхъ штыками и саблями, подчинялся Сантерру; второй, составленный изъ людей народа, безоружныхъ или вооруженныхъ лишь пиками и палками, шелъ подъ начальствомъ демагога Сень-Хюрюжа; третій, представлявшій орду, въ которой беспорядочно перемѣшивались мужчины въ лохмотьяхъ, женщины и дѣти, слѣдовалъ за молодой и прекрасной женщиной, одѣтой въ мужское платье, съ саблей въ рукѣ, съ ружьемъ на плечѣ, сидѣвшей на пушкѣ, которую вели голыми руками работники. Эта была Теруанъ де-Мерикуръ.

Сантерра знали: онъ былъ „королемъ предмѣстій“; Сень-Хюрюжъ былъ съ 89 года великимъ агитаторомъ Пале-Рояля.

Маркизъ де Сень-Хюрюжъ родился въ Макопѣ, въ знатномъ и богатомъ

семействѣ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей смуты, которые какъ бы олицетворяютъ въ себѣ народныя массы. Онъ былъ одаренъ высокимъ ростомъ, воинственной фигурой; громовый голосъ его заглушалъ ревъ толпы. Этому человѣку свойственны были волненія, ярость, раскаяніе, иногда также и подлости. По натурѣ онъ не былъ жестокимъ, но голова его находилась въ ненормальномъ состояніи. Слишкомъ аристократъ, чтобы быть завистливымъ, слишкомъ богатый для грабежа, слишкомъ легкомысленный, чтобы быть фанатикомъ принциповъ, Сень-Хюрюжъ увлекался революціей, какъ потокъ увлекаетъ взоръ, въ силу головокруженія. Въ жизнь маркиза входилъ элементъ безумія: онъ любилъ вихрь революціи именно потому, что она тогда походила на безуміе. Еще молодымъ человѣкомъ онъ предалъ поруганію свое имя, состояніе, честь, — принесъ ихъ въ жертву игрѣ, женщинамъ, разврату. Онъ пользовался въ Пале-Роялѣ и въ непокойныхъ кварталахъ скандальной извѣстностью. Всѣ его знали. Семейство Сень-Хюрюжа велѣло запереть его въ Бастилію. 14-го іюля его освободили. Онъ поклялся отомстить и сдержалъ свою клятву. Добровольный и неутомимый сообщникъ всѣхъ партій, онъ предлагалъ себя безплатно герцогу Орлеанскому, Мирабо, Дантону, Камиллу Демулену, жирондистамъ, Робеспьеру: онъ всегда принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла идти дальше всѣхъ, всегда былъ на сторонѣ того мятежнаго движенія, которое обѣщало больше разрушенія. Просыпаясь до разсвѣта, присутствуя во всѣхъ клубахъ, онъ бродилъ по ночамъ, являлся на всякій даже самый ничтожный безпорядокъ, чтобы его усилить, присоединялся къ самому пустому скопленію народа, стараясь его увлечь. Онъ воспламенялся общою страстью, даже не успѣвъ какъ слѣдуетъ понять ее; его голосъ, тѣлодвиженія, искаженныя черты лица, увеличивали вокругъ него эту страстность. Сень-Хюрюжъ провозглашалъ смуту, сѣялъ лихорадку, электризовалъ нерѣшительныя массы, создавалъ народный потокъ и умѣлъ увлекать за собою другихъ: онъ въ себѣ однимъ совмѣщалъ цѣлый мятежъ.

11.

За Сень-Хюрюжемъ шла Теруанъ де-Мерикуръ. Теруанъ или Ламбертина де-Мерикуръ, командовавшая третьимъ корпусомъ арміи предмѣстій, была извѣстна въ народѣ подъ именемъ „прекрасной жительницы Люттиха“. Французская революція привлекла ее въ Парижъ, какъ всякій круговоротъ втягиваетъ въ себя легко подвижную вещь. Оскорбленная любовь толкнула дѣвушку въ сферу смуты; порокъ, за который она краснѣла, сообщалъ ей жажду мщенія. Поражая аристократовъ, она думала возстановить свою честь: свой стыдъ она смывала въ крови.

Теруанъ родилась въ деревнѣ Мерикуръ, въ окрестностяхъ Люттиха, въ семействѣ богатыхъ земледѣльцевъ, и получила воспитаніе, свойственное высшимъ классамъ общества. Когда дѣвушкѣ было 17 лѣтъ, ея блестящая красота привлекла вниманіе молодого вельможи съ береговъ Рейна, замокъ котораго находился въ сосѣдствѣ съ жилищемъ Теруанъ. Она была любима, соблазнена, брошена и бѣжала изъ отческаго дома въ Англію. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, она перешла во Францію. Имѣя рекоменда-

цію къ Мирабо, Теруань чрезъ него узнала Сієса, Жозефа Шеньє, Дантона, Ронсена, Бриссо, Камилла Демулена. Молодость, любовь, месть, соприкоснове- ніе съ очагомъ революцій воспламенили ея голову. Она жила среди опьянѣнія страстями, идеями и удовольствіями. Сперва привязанная къ великимъ рефор- маторамъ 89 года, она выскользнула изъ ихъ рукъ въ объятія богатыхъ сла- столюбцевъ, которые дорого платили за ея прелести. Куртизанка богатства, она сдѣлалась добровольною проституткою народа. Подобно великой египетской развратницѣ, Теруань расточала на свободу золото, которое доставала посред- ствомъ порока.

Съ первыхъ же волненій Теруань спустилась на улицу. Она посвятила свою красоту на то, чтобъ служить толпѣ вивѣскою. Одѣтая въ амазонку изъ матеріи цвѣта крови, съ развѣвающимися на шляпѣ перьями, съ саблею на боку, съ двумя пистолетами за поясомъ, она полетѣла въ среду возстаній. Находясь въ первомъ ряду инсургентовъ, она сломала рѣшетку Инвалидовъ, чтобъ отнять оттуда пушки. Она была первою на приступѣ и взшла на башню Бастиліи. Побѣдители присудили Теруань почетную саблю. Въ октябрскіе дни она вела въ Версаль парижскихъ женщинъ. Верхомъ на лошади, рядомъ съ свирѣпымъ Журданомъ, котораго называли „человѣкомъ съ длинной бородой“, она привела короля въ Парижъ; не блѣднѣя, слѣдовала она за отрубленными головами королевскихъ тѣлохранителей, посаженными, въ качествѣ трофеевъ, на концы пикъ. Слово этой женщины, хотя и носившее иностранный отпеча- токъ, обладало краснорѣчіемъ смуты. Она возвышала голосъ среди бури клу- бовъ и бранила залу съ высоты галлерей. Иногда она говорила рѣчи у кор- дельеровъ. Камилль Демуленъ говоритъ объ энтузіазмѣ, какой произвела тамъ одна изъ ея импровизаций. „Ея образы“, говоритъ онъ, „были заимствованы изъ Пиндара и изъ Библии; это былъ патріотизмъ Юдиенъ“. Она предлагала построить дворецъ національнаго представительства на площади Бастиліи: „чтобы основать и украсить это зданіе, лишимъ себя“, сказала она однажды, „нашихъ браслетовъ, золота, драгоценныхъ камней. Я первая подаю этому примѣръ“, и она сняла съ себя всѣ такія вещи тутъ же, на трибунѣ. Вліяніе этой женщины среди мятежа было таково, что одинъ ея жестъ осуждалъ или освобождалъ жертвы. Роялисты боялись встрѣчаться съ ней.

Въ это время, по одной изъ тѣхъ случайностей, которыя похожи на заранѣе предопредѣленное мщеніе судьбы, Теруань узнала въ Парижѣ того са- каго молодого бельгійскаго дворянина, который ее соблазнилъ и оставилъ. Взглядъ этой женщины открылъ ей соблазнительно опасность, которой онъ под- вергался. Онъ хотѣлъ предотвратить свою гибель и явился умолять Теруань о прощеніи. „Мое прощеніе!“ сказала она, „а какою цѣною можете вы запла- тить за него? Утрата моей невинности, потеря моей чести, позоръ чести моей семьи,—насмѣшки надъ моими сестрами и братомъ въ ихъ краю отъ знако- мыхъ, проклятіе моего отца,—изгнаніе меня изъ родины, поступленіе въ по- зорную касту публичныхъ женщинъ,—кровь, которою я обагрю и обагрю еще свои руки, оскверненіе людьми моей памяти,—безсмертіе проклятія, соединен- ное съ моимъ именемъ, вмѣсто безсмертія добродѣтели, въ которой вы меня научили сомнѣваться: вотъ что вы хотите искупить! Ну, такъ знаете ли вы

на землѣ такую цѣну, которая была бы въ состояніи заплатить мнѣ за это все?“ Виновиный замолчалъ. Теруань не обладала такимъ великодушіемъ, чтобы ему простить. Онъ погибъ во время сентябрьскихъ убійствъ. По мѣрѣ того, какъ революція становилась болѣе кровавою, Теруань погружалась въ нее болѣе и болѣе.

Необходимую потребностью ея жизни сдѣлалась лихорадка публичныхъ ощущеній. Между тѣмъ первоначальное преклоненіе ея предъ Бриссо пробудилось снова при паденіи жирондистовъ. Теруань также хотѣла остановить революцію. Но тамъ были женщины еще ниже Теруань. Эти женщины, которыхъ называли фуриями и гильотины, раздѣли прекрасную уроженку Люттиха и публично высѣкли ее 31-го мая, на террасѣ Тюльери. Эта казнь, болѣе позорная, чѣмъ смерть, разбила разумъ Теруань. Поднятая въ грязи, брошенная въ отдѣленіе умалишенныхъ въ глуши госпиталя, она прожила тамъ еще двадцать лѣтъ. Эти двадцать лѣтъ были однимъ долгимъ припадкомъ ярости. Безстыдство и кровожадность проявлялись въ ея бреду: Теруань никогда не хотѣла одѣвать на себя платье, въ память перенесеннаго оскорбленія. Нагая, съ растрепанными бѣлыми волосами, она скиталась по плитамъ своей тюрьмы, цѣпляясь высохшими руками за оконныя рѣшетки. Оттуда она дѣлала предложенія воображаемому народу и требовала крови Сюло.

12.

За Теруань де-Мерикуръ шли демагоги, менѣе извѣстные въ Парижѣ, но уже знаменитые въ своихъ кварталахъ; таковы были: Россиньоль, рабочій золотыхъ дѣлъ; Вріерръ, виноторговецъ; Гоноръ, разрушитель Бастиліи; голова рѣзь Журданъ; знаменитый польскій якобинецъ Лазускій, похороненный потомъ народомъ на Карусельской площади; наконецъ Ганрію, вполнѣдовѣренный генералъ Конвента. По мѣрѣ того, какъ колонны проникали во внутренность Парижа, онѣ усиливались новыми отрядами, которыя являлись изъ многочисленныхъ улицъ, выходящихъ на бульвары или на набережныя. При каждомъ приливѣ этихъ новобранцевъ, изъ колоннъ раздавались оглушительные крики радости; военная музыка издавала звуки цинической и жестокой пѣсни „*Ça ira*“, этой Марсельезы убійцы. Инсургенты пѣли ее хоромъ и размахивали оружіемъ, дѣлая угрожающіе жесты предъ окнами предполагаемыхъ аристократовъ.

Это оружіе ни въ чемъ не было похоже на сверкающее вооруженіе регулярной арміи, которое внушаетъ въ одно и то же время и ужасъ и удивленіе; это было оружіе странное и причудливое, какое схватываетъ рука народа въ первомъ порывѣ самозащиты или ярости. Пики, притупленные копыя, кухонные вертелы, насаженные на рукоятки ножи, плотничные топоры, молоты каменщиковъ, шила сапожниковъ, ломы мостовщиковъ, утюги гладильщицъ, пилы, каминные таганы, лопаты, щипцы, самая грубая кухонная утварь бѣдняка, обломки стараго желѣза съ набережныхъ: изъ всѣхъ этихъ вещей народъ сдѣлалъ для себя оружіе. Это оружіе, разнокалиберное, ржавое, черное, отвратительное на видъ, представлявшее въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ различный способъ убійства, казалось, увеличивало ужасы смерти, подготавливая ее въ

тысячъ жестокихъ и неупотребительныхъ формъ. Смѣшеніе половъ, возрастовъ, положеній, соединеніе разнородныхъ костюмовъ—лохмотья рядомъ съ мундирами; старики рядомъ съ молодыми людьми; даже дѣти, одни на рукахъ матерей, другія, держась за руки или за полы платья отцовъ; публичныя женщины въ шелковыхъ платьяхъ, запачканныхъ грязью, съ безстыдствомъ на лицѣ, съ проклятіями на губахъ; нѣсколько сотенъ бѣдныхъ женщинъ изъ народа, набранныя въ чердакахъ предмѣстій, чтобы увеличить численность толпы и внушить состраданіе, одѣтыя въ оборванную ветошь, худыя, блѣдныя, съ впалыми глазами, съ изрытыми нищетою лицами,—живыя изображенія голода; наконецъ, самъ народъ во всемъ безпорядкѣ, во всемъ хаосѣ, во всей наготѣ города, который неожиданно выходитъ изъ своихъ домовъ, мастерскихъ, мансардъ, мѣсть разврата, логовищъ; такова была устрашающая виѣшность, которую заговорщики хотѣли дать этой толпѣ.

Знамена развѣвались тамъ и сямъ надъ колоннами. На одномъ было написано: „Санкція или смерть!“ На другомъ: „Призывъ министровъ-патріотовъ!“ На третьемъ: „Трепещи, тиранъ, твой часъ насталъ!“ Человѣкъ съ обнаженными руками несъ висѣлицу, на которой висѣлъ портретъ коронованной женщины съ надписью: „На фонарь!“ Далѣе группа мегеръ поднимала на вытянутыхъ рукахъ рельефъ гильотины; назначеніе ея объяснялось ярлыкомъ: „Національное правосудіе тиранамъ! Смерть Veto и его женѣ!“ Среди этого кажущагося безпорядка не трудно было разглядѣть тайный порядокъ. Нѣсколько человѣкъ въ камзолахъ или въ лохмотьяхъ, но въ тонкомъ бѣльѣ и съ бѣлыми руками имѣли на головахъ шляпы съ отличительными знаками, написанными большими буквами бѣлымъ мѣломъ. Съ ходомъ этихъ людей сообразовались и слѣдовали ихъ направленію.

Такимъ образомъ, главная толпа направилась по улицѣ Сентъ-Антуанъ и по темнымъ проходкамъ середины Парижа до улицы Сентъ-Оноре. Въ своемъ шествіи она увлекала населеніе этихъ кварталовъ. Чѣмъ больше расширялся этотъ потокъ людей, тѣмъ больше онъ пѣнился. Тамъ присоединилась къ главной толпѣ кучка мальчиковъ-мясниковъ: каждый изъ нихъ несъ на концѣ жѣлѣза своей пики телячье сердце, проколотое насквозь, съ сочащеюся еще кровью и съ поясненіемъ: „Сердце аристократа“. Немного далѣе толпа тряпичниковъ, покрытыхъ лохмотьями, воздвигала надъ толпою копье, вокругъ котораго развѣвались разорванныя лохмотья человѣческой одежды съ надписью: „Трепещите, тираны, вотъ санкюлоты!“ Оскорбленіе, брошенное аристократами нищетѣ, было поднято ею и обратилось въ оружіе народа противъ богатства.

Эта армія проходила въ теченіе трехъ часовъ по улицѣ Сентъ-Оноре; то воцарялось страшное молчаніе, прерываемое только топотомъ нѣсколькихъ тысячъ шаговъ по мостовой и производившее тягостное впечатлѣніе, какъ проявленіе сосредоточеннаго гнѣва этой массы; то, при взрывахъ хохота толпы, раздражались отдѣльные голоса, оскорбительныя воззванія, жестокіе сарказмы; то изъ этихъ людскихъ волнъ выходилъ внезапный, громадный, неясный вопль, который, долетая до кровель домовъ, позволялъ различить только послѣдніе слоги продолжительныхъ восклицаній: „Да здравствуетъ нація! Да здравствуютъ

санкюлоты! Долой veto!“ Этот шум проникалъ съ улицы въ зданіе манежа, въ которомъ тогда засѣдало законодательное собраніе. Голова процессіи остановилась у его дверей; колонны наполнили дворъ фельяновъ, дворъ манежа и все проулки залы. Эти дворы, проулки, переходы, маскировавшіе тогда террасу сада, занимали свободное пространство, которое теперь простирается между Тюльерійскимъ садомъ и центральной артеріею Парижа, улицею Сентъ-Оноре. Былъ полдень.

13.

Въ эту минуту у ограды собранія находился Редереръ, прокуроръ-синдикъ департаментскаго управленія (должность, которая въ 1792 г. соотвѣтствовала парижскому префекту). Редереръ, приверженецъ конституціи, человекъ школы Мирабо и Талейрана, былъ мужественнымъ врагомъ анархіи. Въ конституціи онъ находилъ точку примиренія между своею вѣрностью народу и преданностью королю; онъ хотѣлъ защищать эту конституцію всею оружіемъ закона, какое еще не было въ его рукахъ разбито мятежомъ. „Вооруженныя скопища угрожаютъ сдѣлать насиліе конституціи, стѣнахъ представительнаго собранія, жилищу короля“, сказалъ Редереръ на трибунѣ; „извѣстія этой ночи тревожны: министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ насъ послать безотлагательно войска для защиты дворца. Законъ запрещаетъ вооруженныя сборища. Однакожь, они наступаютъ. Они требуютъ входа, но если вы сами подадите примѣръ пріема ихъ въ свою среду, то во что обратится въ нашихъ рукахъ сила закона? Ваша снисходительность, отсрочивая ее, разбила бы всю власть, какая находится въ рукахъ правительства. Мы требуемъ, чтобы на насъ было возложено исполненіе нашихъ обязанностей: пусть намъ оставятъ отвѣтственность, пусть ничто не умаляетъ сроднаго намъ обязательства—умереть за охраненіе общественнаго спокойствія!“ Эти слова, достойныя канцлера Лопиталья или Матье Моле, холодно приняты собраніемъ, осмѣяны трибунами. Верно притворно ихъ привѣтствуютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаютъ ихъ.

„Ну, да, безъ сомнѣнія“, говоритъ ораторъ, котораго спустя годъ вооруженное сборище должно было схватить съ трибуны, „да, безъ сомнѣнія, мы, быть можетъ, лучше бы сдѣлали, никогда не принимая вооруженныхъ людей, потому что, если сегодня гражданскія чувства привлекаютъ сюда добрыхъ гражданъ, то завтра можетъ привести своихъ янычаровъ аристократія. Но ошибка, которую мы совершили, оправдываетъ ошибку народа. Сборища, образовавшіяся до сихъ поръ, кажутся обладающими полномочіемъ вслѣдствіе молчанія закона. Правда, что власти требуютъ у васъ силы подавлять ихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ что вы должны дѣлать? Я думаю, что было бы чрезмѣрною суровостью оставаться непоколебимыми относительно ошибки, принципъ которой заключается въ вашихъ декретахъ; предполагать дурныя намѣренія у гражданъ, которые въ эту минуту просятъ разрѣшенія засвидѣтельствовать вамъ ихъ почтеніе, значило бы оскорбить ихъ. Утверждаютъ, что это сборище хочетъ представить адресъ дворцу; я не думаю, чтобы граждане, находящіеся тутъ, требовали быть допущенными съ оружіемъ къ особѣ короля; я думаю, что они будутъ сообразоваться съ законами, пойдутъ безоружными, какъ простые просители.

Я требую, чтобы граждане, собравшіеся, чтобы пройти предъ нами, были немедленно приняты“.

Приведенные въ негодованіе подобными измѣнническими и недостойными словами, Дюмоларь, Рамонь энергически противятся такой слабости или такому сообщничеству собранія. „Самая лучшая почеть, какую вы можете сдѣлать парижскому народу“, восклицаетъ Рамонь, „это—заставить его повиноваться его собственнымъ законамъ. Я требую, чтобы граждане сложили оружіе, прежде чѣмъ быть допущенными предъ васъ“.— „Что вы говорите“, отвѣчаетъ Гаде, „о неповиновеніи закону, когда вы сами часто его нарушали? Вы сдѣлали бы возмутительную несправедливость, вы походили бы на того римскаго императора, который, желая, чтобы нашлось больше виновныхъ, велѣлъ написать законы такими неразборчивыми буквами, что никто не могъ ихъ понять!“

При этихъ послѣднихъ словахъ входитъ депутація инсургентовъ, среди рукоплесканій и ропота негодованія, раздѣляющихъ между собою собраніе.

14.

Ораторъ депутаціи, Гюгенеть, читаетъ петицію, условленную въ Шарантонѣ. Онъ объявляетъ, что городъ возсталъ и стоитъ на высотѣ событія, готовый употребить въ дѣло великія средства, чтобы отомстить за народное величіе. Онъ оплакиваетъ, однакожъ, необходимость омочить руки въ крови заговорщиковъ. „Но часъ насталъ“, говоритъ ораторъ съ кажущимся самоотверженіемъ къ борьбѣ, „кровь прольется; люди 14-го іюля не заснули, хотя и казались уснпленными; пробужденіе ихъ ужасно; говорите, а мы будемъ дѣйствовать. Народъ тамъ, чтобы судить своихъ враговъ; пусть они выбираютъ между Коблендомъ и нами! пусть очистятъ землю свободы! Вы знаете тирановъ; король не согласенъ съ вами, намъ не нужно другого доказательства, кромѣ отставки министровъ-патріотовъ и бездѣйствія нашихъ армій. Развѣ голова народа не стоитъ головы королей? Развѣ кровь патріотовъ должна течь безнаказанно, для удовлетворенія гордости и честолюбія вѣроломнаго Тюльерійскаго дворца? Если король не дѣйствуетъ, устраните его: одинъ человекъ не можетъ служить помѣхою волѣ 25 милліоновъ людей. Если мы, изъ уваженія, оставляемъ короля въ его должности, то только подъ условіемъ, чтобы онъ выполнялъ ее сообразно конституціи! Если онъ отъ нея удаляется, то онъ ничто!... А верховный судъ въ Орлеанѣ, что онъ дѣлаетъ“, продолжалъ Гюгенеть; „гдѣ головы виновныхъ, которыхъ онъ долженъ былъ поразить? Или насъ самихъ заставятъ взяться за мечъ?..“

Эти зловѣщія слова тревожатъ конституціонистовъ и вызываютъ улыбку у жирондистовъ. Однакоже президентъ отвѣчаетъ съ твердостью, которая не поддерживается положеніемъ его товарищей. Они рѣшаютъ, что народъ предмѣстья будетъ допущенъ пройти по залѣ съ оружіемъ.

15.

Какъ только декретъ объ этомъ голосованъ, двери, осаждаемыя толпою, открываются и открываютъ проходъ 30,000 петиціонеровъ. Въ продолженіе этого долгаго шествія музыка играетъ демагогическія пѣсни „Карманьолу“ и „Ça ira“.

Женщины, вооруженныя саблями, потрясаютъ ими по направленію къ трибунамъ, которыя раздражаются рукоплесканіями. Петиціонерки танцуютъ предъ каменнымъ столомъ, на которомъ начертаны права человѣка, какъ израильтяне вокругъ скинии. Тѣ же знамена, тѣ же тривіальныя надписи, которыя позорили улицу, оглашаютъ теперь жилище закона. Лохмотья штановъ, висящія въ качествѣ трофеевъ, гильотина, висѣлица, съ повѣшенною на ней фигурою королевы, безнаказанно проходятъ по собранію; одни изъ депутатовъ аплодируютъ, другіе отворачиваются или закрываютъ себѣ лицо руками; нѣкоторые, обладающіе большимъ мужествомъ, бросаются къ человѣку, несущему окровавленное сердце, и заставляютъ этого презрѣннаго, частію мольбами, частію угрозами, удалиться со своей эмблемою убійства. Одна часть народа смотритъ съ уваженіемъ на стѣны залъ, которыя онъ проходитъ; другая мимоходомъ обращается къ представителямъ націи и, повидимому, наслаждается ихъ униженіемъ. Бряцанье разнороднаго оружія этой толпы, стукъ окованныхъ желѣзомъ башмаковъ и сапоговъ по полу залы, визгъ женщинъ, голоса дѣтей, крики „да здравствуетъ нація!“; патриотическія пѣсни, звуки инструментовъ—дѣйствуютъ оглушительно. Лохмотья составляютъ поразительный контрастъ съ мраморомъ, статуями, украшеніями залы. Міазмы этой двигающейся грязи заражаютъ воздухъ и стѣсняють дыханіе. Было три часа, когда прошли все самые отсталые изъ этого сборища. Президентъ поспѣшилъ прервать засѣданіе въ ожиданіи предстоящихъ неистовствъ толпы.

16.

Казалось, что внушительныя силы расположены были во дворахъ и въ саду Тюльери для защиты жилища короля отъ нашествія предмѣстій. Такая защита состояла изъ трехъ линейныхъ полковъ, двухъ эскадроновъ жандармовъ, нѣсколькихъ батальоновъ національной гвардіи и пушки. Но эти войска, нерѣшительныя, сами подрываемыя мятежомъ, были только кажущеюся силою. Крики „да здравствуетъ нація!“; дружескіе знаки инсургентовъ,—видъ женщинъ, протягивающихъ солдатамъ руки сквозь рѣшетки,—присутствіе муниципальных офицеровъ, которые выказывали въ своихъ позахъ исполненный презрѣнія къ королю нейтралитетъ,—все это колебало чувства сопротивленія въ сердцахъ войскъ: они видѣли съ той и другой стороны мундиръ національной гвардіи. Солдаты не знали болѣе, гдѣ ихъ долгъ—среди ли парижскаго населенія, чувства котораго они раздѣляли, или во дворцѣ, который имъ называли полнымъ измѣны. Напрасно Редереръ, непоколебимо вѣрный конституціи, напрасно высшіе офицеры національной гвардіи,—какъ напригѣръ, Аклокъ и Роменвилье,—представляли имъ текстъ закона, который повелѣвалъ отражать силу силою. Собраніе подавало солдатамъ примѣръ сообщничества мятежу; мэръ Петіонъ укрывался отъ отвѣтственности, неподвижный король прятался за свою неприкосновенность; войска, предоставленныя самимъ себѣ, должны были уступить предъ угрозою или предъ обольщеніемъ.

Во внутренности дворца около 200 дворянъ, со старымъ маршаломъ Муши во главѣ, прибѣжали при первомъ извѣстіи о грозящей королю опасности. Это были не столько полезныя защитники монархіи, сколько добровольныя жертвы

старинной французской чести. Боясь возбудить подозрительность национальной гвардии и войскъ, эти дворяне спрятались въ комнатахъ, готовые скорѣе на смерть, чѣмъ на борьбу. Они не носили мундира, скрывали свое оружіе подъ платьемъ: отсюда названіе „рыцари кинжала“, которымъ ихъ обозначили для народной ненависти.

Прибывъ тайно изъ провинціи, чтобы предложить свою безнадежную преданность несчастному государю, не зная другъ друга, снабженные только картою для входа во дворецъ, они сбѣжались въ минуту опасности. Имъ слѣдовало быть въ числѣ десяти тысячъ, а ихъ было только двѣсти человѣкъ: это былъ резервъ вѣрности. Они исполняли свой долгъ, не считая своихъ рядовъ; они испутили французскому дворянству ошибки и увлеченія эмиграціи.

17.

Толпа, выйдя изъ собранія, направилась, сомкнутою колонною, къ Карусельской площади. Сантерръ и Александръ, во главѣ своихъ батальоновъ, увлекали толпы. Плотная масса инсургентовъ слѣдовала по улицѣ Сентъ-Оноре. Другія вѣтви толпы, отдѣленные и отрѣзанные отъ главнаго корпуса, загроздили дворы манежа и фельяновъ и старались проложить себѣ путь, прорвавшись силою чрезъ одинъ изъ проходовъ, соединяющихъ эти дворы съ садомъ. Батальонъ национальной гвардіи защищалъ доступъ къ этой рѣшеткѣ. Слабость или потворство муниципального офицера отдаютъ проходъ; батальонъ удаляется и занимаетъ позицію подъ окнами дворца. Толпа проходитъ чрезъ садъ наискось; проходя предъ батальонами, она привѣтствуетъ ихъ восклицаніями: „да здравствуетъ нація!“ и приглашаетъ снять штыки съ ружей: штыки падаютъ; толпа убываетъ чрезъ дверь королевскаго моста и удаляется къ калиткамъ Карусели, которыя замыкали эту площадь со стороны Сены. Стража у этихъ калитокъ снова уступаетъ, пропускаетъ нѣкоторое число инсургентовъ и опять запираетъ калитки. Эти люди, разгоряченные ходьбой, пѣснями, привѣтствіемъ собранія и виномъ, разбѣгаются съ воплями по дворамъ дворца. Они устремляются къ главнымъ воротамъ, нападаютъ на защищающіе ихъ посты, призываютъ къ себѣ товарищей съ улицы, потрясаютъ петли на королевскихъ дверяхъ. Муниципальный офицеръ Пани приказываетъ ихъ отворить. Карусель взята силою; массы, повидимому, колеблются на мгновеніе предъ пушками, обращенными противъ нихъ, и предъ эскадронами жандармовъ въ боевомъ порядкѣ. Сентъ-При, командующій артиллеристами, раздѣленный отъ своихъ пушекъ порывомъ толпы, отсылаетъ второму по себѣ начальнику приказаніе отнести пушки къ двери дворца. Этотъ офицеръ отказывается повиноваться. „Карусель взята“, говоритъ онъ громко, „надо, чтобы и дворецъ былъ также взятъ. Ко мнѣ, артиллеристы, вотъ непріятель!“ Онъ указываетъ на окна короля, поворачиваетъ свои пушки и обращаетъ ихъ противъ дворца. Войска, деморализованные этою измѣною артиллеріи, остаются въ боевомъ порядкѣ, но разбрасываютъ предъ народомъ свои ружья въ знакъ братства и передаютъ мятежникамъ всѣ проходы.

Командующій національною гвардіею, свидѣтель этого движенія, кричитъ изъ двора своимъ гренадерамъ, которыхъ видитъ въ окнахъ залы стражей, — чтобы взяли за оружіе для защиты лѣстницы. Гренадеры, вмѣсто повиновенія

ему, выходить из дворца по галереѣ со стороны сада. Сантерръ, Теруанъ и Сень-Хюрюжъ бросаются къ дверямъ дворца.

Самые смѣлые и сильные люди изъ ихъ толпы врываются подъ сводъ, который ведетъ изъ Карусели въ садъ; они силою устраниаютъ артиллеристовъ, овладѣваютъ одною изъ пушекъ, вырываютъ ее съ лафета и несутъ ее на рукахъ до залы стражей, наверху большой лѣстницы.

Толпа, ободренная такою изумительною силою и смѣlostью, наполняетъ залу и, подобно потоку, расплывается по вѣсѣмъ лѣстницамъ и коридорамъ дворца. Всѣ двери колеблются или падаютъ подъ напоромъ плечъ или подъ ударами топоровъ этой массы. Она ищетъ неистовыми криками короля: одна только дверь отдѣляетъ отъ него толпу; потрясенная дверь готова уступить предъ натискомъ ломовъ и ударами пикъ нападающихъ.

18.

Король, надѣясь на обѣщанія Петіона и на многочисленныя войска, которыми былъ окруженъ дворецъ, безъ особой тревоги видѣлъ, какъ подвигались народныя скопища.

Внезапный приступъ къ жилищу короля захватилъ его среди полной безпечности. Удалившись во внутреннія комнаты со стороны сада вмѣстѣ съ королевой, принцессой Елизаветой и дѣтьми, онъ слышалъ отдаленный ропотъ народныхъ массъ, но не думалъ, чтобы онѣ могли проникнуть до него самого. Однакожъ, голоса уstraшенныхъ слугъ, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ, — грохотъ ломающихся и падающихъ на паркетъ дверей, вопли приближающагося болѣе и болѣе народа, — внезапно вносятъ ужасъ въ эту семейную группу. Король, ввѣрив королеву, сестру, дѣтей окружающимъ ихъ офицерамъ и женщинамъ дворца, устремляется одинъ на шумъ въ залу совѣта. Тамъ онъ находитъ вѣрнаго маршала де-Муши, который не медлитъ жертвовать послѣдними днями своей долгой жизни своему государю, — г. д'Эрвили, командира конной конституціонной стражи, распущенной за нѣсколько дней передъ тѣмъ, — благороднаго Аклока, командующаго батальономъ предмѣстья Сень-Марсо, сперва умѣреннаго революціонера, потомъ побѣжденнаго личными добродѣтелями Людовика XVI, а теперь его друга, горящаго желаніемъ умереть за короля, — далѣе, трехъ храбрыхъ гренадеровъ изъ батальона предмѣстья Сень-Мартенъ, — Лекронье, Бридо, Госсе, которые одни остались на своемъ постѣ внутри дворца среди общаго отступленія и искали короля, чтобы прикрыть его своими штыками; эти люди народа, чуждые двору, были призываемы единственно чувствомъ долга и уваженія и въ особѣ короля защищали только человѣка.

Въ ту минуту, когда король входилъ въ залу, двери смежной комнаты, называемой залою дворянъ, поколебались подъ ударами нападавшихъ. Король устремляется туда, опережая опасность. Дверные створы падаютъ къ его ногамъ; сквозь отверстія проходятъ желѣзки копій, окованныя желѣзомъ цалки, пики. Удары топора сопровождаются яростными криками, проклятіями, бранью. Король твердымъ голосомъ приказываетъ двумъ сопровождающимъ его преданнымъ камердинерамъ, Гю и Марше, отворить двери. „Чего мнѣ бояться среди моего народа?“ говоритъ король, отважно подвигаясь впередъ къ нападающимъ.

Эти слова, это движение вперед, ясное чело короля, многовѣковое уваженіе къ священной королевской особѣ приостанавливаютъ порывъ первыхъ рядовъ нападающихъ. Повидимому, они колеблются переступить порогъ, которому только что сдѣлали насиліе. Въ теченіе этого нерѣшительнаго движенія, маршалъ де-Муши, Аклокъ, три гренадера, двое слугъ заставляютъ короля отступить на нѣсколько шаговъ и становятся между нимъ и народомъ. Гренадеры выставляютъ штыки и удерживаютъ толпу на мгновеніе въ почтительномъ отдаленіи. Но притокъ толпы, которая постоянно увеличивается, толкаетъ первые ряды вперед. Первымъ устремляется человѣкъ въ лохмотьяхъ, съ голыми руками, съ воспаленными глазами, съ пѣною у рта. „Гдѣ veto?“ говоритъ онъ, направляя къ груди короля длинную палку, вооруженную желѣзнымъ наконечникомъ. Одинъ изъ гренадеровъ концомъ своего штыка сбиваетъ его палку и отводитъ руку изступленнаго. Злодѣй падаетъ къ ногамъ гражданина; этотъ энергическій поступокъ производитъ впечатлѣніе на его товарищей. Они топчутъ ногами сбитаго человѣка. Пики, топоры, ножи опускаются или удаляются. Королевское величіе на минуту возвращаетъ себѣ силу. Толпа по собственному побужденію держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ короля, въ положеніи, выражающемъ не столько ярость, сколько животное любопытство.

19.

Между тѣмъ нѣсколько офицеровъ національной гвардіи, привлеченные слухомъ объ угрожающей королю опасности, соединяются въ одну группу съ храбрыми гренадерами, и имъ удается образовать довольно свободное пространство вокругъ Людовика XVI. Король, у котораго только одна мысль, мысль удалить народъ отъ комнаты, въ которой оставлена королева, велитъ запереть дверь залы совѣта. Онъ увлекаетъ за собой толпу въ обширную залу Oeil de Voeuf, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта комната, по своему объему, позволитъ большей массѣ гражданъ видѣть его и говорить съ нимъ. Онъ туда входитъ; окруженный громадной шумной толпой, онъ радуется тому, что одинъ подверженъ ударамъ оружія всякаго рода, которое тысячи рукъ размахиваютъ надъ его головой. Но, обернувшись, король видитъ свою сестру, принцессу Елизавету, которая протягиваетъ къ брату руки и хочетъ устремиться къ нему.

Она преодолѣла усилія женщинъ, которыя удерживали королеву и дѣтей въ спальнѣ короля. Принцесса обожала своего брата. Она хотѣла умереть на его сердцѣ. Молодая, одаренная ангельской красотой, считавшаяся при дворѣ святою по набожности своей жизни и по страстной преданности къ королю, она отказалась отъ всякой иной любви единственно изъ-за любви къ своему семейству. Растрепанные волосы принцессы, ея заплаканные глаза, протянутыя къ королю руки давали ей отчаянное и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое выраженіе. „Это королева!“ кричатъ нѣсколько женщинъ изъ предмѣстій. Такое имя въ подобную минуту было равносильно смертному приговору. Изступленные люди бросаются къ сестрѣ короля съ поднятыми руками, хотятъ ее ударить; дворцовые служители выводятъ ихъ изъ заблужденія. Уважаемое имя принцессы Елизаветы заставляетъ ихъ уронить оружіе. „Ахъ, что вы дѣлаете!“ съ горестью восклицаетъ принцесса; „оставьте ихъ въ убѣжденіи, что я королева;

умирая вмѣсто нея, я, быть можетъ, спасла бы ей жизнь!“ При этихъ словахъ неотразимое движеніе толпы насильно удаляетъ принцессу Елизавету отъ ея брата и бросаетъ ее въ амбразуру одного изъ оконъ залы, гдѣ окружившая принцессу толпа, по крайней мѣрѣ, смотритъ на нее съ уваженіемъ.

20.

Король достигъ глубокой амбразуры средняго окна. Аклокъ, Ванно, д'Эрвильи, два десятка волонтеровъ и національныхъ гвардейцевъ составляли около него ограду своими туловищами. Нѣсколько офицеровъ берутся за шпаги. „Вложите шпаги въ ножны“, спокойно говоритъ имъ король, „эта толпа больше заблуждается, чѣмъ виновна“. Онъ выходитъ на скамейку, прислоненную къ окну, — гренандеры помѣщаются по сторонамъ короля, другіе передъ нимъ: они спѣшаютъ, отклоняютъ, парируютъ палки, косы, пики, которыми толпа размахиваетъ надъ головами. Изъ раздраженной массы смутно слышатся яростныя восклицанія: „Долой veto! Лагерь подъ Парижемъ! Отдайте намъ министровъ-патріотовъ! Гдѣ австріячка?“ Наболѣе изступленные выдѣлялись съ каждой минутой изъ рядовъ и старались возможно ближе бросить королю оскорбленія и угрозы смертью. Не имѣя возможности подойти къ королю сквозь рядъ скрещенныхъ предъ нимъ штыковъ, они размахивали предъ его глазами и надъ головой своими ужасными знаменами съ зловѣщими надписями. Одинъ изъ нихъ безпрестанно пробивался съ пикою въ рукѣ, стараясь проникнуть до короля. Это былъ тотъ самый убійца, который за два года предъ тѣмъ обмылъ своими руками въ ведрѣ воды отрубленные головы Вертье и Фулона и, пронеся ихъ за волосы по набережной de la Ferraille, бросилъ эти головы народу, дѣлая изъ нихъ знамя рѣзни и возбужденій къ новымъ убійствамъ.

Молодой бѣлокурый человѣкъ, изящно одѣтый, дѣлая страшныя тѣлодвиженія, не переставалъ напирать на гренандеръ и ранилъ свои пальцы о ихъ штыки, стараясь ихъ отстранить и проложить себѣ дорогу. „Государь, государь“, кричалъ онъ, „я приглашаю васъ, отъ имени ста тысячъ человѣкъ, которые меня окружаютъ, дать санкцію декрету противъ священниковъ! иначе смерть!“

Другіе люди изъ народа, хотя и вооруженные обнаженными саблями, шпагами, пистолетами, пиками, не дѣлали никакихъ угрожающихъ движеній и сдерживали покушенія на жизнь короля. На лицахъ большинства замѣтны были даже нѣкоторые знаки уваженія и горести. На этомъ парадѣ революціи народъ выказывалъ себя страшнымъ, но все-таки не смѣшивался съ убійцами. На лѣстницахъ и въ залахъ начиналъ устанавливаться нѣкоторый порядокъ; толпа, тѣсняемая толпою, посматрѣвъ на короля и бросивъ ему въ лицо свои угрозы, переходила въ другія комнаты и съ торжествомъ пробѣгала по „дворцу деспотизма“.

Мясникъ Лежандръ, чтобы расчистить себѣ мѣсто, гналъ предъ собою орды женщинъ и дѣтей, привыкшихъ трепетать при его голосѣ. Онъ дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить. Воцаряется молчаніе. Національные гвардейцы разступаются, чтобы онъ могъ вызвать короля. „Милостивый государь“, говоритъ королю ораторъ громовымъ голосомъ; при этихъ словахъ, означающихъ низложеніе, король дѣлаетъ движеніе оскорбленнаго достоинства. „Да, милостивый государь“, продол-

жаеть Лежандръ, сильнѣе ушрая на это слово, „слушайте насъ; вы для того и назначены, чтобы насъ слушать! Вы измѣнникъ! вы насъ всегда обманывали! вы и теперь еще обманываете насъ! но берегитесь, мѣра полна, народъ усталъ быть вашей игрушкой и вашей жертвой!“ Послѣ этихъ угрожающихъ словъ Лежандръ прочиталъ петицію, составленную въ столь же повелительныхъ выраженіяхъ, и требовалъ въ ней, во имя народа, призвать жирондистскихъ министровъ и немедленно дать санкцію декретамъ. Король отвѣчалъ съ неустрашимымъ достоинствомъ: „я сдѣлаю то, что повелѣваетъ мнѣ дѣлать конституція“.

21.

Какъ только первая волна народа стала убывать, ее смѣнила другая. При каждомъ новомъ наплывѣ народныхъ сборищъ, силы короля и его немногочисленныхъ защитниковъ истощались въ возрождающейся борьбѣ съ толпой, которой было чуждо утомленіе. Дверей уже, казалось, болѣе недостаточно нетерпѣливому любопытству этихъ тысячъ людей, сбѣжавшихся на позорную выставку королевскаго сана. Они входили чрезъ крыши, чрезъ окна, чрезъ возвышенныя галереи, выходившія на террасы. Это лазанье забавляло безчисленныхъ зрителей, тѣшившихся въ саду. Рукоплесканія, крики „браво“, взрывы хохота толпы, находившейся на улицѣ, ободряли нападающихъ. Громко происходили злобщіе разговоры между инсургентами, стоявшими наверху, и нетерпѣливыми зрителями внизу. „Убили его? онъ умеръ? бросьте къ намъ головы!“ кричали голоса. Члены собранія, жирондистскіе журналисты, люди политической сферы, Гара, Горза, Маратъ, смѣшавшись съ этой толпой, обмѣнивались шутками по поводу мучительнаго позора, переживаемаго королемъ. Одно время пронесся слухъ, что его убили.

При этомъ въ такомъ множествѣ людей не вырвалось ни одного крика ужаса. Толпа подняла глаза къ балкону, чтобы посмотрѣть, покажутъ ли ей трупъ. Однакожь, среди своей ярости толпа, казалось, создала нужду въ примиреніи. Человѣкъ изъ народа протянулъ Людовику XVI на концѣ пинки красную шапку. „Пусть онъ ее надѣнетъ, пусть надѣнетъ“, кричала толпа, „это эмблема патриотизма; если онъ ею украсится, мы повѣримъ его искренности!“ Король сдѣлалъ знакъ одному изъ гренадеровъ подать красную шапку и, улыбаясь, возложилъ ее себѣ на голову. Тогда закричали: „да здравствуетъ король!“ Народъ увѣнчалъ своего вождя знакомъ свободы; шапка демагогіи замѣнила діадему Реймса. Народъ былъ побѣдителемъ, онъ чувствовалъ себя умиротвореннымъ.

Но новые ораторы, взобравшись на плечи своихъ товарищей, не переставали требовать у короля, то съ мольбами, то съ угрозами, обѣщанія призвать снова Ролана и дать санкцію декретамъ. Людовикъ XVI, непоколебимый въ своемъ конституціонномъ сопротивленіи, постоянно уклонялся или отказывался отъ согласія на вымогательства мятежниковъ. „Я хранитель прерогативы исполнительной власти и не предамъ ее насилію“, отвѣчалъ онъ; „не теперь время разсуждать, когда не разсуждаютъ свободно“.

— „Не бойтесь, государь“, сказалъ ему одинъ изъ гренадеровъ національной гвардіи. — „Другъ мой“, отвѣчалъ ему король, взявъ руку гренадера и

прикладывая ее къ своей груди, „положи свою руку сюда и посмотри, скорѣ ли обыкновеннаго бьется мое сердце“. Это движеніе, эти довѣрчивыя слова, замѣченныя и слышанныя толпой, произвели поворотъ въ настроеніи инсургентовъ.

Человѣкъ въ лохмотьяхъ, держа въ рукѣ бутылку, подошелъ къ королю и сказалъ ему: „Если вы любите народъ, пейте за его здоровье!“ Окружавшія короля лица, — опасаясь яда и кинжала, заклинали короля не пить. Людовикъ XVI протянулъ руку, взялъ бутылку, поднесъ ее къ своимъ губамъ и выпилъ за націю! Эта фамиллярность съ толпою, представляемою въ лицѣ нищаго, довершила популярность короля. Новые крики „да здравствуетъ король!“ вырвались изъ всѣхъ устъ и распространились до самыхъ лѣстницъ. Эти крики встревожили, на садовой террасѣ, группы народа, которыя ожидали жертву, а встрѣтили умиленіе палачей.

22.

Пока, такимъ образомъ, несчастный государь отбивался одинъ отъ цѣлаго народа, въ сосѣдней комнатѣ королева выносила такія же оскорбленія и поруганія. Но ея больше боялись, чѣмъ короля, и она подвергалась большей опасности. Взволнованная нація необходимо олицетворяетъ въ комъ-нибудь свою ненависть, какъ и любовь. Въ глазахъ обманутаго народа Марія-Антуанета представляла въ одно и то же время всю испорченность двора, всю гордость деспотизма, всѣ злодѣяства измѣны. Ея красота, свойственная молодости склонность къ удовольствіямъ, — нѣжность сердца, превращенная клеветою въ развратъ, — кровь австрійскаго дома, — гордость королевы, происходившая еще больше отъ природы, чѣмъ отъ этой крови, — интимныя отношенія съ графомъ Артуа, разговоры съ эмигрантами, предлагаемое сообщничество съ коалиціей, — возмутительные позорные пасквили, распространявшіеся противъ нея въ теченіе четырехъ лѣтъ, — все сдѣлало изъ этой несчастной принцессы очистительную жертву въ глазахъ ослѣпленнаго общественнаго мнѣнія. Женщины презирали королеву, какъ невѣрную жену, патриоты ненавидѣли ее, какъ заговорщицу, люди политической сферы боялись ея, какъ совѣтчицы короля. Прозваніе „австріячка“, данное королевѣ народомъ, выражало всѣ эти виды ненависти противъ нея. Она сообщала непопулярность трону, грацію и прощеніе котораго должна была составлять.

Марія-Антуанета знала эту вражду народа къ своей особѣ. Она знала, что ея присутствіе подлѣ короля было бы вызовомъ къ убійству. Эта-то причина и удержала ее одну съ дѣтми въ постельной комнатѣ. Король надѣялся, что тамъ она пробудетъ забытою; но королеву-то, главнымъ образомъ, и искали женщины изъ толпы; ее-то они и звали громкими криками, осыпая именами, самыми оскорбительными для женщины, для супруги и для королевы.

Какъ только король былъ запертъ массами народа въ залу Oeil de Boeuf, какъ уже двери спальни стали осаждаться такими же воплями и ударами. Но эта часть скопища состояла преимущественно изъ женщинъ. Ихъ слабыя руки разбивались о дубовыя створы и дверныя крюки. Онѣ призывали на помощь мужчинъ, которые несли на рукахъ пушку до самой залы сторожей. Эти люди подбѣжали къ женщинамъ. Королева, стоя на ногахъ, прижимая къ себѣ

двухъ дѣтей, въ смертельной тревогѣ слушала эти вопли у своихъ дверей. Подлѣ нея былъ толко Лажаръ, военный министръ, одинокій, безсильный, но преданный; нѣсколько придворныхъ дамъ и принцесса Ламбаль, подруга и хорошихъ и дурныхъ дней королевы, окружали ее. Падчерица герцога Пентьевскаго и золовка герцога Орлеанскаго, принцесса Ламбаль наслѣдовала въ сердцѣ королевы ту возвышенную нѣжность, которую Марія-Антуанета долгое время питала къ графинѣ Полиньякъ. Дружба Маріи-Антуанеты граничила съ обожаніемъ; отталкиваемая апатичностью короля, который обладалъ только добродѣтелями, но не имѣлъ никакой, супружеской привлекательности, ненавидимая народомъ, утомленная трономъ,—она изливала въ интимной дружбѣ избытокъ нѣжности сердца, которое жаждало чувства, но было лишено его. Это пристрастіе подвергалось обвиненіямъ. Въ королевѣ все составляло поводъ для клеветы,—даже дружба.

Принцесса Ламбаль, овдовѣвшая 18-ти лѣтъ отъ роду, не имѣвшая на себѣ ни тѣни въ нравственномъ отношеніи, стоявшая выше всякаго честолюбія и всякаго интереса, благодаря своему общественному положенію и имуществу, любила въ королевѣ только друга. Чѣмъ больше несчастіе преслѣдовало Марію-Антуанету, тѣмъ больше ея молодая фаворитка рада была принять въ немъ и свою долю. Ее привлекало не величіе, но именно несчастіе. Состоя главной смотрительницей за домомъ королевы, принцесса жила въ Тюльери и занимала комнату, сосѣдную съ комнатою королевы, чтобы раздѣлять все ея слезы и все опасности. Иногда она вынуждена была отлучаться въ замокъ Вернонь для попеченія о старомъ герцогѣ Пентьевскомъ. Королева, которая предчувствовала грозу, написала ей, за нѣсколько дней до 20-го іюня, трогательное письмо, умоляя не возвращаться. Это письмо, найденное въ волосахъ принцессы Ламбаль послѣ ея убійства и до сихъ поръ неизвѣстное, раскрываетъ нѣжное сердце одной и преданность другой изъ этихъ женщинъ.

„Не возвращайтесь изъ Вернона, моя милая Ламбаль, прежде полнаго вашего выздоровленія. Добрый герцогъ Пентьевскій былъ бы этимъ очень опечаленъ и огорченъ, а мы должны все беречь его добродѣтельную старость. Я вамъ такъ часто говорила, чтобы вы берегли себя, что, если вы меня любите, то подумаете о себѣ самой. Въ переживаемое нами время нужны все наличныя силы. О, не возвращайтесь еще теперь, возвратитесь сколько можно позже. Ваше сердце было бы слишкомъ узвлено, вамъ пришлось бы слишкомъ много плакать о всехъ моихъ несчастіяхъ,—вамъ, которая меня такъ нѣжно любить. Племя тигровъ, наполняющее королевство, почувствовало бы звѣрскую радость, если бы знало все то, что мы выносимъ. Прощайте, моя милая Ламбаль, я вся предана вамъ, а вы знаете, могу ли я когда нибудь переѣзжиться.“

Ламбаль, наоборотъ, успѣшила вернуться. Она хотѣла быть ближе къ королевѣ, какъ бы желая быть пораженной однимъ съ нею ударомъ. Подлѣ нея находились на своемъ постѣ другія энергичныя женщины, принцесса Тарентская, г-жи де-Турзель, де-Мако, де-Ларошъ Эймонъ.

Де-Лажаръ, человекъ военный, хладнокровный, отвѣтственный предъ королемъ и предъ самимъ собою за жизнь столькихъ дорогихъ и даже священныхъ особъ, успѣшно собралъ, черезъ тайные проходы, соединявшіе

спальню съ внутренностью дворца, нѣсколько офицеровъ и національныхъ гвардейцевъ, блуждавшихъ среди смятенія. Онъ велѣлъ приблизить къ королевѣ ея дѣтей, чтобы ихъ присутствіе и грація внушили умиленіе толпѣ и послужили щитомъ ихъ матери. Де-Лажаръ самъ отворилъ двери. Королеву съ женщинами онъ помѣстилъ въ амбразуры окна. Предъ этой группой подкатили массивный столъ свѣта, чтобы поставить преграду между оружіемъ черни и жизнью королевскаго семейства. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ сплотились по обѣимъ сторонамъ и немного впереди стола. Королева, стоя, держала за руку свою четырнадцатилѣтнюю дочь.

Это былъ ребенокъ, обладавшій возвышенною красотою и раннею зрѣлостью; семейныя бѣдствія, среди которыхъ выростала дѣвушка, наложили на черты ея лица печать серьезности и скорби. Голубые глаза молодой принцессы, ея высокое чело, орлиный носъ, бѣлокुरые волосы, падавшіе по плечамъ длинными прядями, напоминали, на закатѣ монархіи, тѣхъ молодыхъ галльскихъ дѣвушекъ, которыя украшали тронъ первыхъ поколѣній. Молодая дѣвушка прижималась къ груди своей матери, какъ бы стараясь прикрыть ее своею невинностью. Воспитанная среди первыхъ бурь революціи, привлеченная въ Парижъ, какъ плѣнница среди кровавыхъ событій 6-го октября, она знала о народѣ только то, что онъ волнуется и приходитъ въ ярость. Дофинъ, семилѣтній ребенокъ, сидѣлъ на столѣ предъ королевою. Его наивная фигура, на которой блистала вся красота Бурбонской расы, выражала больше удивленіе, чѣмъ страхъ. Дофинъ безпрестанно оборачивался къ матери. Онъ поднималъ глаза на своихъ, какъ бы стараясь прочесть тамъ сквозь слезы, какъ нужно себя держать, довѣрчиво или со страхомъ.

Въ этомъ положеніи толпа, вырвавшись изъ *Oeil de Boeuf*, застала королеву и съ триумфомъ прошла предъ нею. Умиротвореніе, произведенное на толпу твердостью и довѣрчивостью короля, проявлялось уже въ жестахъ и походкѣ инсургентовъ.

Самые жестокіе люди смягчаются предъ слабостью, красотою, дѣтствомъ. Прекрасная женщина, униженная королева, невинная молодая дѣвушка,—дита, улыбающееся врагамъ своего отца, не могли не затронуть сердце даже у людей, одушевленныхъ ненавистью. Люди предмѣстій проходили безмолвно, какъ бы стыдась своего насилія, предъ этой группой униженного величія. Только нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе низкіе, развѣтывали мимоходомъ предъ глазами королевскаго семейства насмѣшливыя или жестокія надписи на знаменахъ, позорившія возстаніе. Приведенные въ негодованіе, сообщники ихъ наклоняли эти знаки руками и быстро толкали впередъ тѣхъ, которые ихъ несли. Нѣкоторые даже обращали внимательные взгляды, полные состраданія, другіе—улыбки, третьи—фамиллярныя слова къ дофину. Между толпою и ребенкомъ завязывались разговоры, полу-ужасающіе, полу-почтительные. „Если ты любишь націю“, сказалъ одинъ волонтеръ королевѣ, „надѣнь красную шапку на голову своего сына“. Королева взяла красную шапку изъ рукъ этого человѣка и сама надѣла ее на волосы дофина. Удивленный ребенокъ принялъ это оскорбленіе за игру. Мужчины изъ толпы стали аплодировать, но женщины, болѣе неумолимыя къ женщинѣ, не переставали раздражаться бранью. Непристойныя слова, заимство-

ванныя изъ рыночныхъ подземелій, впервые оглашали своды дворца и поражали слухъ дѣтей. Невѣдѣніе спасало ихъ отъ ужаса пониманіи этихъ словъ. Королева отъ нихъ краснѣла до самымъ глазъ, но оскорбленная стыдливостью нисколько не понижала ея мужественной гордости. Видно было, что она краснѣла за этотъ народъ, за своихъ дѣтей, а не за себя. Одна молодая дѣвушка граціозной наружности, прилично одѣтая, выказывала наиболѣе ожесточенія и раздражалась самыми жестокими оскорбленіями противъ „австріячки“. Королева, пораженная контрастомъ между яростью этой молодой дѣвушки и кротостью ея лица, сказала ей добродушно: „За что вы меня ненавидите? Или я когда-нибудь вамъ нанесла, сама того не зная, обиду или зло?—„Мнѣ—нѣтъ“, отвѣчала молодая патриотка, „но вы составляете несчастіе націи“.—„Бѣдное дитя“, возразила королева, „сказавъ вамъ это, васъ обманули; что мнѣ за интересъ причинять несчастіе народу? Жена короля, мать дофина, я—французенка всѣми чувствами моего сердца, какъ супруга и какъ мать. Я никогда не увижу своей родины! Счастливою или несчастною, я могу быть только во Франціи. Я была счастлива, когда вы меня любили“.

Этотъ нѣжный упрекъ смутилъ молодую дѣвушку. Гнѣвъ ея внезапно излился въ слезахъ. Она просила прощенія у королевы. „Я васъ не знала“, сказала она, „но теперь вижу, что вы очень добры“. Въ эту минуту чрезъ толпу прорвался Сантерръ. Увлекающійся и впечатлительный, хотя и грубый человѣкъ, Сантерръ былъ скоръ и на грубость, и на порывъ, и на умиленіе. Предмѣстья были всегда открыты предъ нимъ и трепетали при его голосѣ. Повелительнымъ жестомъ онъ велѣлъ очистить залу, и самъ сталъ толкать плечами это стадо мужчинъ и женщинъ къ дверямъ противъ *Oeil de Voeuf*. Потокъ народа направился къ противоположнымъ выходамъ дворца. Жаръ стоялъ удрушающій. Съ дофина катился потъ ручьями подъ красной шапкой. „Снимите шапку съ этого ребенка“, вскричалъ Сантерръ, „вы видите, что онъ задыхается!“ Королева бросила на Сантерра взглядъ матери. Сантерръ подошелъ къ ней оперся рукою на столъ и, наклонившись къ Маріи-Антуанетѣ, сказалъ ей вполголоса: „У васъ очень неловкіе друзья, сударыня; я знаю такихъ, которые могли бы лучше служить вамъ!“ Королева опустила глаза и молчала. Съ этого предложенія ведутъ начало тайныя сношенія, начатыя ею съ агитаторами предмѣстій. Эти вожди возставшихъ, пошатнувъ монархію, снисходительно принимали мольбы королевы. Для гордости ихъ было пріятно поднимать женщину, которую они унизили. Мирабо, Барнавъ, Дантонъ поочередно продавали или предлагали продать могущество своей популярности. Сантерръ предлагалъ только свое состраданіе.

23.

По полученіи извѣстій о занятіи дворца, собраніе возобновило свои засѣданія. Послана была депутація изъ 24 членовъ для охраны короля. Эти депутаты, прибывшіе слишкомъ поздно, блуждали по дворамъ, приѣмнымъ, по загроможденнымъ лѣстницамъ дворца. Хотя имъ и ужасна была мысль о послѣднемъ изъ преступленій, совершенныхъ надъ особой короля, но въ глубинѣ сердца они не огорчались страшными угрозами, какія долгое время пришлось испыты-

вать двору. Шаги депутатовъ терялись въ толпѣ, слова ихъ исчезали среди шума. Самъ Верньо, помѣстившись на возвышенной ступенькѣ большой лѣстницы, тщетно взывалъ къ порядку, къ законности, къ конституціи. Краснорѣчіе, столь могучее, когда нужно взволновать массы, безсильно ихъ остановить. Отъ времени до времени роялистскіе депутаты въ негодованіи, съ приведеннымъ въ безпорядокъ платьемъ, входили въ залу засѣданій, всходили на трибуну и упрекали собраніе за его равнодушіе; среди ихъ выдавались Вобанъ, Рамонъ, Беке, Жирарденъ. Другъ Лафайета, Матье Дюма, указавъ на окна дворца, вскричалъ: „Я—оттуда; король въ опасности! Я только что его видѣлъ; привожу въ свидѣтели моихъ товарищей, гг. Инара, Верньо, дѣлающихъ тщетныя усилія сдержать народъ. Да, я видѣлъ наслѣдственного представителя націи, оскорбленнаго, угрожаемаго, униженнаго! Вы отвѣтственны за это предъ потомствомъ!“ Ему отвѣчали взрывами ироническаго смѣха и воплями. „Не скажутъ ли, что шанка патриотовъ составляетъ унизительный знакъ для королевскаго чела“, сказалъ жирондистъ Ласурезъ, „не подумаютъ ли, что мы беспокоимся о жизни короля! Не будемъ оскорблять народъ, приписывая ему чувства, которыхъ онъ не имѣетъ. Народъ не угрожаетъ ни особѣ Людовика XVI, ни особѣ королевскаго принца. Онъ не совершаетъ никакого неистовства, никакого насилія. Примите мѣры кротости и примиренія“. Тутъ слышалась измѣнническая безпечность Петіона. Однакоже, собраніе успокоилось на этихъ словахъ.

24.

Между тѣмъ самъ Петіонъ не могъ долѣе притворяться ничего не знающимъ о толпѣ въ 40,000 человѣкъ, прошедшей Парижъ съ утра, о входѣ этого вооруженнаго скопища въ собраніе и о занятіи Тюльери. Продолжительное отсутствіе Петіона напоминало сонъ Лафайета 6-го октября, съ тою разницею, что одинъ былъ сообщникомъ мятежа, а другой оставался невиннымъ. Приближалась ночь; она могла покрыть свою тѣнью безпорядки и покушенія, которые могли бы зайти далѣе намѣреній жирондистовъ. Петіонъ показался во дворахъ дворца; его встрѣтили крики: „да здравствуетъ Петіонъ!“ Его переносили съ рукъ на руки до послѣднихъ ступенекъ лѣстницы. Онъ явился въ залу, гдѣ уже въ теченіе трехъ часовъ Людовикъ XVI выносилъ эти оскорбленія: „Я только теперь узналъ положеніе вашего величества“, сказалъ Петіонъ королю.—„Удивительно“, отвѣчалъ король съ сосредоточеннымъ негодованіемъ, „потому что это продолжается уже долго“.

Петіонъ взшелъ на стулъ и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ заговорить съ толпой, которая оставалась неподвижной, но не могъ ее поколебать. Наконецъ, поднявшись еще выше на плеча четырехъ гренадеровъ, онъ сказалъ: „граждане и гражданки, вы съ достоинствомъ и умѣренностью воспользовались своимъ правомъ петицій; вы кончите этотъ день, какъ его начали. До сихъ поръ ваше поведеніе было сообразно съ закономъ; во имя закона же я васъ приглашаю теперь послѣдовать моему примѣру и удалиться“.

Толпа повиновалась Петіону и медленно направилась по длиннымъ переходамъ дворцоваго помѣщенія. Какъ только народныя волны стали убывать, король, освобожденный гренадерами изъ амбразуры окна, въ которой былъ заключенъ,

присоединился къ своей сестрѣ, которая упала въ его объятія; онъ вышелъ вмѣстѣ съ ней въ потайную дверь и послѣдно отправился къ королевѣ, въ ея комнату. Гордость Маріи-Антуанеты, до тѣхъ поръ сдерживавшая ея слезы, уступила мѣсто умиленію и нѣжности при видѣ короля. Она бросилась къ его ногамъ и, обвивая его колѣна, разразилась даже не рыданіями, а воплями. Принцесса Елизавета, дѣти, сжимая въ объятіяхъ и другъ друга и короля, который плакалъ среди нихъ, радовались свиданію, какъ бы послѣ перенесеннаго кораблекрушенія, и ихъ нѣмая радость возносилась къ небу вмѣстѣ съ умиленіемъ и признательностью за спасеніе. Вѣрные національные гвардейцы, преданные королю генералы, маршалъ Муши, Обье, Аклокъ поздравили короля съ мужествомъ и присутвіемъ духа, которое онъ выказалъ. Разсказывали другъ другу объ опасностяхъ, которыхъ избѣгли, о звѣрскихъ предложеніяхъ, движеніяхъ, взглядахъ, оружіи, костюмахъ, внезапномъ раскаяніи толпы. Въ эту минуту король, случайно приблизившись къ зеркалу, замѣтилъ на своей головѣ красную шапку, которую забылъ снять. Онъ покраснѣлъ, сбросилъ ее съ отвращеніемъ къ своимъ ногамъ и, бросившись въ кресло, поднесъ платокъ къ глазамъ. „О, madame“, вскричалъ онъ, смотря на королеву, „зачѣмъ я вырвалъ вась изъ отечества, — вырвалъ для того, чтобы раздѣлить со мною позоръ подобнаго дня!“

25.

Было восемь часовъ вечера. Пытка, вынесенная королевской семьей, длилась пять часовъ. Национальная гвардія сосѣднихъ кварталовъ, собравшись добровольно, прибывала чловѣкъ за чловѣкомъ, чтобы подать помощь конститудіи. Изъ комнаты короля еще слышались шумные шаги и зловѣщіе крики народныхъ колоннъ, которыя медленно убывали чрезъ дворы и садъ. Конституціонные депутаты являлись въ негодованіи и разражались проклятіями противъ Петіона и жирондистовъ. Депутація отъ собранія прошла по дворцу, чтобы засвидѣтельствовать слѣды насилія и безпорядка, оставленные послѣ похода предмѣстій. Королева указала депутаціи на сломанные замки, вырванные крюки у дверей, обломки оружія, желѣзки пикъ, разломанную мебель, — наконецъ, на пушку, заряженную картечью: всемъ этимъ усыпаны были полы комнаты. Но еще болѣе рѣзкимъ слѣдомъ, чѣмъ эти развалины, оставленные народомъ на аренѣ мятежа, былъ безпорядокъ одежды короля, его сестры, дѣтей; красныя шапки, кокарды, насильно надѣтыя на ихъ головы, растрепанные волосы королевы, блѣдность ея лица, дрожація губы, слезы, струившіяся по щекамъ. Зрѣлище всего этого вызывало слезы у всехъ, вырывало негодованіе даже у депутатовъ, наиболѣе враждебныхъ двору. Королева замѣтила это. — „Вы плачете“, сказала она Мерлену. — „Да, государыня“, отвѣчалъ этотъ депутатъ-стойкъ, „я плачу о несчастіяхъ женщины, супруги, матери; но дальше мое умиленіе не заходитъ: я ненавижу королей и королевъ!“ Эти слова, сказанныя своевременно, могли бы быть возвышенными, но они были жестоки въ подобную минуту, предъ униженнымъ королемъ, невинными дѣтьми, оскорбленной женщиной. Для сердца королевы подобное слово должно было отозваться болѣе жестоко, чѣмъ удары народныхъ топоровъ въ двери ея дворца. Голосомъ единичнаго чловѣка это

слово показывало королевѣ непоколебимость революціи. Неужели нужно было соединять даже предъ лицомъ подобныхъ несчастій состраданіе съ ненавистью? Развѣ самыя суровыя убѣжденія не обладаютъ своего рода приличіемъ и стыдливостью, запрещающими имъ раскрываться, когда этимъ можно только поранить истекающее кровью сердце? И неужели въ природѣ человѣка нѣтъ чего-то болѣе святого и прочнаго, чѣмъ политическая вражда, — мы говоримъ объ умиленіи въ виду превратностей судьбы, объ уваженіи къ павшему величію и о состраданіи къ несчастію.

Таковъ былъ день 20-го іюня. Въ этотъ день народъ обнаружилъ дисциплину среди безпорядка и сдержанность среди насилій; король выказалъ геройскую неустрашимость, соединенную съ самоотверженіемъ; нѣкоторые изъ жирондистовъ, — холодную злобу, которая сообщаетъ честолюбію маску патріотизма, — желая поднять власть, унижаетъ ее путемъ народныхъ оскорбленій, а потомъ находятъ эту власть уже въ развалинахъ.

26.

Между тѣмъ въ департаментахъ готовились послать въ Парижъ двадцать тысячъ человѣкъ, декретированныхъ собраніемъ. Марсельцы, призванные Барбару по настояніемъ г-жи Роланъ, приближались къ столицѣ. Ихъ южный пылъ долженъ былъ оживить въ Парижѣ революціонный очагъ, слишкомъ тусклый, по мнѣнію жирондистовъ. Этотъ отрядъ, числомъ 1,200 или 1,500 человѣкъ, состоялъ изъ генуезцевъ, лигурійцевъ, корсиканцевъ, пьемонтцевъ, покинувшихъ свою родину и набранныхъ для рѣшительнаго удара на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря: большею частію, это были матросы или солдаты, закаленные въ боевомъ огнѣ, а нѣкоторые — просто злодѣи, закаленные въ преступленіяхъ. Ими предводительствовала марсельская молодежь, друзья Барбару и Инара. Фанатизированные и солнцемъ юга, и краснорѣчіемъ провансальскихъ клубовъ, они подвигались впередъ среди рукоплесканій населенія центральной Франціи; имъ устраивали торжественные приемы и празднества, ихъ опьяняли энтузіазмомъ и виномъ на патріотическихъ банкетахъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ на пути. Предлогомъ къ ихъ шествію было братство, при предстоящей федераціи 14-го іюля, съ другими федералистами королевства. Тайною же причиною было устрашеніе парижской національной гвардіи, подрѣзленіе энергіи предмѣстій и желаніе служить авангардомъ тому двадцатитысячному лагерю, который жирондисты заставили собраніе сформировать, чтобы въ одно и то же время господствовать надъ фельянами, надъ якобинцами, надъ королею, даже надъ собраніемъ чрезъ посредство арміи департаментовъ, составленной вполнѣ изъ ихъ креатуръ.

Народныя волны кипѣли при приближеніи марсельцевъ. Національные гвардейцы, федераты, народныя общества, дѣти, женщины, — все то населеніе, которое живетъ уличными ощущеніями и стремится на всѣ публичныя зрѣлища, леггло навстрѣчу марсельцамъ. Ихъ загорѣлыя лица, воинственные фізіономіи, глаза, полные огня, мундиры, покрытые дорожною пылью, фригійскій головной уборъ, странное оружіе, пушки, которыя они тащили за собою, вѣтки зелени, красовавшіяся на ихъ красныхъ шапкахъ, чужеземный языкъ пришельцевъ,

смѣшанный съ божбой и приправленный звѣрскими тѣлодвиженіями,—все это сильно поражаело воображеніе толпы. Казалось, революціонная идея воплощается въ лицѣ этой орды и идетъ для разрушенія послѣднихъ остатковъ королевскаго сана. Въ города и деревни марсельцы входили подъ триумфальными арками. На ходу они пѣли угрожающія пѣсни. Эти куплеты, звукъ которыхъ нѣсколько измѣнялся отъ мѣрнаго шума шаговъ по дорогѣ и звука барабановъ, были точно хоры отечества и войны, которымъ отвѣчало, чрезъ равныя промежутки времени, бряцаніе оружія и громъ боевыхъ снарядовъ.

Вотъ эта пѣснь, начертанная въ сердцахъ Франціи:

27.

I.

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé;
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé.
Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ses féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Egorger vos fils, vos compagnes!...

Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons!
Marchons! qu'un sang impur abreuve
nos sillons!

II.

Que veut cette horde d'esclaves,
De traîtres, de rois conjurés?
Pour qui ces ignobles entraves
Ces fers dès longtemps préparés?
Français, pour nous, ah! quel outrage!
Quels transports il doit exciter!
C'est nous qu'on ose méditer
De rendre à l'antique esclavage!...
Aux armes, etc.

III.

.
.

IV.

.
.

V.

.
.

VI.

Amour sacré de la patrie,
Conduis, soutiens nos bras vengeurs.
Liberté, liberté chérie,
Combats avec tes défenseurs!
Sous nos drapeaux que la victoire
Accoure à tes mâles accents,
Que tes ennemis expirants
Voient ton triomphe et notre gloire!
Aux armes, etc.

Strophe des enfants.

Nous entrerons dans la carrière
Quand nos aînés n'y seront plus;
Nous y trouverons leur poussière
Et la trace de leur vertu!
Bien moins jaloux de les survivre
Que de partager leur cercueil,
Nous aurons le sublime orgueil
De les venger ou de les suivre!...
Aux armes, etc.

I.

*) Впередъ, сыны отечества. Наступила эпоха славы; противъ насъ воздвигнуто окровавленное знамя тиранніи. Слышите ли, какъ ревутъ въ деревняхъ кровавадыне солдаты?... Къ оружію, граждане! Формируйте свои баталіоны! Въ походъ! пусть вражья кровь ороситъ наши поля!

Эти слова распѣвались то торжественно-медленно, то переходили въ быстрый темпъ, точно рокотали въ груди, какъ глухой стонъ народнаго гнѣва, переходящаго въ радость побѣды. Въ нихъ было что-то торжественное, какъ смерть, и ясное, какъ безсмертная довѣрчивость патріотизма. Это было какъ бы возрожденное эхо Вермопиль. Это былъ самъ героизмъ, воспѣваемый въ звукахъ.

Тутъ слышался и мѣрный шагъ тысячъ людей, идущихъ вмѣстѣ на защиту границъ своего отечества, и жалобный голосъ женщинъ, и крикъ дѣтей, и ржаніе лошадей, и шипѣніе пламени пожара, пожирающаго дворцы и хижины; затѣмъ, глухіе удары мщенія, которое неустанно разитъ топоромъ, умерщвляя враговъ народа и поработителей родной земли. Звуки этой пѣсни струились, какъ знамя, омоченное кровью, еще теплое, на полѣ битвы. Эти звуки заставляли людей трепетать, но лишь трепетомъ неустрашимости, который пробѣгаетъ по сердцу. Они сообщали порывъ, удваивали силы, закрывали отъ взоровъ смерть.

Всѣ народы переживали такія минуты, когда ихъ національный духъ выливался въ звукахъ, которыя не написаны никѣмъ, а поются всѣми. Всѣ чувства хотятъ нести свою дань патріотизму и взаимно почерпать ободреніе. Нога двигается, жесты воодушевляють людей, голосъ опьяняетъ слухъ, слухъ затроги-

II.

Чего хочеть эта орда рабовъ, измѣнниковъ, заговорщиковъ-королей? Для кого эти позорныя путы, эти издавна заготовленные оковы? О французы! какое оскорбленіе! Какой святой энтузіазмъ оно должно возбудить въ васъ! Осмѣливаются думать о возвращеніи насъ къ древнему рабству!... Къ оружію, граждане! и т. д.

III.

.....

IV.

.....

V.

.....

VI.

О, священная любовь къ отечеству! Руководи, подкрѣпи нашихъ храбрыхъ мстителей! Свобода, дорогая свобода, сражайся вмѣстѣ съ твоими защитниками! Пусть побѣда свѣситъ подъ наши знамена на твой энергическій призывъ, пусть твои издающіеся враги видятъ твое торжество и нашу славу! Къ оружію, граждане! и т. д.

Хоръ дѣтей.

Мы вступимъ на арену жизни, когда тамъ уже не будетъ старшихъ; мы тамъ найдемъ ихъ прахъ и слѣды ихъ добродѣтелей! Мы не столько желаемъ пережить ихъ, какъ раздѣлить ихъ могилу; для насъ выше всего гордость отомстить за нихъ или послѣдовать за ними!... Къ оружію, граждане! Формируйте ваши батальоны! Въ походъ! пусть вражья кровь ороситъ наши поля!

васть сердце. Человѣкъ всецѣло поддается своему чувству, какъ орудіе энтузіазма. Искусство дѣлается святымъ, танецъ — геройскимъ, музыка — воинственною, поэзія — народною. Гимнъ, который вырывается въ одну минуту изъ всѣхъ устъ, не погибнетъ. Его не расгѣвають въ будничныхъ случаяхъ. Подобно священнымъ знаменамъ, которыя висятъ подъ сводами храмовъ и выносятся оттуда только въ торжественные дни, національная пѣснь бережется, какъ послѣднее оружіе, на случай крайняго положенія отечества. Французская національная пѣснь, по обстоятельствамъ, при которыхъ появилась, получила особый характеръ, сообщающій ей и торжественный и зловѣщій оттѣнокъ; слава и преступленіе, побѣда и смерть какъ бы переплетаются въ ея напѣвахъ. Тутъ была и пѣснь патриотизма и проклятія ярости. Она повела французскихъ солдатъ на границы, но она же сопровождала и жертвы на эшафотъ. Одно и то же желѣзо въ рукахъ солдата защищаетъ сердце страны, а въ рукѣ палача рѣжетъ жертвы.

29.

Марсельеза заключаетъ въ себѣ отголосокъ пѣсни славы и крика смерти: славная, подобно первому, похоронная, какъ второй, она ободряетъ отечество, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ блѣднѣть гражданъ. Вотъ ея происхожденіе.

Въ то время въ страсбургскомъ гарнизонѣ былъ молодой инженерный офицеръ, по имени Руже де-Лиль. Онъ родился въ Лонъ-ле-Соньѣ, среди горъ Юры, страны мечтативъ и энергій, каковы всегда бываютъ гористыя мѣста. Этотъ молодой человѣкъ любилъ войну, какъ солдатъ, революцію — какъ мыслитель; стихами и музыкою онъ плѣнялъ офицеровъ своего гарнизона. Благодаря двойному таланту, — музыкальному и поэтическому, — съ молодымъ человѣкомъ искали знакомства; онъ посѣщалъ по-дружески домъ барона Дитриха, благороднаго эльзасца конституціонной партіи, друга Лафайета и страсбургскаго мэра. Жена барона Дитриха, ея молодыя пріятельницы раздѣляли энтузіазмъ къ патриотизму и къ революціи, въ особенности проявлявшійся на границахъ; подобно тому, какъ корчи одержимаго болѣзью тѣла бываютъ болѣе чувствительны на его оконечностяхъ. Эти женщины любили молодого офицера, вдохновляли его сердце, поэзію и музыку. Онъ первыя подхватывали его мысли, только что зародившіяся, были повѣренными прераго лепета его генія.

Это было зимою 1792 года. Въ Страсбургѣ свирѣпствовалъ голодъ. Домъ Дитриха, — богатый въ началѣ революціи, но истощенный жертвованіями, которыя вынуждались невзгодами того времени, обѣднѣлъ. Скромный столъ въ этомъ семействѣ былъ открытъ для Руже де-Лилия. Молодой человѣкъ проводилъ тамъ вечеръ и утро, какъ сынъ или братъ семейства.

Однажды, когда на столѣ были только солдатскій хлѣбъ и нѣсколько ломтей копченой ветчины, Дитрихъ, взглянувъ на Лилия своимъ печально-яснымъ взоромъ, сказалъ ему: „Изобиліе покидаетъ нашъ столъ, но что изъ этого, если нѣтъ недостатка въ энтузіазмѣ для нашихъ гражданскихъ празднествъ и въ мужествѣ для сердца нашихъ солдатъ? Въ моемъ погребѣ осталась еще одна — послѣдняя бутылка рейнвейна. Пусть ее принесутъ, и мы разопьемъ ее за свободу и за отечество! Въ Страсбургѣ должна происходить вскорѣ патриотическая церемонія; надобно, чтобы въ этихъ послѣднихъ капляхъ де-Лиль по-

чепнулъ одинъ изъ тѣхъ гимновъ, которые вносятъ въ сердце народа восторгъ, породившій ихъ самихъ“. Молодая женщина одобрила эти слова, принесла вино, наполняла стаканы Дитриха и молодого офицера до тѣхъ поръ, пока вино не было осушено. Было уже поздно. Стояла холодная ночь. Де-Лиль принадлежалъ къ числу мечтателей; его сердце было взволновано, голова разгорячена. Холодъ охватилъ молодого человѣка. Онъ вошелъ колеблющимся шагомъ въ свою уединенную комнату и сталъ медленно искать вдохновенія то въ трепетѣ своей души, души гражданина, то на клавишахъ своего артистическаго инструмента,—слагалъ то пѣсню, то слова, и складывалъ ихъ въ своихъ мысляхъ такимъ образомъ, что самъ не могъ различить, которое зародилось прежде,— ноты или стихи, и наконецъ ему сдѣлалось невозможно отдѣлить поэзію отъ музыки и чувство отъ выраженія. Онъ все пѣлъ, но не писалъ ничего.

30.

Обремененный этимъ высокимъ вдохновеніемъ, де-Лиль заснулъ, положивъ голову на свой инструментъ, и проснулся только днемъ. Ночныя пѣсни съ трудомъ припоминались ему, какъ бы во снѣ. Онъ ихъ записалъ, положилъ на ноты и побѣжалъ къ Дитриху. Последняго онъ нашелъ въ саду, копающимъ собственными руками зимній латукъ. Жена мэра-патріота еще не вставала. Дитрихъ разбудилъ ее; онъ созвалъ нѣсколькихъ друзей, подобно себѣ, страстныхъ любителей музыки, способныхъ выполнить композиціи де-Лилиа. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ акомпанировала. Руже пѣлъ. При первой строфѣ лица присутствующихъ поблѣднѣли, при второй потекли слезы, при послѣднихъ—разразился бѣшеный энтузіазмъ. Дитрихъ, жена его, молодой офицеръ со слезами бросились другъ къ другу въ объятія. Гимнъ отечества былъ найденъ, но—увы!—ему предетояло сдѣлаться также гимномъ ужаса. Немного мѣсяцевъ спустя несчастный Дитрихъ пошелъ на эшафотъ при этихъ же звукахъ, зародившихся у его очага, на сердцѣ его друга, въ голосѣ его жены.

Новая пѣсня, исполненная чрезъ нѣсколько дней въ Страсбургѣ, перелетала изъ города въ городъ по всеѣмъ народнымъ оркестрамъ. Марсель рѣшилъ пѣть ее при началѣ и при концѣ засѣданій своихъ клубовъ. Марсельцы распространили ее по всей Франціи, распѣвая по дорогѣ. Отсюда самая пѣсня получила имя „Марсельезы“. Старая мать де-Лилиа, религіозная женщина и роялистка, испуганная подобнымъ отзвукомъ голоса своего сына, писала ему: „Какой это революціонный гимнъ распѣваетъ орда разбойниковъ, проходящая по Франціи, и соединяетъ съ нимъ наше имя?“ Самъ де-Лиль, изгнанный въ качествѣ федералиста, съ трепетомъ слышалъ свой гимнъ, какъ угрозу смерти, во время своего бѣгства въ ущелья Юры.—„Какъ называется этотъ гимнъ?“ спросилъ онъ у своего проводника. „Марсельеза“, отвѣчалъ ему крестьянинъ. Вотъ какимъ образомъ онъ узналъ названіе своего собственнаго произведенія. Его преслѣдовалъ тотъ энтузіазмъ, который самъ же онъ разсѣялъ за собою. Руже де-Лиль избѣгалъ смертной казни. Оружіе обратилось противъ той самой руки, которая его сковала. Революція въ безуміи не узнавала болѣе своего собственнаго голоса!

О Г Л А В Л Е Н И Е

(сокращенное).

КНИГА.	СТР.
I. Смерть Мирабо—Общій обзор положенія вещей во Франціи въ это время.	1
II. Іюньскія событія въ Парижѣ—борьба партій въ національномъ собраніи—бѣгство короля, его арестъ и заключеніе въ Тюльери.	31
III. Положеніе національнаго собранія — вліяніе журналистовъ *)—народъ требуетъ низложенія короля—возстаніе подавлено.	73
IV. Дѣйствія жиронды—перенесеніе праха Вольтера въ Парижъ, оцѣнка и вліяніе его сочиненій—конституція принята королемъ.	105
V. Отношеніе Европы къ событіямъ во Франціи.	125
VI. Законодательное собраніе — духовенство — замѣщеніе парижскаго мэра Балли Петіономъ-Дантонъ	154
VII. Учредительное собраніе—переходная республика	189
VIII. Усилія короля—г-жа Роланъ и народная партія.	201
IX. Перемѣны въ настроеніи—желаніе войны	219
X. Смерть Леопольда—смуты во Франціи—безпорядки въ арміи	232
XI. Убійства—дороговизна хлѣба—Орлеаны—война рѣшена.	260
XII. Отставка Нарбонна—убійство шведскаго короля Густава—Жирондисты у власти	280
XIII. Дюмурье, Роланъ, Верньо, Гаде, Робеспьеръ и др.	294
XIV. Журналы—эмигранты—австрійскій комитетъ	324
XV. Несогласія въ министерствѣ—20000-я армія у Парижа—Средина іюля—Парижъ волнуется—Состояніе Франціи.	341
XVI. Парижская коммуна.—День 20-го іюня—Марсельцы въ Парижѣ—Марсельеза	356

*) При чтеніи книги необходимо имѣть въ виду, что Жанъ-Поль Марать членъ конвента, глава якобинцевъ, умерщвленный 13-го іюля 1793 г. Шарлотою Борде, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названъ Мара, какъ было напечатано въ первомъ изданіи.